НИВА

№ 37.

13 Сентября 1914 г.

Великая Княгиня Елисавета Өеодоровна.

Государыня Императрица Александра Өеодоровна.

Великая Княжна Ольга Николаевна.

Великая Княгиня Марія Павловна.

Августѣйшія Предсѣдательница и Вице-Предсѣдательницы Верховнаго Совѣта по призрѣнію семей лицъ, призванныхъ на войну, и семей раненыхъ и павшихъ воиновъ, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Өеодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елисавета Өеодоровна и Великая Княжна Ольга Николаевна и Высочайше назначенная главной руководительницей устройства и призрѣнія всѣхъ раненыхъ въ Петроградѣ Великая Княгиня Марія Павловна.

Генералъ-отъ-инфантеріи Н. В. Рузскій. Высочайше награжденный орденами Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й и 3-й степеней.

Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго.

Народы Австро-Венгріи!

Вѣнское правительство объявило Россіи войну за то, что Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, не могла оставить беззащитной Сербію и допустить ея порабощеніе.

Народы Австро-Венгріи!

Вступая во главѣ россійскаго войска въ предѣлы Австро-Венгріи, Именемъ Великаго Русскаго Царя объявляю вамъ, что Россія, не разъ уже проливавшая кровь за освобожденіе народовъ отъ иноземнаго ига, ничего иного не ищетъ, кромѣ возстановленія права и справедливости. Вамъ, народы Австро-Венгріи, она также несетъ теперь свободу и осуществленіе вашихъ народныхъ вожделѣній.

Австро-венгерское правительство вѣками сѣяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть надъ вами.

Россія, напротивъ, стремится только къ одному: чтобы каждый изъ васъ могъ развиваться и благоденствовать, храня драгоцѣнное достояніе отцовъ — языкъ и вѣру, и, объединенный съ родными братьями, жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, уважая ихъ самобытность.

Увѣренный, что вы будете всѣми силами содѣйствовать достиженію этой цѣли, призываю васъ встрѣчать русскія войска, какъ вѣрныхъ друзей и борцовъ за ваши лучшіе идеалы.

Верховный Главнокомандующій,

Генералъ-Адъютантъ *Николай.*

Августъ 1914 года.

Великая Европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Почти одновременно и на западномъ и на восточномъ фронтахъ Германія и Австрія потерпѣли тяжелое пораженіе: милліонная австрійская армія послѣ напряженныхъ 17-дневныхъ боевъ была сначала расщеплена на три части, а затѣмъ по частямъ окончательно разбита русскими на всемъ протяженіи отъ Люблина до Львова и въ безпорядкѣ бѣжала на правый берегъ болотистой рѣки Сана съ потерей около 250.000 плѣнными, множества пушекъ и пулеметовъ, обозовъ, зарядныхъ ящиковъ и пр., а германская армія, еще болѣе крупная по численности корпусовъ, приблизившаяся на 40 километровъ къ Парижу, оказалась не въ силахъ преодолѣть сопротивленіе защищавшихъ его союзныхъ англо-французскихъ войскъ и, повернувъ назадъ, стала поспѣшно отступать къ бельгійской границѣ по опустошеннымъ ею же самой провинціямъ. Германское отступленіе сопровождается безпрерывными арьергардными боями съ преслѣдующимъ непріятелемъ, и хотя совершается въ относительномъ порядкѣ, но не безъ потерь артиллеріи. По дошедшимъ уже офиціальнымъ свѣдѣніямъ, англичане отбили у отступающихъ нѣмцевъ 11 орудій, французы захватили всю артиллерію германскаго корпуса въ количествѣ 160 пушекъ. Этотъ значительный успѣхъ французовъ сильно затруднитъ дальнѣйшую боевую службу потерявшаго свою артиллерію корпуса. Французы блестяще выиграли гран-

Трофеи войны. Австрійскія пушки, взятыя нашими войсками подъ Львовомъ и привезенныя въ Москву.

діозное сраженіе на огромномъ фронтѣ Парижъ — Верденъ, и выиграли его благодаря стойкости своего центра и явному превосходству тонкихъ стратегическихъ расчетовъ своего талантливаго генералиссимуса. Кутузовскій планъ удался генералу Жоффру даже больше, чѣмъ самому Кутузову: соотвѣтствующее Бородинскому бою сраженіе подъ Парижемъ закончилось отступленіемъ наступающаго непріятеля, и защитникамъ страны не пришлось отдавать на разгромъ свою столицу. При выяснившейся невозможности прорвать французскій центръ, фланговые обходы союзниками угрожали германской арміи неизбѣжною гибелью. Для парированія ихъ армія нѣмецкаго генерала фонъ-Клука была вынуждена перестроить свой фронтъ почти перпендикулярно къ линіи прежняго наступленія: но такъ какъ обходъ ея продолжался новыми силами, искусно стянутыми Жоффромъ, то ей ничего не оставалось больше, какъ спѣшно отступать въ возможно большемъ порядкѣ. Онъ не вездѣ былъ

Знамя одного изъ венгерскихъ полковъ, взятое нашими войсками.

соблюденъ, благодаря большой торопливости, о которой свидѣтельствуетъ захватъ непріятелемъ канцеляріи штаба съ массою документовъ и переписки. Одному изъ наиболѣе выдающихся французскихъ полководцевъ, генералу По, не такъ давно уничтожившему цѣлый нѣмецкій корпусъ, удалось захватить въ плѣнъ 11.000 германцевъ. Армія кронпринца и армія генерала фонъ-Клука находились одно время въ весьма критическомъ положеніи, но успѣли благополучно выйти изъ него благодаря быстрому передвиженію на сѣверъ. Однако попытки германцевъ задержаться на оборонительныхъ позиціяхъ около Реймса и по рѣкѣ Энъ между Компьеномъ и Суассономъ не удались. Всѣ переправы черезъ рѣку быстро были захвачены союзниками. Армія кронпринца пробовала прорваться на востокъ между Тулемъ и Верденомъ возлѣ форта Тройонъ, но тоже неудачно. Главная опасность отступленія заключается въ необходимости производить его постепенно суживающимся фронтомъ, проходя вблизи оставшихся невзятыми французскихъ крѣпостей, подъ огнемъ дѣлающихъ вылазки гарнизоновъ. Французы изъ Вердена и бельгійцы изъ Антверпена бьютъ въ тылъ и флангъ проходящіе германскіе полки. Полный крахъ всего германскаго наступленія на Парижъ не можетъ не оказать своего вліянія на дальнѣйшій ходъ и исходъ всей кампаніи. Кровавая прогулка къ Парижу, оставшись безплодной, стоила нѣмцамъ очень дорого. Англійскіе источники исчисляютъ

Генералъ-лейтенантъ Радко-Димитріевъ, Высочайше награжденный орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля.

общее количество нѣмецкихъ потерь въ безпрерывныхъ бояхъ отъ Льежа до Парижа въ колоссальную сумму: — до 600.000 выбывшихъ изъ строя. Оставшіеся въ строю страшно истощены и утомлены напряженными двухмѣсячными переходами съ неизбѣжными при передвиженіяхъ массовыхъ армій голодовками и безсонницами. Неудача убила въ ихъ сердцахъ вѣру въ побѣду, а безъ вѣры въ побѣду нѣтъ подъема духа, нѣтъ героизма, нѣтъ и шансовъ на успѣхъ. Если Вильгельму не удалось разгромить Францію въ первые мѣсяцы войны, пока еще не закончилась русская мобилизація, то теперь, когда на восточной границѣ Германіи успѣла вырасти грозная армія, уже на голову разбившая милліонную армію австрійцевъ, повтореніе новаго похода на Парижъ представляется уже немыслимымъ. Нѣмцамъ впору позаботиться только о защитѣ своей собственной территоріи. Въ самый разгаръ боевъ на западномъ фронтѣ они были вынуждены нашимъ вторженіемъ въ Восточную Пруссію оттянуть на подкрѣпленіе тѣснимыхъ нами восточныхъ корпусовъ свыше 300.000 штыковъ. Теперь выясняется,

Трофеи войны. Австрійское дальнобойное орудіе.

Пѣснь о Нестеровѣ.

Извѣстный авіаторъ штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ, погибшій геройской смертью въ воздушномъ бою съ австрійскимъ авіаторомъ при подходѣ нашихъ войскъ къ гор. Львову. Прахъ героя торжественно погребенъ 31 августа въ Кіевѣ. на Аскольдовой могилѣ. (См. „Отклики войны“).

Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы и гибли лишь птицы донынѣ.
Такъ птицѣ подобный, полетъ свой направивъ могучій,
Унесся пилотъ легкокрылый за темныя тучи.
А тамъ, на землѣ, колыхаясь, знамена шумѣли,
И лязгали сабли, и пушки зловѣще гремѣли.
И пламенно богу войны посылалъ онъ молитвы;
И очи горѣли и звали и жаждали битвы...
Величіе духа въ равнинѣ обманчиво-зыбкой.
Презрѣніе смерти подъ свѣтлою солнца улыбкой...
Мольбы не напрасны. Велѣнію рока послушный,
Противникъ ужъ рѣетъ кругами въ стихіи воздушной
И дрогнуло сердце. Рука, какъ пружина стальная,
На руль налегла. Встрепенулась машина живая...
Чти, родина, память героя! Рѣшенье созрѣло
Мгновенье — и врѣзался дерзко онъ въ хрупкое тѣло.
Пощады не знаетъ стихія. Побѣда наградой...
И пали противники грузной и страшной громадой...
Въ безбрежности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Лишь птицы сражались и гибли лишь птицы донынѣ.

Вл. Черевковъ.

что побѣдоносное вторженіе арміи генерала Ренненкамфа имѣло своею цѣлью и своимъ результатомъ главнымъ образомъ косвенную помощь далекимъ союзникамъ, изнемогавшимъ подъ тяжестью численнаго превосходства нѣмцевъ. Располагай генералъ фонъ-Клукъ подъ Парижемъ лишними 300.000 войска, обходъ его арміи былъ бы невозможнымъ, и ему не пришлось бы отступать къ германскимъ границамъ. Ударомъ на Гумбиненъ. Алленштейнъ въ направленіи къ Кёнигсбергу мы выручили изнемогавшихъ союзниковъ. Необходимость сосредоточить всѣ свободныя силы на главномъ для насъ пунктѣ борьбы съ Австріею заставила насъ временно ослабить свою армію на прусскомъ фронтѣ: но одержанная нами рѣшительная побѣда по всей линіи Люблинъ—Красноставъ—Ланцево—Томашовъ — Львовъ — Галичъ—Миколаевъ—Рава Русская — Стрый, сопровождавшаяся занятіемъ Галиціи и Буковины, наполовину развязываетъ намъ руки. Молніеносное взятіе чрезвычайно сильно укрѣпленной крѣпости Миколаева, а затѣмъ Городка, расположеннаго въ 30 верстахъ западнѣе Львова, указываетъ на полную надломленность духа австрійцевъ.

Неудача германскаго нашествія на Францію и разгромъ Австріи ставятъ Германію между трехъ огней, дѣлаетъ задачу ея самозащиты невыносимо трудной, почти безнадежной. Борьба будетъ чрезвычайно упорной и настойчивой, но можно надѣяться, что уже заранѣе выясняющаяся безплодность сопротивленія приведетъ къ окончанію кроваваго кошмара войны несравненно скорѣе, чѣмъ разсчитываютъ профессіональные стратеги и дипломаты.

После долгаго періода времени, отдѣляющаго насъ отъ эпохи Суворова и Кутузова, мы съ гордой радостью чувствуемъ не только превосходство русскаго солдата надъ непріятельскимъ, но также и неоспоримое превосходство русскаго командного состава надъ нѣмецкимъ и австрійскимъ. Слава одержанныхъ побѣдъ. Героическая скромность реляцій, отсутствіе какихъ-либо преувеличеній въ оцѣнкѣ дѣйствительнаго положенія устанавливаютъ неразрывную духовную связь полнаго нравственнаго довѣрія между страною и Главою арміи и рождаютъ въ милліонахъ русскихъ сердецъ непоколебимую вѣру въ свѣтлое будущее, въ торжество руководящей Россіей идеи права и справедливости.

Бульдогъ-гонецъ подъ Льежемъ. Фотографъ-корреспондентъ «Daily Miror» разсказываетъ случай, который порадуетъ всѣхъ друзей животныхъ. Лейтенантъ бельгійской артиллеріи, руководившій обороной одного изъ фортовъ Льежа, ни за что не хотѣлъ разстаться съ своей собакой—бульдогомъ. Когда пруссаки пробрались между фортовъ въ самый городъ, офицеру пришло въ голову довѣрить бульдогу письмо, въ которомъ онъ посылалъ успокоительную вѣсть своимъ родителямъ. Благородный песъ честно исполнилъ свою миссію. Десять часовъ спустя бульдогъ проникъ обратно въ фортъ и принесъ отвѣтъ. Съ этого момента бульдогъ сталъ настоящимъ гонцомъ. Много разъ пробирался онъ черезъ линіи германскихъ войскъ, неся на себѣ спрятанными въ ошейникѣ шифрованныя депеши.

Герой обороны Льежа—генералъ Леманъ, взорвавшій фортъ вмѣстѣ съ послѣдними защитниками крѣпости и единственный изъ всѣхъ уцѣлѣвшій подъ обломками развалинъ. Въ безсознательномъ состояніи онъ былъ взятъ въ плѣнъ германцами, и Императоръ Вильгельмъ, отдавая дань уваженія доблестному врагу, приказалъ возвратить генералу Леману его саблю. (См. „Отклики войны“).

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

I.

Къ кожевенному заводу, строенія котораго, вмѣстѣ съ жилыми для управляющаго и другихъ служащихъ, представляли цѣлый небольшой поселокъ, верстахъ въ семи отъ губернскаго города, —къ главнымъ воротамъ подкатила нарядная коляска, запряженная парой сѣрыхъ рысаковъ въ богатой серебряной русской упряжкѣ. Живописный кучеръ съ окладистой сѣдой бородой, одѣтый въ синій кафтанъ и восьмиугольную шапку, съ разгону остановилъ лошадей.

Хромой привратникъ, сидѣвшій на лавкѣ за воротами, узнавъ лошадей, кучера и коляску, вскочилъ съ мѣста и засуетился около воротъ, желая, очевидно, растворить ихъ, но сидѣвшій въ коляскѣ господинъ, въ желтомъ пиджакѣ изъ англійскаго шелка, въ соломенной шляпѣ, сдѣлалъ ему знакъ рукой и для поясненія еще крикнулъ глухимъ и сиповатымъ голосомъ: —Стой! Стой! Не надо! — и привратникъ остановился, снялъ съ головы фуражку и окаменѣлъ.

Это однако случилось съ нимъ не отъ изумленія и не отъ страха, и вообще какое бы то ни было чувство не играло въ этомъ никакой роли. А просто—пріѣхалъ на заводъ самъ хозяинъ, Григорій Аѳанасьевичъ Осмоленко, и хромому сторожу Ермолаю казалось, что уваженіе къ хозяину лучше нельзя выразить, какъ окаменѣніемъ.

Но это продолжалось не болѣе полуминуты. Замѣтивъ со стороны хозяина намѣреніе вылѣзть изъ коляски, Ермолай ожилъ, прыжкомъ приблизился къ коляскѣ и началъ со всею, доступною ему, деликатностью оказывать ему содѣйствіе.

Оно было необходимо, такъ какъ Осмоленко былъ тученъ и, при сравнительно небольшомъ ростѣ, имѣлъ жирный и тяжелый животъ, который мѣшалъ ему свободно распоряжаться своей особой.

— Спасибо, братецъ...—промолвилъ хозяинъ, когда послѣ нѣкоторыхъ усилій, благополучно сошелъ на землю.—Оттонъ Оттоновичъ здѣсь?

Онъ при этомъ указалъ на заводъ палкой, которую держалъ въ правой рукѣ и которая помогала ему сохранять равновѣсіе.

— Такъ точно, Григорій Аѳанасьевичъ, оны, Антонъ Антоновичъ, издѣсь!—отвѣтилъ Ермолай.

— Экой ты остолопъ! Оттонъ Оттоновичъ, говорю... Управляющій. Тутъ, на заводѣ?

— Такъ точно: Антонъ Антоновичъ! Оны сами тутъ...

Осмоленко махнулъ рукой и двинулся къ калиткѣ, которую распахнулъ передъ нимъ Ермолай. Онъ уже много лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ къ нему на заводъ поступилъ управляющимъ великій спеціалистъ по кожевенному дѣлу, Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ, — всѣми силами боролся противъ упорнаго общаго нежеланія или, вѣрнѣе, неумѣнья настоящимъ образомъ произносить его имя. „Оттонъ Оттоновичъ“ никому изъ рабочихъ не давался, даже не всѣ мастера и приказчики могли справиться съ нимъ, и всѣ называли его Антономъ Антоновичемъ, искренно не видя въ этомъ никакой разницы. Что же касается фамиліи, то ее передѣлали такимъ образомъ, что она сдѣлалась бранымъ словомъ, и рабочіе произносили ее только въ своемъ кругу.

Григорій Аѳанасьевичъ вошелъ въ заводскій дворъ, и въ ту же минуту на него пахнуло непріятнымъ густымъ запахомъ кожи: но онъ такъ былъ озабоченъ своими мыслями и такъ спѣшилъ съ ними въ контору, гдѣ надѣялся застать Шлихенсона, что не обратилъ на это вниманія. Обыкновенно, проходя по двору, онъ закрывалъ рукою носъ, теперь же обошелся безъ этой мѣры.

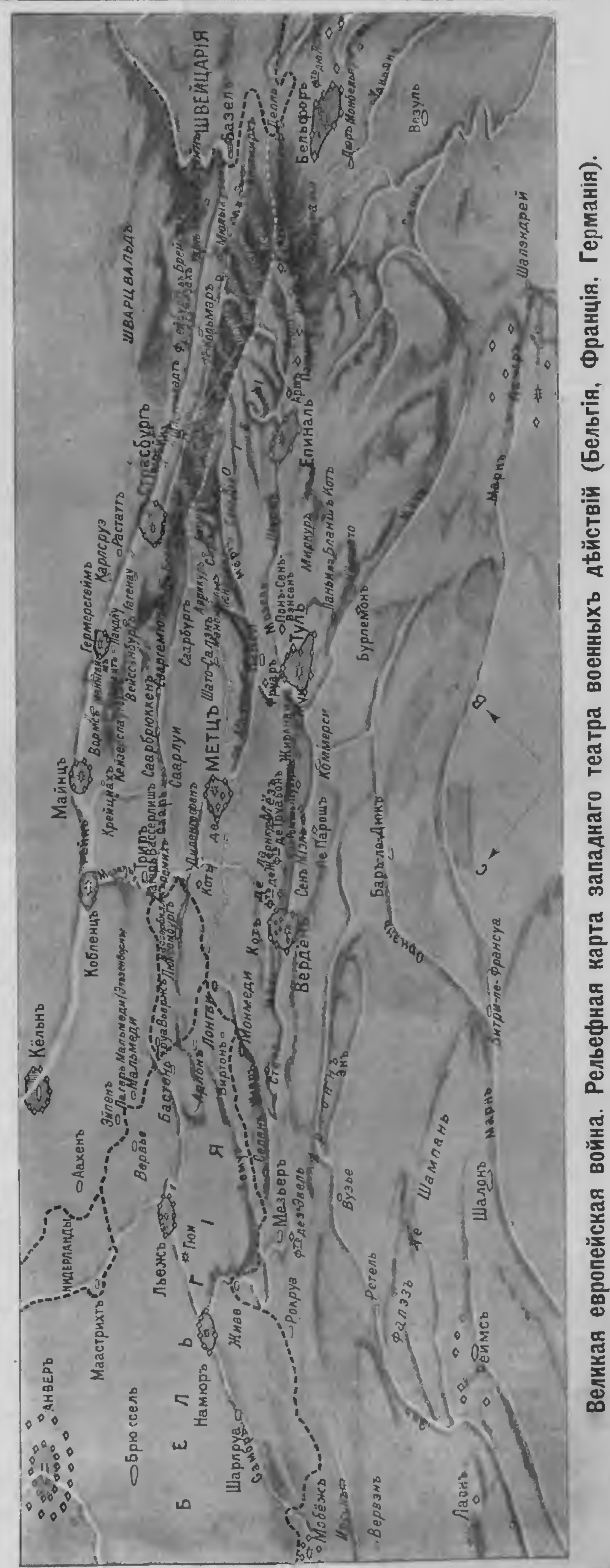
Въ конторѣ, въ первой комнатѣ, служащіе при внезапномъ появленіи самого хозяина, заглядывавшаго сюда довольно рѣдко, стремительно поднялись съ своихъ мѣстъ, а Григорій Аѳанасьевичъ кивалъ головой въ обѣ стороны и благожелательно говорилъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! Оттонъ Оттоновичъ тамъ?

— Они въ кабинетѣ,—въ одинъ голосъ отвѣтили ему конторскіе служащіе.

Онъ вошелъ въ кабинетъ управляющаго. Оттонъ Оттоновичъ, высокій, сухощавый, съ длиннымъ бритымъ лицомъ, съ густыми упругими волосами, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ работу. При видѣ вошедшаго Григорія Аѳанасьевича, онъ положилъ карандашъ, поднялся и вышелъ изъ-за стола.

— Рѣдкій гость у насъ!.. Совсѣмъ забыли насъ, Гри-



Великая европейская война. Рельефная карта западнаго театра военныхъ дѣйствій (Бельгія, Франція, Германія).

горій Аѳанасьевичъ, ну, такъ, словно бы и заводъ не вашъ! — сказалъ онъ правильнымъ русскимъ языкомъ, очень твердо отчеканивая каждый слогъ, и пожалъ при этомъ протянутую ему толстую руку хозяина.

— Вполнѣ довѣряю вамъ, милѣйшій Оттонъ Оттоновичъ, оттого это!—отвѣтилъ хозяинъ и съ видомъ усталости, такъ какъ его утомилъ переходъ черезъ довольно длинный дворъ, съ подъемомъ во второй этажъ, опустился въ кресло. — А теперь вотъ пріѣхалъ по дѣлу серьезному и важному, — продолжалъ онъ.—Будьте любезны притворить дверь, Оттонъ Оттоновичъ...

И когда Шлихенсонъ, нѣсколько озабоченный важностью дѣла, ради котораго пріѣхалъ Осмоленко, исполнилъ его просьбу, сказалъ:

— Присядьте, Оттонъ Оттоновичъ!

Тотъ сѣлъ на стулъ рядомъ съ нимъ, предположивъ, что разговоръ будетъ конфиденціальный и тихій. И не ошибся: Осмоленко заговорилъ почти шепотомъ, при чемъ, благодаря ожирѣнію голосовыхъ связокъ, въ горлѣ у него по временамъ какъ бы что-то клокотало.

— Я сейчасъ изъ города. Получено извѣстіе, что объявлена война...

— Кому? Кѣмъ? — еще довольно спокойно спросилъ управляющій.

— Намъ объявлена Германіей, Оттонъ Оттоновичъ.

— Что вы говорите? Этого не можетъ быть. Вы неправильно сообщили, Григорій Аѳанасьевичъ...

— Ну, какъ неправильно, когда я прямо отъ губернатора и отъ него самого узналъ. Война объявлена, имѣется уже манифестъ и приказъ объ общей мобилизаціи...

Тутъ ужъ Оттонъ Оттоновичъ повѣрилъ и вскочилъ съ мѣста и заметался:

— Такъ это жъ... Такъ это жъ... Ужасно! Это значитъ, все дѣло бросай... Война. О! Это не игрушка! Она шутить не любитъ...

Конечно, и Осмоленко понималъ, что война дѣло серьезное, но все же ему казалось, что Оттонъ Оттоновичъ изволновался больше, чѣмъ это вызывается обстоятельствами. Но онъ объяснилъ это его нервностью и неожиданностью извѣстія и продолжалъ прерванную нить разговора:

— Шутить она не будетъ, Оттонъ Оттоновичъ, это вѣрно. Но и мы — люди серьезные и постараемся принять свои мѣры. Я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы заблаговременно, — понимаете?..

Но Шлихенсонъ не понималъ. Какія мѣры и противъ чего хочетъ принимать Осмоленко? Тому, что встревожило его самого, никакія мѣры не помогутъ.

— Такъ вотъ, видите ли,—продолжалъ Григорій Аѳанасьевичъ:— призываются запасные, и, по всей вѣроятности, будутъ призваны и ратники. Ну, значитъ, нужно сейчасъ же всѣхъ опросить и составить списокъ призываемыхъ...

— А что же изъ этого выйдетъ?

— А то выйдетъ, что мы будемъ знать, на кого махнуть рукой, а о комъ позаботиться. Плохихъ работниковъ мы всегда замѣнимъ, а хорошихъ, разумѣется, не отпустимъ.

— Да какъ же вы можете не отпустить, Григорій Аѳанасьевичъ?

— Ну, какъ? Извѣстно, какъ! Вѣдь все-таки я не кто-нибудь, а Осмоленко. Въ городѣ больницу недаромъ же я построилъ, и школу и церковь при ней. Да и мало ли еще что! Э, да однимъ словомъ — ужъ похлопочемъ. Нельзя, чтобы заводъ остановился. Мы не игрушки какія-нибудь производимъ, а кожу. А кожа нужна и во время войны... А? Какъ вы полагаете? Ну, такъ вотъ, сдѣлайте этотъ списокъ и пришлите мнѣ. И въ немъ обозначьте, кто наиболѣе необходимъ для дѣла... А затѣмъ я ѣду... Если бъ вы видѣли, что дѣлается въ городѣ! Стонъ стоитъ. На улицахъ толпы ходятъ, кричатъ, потрясаютъ...

— Что они кричатъ, Григорій Аѳанасьевичъ? — какъ-то опасливо спросилъ управляющій.

— А всякое тамъ! „Да здравствуетъ Франція и Англія!" „Долой нѣмцевъ!"

— А вѣдь я нѣмецъ, Григорій Аѳанасьевичъ...

— Ну, какой же вы нѣмецъ, Оттонъ Оттоновичъ! Вы — бывшій нѣмецъ, а это не считается. Хорошъ нѣмецъ, который пятнадцать лѣтъ мнетъ русскую кожу и не выѣзжалъ изъ Россіи... Ну, такъ до свиданія. Жду списка!

Онъ пожалъ руку управляющаго, но тотъ проводилъ его черезъ первую комнату, гдѣ опять почтительно вставали служащіе, черезъ дворъ, за ворота, гдѣ помогъ своему толстому хозяину взобраться въ экипажъ. Осмоленко покатилъ по направленію къ городу.

Шлихенсонъ же вернулся въ контору, и когда онъ проходилъ черезъ первую комнату, то всѣ видѣли, что онъ чѣмъ-то взволнованъ, какъ никогда еще. Лицо его вдругъ осунулось, и глаза лихорадочно блестѣли. О, онъ вовсе не былъ такъ наивенъ, чтобы успокоиться на замѣчаніи Осмоленко: „бывшій нѣмецъ". Онъ, конечно, далеко отошелъ отъ своего нѣмецкаго отечества и, если говорить правду, не питаетъ къ нему никакихъ нѣжныхъ чувствъ, а предпочитаетъ вотъ этотъ губернскій городъ и этотъ заводъ, который хорошо кормитъ его.

Но все-таки онъ — Шлихенсонъ, Оттонъ Шлихенсонъ, и главное, главное, — чего, должно-быть, не принялъ въ счетъ Осмоленко, — онъ все еще германскій подданный. Онъ этого почему-то не сказалъ хозяину, то-есть не напомнилъ, — потому что никогда вѣдь не дѣлалъ изъ этого секрета. Было у него какое-то чувство опасенія, что-то какъ будто пронеслось въ воздухѣ.

Но было нѣчто еще и поважнѣе. Оттонъ Оттоновичъ не претендовалъ на симпатіи со стороны служащихъ завода. Онъ управлялъ желѣзной рукой, не прощалъ ни малѣйшей оплошности. Весь авторитетъ его былъ основанъ на страхѣ. Благодаря этому, заводъ работалъ блестяще, изъ каждаго служащаго онъ извлекалъ все, что тотъ могъ дать, и Осмоленко, получавшій прекрасный доходъ, могъ только одобрять его систему. Недаромъ Григорій Аѳанасьевичъ гонялся за нимъ нѣсколько лѣтъ, ухаживалъ и соблазнялъ высокимъ жалованьемъ и процентомъ. Восемь лѣтъ тому назадъ ему-таки удалось переманить Шлихенсона съ другого завода, и съ тѣхъ поръ дѣла его пошли неузнаваемо блестяще.

Оттонъ Оттоновичъ позвалъ старшаго конторщика Липанова и приказалъ ему изготовить списокъ. — Только не дѣлайте изъ этого никакой исторіи, — прибавилъ онъ внушительно. Онъ не объяснилъ, зачѣмъ понадобился списокъ, а конторщикъ не посмѣлъ спросить и только удивился.

Самъ же Оттонъ Оттоновичъ сейчасъ же велѣлъ заложить одноколку и поѣхалъ въ городъ. Проѣзжая по улицамъ, онъ видѣлъ тамъ и здѣсь кучки народа. Шли куда-то, останавливались, кричали. Шлихенсону было не до того, онъ страшно торопился. Однакоже до его слуха долетали слова, которыхъ, въ сущности, онъ разобрать не могъ, но ему показалось, что это были именно тѣ самыя и такъ испугавшія его слова, о которыхъ упомянулъ Осмоленко. „Долой нѣмцевъ!" — послышалось ему, и онъ дернулъ вожжами, поощряя лошадь бѣжать быстрѣе.

Онъ удалился отъ центральныхъ мѣстъ и въ одной изъ небольшихъ чистенькихъ улицъ повернулъ къ двухъэтажному дому. У воротъ стояло четверо полицейскихъ, видимо, охраняя входъ. Онъ выскочилъ изъ экипажа и двинулся къ воротамъ, надъ которыми обыкновенно висѣла вывѣска, гласившая, что здѣсь помѣщается германское консульство. Но теперь этой вывѣски тамъ не оказалось. Очевидно, она была снята. Полицейскіе опросили его.

— Я—Шлихенсонъ, германскій подданный, — сказалъ Оттонъ Оттоновичъ и самъ сейчасъ же испугался своихъ словъ, такъ они странно прозвучали въ обстановкѣ этого дня. Но ничего страшнаго не случилось. Его пропустили безпрепятственно. „А можетъ-быть, не выпустятъ",—мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ вошелъ во дворъ, затѣмъ въ квартиру въ первомъ этажѣ. Тутъ онъ засталъ жаркую работу: укладывали вещи и бумаги, упаковывали ящики, стучали молотками... Перебрасывались отрывочными фразами по-нѣмецки.

Оттона Оттоновича здѣсь всѣ знали, тутъ были у него пріятели, въ числѣ которыхъ былъ и самъ консулъ. Но консула увидѣть ему не удалось. Онъ былъ занятъ важными послѣдними распоряженіями. Да и вообще всѣмъ было не до него. У всѣхъ были угрюмыя, недовольныя, сердитыя лица. Люди эти обжились въ городѣ, обзавелись имуществомъ, семьями; большинство, можетъ-быть, разсчитывало окончить здѣсь свою жизнь. И вотъ нужно тащиться вонъ.

Съ нимъ говорили непривѣтливо, но все-таки напоминали ему о томъ, о чемъ онъ больше всего хотѣлъ забыть, и отъ чего лицо его сдѣлалось желтымъ. Да, больше пятнадцати лѣтъ тому назадъ онъ на своей первой родинѣ былъ солдатомъ. Теперь ему сорокъ лѣтъ, онъ въ запасѣ. И вотъ оказывается, что на немъ лежитъ долгъ: явиться туда для военной службы. И это нужно сдѣлать сейчасъ, немедленно, чуть-что не сію минуту, иначе — на этотъ счетъ ему насказали страшныхъ вещей. При малѣйшемъ промедленіи его здѣсь арестуютъ и посадятъ въ тюрьму, а можетъ-быть, и гораздо хуже. И притомъ у консульскихъ нѣмцевъ былъ такой зловѣщій видъ, что Шлихенсонъ перепугался на-смерть.

Очень разстроенный вышелъ Шлихенсонъ изъ консульства и былъ изумленъ, что полицейскіе, стоявшіе у воротъ, его не арестовали и предоставили ему сѣсть въ пролетку и ѣхать, куда ему угодно.

А куда онъ могъ поѣхать при такихъ обстоятельствахъ? Въ городѣ теперь онъ всего боялся. Его тутъ знаютъ сотни людей, среди нихъ не мало пріятелей, но, можетъ-быть, эти самые пріятели теперь ходятъ въ толпѣ и кричатъ: „Долой нѣмцевъ!" Да и всѣ остальные... Ему казалось, что у него на лицѣ написано: „германскій подданный", и стоитъ только взглянуть на него, какъ всѣмъ это станетъ ясно.

Такъ что же, въ самомъ дѣлѣ, уложить вещи, забрать семью и мчаться туда, за рубежъ? Да ни за что! У него тутъ имѣется земля и садъ и домъ, онъ тутъ пустилъ корни. Онъ—здѣшній, здѣшній! Съ какой же стати онъ будетъ куда-то уѣзжать? Долгъ? Но почему это его долгъ?.. Онъ спеціалистъ по кожевенной части, онъ это отлично умѣетъ дѣлать, а больше ничего не умѣетъ.

И, конечно, онъ рѣшилъ ѣхать къ Григорію Аѳанасьевичу. Что онъ сдѣлаетъ, это ужъ онъ самъ знаетъ. Но сдѣлаетъ что-нибудь. О, этотъ человѣкъ тутъ, въ городѣ, все можетъ. Недаромъ онъ и говорилъ такъ самоувѣренно о служащихъ.

И одноколка Оттона Оттоновича повернула за городъ, гдѣ, на окраинѣ, окруженный великолѣпнымъ садомъ, красовался лѣтній домъ Осмоленко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Герои-станичники.

(Изъ эпизодовъ войны).

Г. Полилова.

I.

Лѣтнія сумерки сгрудились надъ экономіей: день еще боролся съ ночью, но послѣдняя осиливала.

Очертанія построекъ мало-по-малу сглаживались и исчезали въ полумракѣ: громадныя старинныя деревья принимали небывалые размѣры. Видъ всей мѣстности измѣнился.

Половина полей была уже убрана, оставались еще позднія яровыя, за уборку которыхъ предстояло вскорѣ приняться.

Лѣто было жаркое съ перепадавшими кой-когда дождями, и урожай выдался хорошій.

Работники въ экономіи, вернувшись съ полей, ужинали въ большомъ сараѣ, — въ избу забираться было душно. Туда же сошлись и дивчата. Не слышно было ни смѣха ни веселаго разговора. Кто-то разсказывалъ, остальные внимательно слушали, стараясь не проронить ни слова.

— Вотъ онъ обозлился, что воли ему надъ сербяками не даютъ, и пошелъ,—степенно разсказывалъ рыжій Грицко, старый пасѣчникъ, считавшійся среди рабочихъ наиболѣе свѣдущимъ и бравшимъ у управляющаго для чтенія газетку.

— А что жъ, дядя Грицай, сюды онъ не придетъ?—съ любопытствомъ, таращa глаза на стараго разсказчика, спросилъ молодой парень.

— Кто его знаетъ, ему воли не закажешь; самъ, поди, знаешь, что на самой границѣ сидимъ. И кавалерія и инфантерія у него имѣется, автомобили тоже ходятъ. Возьметъ да и шаркнетъ.

— Ну, чего ему тутъ дѣлать-то!— окликнулся другой работникъ.—Не видалъ онъ, что ли, экономій? Онъ прямо въ городъ направится, — тамъ богатыхъ много.

Лихая атака. Рисунокъ И. Владимірова.

— Сказывай тоже!—послышался негодующій протестъ пожилого работника Аркадія.—Статочное ли дѣло, чтобы его въ городъ-то пустили! Тамъ и войско и пушки.

— Простъ ты больно, дядя Аркадій! Разбери-ка насъ: у насъ два казака въ стражникахъ имѣются, за нами блюдутъ, да и мы сами не малыя ребята, кто съ косой, кто съ топоромъ, — все отстоимъ!

— А въ самомъ дѣлѣ, гдѣ наши охранители-то? — оглядывая ужинающихъ, спросилъ рыжій пасѣчникъ.

— Да они пораньше поѣли и въ объѣздъ пошли,—отозвалась вся загорѣвшая отъ солнца, какъ негритянка, стряпка Ганка. — Даве все другъ съ другомъ что-то шептались, пистоли свои чистили, саблюшки вострили.

— Э-э, — протянулъ Аркадій и, захвативъ деревянной ложкой изъ стоявшей передъ нимъ миски кусокъ говядины, сталъ прожевывать ее бѣлыми крѣпкими зубами. — Должно, звѣря чуютъ. Казачки — народъ дошлый.

— На скрипкѣ бы теперь вдарить, пѣсню спѣть, — тоскливо проговорилъ молодой черноватый парень Казиміръ.

— Ну, ну, объ этомъ и думать не стоитъ: — время не то, и вирямь какъ бы австріякъ сюда не набѣжалъ! Сиди работай зубами да помалкивай! — наставительно сказалъ Грицко.

Не дологъ рабочій ужинъ. Усталыя спины просятся на покой, утомленныя руки и ноги требуютъ отдыха.

Стали стлаться на полу на соломѣ, полной еще аромата полей. Стряпка и другая работница помоложе спѣшно прибирали миски, ложки и рушники со стола. Гдѣ-то въ углу слышалась тихая молитва Аркадія. Онъ былъ изъ средней губерніи и не ложился и не вставалъ никогда, не прочитавъ молитвы. Ему вторилъ старый Грицко, перемѣшивая слова молитвы. Затѣмъ оба старика распрощались, и рыжій пчеловодъ отправился къ себѣ на пасѣку.

Скоро въ сараѣ все затихло, только слышалось сопѣніе работниковъ да громкій храпъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Погасли огни и въ домѣ управляющаго. Вся экономія погрузилась въ сонъ.

II.

Короткія сумерки давно уже смѣнились мглистой ночью. На югѣ день быстро смежается съ такой темнотой.

Два полевыхъ сторожа, служащіе въ экономіи, казаки Зонтіевъ и Біевъ, на низкорослыхъ мастачкахъ, попыхивая трубочками, тихо ѣхали по старинной аллеѣ, состоявшей изъ вѣковыхъ вязовъ и каштановъ. Изрѣдка они перекидывались словами, но тихо, вполголоса, чутко прислушиваясь къ каждому шороху, доносившемуся со стороны лѣса и поля.

Знаетъ казакъ свою обязанность, нѣтъ лучшаго сторожа на свѣтѣ, какъ наши станичники.

— А что, братику, не проѣхать ли намъ по опушкѣ, а тамъ свернемъ краемъ поля, да вокругъ ударимъ, — дѣловито замѣтилъ Біевъ. Послѣдній ничего не отвѣтилъ товарищу, и они, свернувъ съ широкой аллеи, пробрались межъ кустарниковъ и пошли опушкой.

Здѣсь вниманіе обоихъ сторожей еще болѣе усилилось: они жадно ловили ухомъ каждое дуновеніе воздуха.

— Взаправду думаешь, что австріякъ сюда придетъ? — спросилъ Біевъ.

Зонтіевъ наклонился къ нему ближе и повелительнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Чего глотку дерешь! Помалкивай, слышь!

Этого замѣчанія было достаточно для того, чтобы они, какъ змѣи, соскользнули съ сѣделъ и, не выпуская изъ рукъ поводовъ, приникли ухомъ къ землѣ.

Казацкая опытность не обманула сторожей.

Земля чуть слышно гудѣла отъ топота ногъ.

— Идутъ, должно, много людей, — чуть слышно замѣтилъ Біевъ.

Молча, они вскочили на лошадей и, стараясь не дѣлать шума, понеслись вдоль лѣса по мягкой тропинкѣ.

Прошло около двадцати минутъ, пока они добрались до другого конца перелѣска и стали снова слушать.

На этотъ разъ имъ было ясно приближеніе довольно большого отряда. Слышалось даже металлическое бряцаніе сабель и ружейныхъ стволовъ.

у, будемъ дѣлать? Всполошимъ, что ли, ра-
онтіевъ.
, пока безъ нихъ обойдемся, — спокойно ото-
ь и, повернувъ лошадь, той же дорогой на-
просѣкѣ, чрезъ которую пролегалъ путь къ

о австрійцы непремѣнно должны пройти
о время своей поѣздки отъ экономіи версты
устой, темная ночь благопріятствовала от-
мъ.
озьми коняку въ поводъ да ступай по ту
здѣсь засаду. Какъ пойдутъ австріяки про-
мъ въ нихъ палить, — сказалъ Біевъ. — Только
новъ, цѣльсй ловчѣй!
послышался отвѣтъ Зонтіева.
идая съ нетерпѣніемъ, когда отрядъ австрій-
е.

III.

юдность заставляли австрійцевъ предпола-
хъ явится для всѣхъ неожиданнымъ. Вы-
здно вечеромъ и шли навѣрняка по хорошо
мъ, зная, что первой остановкой для нихъ
мія, гдѣ они смогутъ основаться, и разсчи-
сопротивленія, такъ какъ знали, что рус-
не было.
й майоръ, ведшій отрядъ, шелъ рядомъ съ
ь изъ мадьяръ, жаждавшихъ поскорѣе сра-

до завтрашняго дня, тѣмъ временемъ по-
крѣпленія, тогда и ударимъ всѣ вмѣстѣ на
нымъ видомъ говорилъ майоръ.
этимъ русскимъ, какъ нужно воевать! —
ему гонведъ. — А пока что, я проголо-
усиленнымъ маршемъ возбуждаетъ ап-
этомъ помѣстьѣ мы найдемъ себѣ хорошій
зяина и велимъ дать намъ все, что у него

же не прочь, — отвѣтилъ на его разсужденія

ѣе. На минуту движеніе отряда останови-
ные офицеры, стали совѣщаться. Одинъ изъ
вѣкъ, недовѣрчиво спросилъ:
мъ, господинъ майоръ?
къ усадьбѣ, — увѣренно отозвался майоръ. —

ольшой планъ и при свѣтѣ электрическаго
его офицеру.
, была ярко обозначена красной чертой, въ
лась экономія съ разбросанными строеніями.
илометра три-четыре, не больше, — увѣ-
ръ.
мъ ждать! Идемъ! — неожиданно вступилъ
зъ офицеровъ и скомандовалъ маршъ.
ся по лѣсной дорогѣ.
замѣтили при вспышкѣ электрическаго
рійскихъ солдатъ. Они были отъ нихъ не
агахъ.
наготовѣ, станичники ждали, когда врагъ

й падала на мундиры отряда, вырисовывая

ѣ высокаго майора. Зонтіевъ, какъ младшій,
жертвой былъ молодой поручикъ-гонведъ.
зами въ обоихъ офицеровъ, разсчиты-
время стрѣлять. Они не хотѣли промах-

наступаетъ отрядъ. Казацкія руки судо-
нькіе браунинги, палецъ готовъ нажать
собачку. Мгновеніе — и маленькіе смертоносные жучки полетятъ навстрѣчу врагу.

Австрійцы въ десяти шагахъ отъ лежащихъ станичниковъ. Мгновенія летятъ... Еще... еще...

„Звякъ... звякъ“, — раздались два выстрѣла, и оба офицера со стономъ свалились.

Отрядъ встрепенулся, замеръ, невольно остановился, и солдаты, приложивъ къ плечамъ ружья, начали обстрѣлъ безмолвнаго лѣса. Они не знали, гдѣ находится врагъ, стрѣляли наугадъ, пули впивались со свистомъ въ деревья, ломали частый кустарникъ, не нанося никому вреда. Между тѣмъ выстрѣлы казаковъ дѣлали свое дѣло. Ихъ браунинги, точно маленькія собачки, тявкали безъ конца и уносили все больше и больше жертвъ среди австрійцевъ.

Пораженные ужасомъ враги, предполагая, что въ лѣсу засада русскихъ войскъ, потеряли голову. Они не знали, что имъ дѣлать. Среди нихъ уже выбыло девять человѣкъ, изъ которыхъ трое были офицеры.

— Назадъ, назадъ, тамъ засада! — послышался чей-то голосъ, и австрійцы стали отступать.

Какъ только они отошли на довольно большое разстояніе, станичники перестали стрѣлять и, вскочивъ на лошадей, окольными тропинками промчались мимо враговъ, направляясь въ близлежащій городъ Почаевъ.

IV.

Для сообщенія о появленіи австрійскаго отряда не потребовалось много времени.

Быстро собрались десятка два-три всадниковъ изъ объѣздчиковъ, вольныхъ охотниковъ. Они захватили винтовки и помчались вслѣдъ за обоими станичниками.

Недоумѣніе австрійцевъ продолжалось довольно долго.

Еще ночь далеко не перешла вторую половину, какъ къ стоявшимъ врагамъ подошли двѣ роты подкрѣпленія.

Они слышали перестрѣлку и поспѣшили на помощь къ товарищамъ.

— Тамъ засада! Русскихъ гибель! Съ такими силами мы не можемъ двигаться впередъ! — говорили оставшіеся въ живыхъ офицеры изъ двухъ первыхъ ротъ. — Подождемъ, пока подойдетъ кавалерія съ пулеметами. Они такъ и сыпали на насъ пули!

Задумались и вновь пришедшіе офицеры. Рисковать быть убитымъ невидимымъ врагомъ, какъ это случилось съ двумя ихъ товарищами, имъ не улыбалось. Подождали съ часъ времени, но кавалерійское подкрѣпленіе не подходило.

Ночь стала смѣняться утромъ. Чуть забрезжилъ востокъ, но все было еще темно, ночной туманъ не спадалъ.

— Ждать больше нечего, сейчасъ утро, идемъ впередъ! — рѣшительно замѣтилъ старшій офицеръ изъ подошедшей позднѣе роты. — Завяжемъ бой, а тамъ подоспѣетъ и наша кавалерія.

Нехотя поднимались расположившіеся на травѣ солдаты, разобрали ружья, построились и слитной колонной пошли впередъ.

Съ ружьями наготовѣ они подошли къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ ихъ встрѣтилъ свинцовый дождь. Но на этотъ разъ они переступили страшное мѣсто благополучно.

Продвинулись дальше.

До конца лѣса уже недалеко, какъ вдругъ съ лѣсныхъ тропинокъ вылетѣли всадники и съ гикомъ понеслись на оторопѣвшихъ австрійцевъ.

И такъ уже напуганные ночнымъ нападеніемъ, австрійцы бросились бѣжать.

Навстрѣчу имъ неслись на своихъ мастачкахъ оба станичника, которые также принялись рубить отступающихъ враговъ.

И четыре роты австрійскихъ воиновъ постыдно бѣжали отъ горсти русскихъ храбрецовъ.

Австрійцы были вполнѣ увѣрены, что подверглись нападенію крупнаго русскаго кавалерійскаго отряда, засѣвшаго въ усадьбѣ и приготовившаго для нихъ ловушку.

Весь Почаевъ былъ полонъ восторга. Всѣ съ восхищеніемъ отзывались о храбрецахъ Біевѣ и Зонтіевѣ... Работники изъ усадьбы подобрали убитыхъ австрійцевъ и похоронили ихъ...

Памяти павшихъ.

ала, и вы съ любовью встали
раницъ отеческой земли...
рывъ и волю тверже стали,
я бороться не устали,
осту сраженные легли...
судьбой быть жертвой искупленья,
опота въ осеннія луга,
сы великаго служенья
всегда, героями смиренья,
акъ встарь, сраженнаго врага...

Грядущихъ дней Весны вы — свѣтлые предтечи
(Ужъ слышно, какъ звучатъ весенніе ручьи),
И въ храмахъ теплятся, не угасая, свѣчи
За вѣрныхъ сыновей отдавшихъ грозной сѣчи
И сердце, и любовь, и помыслы свои...
Пройдутъ года — и все, что было нынѣ,
Въ тетради занесутъ историка персты,
И будутъ новыя народныя святыни —
И эти братскія могилы средь пустыни
И эти сѣрые сосновые кресты!

Сергѣй Михѣевъ.

Въ плѣну у бабъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Въ плѣну у бабъ.

(Рис. на стр. 721).

Высоко въ небѣ рѣетъ чуть видная точка, похожая на птицу. Купаясь въ небесной синевѣ, эта птица унеслась далеко отъ всего земного. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется тому, кто видитъ ее издалека, стоя на землѣ, среди безконечныхъ желтѣющихъ нивъ.

Въ небесной выси рѣютъ жаворонки, ласточки, ястреба...

Что же за птица паритъ тамъ въ видѣ чуть замѣтной черной точки? Ласточка, жаворонокъ, ястребъ?

Да, это ястребъ. Но ястребъ совсѣмъ особой породы. Назадъ тому пять лѣтъ въ мірѣ еще не было этой породы. Этотъ ястребъ называется боевымъ аэропланомъ. Подобно своему хищному сородичу изъ птичьяго царства, онъ зорко выглядываетъ съ высоты свою добычу и, высмотрѣвъ ее, или самъ нападаетъ на нее, или же указываетъ на нее своимъ собратьямъ на землѣ...

Онъ гордо паритъ въ небесномъ пространствѣ. Четко постукиваетъ пропеллеръ, заглушая своимъ шумомъ всѣ остальные окрестные звуки. Если смотрѣть съ земли, то кажется, будто аэропланъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, но въ дѣйствительности онъ летитъ съ страшной быстротой. Такъ летаютъ однѣ только птицы...

На аэропланѣ сидятъ два офицера австрійской арміи. Одинъ управляетъ аэропланомъ, другой, съ записной книжкой и карандашомъ, наноситъ планъ мѣстности, черезъ которую они пролетаютъ, и зорко смотритъ въ бинокль, не покажутся ли на горизонтѣ русскія войска. Офицеры вооружены, а подъ сидѣньемъ у нихъ лежатъ бомбы. Стоитъ нажать кнопку—и раскроется нижняя площадка, и упадетъ внизъ разрывная бомба, несущая гибель и разрушеніе.

Офицерамъ кажется, будто ихъ несетъ на своихъ могучихъ крыльяхъ Духъ Войны. Страшный и мстительный Духъ, гордый и сильный, не знающій сожалѣнія и страха, слабости и слезъ... Этотъ могучій Духъ несетъ ихъ къ подвигу и славѣ.

Они съ [illegible]ательнымъ вниманіемъ разсматриваютъ, что дѣлается тамъ, внизу, на вражьей землѣ... Но не видно нигдѣ вооруженнаго врага. Только бабы жнутъ рожь, еле замѣтныя сверху. И крошечныя фигурки ихъ тонутъ въ необозримомъ океанѣ золотыхъ, спѣлыхъ нивъ.

Бабы замѣтили диковинную птицу.

— Смотри-ка, что тамъ летаетъ? Ровно коршунъ?

— Коршунъ и есть... Нѣтъ, какой коршунъ, это ребятишки балуются — змѣя пускаютъ...

— Гляди, падаетъ! Нѣтъ, на змѣя не похоже...

— Люди тамъ! Смотри-ка!

— Какіе люди!.. Нѣмцы!

Диковинный „змѣй" быстро и плавно опускается на просторное поле. Духъ вышелъ изъ мотора: машина вдругъ перестала работать. Исчезла вся мощь чудесной птицы, и непреложный законъ природы опять вступилъ въ свои права: дерзнувшій летѣть—падаетъ на землю...

Австрійскіе офицеры приготовились къ упорной оборонѣ. Хоть и не видно было сверху врага, но врагъ можетъ появиться изъ-за кустовъ, изъ-за скирдъ хлѣба. Врагъ, въ образѣ страшнаго казака, можетъ вырасти изъ земли... Неужели въ самомъ дѣлѣ примчатся казаки?.. И вооруженные до зубовъ авіаторы блѣднѣютъ при одной мысли о казакахъ и приготовляются дорого продать свою жизнь.

Еще нѣсколько мгновеній—и аэропланъ садится на поле.

Кто бѣжитъ къ нимъ съ криками, визгомъ, гиканьемъ? Это казаки?..

Нѣтъ, это не казаки. Это летятъ со всѣхъ ногъ къ упавшему „змѣю" бабы. Онѣ летятъ почти такъ же скоро, какъ сами авіаторы, но съ еще большей воинственностью. Это настоящія амазонки, валкиріи.

— Держи нѣмца!

И прежде, чѣмъ изумленные авіаторы успѣли опомниться, бабы ухватились дюжими руками за аппаратъ, разорвали парусину крыльевъ и кинулись на офицеровъ.

— Держи ихъ! Вяжи!

Авіаторы хватаются за браунинги. Но не стрѣлять же, чортъ возьми, въ бабъ. Если офицеры-товарищи по полку узнаютъ о сраженіи съ бабами, то проходу не будетъ отъ насмѣшекъ.

— Послушайте! — растерянно кричатъ они по-нѣмецки. — Мы васъ не тронемъ... Мы не причинимъ вамъ никакого вреда... Мы сражаемся только съ русскими солдатами... Мы не трогаемъ мирныхъ жителей... Оставьте насъ въ покоѣ...

— Держи нѣмцевъ! Тащи ихъ къ войту!

— Зови самого войта сюда! Пусть онъ ихъ засадитъ въ холодную!

Одну изъ бабъ отрядили въ село за войтомъ. Остальныя скрутили нѣмцевъ по рукамъ и ногамъ и крѣпко держали „змѣя", боясь, что онъ какъ-нибудь сорвется и улетитъ...

Офицеры пожимали плечами, бранились, увѣряли бабъ, что они вовсе не думали на нихъ нападать, и что поэтому нѣтъ никакой надобности въ столь энергическихъ мѣрахъ пресѣченія. Бабы не понимали по-нѣмецки и ждали войта съ мужиками...

А когда явились мужики и увели плѣнныхъ, бабы принялись снова жать рожь.

Крестовые походы нашихъ дней.

(Изъ дневника военнаго корреспондента). **Н. Н. Брешко-Брешковскаго.**

На сербскомъ театрѣ.

Навсегда останется у меня въ памяти потрясающая картина бѣгства изъ Бѣлграда мирныхъ жителей, гонимыхъ прочь разрушительной бомбардировкой австрійцевъ.

Поѣзда, уходящіе вглубь мирной — слово „мирной" въ данномъ случаѣ весьма относительное — Сербіи, останавливались приблизительно въ двадцати верстахъ отъ Бѣлграда, и конечною станціей было маленькое мѣстечко Рѣсникъ. Отъ Рѣсника до Бѣлграда и наоборотъ надлежало ѣхать либо на лошадяхъ, которыхъ по случаю реквизиціи осталось очень мало, либо на автомобиляхъ, которыхъ было и того меньше. Бѣдный людъ спасался пѣшкомъ.

Было чудесное лѣтнее утро. Ярко свѣтило солнце, и теплые ранніе лучи сообщали живописной сербской природѣ какую-то особенную жизнерадостность. Но равнодушная, безмятежная, спокойная природа чаще всего въ разладѣ съ человѣческой дѣйствительностью. Такъ и теперь было...

Вѣрить не хотѣлось, что въ такое ликующее утро швабы съ того берега Дуная ожесточенно, съ непонятной яростью обстрѣливаютъ беззащитный Бѣлградъ. Если бъ они даже превратили его въ одну сплошную груду кирпичей и камней — это ни на іоту не измѣнило бы ихъ положенія къ лучшему.

Бѣлградъ положительно содрогался отъ непрерывнаго грохота тяжелыхъ осадныхъ орудій. Можно представить себѣ весь ужасъ дѣтей и женщинъ, вынужденныхъ волей-неволей по цѣлымъ днямъ и ночамъ слышать этотъ адскій грохотъ и находиться въ сферѣ этого убійственнаго огня, разворачивающаго монументальныя каменныя, въ нѣсколько этажей, постройки, словно карточные домики.

Мы ѣхали, покидая Бѣлградъ, въ одной коляскѣ съ сербскимъ капитаномъ генеральнаго штаба Миланомъ Джорджевичемъ и корреспондентомъ итальянскихъ газетъ Бенедетти. Ѣхали сквозь огромный лагерь конницы, пѣхоты и артиллеріи,—лагерь, тянувшійся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Эти войска стояли наготовѣ на случай, если бъ австрійцамъ пришла безумная мысль повторить неудавшуюся попытку овладѣнія Бѣлградомъ и обрушиться на сербскую столицу большими массами. Баталистъ нашелъ бы здѣсь интересный матеріалъ для своихъ жанровъ. И на какомъ все это великолѣпномъ фонѣ! Въ лѣсу, подъ сѣнью могучихъ вѣковыхъ дубовъ съ густой листвою, такъ ярко и трепетно пронзаемою солнцемъ, бравые и рослые сербскіе кавалеристы чистили своихъ коней. Лошади, вздрагивая, фыркали, косясь налитыми кровью бѣлками. Нестроевые съ веселыми пѣснями разводили костры, чтобъ варить въ громадныхъ котлахъ „чорбу". Артиллеристы съ заботливой внимательностью приводили въ порядокъ и чистили изящныя полевыя орудія,— послѣднее слово техники.

Я умышленно всматривался въ солдатъ—ни одного понураго, недовольнаго лица. Наоборотъ, всѣ полны были кипучей энергіи. Всѣ горѣли огнемъ движенія впередъ и впередъ, и если что и томило ихъ, такъ это временное бездѣйствіе. Они такъ часто и много за послѣднее время воевали, что война перестала быть для нихъ войною въ смыслѣ чего-то невѣдомаго и тяжелаго. Она стала для нихъ обыденнымъ, хозяйственно-домашнимъ дѣломъ. И такъ, именно такъ смотрятъ на войну сербскіе солдаты.

Дальше, -кончился этотъ бодрый и живописный лагерь, и по холмамъ, буграмъ и ложбинамъ потянулись кукурузныя поля. Кукуруза сербская — четырехъ-аршинная, всадникъ спрячется. Здѣсь, на этомъ просторѣ, переходящемъ въ дальніе горы и лѣса, обогнали мы, и все время обгоняли, множество, цѣлыя толпы бѣглецовъ. Переселеніе народовъ да и только,—такое было сильное впечатлѣніе. Вспотѣвшія, измученныя лица со страхомъ, округлившимъ глаза, порою прямо безумныя. Женщины, старики, дѣти, все это, перегруженное чаще всего предметами далеко не первой необходимости. Въ паникѣ сплошь да рядомъ человѣкъ хватаетъ первое попавшееся подъ руку. Такъ охваченные острымъ, разсудокъ туманящимъ, отчаяніемъ люди спасаютъ добро свое изъ пламени пожара. Такъ и здѣсь было. Вотъ согнувшаяся въ три погибели цыганка, спотыкаясь, тащитъ на спинѣ контрабасъ. Что она будетъ дѣлать съ этимъ контрабасомъ, нищая, безпріютная? У молодого человѣка—подъ мышкою англійское сѣдло. Зачѣмъ

ему это сѣдло, и гдѣ собирается ѣздить онъ, этотъ гонимый изъ родного города австрійскими гранатами юноша?

Мы встрѣчали морщинистыхъ, глубокихъ старухъ съ какими-то чудовищными узлами всякой всячины. Дѣти не отставали отъ взрослыхъ, спасая кто игрушки, кто сито, эмалированную посуду и горы никому ни на что не нужныхъ тряпокъ.

Вотъ и станція Рѣсникъ. На полянѣ вокругъ собрались тысячи несчастныхъ семей, жаждущихъ поскорѣе уѣхать. Цѣлый таборъ, раскинувшійся безъ конца-краю. Таборъ съ пожитками и даже шатрами. Немудрено. Ночуютъ и живутъ подъ открытымъ небомъ уже цѣлую недѣлю въ чаяніи дождаться когда-нибудь мѣста въ поѣздѣ, который увезетъ ихъ подальше отъ этихъ горячечныхъ кошмаровъ бомбардировки.

Поѣздъ — единственный въ сутки, и количество вагоновъ ограниченное. Да и этотъ поѣздъ наладился совсѣмъ недавно. Одновременно съ нами пріѣхали на вокзалъ чины германскаго посольства, отбывающіе къ себѣ, такъ какъ

Союзная армія.

1. Французская армія. Погрузка снарядовъ.
2. Англо-французское единеніе.
3. Французская армія. На позиціи.
4. Бельгійская армія. Передвиженіе войскъ.
5. Англійская армія во Франціи. Лагерь въ Амьенѣ.

Сингалезскіе стрѣлки, прибывшіе во Францію и вступившіе въ ряды французской арміи.

Сербія уже офиціально объявила войну и Германіи. Они стараются держаться развязно, эти бритые, щеголеватые, бѣлобрысые нѣмцы. Но вмѣсто развязности получается какая-то жалкая принибленность. Люди выбиты изъ колеи, въ которой они, какъ имъ казалось, нерушимо крѣпко держались. Выбиты, и ни за что не найти имъ прежняго равновѣсія. Администрація желѣзной дороги отводить имъ купэ II-го класса. Чего лучше, кажется. Русскихъ дипломатовъ нѣмцы въ товарныхъ вагонахъ жаждой и голодомъ томили и мучали. Нѣмцы однако начинаютъ фыркать:

— Мы думали, что намъ отведутъ спеціальный вагонъ I-го класса... Къ особамъ дипломатическаго корпуса надо относиться съ исключительнымъ вниманіемъ...

— Въ вагонахъ I-го класса мы возимъ нашего короля, престолонаслѣдника и нашихъ раненыхъ, нуждающихся въ тщательномъ уходѣ, а не дипломатовъ странъ, съ которыми мы воюемъ,—сухо отвѣтилъ комендантъ.

Нѣмцы негодующе переглядывались, но въ концѣ концовъ подчинились обстоятельствамъ...

Поѣздъ былъ биткомъ набитъ человѣческой гущей. Даже на подножкахъ висѣли пассажиры. Съ какой завистью смотрѣли на нихъ тѣ, кому не удалось получить мѣста!

Ихъ было много, этихъ неудачниковъ,—цѣлыя тысячи.

Паровозъ съ трудомъ сдвинулъ цѣпь вагоновъ, и поѣздъ медленно двинулся. Толпа провожала насъ безнадежными, полными тоски, взглядами, въ которыхъ читалось: „Будьте вы прокляты, счастливцы!..“ Когда-то имъ удастся уѣхать, и уѣдутъ ли они вообще изъ этого лагеря отчаянія? Фигура бѣдной цыганки съ контрабасомъ была одной сплошной скорбью. Поѣздъ катился межъ луговъ; намѣчались впереди семафоры и каменныя водокачки слѣдующей станціи, а большіе печальные глаза продолжали смотрѣть на меня съ нѣмымъ укоромъ со смуглаго, изможденнаго лица этой преждевременно увядшей цыганки.

Кое-какъ, съ безконечными остановками на разъѣздахъ,—все шли и шли навстрѣчу воинскіе поѣзда,—наконецъ прибыли мы въ Нишъ, эту временную столицу Сербіи.

Вскорѣ изъ Ниша я направился въ Россію черезъ Румынію. И этотъ путь продолжался одиннадцать сутокъ вмѣсто обычныхъ трехъ съ половиною! Скорѣй можно было бы достичь Петрограда черезъ Болгарію. Но, какъ это ни странно,—Болгарія, нами освобожденная и нами созданная, относилась къ русскимъ весьма и весьма непріязненно. Меня и нѣсколькихъ запасныхъ офицеровъ, спѣшившихъ въ Россію, не безъ основанія пугали, что въ Болгаріи насъ могутъ задержать. И — „тише ѣдешь, дальше будешь“ — мы двинулись на Румынію.

Изъ сербскаго городка Неготина до береговъ Дуная, за которыми уже начиналась Румынія, желѣзной дороги не было. Мѣстная администрація любезно предложила намъ коляски. На рѣдкость живописенъ былъ этотъ путь! Все время, то поднимаясь, то опускаясь, ѣдете вы по шоссе вдоль широко раскинувшагося Дуная. Пустынна была эта рѣка народовъ. Хоть бы одно какое-нибудь суденышко оживило ея необъятный просторъ. Пароходные рейсы прекратились въ силу неопредѣленности положенія, занятаго Болгаріей и отчасти Румыніей въ этомъ, охватившемъ Европу, бурливомъ водоворотѣ.

Тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней до нашего проѣзда болгарскіе солдаты обстрѣляли пассажирскій пароходъ сербовъ.

За всю эту пятидесятиверстную дорогу я нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ посрединѣ Дуная плыли внизъ по теченію какіе-то небольшіе предметы, и надъ ними настойчиво и зловѣще крутились стаи воронья. Потомъ я узналъ, что это были трупы австрійскихъ офицеровъ и солдатъ, убитыхъ въ береговомъ бою у Обреновца. Сербы загнали ихъ въ воду, истребили часть, другую часть взяли въ плѣнъ, а мертвыхъ медленно уносило теченіе прямо къ Черному морю...

Позже мы встрѣтили на шоссе партію плѣнныхъ, доставшихся сербамъ послѣ этого боя. Ихъ было человѣкъ шестьдесятъ. Все сильный и рослый народъ, одѣтый во все синее. Синіе головные уборы, синія куртки, синія пѣхотныя панталоны въ обтяжку. Весь конвой состоялъ изъ двухъ старыхъ войниковъ съ нашими берданками. Я вышелъ изъ коляски, остановились плѣнные со своими конвойными, и завязался разговоръ.

— Васъ всего двое... Вы не боитесь, что они разбѣгутся?— спросилъ я конвойныхъ.

— Куда имъ бѣжать, господине?— возразилъ старшій, пожавъ плечами. — Они рады-радехоньки, что попали къ намъ. Это жъ наша родная кровь, сербская!..

И дѣйствительно, всѣ плѣнники оказались сербо-хорваты.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ я ихъ.

— Да что жъ!.. Лучше не надо,—отвѣтилъ высокій загорѣлый блондинъ съ усами. — Мы не хотѣли итти противъ своихъ: наши офицеры изъ мадьяръ принуждали насъ револьверами. Такъ до перваго боя, а потомъ мы сразу и передались сербамъ; офицеръ не хотѣлъ, въ Дунай прыгнулъ, тутъ они его и застрѣлили. Онъ и поплылъ трупомъ, а насъ накормили свои же, и вотъ папиросы куримъ, а швабы намъ не давали ни табаку ни хлѣба...

Мы разстались: я продолжалъ свой путь, а плѣнные, дружески болтая съ конвойными, двинулись въ облакахъ пыли къ Неготину.

Тупая австрійская политика, изощрившаяся въ темныхъ авантюрахъ, не учла одного: что славянскія части арміи будутъ постепенно переходить къ своимъ братьямъ какъ на сербскомъ, такъ и на русскомъ фронтѣ. И сейчасъ, когда я пишу эти строки, въ Варшавѣ, я узналъ съ большой радостью, что цѣлый кавалерійскій полкъ австрійскихъ славянъ въ боевомъ составѣ и полномъ снаряженіи, со знаменемъ и музыкой, исполнявшей русскій гимнъ, перешелъ границу и передался нашей арміи. Это лишь начало. Впереди сколько еще такихъ переходовъ! Въ концѣ концовъ въ непріятельской арміи останутся одни лишь мадьяры и швабы, другими словами—только горсть всей австрійской арміи.

Англійскіе моряки.

Плѣнили. Картина М. Авилова.

Старый казакъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

(Окончаніе).

Ровно звѣрь, загорѣлся Данила: то туда, то сюда онъ ворочалъ коня и, срывая куски вражьяго мяса турецкою шашкой, успѣвалъ въ промежуткахъ колоть и палить изъ винтовки въ гудящую стѣну насѣвшихъ австрійцевъ.

— Ги-и-и!!!—застонало опять въ темнотѣ, и второй подоспѣвшій дозоръ въѣлся въ гущу столпившихся тѣлъ.

Загудѣли въ просѣкѣ копыта, трепухнулась земля, и съ отчаяннымъ бѣшенымъ воемъ на разстроенный флангъ эскадрона словно туча упала казацкая лава тыловыхъ молодцовъ.

Было мутно, темно; было жарко и душно. Въ темнотѣ австріяки рубили другъ друга, валились съ коней, стрѣляли куда попало и жались, какъ стадо барановъ, одинъ къ одному, боясь налетѣть на казацкую пику.

А лихіе казаки, привычные къ дѣлу и ночью и днемъ, какъ шальные метались по лѣсу и съ воемъ и гикомъ рубили драгунъ, разбивая ихъ плотную группу на отдѣльныя слабыя кучки.

И когда налетѣлъ тыловой бравый взводъ, цѣлый лѣсъ застоналъ отъ казацкаго гика, и австрійцы, бросая людей, безтолково шарахнулись въ чащу подъ ружейнымъ огнемъ.

Вкругъ Данилы лежала гора изсѣченныхъ людей, опрокинутыхъ вмѣстѣ съ конями атакою съ фланга.

Калмыкъ бормоталъ что-то дикое подъ носъ, сопѣлъ, раздувая широкія ноздри, и одну за другой гналъ горячія пули туда, гдѣ трещали корявые сучья подъ напоромъ бѣгущихъ людей.

Скоро стало значительно тише. Казаки возвращались одинъ за другимъ на просѣку, и кони храпѣли намыленной грудью и били копытами землю, порываясь скакать.

— Бачка большая молодца!—крикнулъ калмыкъ, вынимая обойму.

Въ этотъ самый моментъ на другой сторонѣ засверкали огни, и цѣлая туча австрійцевъ ураганомъ влетѣла въ просѣку.

Подъ Данилой свалили коня.

Онъ упалъ въ темноту и барахтался въ чьей-то крови, выбираясь изъ чащи кустарника.

— Бачка! Трогай за мной! Айда на туда!—успѣлъ закричать казаку Сархалтыхъ и пропалъ въ темнотѣ.

Забурунновъ-старикъ приподнялъ опрокинутаго коня, нащупалъ рукою холодное стремя и, стиснувъ зубы, помчался во тьму за калмыкомъ.

Скоро стало просвѣчивать темное небо, и старикъ увидѣлъ Сархалтыха, стоявшаго смирно у самой опушки.

— Гдѣ Илья?—прорвалось у Данилы.

— Бачка Иля пошла на туда,—указалъ Сархалтыхъ вдоль опушки.—Казенна деньга брала драгуна... Парапала усе! І-ю-юй! Бурханъ забывала казаковъ!

Калмыкъ придавилъ ладонями голову и жалобно вылъ, скрипя въ темнотѣ отъ досады зубами.

А Данила глядѣлъ на него и съ трудомъ оправлялся отъ всего, что случилось сейчасъ.

Крѣпко ныла нога, съ головы по щекѣ ползла теплая липкая кровь, а въ душѣ шевелилась горячая злая обида.

— Не смогли отстоять!—процѣдилъ онъ досадливо, щупая голову, и отчаянно махнулъ рукой.

— Цѣлая полкъ проходила, а насъ, бачка, двѣ увзводы!—клацнулъ калмыкъ зубами и сочувственно потрепалъ старика по плечу.

— Ѣзжаемъ на бачка, Иля!

Казаки повернули коней и тихо пошли вдоль опушки.

VIII.

— Ну, какъ? Живъ, здоровъ?—привѣтствовалъ сына Данила.

— Ничаво! Хочь куды! Ошкраябало трошки! Ну ды ета для насъ безъ усякихъ послѣдствіѣ! А ихняго брата по канавахъ валяетца—коию пройтить негдѣ.

Илья былъ спокоенъ и увѣренно ѣхалъ впередъ. Очевидно, онъ зналъ уже, что нужно дѣлать, и во всѣхъ его движеніяхъ не было и тѣни растерянности.

Спустя полчаса молчаливой ѣзды, онъ свистнулъ тихонько, и изъ парка одинъ за другимъ вышло съ десятокъ казаковъ.

— Айда на трясину!—скомандовалъ бойко Илья, и лошади тронулись, отчетливо ёкая впалыми животами.

— Я тутъ пробѣгъ до самаго краю!—объяснилъ старику Забурунновъ Илья.—Ихніе дрыгуны—безъ тямки народъ, отбѣгли съ десятокъ перстовъ и засѣли надъ самой трясиной. Я шелъ на хвостѣ,—ни дозоровъ ни конныхъ разъѣздовъ; голой рукою возьмемъ.

Илья шевелилъ молодого коня и быстро тянулъ за собой остальныхъ.

Показался вдали огонекъ.

Казаки придержали коней

Въ мутно-молчавшемъ заревѣ видны были низкія, приземистыя фигуры.

Кони стояли въ сторонѣ большимъ косякомъ: казакамъ было слышно ихъ сочное фырканье.

— Слязай!—предложилъ Илья.

Казаки послѣзали.

— Таперича нада подсабразить, что къ чему!

Илья сѣлъ на корточки и крѣпко задумался.

А калмыкъ между тѣмъ снялъ винтовку, отстегнулъ ремень шашки, стянулъ патронташъ и все это сунулъ подъ дерево.

— Ты чаво, кунакъ?—освѣдомился Илья.

— Моя, бачка, пошла!—отвѣтилъ калмыкъ, зажимая въ зубахъ короткій широкій кожъ.—Када мая громка кирчалъ, твая шибка скакалъ.

Илья сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и весело кивнулъ головой:

— Твоя башка, какъ моя кишка,—своего не упуститъ!

Калмыкъ усмѣхнулся, опуталъ себя поперекъ крѣпкимъ арканомъ и легъ на животъ.

— Айда!—прошипѣлъ онъ въ травѣ.

— Дай Богъ!—отвѣтили казаки и принялись ждать, не спуская съ огня зоркихъ глазъ.

IX.

Трава была мокрая, скользкая.

Сархалтыхъ, подминая подъ себя душистыя волны травы, упорно продвигался впередъ.

Пока до огня оставалось довольно большое пространство земли, онъ дико сопѣлъ раздувающимися ноздрями и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ; когда же по расчетамъ калмыка до стоянки людей осталось немного, онъ поднялъ изъ травы плоскую голову, уставился косыми глазами впередъ, затаивъ совершенно дыханіе.

Прямо передъ глазами веселый огонь игралъ въ темнотѣ языками; временами слышна была непонятная, чуждая рѣчь, и черныя фигуры шевелились надъ пламенемъ, заслоняя собою костеръ.

Сархалтыхъ отдохнулъ, оглянулся назадъ къ тому мѣсту, гдѣ остались стоять казаки, и снова поползъ осторожно и чутко, то припадая къ землѣ головой, когда разгулявшееся пламя костра между темныхъ фигуръ попадало въ лицо тревожнымъ, мигающимъ отблескомъ, то поднимаясь опять на локтяхъ, когда пламя сбивалось охапкою свѣжей травы.

Теперь весь огонь игралъ передъ нимъ, какъ на ладони; было слышно, какъ влажно шипитъ еще непросохшій камышъ, а волна обогрѣтаго воздуха доносила пахучій дымокъ, щекоча пересохшее горло.

Тѣснымъ кругомъ, сплотившись у свѣта, люди безпечно галдѣли, повышая охрипшіе голоса почти что до крика; и вся эта группа совсѣмъ не имѣла военнаго вида.

„Какъ на базаръ, много-много кирчалъ“,—подумалъ калмыкъ и вдругъ привалился къ землѣ, точно вросъ въ онѣмѣвшую траву: ему ясно послышался тихій, но явственный лязгъ, долетѣвшій изъ круга.

Глаза у калмыка сверкнули, и онъ приподнялся, рискуя собой, почти до груди.

Теперь стало ясно, откуда идетъ этотъ лязгъ: у большого костра, на суконной попонѣ, горѣла гора русскаго золота; чьи-то проворныя руки дѣлили его на мелкія кучки, а десятки взволнованныхъ глазъ слѣдили за счетомъ.

Изъ середины костра торчали пылающіе обломки полковой одноколки и разбитыя доски денежнаго ящика.

Сархалтыхъ даже почувствовалъ запахъ кипящаго сургуча, напомнившій ему канцелярію въ день получки посылокъ изъ дому.

Затаивъ совершенно дыханіе, калмыкъ окунулся въ траву и поползъ къ косяку.

Низкорослые венгерскіе кони мирно сопѣли въ десяткѣ шаговъ, мотая лохматыми головами.

Сархалтыхъ подобрался къ ближайшей лошади, подлѣзъ ей подъ брюхо и ловкимъ движеніемъ ножа подрѣзалъ почти до конца туго затянутую подпругу; потомъ дружелюбно огладилъ коня и полѣзъ подъ животъ другого.

Черезъ десять минутъ всѣ подпруги были подрѣзаны.

Тогда Сархалтыхъ повернулся ногами къ костру и тихо поползъ въ свою сторону.

Отойдя саженей полтораста, онъ сталъ во весь ростъ, набралъ полную грудь воздуха, приложилъ ладони къ губамъ, и вдругъ на весь лугъ прокатился пронзительный, бѣшеный вой.

Заметался тревожно костеръ, полетѣли по вѣтру огнистыя искры, и драгуны метнулись къ конямъ.

Загремѣла слѣпая ружейная трескотня, просвистѣли куда-то пущенныя трусливой рукой безтолковыя пули, и лугъ загудѣлъ отъ тяжелаго конскаго топота.

— Ги-и-и!—застоналъ перелѣсокъ въ отвѣтъ на австрійскіе выстрѣлы, и изъ испуганной тьмы понеслись на огонь казаки Забурුннаго.

Сархалтыхъ приглядѣлся въ сѣрѣвшую мглу и увидѣлъ съ десятокъ метавшихся лошадей, потерявшихъ въ дорогѣ и сѣдла и всадниковъ.

Тогда Сархалтыхъ распоясалъ арканъ, набросалъ его ровными петлями на правую руку, зажалъ мокрый хрустящій конецъ въ крѣпкихъ зубахъ и чутко застылъ.

И когда передъ нимъ показалась изъ сѣраго полога утренней мглы взбѣшенная морда венгерскаго жеребца, ронявшаго мыло

на полномъ ходу, калмыкъ весь собрался въ комокъ, и тяжелая мокрая петля волосяного аркана, засвистѣвъ на излетѣ, повисла на шеѣ ставшаго свѣчкой плѣненнаго скакуна.

Безъ сѣдла, безъ стремени, на одномъ поводу Сархалтыхъ полетѣлъ догонять казаковъ, и отовсюду ему отвѣчали на гикъ смертоносные крики десятки казаковъ.

X.

Начинался разсвѣтъ.

Теперь Сархалтыхъ, Илья и Данила стояли у мѣста дѣлежки драгунъ и полными пригоршнями собирали холодное, мокрое золото.

Увязавъ его крѣпко въ попону дубленымъ ремнемъ, обошли всѣ кусты, встрѣчая повсюду слѣды разрушенія: тамъ и здѣсь валялись разбитыя спицы изъ сломанныхъ колесъ одноколки; въ высокой травѣ попадались обрывки раскрытыхъ пакетовъ; на верхушкахъ кустовъ застряли солдатскія сѣдла, упавшія вмѣстѣ съ наѣздниками при первой попыткѣ драгунъ принять казачью атаку въ конномъ строю.

Все это было измазано кровью и могло разсказать о томъ, что ночью здѣсь вышло не легкое дѣло.

— Гляди-ка-сь суды!—окликнулъ Данила Илью.—Чиво-сь то еще!

Данила пробрался въ кусты, гдѣ темнѣлъ одинъ бокъ неизвѣстнаго темнаго предмета, и вынулъ оттуда пузатую сумку.

Сума была плотно набита, но вѣса въ ней не было.

Это заставило Данилу усомниться въ ея полезности, и онъ распахнулъ верхній край.

То, что увидѣлъ казакъ, заставило трепетно дернуться привыкшее ко всякимъ случайностямъ сердце: изъ сумки глядѣли огромныя пачки кредитныхъ билетовъ совсѣмъ незнакомаго Данилѣ достоинства; и было тѣхъ пачекъ такое количество, что даже туманъ пошелъ въ голову.

— Эхъ, и махина же! Ажнакъ у пяткахъ моргнуло!—сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ и, бережно задернувъ края, повѣсилъ суму на плечо.

— Ну, двигаемъ, братцы!—замѣтилъ Илья, приладивъ попону съ завернутымъ золотомъ за задней лукой.

— Пошли!—согласились казаки, но не тронулись съ мѣста.

Изъ-за сизаго лѣса, выходившаго краемъ къ трясинѣ, показалось венгерское знамя, а за нимъ на высокихъ коняхъ выплывали гусары.

На востокѣ сквозь плотную тучу пробилось вдругъ солнце и вспыхнуло яркимъ горячимъ огнемъ на раструбѣ сигнальной трубы.

Казаки онѣмѣли отъ дивнаго зрѣлища и стояли, какъ вкопанные, не въ силахъ отвести прикованныхъ глазъ.

Одинъ за другимъ выходили на лугъ эскадроны, и скоро всю синюю опушку ожившаго парка укрыли отряды гусаръ.

Это былъ лѣсъ, стройный и плотный, горящій на солнцѣ холодною сталью.

Значки колыхались по вѣтру живымъ ожерельемъ и тихо сползали съ пригорковъ на мокрую, росистую равнину.

— Эхъ, ты, братики!—съ досадою плюнулъ Илья черезъ зубы и тронулъ ногою коня.—Таперича айда куликать!

Онъ спрыгнулъ съ коня и проворно отпуталъ попону.

— Слѣзай, старики! Все одно не пройтись!—кивнулъ онъ десятку казаковъ головою.

Тѣ поняли правду въ его дѣловитыхъ словахъ и слѣзли покорно съ коней.

— Таперича клади лошадей!—скамандовалъ строго Илья.

Казаки положили.

— Ложись подъ прикрытію и жарь до послѣдку! А мы съ старикомъ попытаемъ пронесть казначейства наскрозь по болотамъ! Кункъ,—обратился Данила къ калмыку:—ты съ нами въ подпомочь!

Казаки защелкали затворами и строго притихли, чуя послѣднюю свою минуту.

— А ну, ва прицѣлъ!—гаркнулъ Илья, вскинувъ винтовку къ щекѣ.—Взво-о-дъ пли!

Вдрогнуло мокрое поле, и десятокъ гусаръ покатился съ коней.

— Пачками! Дуй!—крикнулъ Илья, посылая горячую пулю прямо въ широкую грудь офицера, и, вскинувъ на плечи попону съ деньгами, шагнулъ въ камыши.

Данила съ калмыкомъ махнули за нимъ.

А сзади трещали казацкіе выстрѣлы, и отвѣтнымъ дождемъ басурманскихъ гусаръ осыпало мокрые камыши холодной трясины.

XI.

Солнце стояло высоко на ясномъ, безоблачномъ небѣ, но вода въ камышахъ облегала до пояса желѣзнымъ, сжимающимъ холодомъ.

Ноги вязли въ грязи до колѣнъ, и просторные казацкіе сапоги мягко булькали, поднимая со дна пузыри.

Казаки истомились въ конецъ отъ долгой дороги и уныло брели по болотамъ, спотыкаясь и зябко дрожа.

У Данилы рука занѣмѣла совсѣмъ, сжимая холодное дуло винтовки: Илья сильно сгорбился подъ тяжестью казеннаго золота, а Сархалтыхъ громко клацалъ зубами и шелъ въ сторонѣ, неся двѣ винтовки, свою и Ильи Забурුннаго.

Стрѣльба прекратилась давно; казаки съ честью кончили дѣло въ послѣднемъ неравномъ бою, и цѣлыя шайки гусаръ бродили теперь въ камышахъ, ища казаковъ, унесшихъ съ собой заманчивую добычу.

Временами Данила и сынъ замирали на мѣстѣ, прислушиваясь къ гулкому хлопанью гусарскихъ сапогъ гдѣ-то близко совсѣмъ.

И тогда у Данилы сжималось въ тоскѣ ослабѣвшее старое сердце, и онъ тихо молился за сына Илью и за бѣднаго раба Сархалтыха.

Потомъ удалялись шаги, голоса становились слабѣй, и въ эти минуты Данила слыхалъ, какъ издали вѣяло дыханіе смерти, прошедшей въ десяткѣ шаговъ отъ мокрыхъ, измученныхъ путниковъ.

Скоро итти стало невмоготу: штаны, чекмени—все набухло, облипло холодною грязью и страшно тянуло растертыя въ кровь, неподвижныя плечи.

— Придетца скидать,—уныло замѣтилъ Илья и, отдавъ калмыку драгоцѣнную ношу, раздѣлся до самой рубашки.

— Все одно,—согласился старикъ:—кабы грѣло, а то одна тягота!

И онъ вслѣдъ за сыномъ стянулъ съ себя все до рубашки и бросилъ въ камышъ.

Сархалтыхъ поглядѣлъ на ставичниковъ косыми глазами, но раздѣваться не сталъ... У него начиналась горячка.

Кровь толчками стучала въ виски, ноги упорно подламывались, а въ глазахъ уже плавали цвѣтные круги, застилая собой камыши.

Онъ только сбросилъ папаху и шелъ теперь, мутно водя горящими, сухими глазами, и все его плоское, скуластое лицо горѣло отъ страшнаго жара.

— Что, братъ-кунакъ, чижало?—спросилъ его старый Данила.

— Моя, бачка, скора капутъ,—тоскливо отвѣтилъ калмыкъ, и изъ узкихъ, сверкающихъ глазъ покатились слезинки.

Зашумѣлъ гдѣ-то рядомъ камышъ.

Илья и Данила шагнули въ зеленую гущу и застыли на мѣстѣ.

Загудѣли поблизости тревожные, злобные голоса, и гулко захлюпали ноги.

Данила взглянулъ на калмыка и замеръ.

Кунакъ, какъ стоялъ, такъ и остался на чистой болотной равнинѣ. А дальше, налѣво, верхомъ на коняхъ, стояли три австрійскихъ гусара и глядѣли куда-то впередъ.

„Одинъ поворотъ головы—и калмыкъ будетъ виденъ, какъ на ладони. Тогда...“—Данила не смогъ даже думать, что будетъ тогда, и отчаянно принялся дѣлать сигналы калмыку.

Тотъ глянулъ на голаго дѣда, потомъ повернулся туда, гдѣ молча стояли гусары, и понялъ.

Взглянулъ на товарищей послѣднимъ, проясненнымъ взглядомъ и тихо, безъ звука ушелъ съ головою подъ воду.

И когда сторожевые гусары повернули къ нему головы, на водѣ было пусто, только два пузыря показались на гладкой поверхности и трепетно лопнули.

Безъ звука, безъ мысли слѣдили Данила съ Ильей за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ скрылся калмыкъ подъ водой; боялись, что вотъ-вотъ прорвется поверхность, и плоское, скуластое лицо задыхающагося Сархалтыха выдастъ гусарамъ присутствіе казаковъ.

Но калмыкъ не являлся.

И когда нашумѣвшій разъѣздъ удалился совсѣмъ, казаки уже сами достали холодное тѣло калмыка.

Сархалтыхъ предпочелъ задохнуться въ водѣ, но не выдать оплошностью старыхъ товарищей.

Онъ такъ и застылъ со стиснутыми желтыми зубами, съ потемнѣвшимъ лицомъ и скрюченными корявыми пальцами, не выпустившими и послѣ смерти казацкой винтовки.

— Помяни, Господи душу раба Сархалтыха,—тихо шепнулъ дѣдъ Данила и быстро сморгнулъ съ глазъ набѣжавшую слезинку.

XII.

Третьи сутки брели казаки камышами.

Трясина то бѣлѣлась уже, и тогда по ея берегамъ слышны были чужіе, враждебные голоса, то расплывалась безъ края, и тогда казакамъ казалось, что они уже сбились съ пути и обратно идутъ къ тому мѣсту, гдѣ покончилъ съ собой Сархалтыхъ.

Дѣдъ Данила весь высохъ, сталъ синій, согнулся совсѣмъ, но все еще шелъ, еле двигая изодранными жилистыми ногами, съ завѣтною сумкой черезъ плечо.

Илья похудѣлъ, сталъ угрюмымъ, безжизненнымъ и терпѣливо тащилъ свою тяжкую ношу, блуждая горящими ввалившимися глазами.

Иногда казакамъ попадались сухія мѣста въ камышахъ; тогда они долго лежали, подставивъ подъ солнце истертыя до крови спины, а потомъ поднимались опять и снова шагали по поясъ въ студеной водѣ, не видя конца своимъ мукамъ.

Страшный случай съ калмыкомъ научилъ ихъ бояться нечаянныхъ встрѣчъ: дѣдъ Данила устроилъ двѣ толстыя прочищенныя камышинки, и когда возлѣ берега появлялись внезапно разъѣзды австрійскихъ гусаръ, не желавшихъ мириться съ досадной потерей, казаки опускались подъ воду и сидѣли минутами на илистомъ днѣ, дыша черезъ дѣдовы камышинки.

Сколько разъ они видѣли смерть въ двухъ шагахъ отъ себя, но ни разу имъ даже и въ голову не приходило сдаться позорно въ полонъ.

И къ ночи на третьи сутки казаки очутились у выхода изъ

страшной трясины, одинъ только узкій, проросшій насквозь, ручеекъ подымался отсюда на взгорки, а тамъ уже близко синѣла опушка той рощи, гдѣ когда-то Илья захватилъ изъ копны австріяка.

Передъ вечеромъ плотный туманъ упалъ на болото: казаки простояли у устья ручья до самой зари, а когда потемнѣло кругомъ, рѣшили пойти на ура: будь что̀ будетъ; дальше терпѣть не было силъ человѣческихъ.

Къ ночи туманъ порѣдѣлъ, и стали видны далекія звѣзды.

Теперь, когда старый Данила глядѣлъ на нихъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, казалось ему, что все это—сонъ, страшный, запутанный, съ еще неизвѣстнымъ концомъ.

И только когда возвращался онъ мыслью къ началу, къ отъѣзду изъ дому, къ прощанію съ внукомъ, со старухой,—ему становилось не по себѣ, и горькія слезы сжимали хрипящее горло.

Теперь, когда путь впереди сталъ ясенъ и коротокъ, Данила подумалъ о немъ, и не было въ сердцѣ его ни страха ни радости.

Все такъ же уныло и вяло вступилъ онъ въ шумящій просвѣтъ между двухъ береговъ ручейка и такъ же покорно понесъ свою ношу, точно рѣшилъ до конца довести разъ взятое на себя дѣло, а тамъ—будь, что̀ будетъ.

Среди ночи Илья оставилъ отца дожидаться, а самъ пошелъ на развѣдку.

Воротился онъ мрачный, убитый.

— Залегло! Каюкъ намъ съ тобою, отецъ. Коли хочешь, попробуй пройтить, а я выйду тѣмъ часомъ наружу и открою пальбу. Можа, удастца отвесть.

Старикъ покачалъ головой и упрямо сказалъ:

— Нѣтъ, Илья! Это не дѣло! Ужъ ежели кому рискнуть, такъ ета минѣ. У табѣ еще уся жисть попереди ляжить, а минѣ усе одно край приходитъ.

Старикъ помолчалъ, глядя въ воду, и взялся за мокрый ремень:

— Вотъ табѣ, Илюша, ка̀зна! А таперича примай мою благословенію.

Илья подошелъ и принялъ.

Старикъ перекрестилъ его широкимъ крестомъ, обнялъ троекратно и, взявъ винтовку въ корявыя руки, полѣзъ черезъ чащу на берегъ.

И какъ только вышелъ на твердую землю, всѣ старыя думки сняло, какъ рукой.

Поглядѣлъ на высокое небо, на далекія звѣзды, на сторожевые костры, залегшіе у узкаго ручья,—и все стало ясно и просто, и сердце наполнилось легкою теплотой.

Теперь миновали уже тяжелые дни, убившіе вѣру, смутившіе душу; теперь предстояло опять итти въ дѣло, подставить себя вмѣсто сына; и въ старой груди опять загорѣлась казацкая искра.

„Таперича знаю по крайности — что̀ и къ чему! — подумалъ Данило. — Помру, такъ за сына, за вѣрное дѣло, и не въ болотахъ, какъ погань какая, а въ честномъ бою“.

Старикъ заложилъ единственную обойму, откинулъ затворъ и пошелъ отъ ручья прямо въ лугъ.

Тамъ онъ спокойно опустился на колѣно, поймалъ огонекъ сторожевого костра на прицѣлъ и дернулъ курокъ.

У костра что-то быстро метнулось, и скоро десятокъ коней помчалось на выстрѣлъ.

Данила стоялъ, точно камень, слѣдя за движеніями всадниковъ, и когда они стали отчетливо видны на заревѣ пылающаго костра, одну за другой опрокинулъ съ коня еще двѣ фигуры.

Послышались крики, и съ разныхъ концовъ понеслись на Данилу какія-то тѣни.

Теперь у Данилы остался одинъ лишь зарядъ. Его онъ оставилъ на самый послѣдокъ и ждалъ.

Не прошло и минуты, какъ цѣлая шайка выросла рядомъ.

Впереди на красивомъ гнѣдомъ жеребцѣ скакалъ стройный гусаръ-офицеръ.

Онъ что-то звонко кричалъ и размахивалъ саблей.

Данила взглянулъ на него и узналъ.

Это былъ тотъ самый хохолъ, котораго нѣсколько дней назадъ забралъ изъ копны его сынъ.

Только его подлымъ словамъ были обязаны всѣ тѣ изрубленные казаки поѣздкой съ казеннымъ ящикомъ подъ носомъ у непріятеля, кончившейся смертью столькихъ лихихъ джигитовъ.

Данила лохматый, сѣдой, съ узловатыми жилами на голыхъ ногахъ, поднялся навстрѣчу предателю и грозно сказалъ:

— Узнаешь, чортовъ сынъ?

Офицеръ покачнулся въ сѣдлѣ и попятился бокомъ отъ страшнаго призрака.

Но Данила не далъ ему даже опомниться.

Ловкимъ взмахомъ руки вскинулъ винтовку къ щекѣ, приложился и послѣднюю казацкую пулю влѣпилъ прямо въ лобъ молодому гусару.

Потомъ старикъ бросилъ винтовку и палъ, разрубленный цѣлымъ десяткомъ вражескихъ сабель.

Послѣдняя мысль его была объ Ильѣ.

„Какъ-то сынъ? Чи пробился, чи нѣтъ?“

Потомъ старикъ рухнулъ, и земля приняла казацкую старую кровь.

XIII.

На разсвѣтѣ казачій разъѣздъ неожиданно шарахнулся отъ ручья, и кони встревоженно захрипѣли.

Изъ сухихъ камышей вышелъ голый, изодранный человѣкъ и, качнувшись подъ тяжестью ноши, опустился безсильно на землю.

Казаки поглядѣли на страннаго выходца, и вдругъ приказный четвертаго взвода радостно вскрикнулъ:

— Братцы! Ды ета Илья Забурунновъ!

Казаки соскочили съ коней, подобрали совсѣмъ обезсилѣвшаго товарища и тронулись въ путь.

— Сумку мою захватили? — спросилъ еле слышно Илья.

— Узяли!

— А попону узяли?

— Узяли! Чижолая страсть!

Илья болѣзненно улыбнулся и принялся что-то быстро, тревожно лопотать самъ съ собою.

Начинался бредъ.

— Не въ себѣ парень,—молча переглянулись казаки и прибавили шагу.

У мѣста стоянки полка Илью передали начальству.

Полковой командиръ приказалъ сыграть сборъ офицерамъ.

Пришли командиры сотенъ и стали вкругъ Ильи; дальше стояли хорунжіе, сотники и восковые старшины.

Вызвали новаго казначея и поставили рядомъ со сверткомъ и сумкой часового.

Когда, послѣ долгихъ стараній полкового врача, Илья разжалъ зубы, ему влили въ глотку горячаго рому.

Илья задышалъ сразу крѣпче, и слабый румянецъ тронулъ ввалившіяся щеки.

Открывъ глаза, казакъ поглядѣлъ на склоненныя къ нему офицерскія головы и сдѣлалъ попытку привстать.

— Лежи!—приказалъ полковой командиръ, и Илья уронилъ опять голову, глядя вокругъ успокоенными, ожившими глазами.

Вдругъ онъ рванулся съ постели и сразу осѣлъ.

— Что̀ такое?—спросилъ его докторъ.

— Казакъ моего увзводу Данила Забурунновъ увъ безвѣстной отлучки! Прикажите послать казаковъ икъ ручью, что̀ увпадаетъ увъ трясину!

— Послали уже!—успокоилъ его командиръ и, глядя на офицеровъ, внушительно выговорилъ: — Поступокъ, достойный быть занесеннымъ въ отечественную лѣтопись. Горжусь! Представлю къ знаку отличія Военнаго Ордена!

Командиръ повернулся на каблукахъ и, указавъ на казацкую ношу, приказалъ казначею:

— Примите!

Офицеры одинъ за другимъ расходились...

Къ полудню вернулись разъѣзды, высланные разыскивать Данилу Забурупнаго.

Старика привезли, какъ онъ былъ.

Голова у Данилы была изсѣчена въ кашу, и только по окровавленной густой бородѣ, прилипшей къ исколотой груди, можно было узнать, что это лежитъ кавалеръ трехъ орденовъ казакъ Данила Терентьевичъ Забурунновъ.

Когда закопали Данилу, командиръ приказалъ адъютанту:

— Вмѣстѣ съ представленіемъ Ильи Забуруннаго довести до свѣдѣнія главнаго штаба о безпримѣрномъ подвигѣ покойнаго кавалера, нашего полчанина Данилы Забуруннаго!.. Миръ праху твоему, герой-старикъ!

Командиръ опустился на колѣни и долго стоялъ, припавъ головою къ свѣжему холмику.

Офицеры поникли печальными головами, а чубатые казаки тихо вздрагивали и крѣпко крестились у новой могилы.

Прямо отсюда многимъ изъ нихъ нужно итти снова въ дѣло, и, кто знаетъ, не насыплютъ ли завтра такой же курганчикъ и надъ его изсѣченнымъ басурманскими шашками тѣломъ.

Крѣпко задумались казаки, стоя у братской могилы, и только порывистый вѣтерокъ шевелилъ ихъ чубы, прикрывавшіе буйныя головы.

XIV.

Въ концѣ августа въ станицѣ состоялся сходъ.

Изъ округа прибылъ гонецъ съ летучкой, и станица заволновалась, собираясь къ правленію.

Когда подошло все, что̀ было еще не ушедшаго служить на границу, атаманъ развернулъ бумагу и громко прочелъ:

„Объявляю о подвигѣ безпримѣрной храбрости, проявленной казакомъ Ильей Забурунновымъ, представленнымъ мною къ наградѣ знакомъ отличія Военнаго Ордена“.

Далѣе шло описаніе подвига Ильи, отбившаго у австрійцевъ полковую казну и пронесшаго ее въ цѣлости и сохранности черезъ вражескій станъ по зыбучей трясинѣ.

А въ концѣ сообщалось о славной, геройской смерти казака той же казачьей станицы Данилы Забуруннаго, отдавшаго жизнь за святое и правое дѣло.

„Миръ праху твоему, старый герой, — говорилось въ приказѣ: — да сохранитъ потомство честное имя твое славное, и да послужитъ твой подвигъ примѣромъ будущимъ поколѣніямъ храбрыхъ казаковъ!“

Послѣ приказа служили панихиду.

Возлѣ клироса лежала ничкомъ на полу Данилина старуха, рядомъ съ нею стоялъ на колѣняхъ мальчонокъ, сынишка Ильи, а сзади старухи молилась Маланья Сычева, и молодое лицо ея горѣло пожаромъ отъ сладкой тоски по далекомъ возлюбленномъ.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

XLV г. № 38

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLV 1914

Выданъ 20 сентября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова кн. 8“.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Послѣ двухъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ общимъ врагомъ на галиційскихъ и французскихъ поляхъ битвы, на главныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій наступило относительное затишье. И русская армія въ Галиціи и франко-англійская армія во Франціи были заняты преслѣдованіемъ отступавшаго непріятеля, стремились возможно шире и полнѣе использовать одержанную побѣду въ смыслѣ внесенія въ ряды противника полнаго разстройства и деморализаціи. Однако, какъ показали дальнѣйшія послѣдствія, слишкомъ оптимистическіе расчеты и надежды въ этомъ направленіи оказались грубо преувеличенными. Если можно еще говорить о полномъ разгромѣ австрійцевъ въ Галиціи, то у сколько-нибудь объективнаго и научно безпристрастнаго военнаго обозрѣвателя не поднимется перо писать о разгромѣ нѣмцевъ подъ Парижемъ. Истинный же патріотизмъ не долженъ жить ни сладкими иллюзіями ни сознательнымъ самообманомъ. Оффиціальныя реляціи русскихъ, англійскихъ и французскихъ военныхъ властей все время были несравненно скромнѣе и суше, чѣмъ выводы и заключенія слишкомъ пылкихъ и слишкомъ увлекаю-

Прибытіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Августѣйшаго Шефа лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго Имени Ея Величества полка, на торжество освященія Кавалергардскаго лазарета для раненыхъ воиновъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

Генералъ-лейтенантъ М. В. Алексѣевъ, Высочайше награжденный по представленію Верховнаго Главнокомандующаго орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Трофеи войны. Венгерское знамя съ вензелями и короной императора Франца-Іосифа.

Автомобиль-прожекторъ.

Надъ умирающимъ врагомъ.

щихся обозрѣвателей. Да, было полное отступленіе нѣмецкихъ и бѣгство австрійскихъ армій, но ни на берегахъ рѣки Сана ни тѣмъ болѣе на берегахъ рѣкъ Эна и Мааса не повторилось того, что свершилось когда-то на берегахъ Березины. Цѣлый рядъ кровавыхъ арьергардныхъ боевъ на французскомъ театрѣ войны показываетъ, что отступающая германская армія нисколько не утратила еще способности къ сопротивленію и самозащитѣ. Она то и дѣло переходитъ въ наступленіе, сама атакуетъ преслѣдующаго непріятеля и отступаетъ на заранѣе приготовленныя позиціи, укрѣпленныя тяжелой артиллеріей, для преодолѣнія которой союзникамъ приходится нести много жертвъ.

При несомнѣнномъ превосходствѣ полевой французской артиллеріи надъ германской огромный численный перевѣсъ крупнокалиберныхъ мортиръ-гаубицъ оказался на сторонѣ нѣмцевъ.

Тяжелая нѣмецкая мортирная артиллерія показала свое дѣйствіе и въ сраженіи подъ Сольдау и при осадѣ Намюра, всѣ укрѣпленія котораго были буквально уничтожены въ теченіе первыхъ трехъ дней бомбардировки. Благодаря необычайной громоздкости гаубицъ, пользованіе ими при наступленіи значительно затрудняется, особенно на восточномъ фронтѣ, гдѣ германская армія не найдетъ хорошихъ бетонированныхъ шоссейныхъ путей, но зато при неторопливомъ боевомъ отступленіи на заранѣе укрѣпленныя позиціи преимущество въ крупной артиллеріи даетъ въ руки нѣмцевъ огромный козырь. Весьма вѣроятно, что именно систематическимъ использованіемъ дальнобойнаго артиллерійскаго огня объясняется въ значительной степени образцовая устойчивость нѣмецкаго отступленія.

Находившаяся въ наиболѣе тяжеломъ положеніи армія кронпринца послѣ неудачной попытки прорваться между Верденомъ и Тулемъ свободно отошла на

Раздача жалованья нижнимъ чинамъ на походѣ.

Генералъ-лейтенантъ Н. М. Драгомировъ, сынъ знаменитаго М. И. Драгомирова, Высочайше награжденный по представленію Верховнаго Главнокомандующаго орденомъ Св. Георгія 4-и степени.

Люксембургъ для посадки въ заранѣе сосредоточенные поѣзда, которые должны перебросить ее на русскій фронтъ.

Повидимому, германцамъ все-таки не удастся долго задержаться на берегахъ рѣкъ Энъ и Уазы и на высотахъ Реймса. Преслѣдующія ихъ англо-французскія колонны завладѣли переправами и частью высотъ и продолжаютъ настойчиво тѣснить непріятеля. Огромное стратегическое значеніе имѣетъ высадка англійскихъ силъ въ Остендэ на подмогу бельгійцамъ. Если даже крошечная армія короля Альберта такъ сильно тревожила своими дерзко-активными выступленіями флангъ и тылъ германцевъ, то, усиленная значительнымъ англійскимъ корпусомъ,

Раненые казаки по дорогѣ въ госпиталь.

оперирующимъ на путяхъ отступленія германскихъ силъ, она станетъ вдесятеро опаснѣе. Повидимому, дальнѣйшій притокъ англійскихъ подкрѣпленій будетъ направленъ именно въ эту сторону. Не забудемъ, что въ военномъ смыслѣ Англія представляетъ собою прямую противоположность Германіи: въ то время, какъ германскіе кадры съ каждымъ днемъ постепенно таютъ и сокращаются, кадры англійскихъ войскъ, напротивъ, непрерывно растутъ и въ общей численности и въ степени боевой подготовки и опытности.

Начавъ съ высадки въ первый мѣсяцъ войны двухъ корпусовъ и одной кавалерійской дивизіи (всего около 100.000 воиновъ), лордъ Китченеръ уже собралъ и подготовилъ новую 300.000-ю армію и съ помощью индійскихъ и колоніальныхъ войскъ обѣщаетъ въ скоромъ времени довести общую численность англійской арміи на континентѣ до милліона. Спортсменское воспитаніе и неисчерпаемая расовая энергія англо-саксовъ обезпечиваютъ британской арміи побѣду. Одна возможность появленія трехсотъ—четырехсотъ-тысячной англо-бельгійской арміи въ тылу праваго фланга германцевъ заставила послѣднихъ спѣшно очистить Брюссель и всю приморскую часть Бельгіи, значительно сужая пути отступленія. Покинувъ опустошенный Брюссель, они отошли къ Намюру и Льежу, т.-е. вернулись къ тѣмъ исходнымъ пунктамъ, съ которыхъ начали всю кампанію. Таковы ближайшія послѣдствія англійской высадки въ Остендэ. Выгодная фланговая позиція новаго англійскаго дессанта сдѣлаетъ германскую оборону въ Бельгіи и сѣверной Франціи еще болѣе затруднительной и вынудитъ нѣмцевъ отступить на германскую территорію.

Русская побѣда надъ милліонной австро-германской арміей въ Галиціи была несравненно болѣе рѣшительной и полной, но даже и она не привела еще къ окончательному уничтоженію австрійскихъ силъ. Наполовину уничтоженные австрійскіе полки не отступали, а попросту бѣжали, бросая раненыхъ, плѣнныхъ, артиллерію и обозы, не задержавшись даже на выгодныхъ позиціяхъ по рѣкѣ Санъ. Сдача въ плѣнъ пяти

Въ лазаретѣ. Вѣсти съ войны.

тысячъ германцевъ и захватъ 48 тяжелыхъ германскихъ гаубицъ и около 60 полевыхъ пушекъ никакъ не позволяютъ объяснять всѣ неудачи славянскими симпатіями многихъ австрійскихъ полковъ. Несравненно правдоподобнѣе капитуляція австро-германскихъ дивизій объясняется поистинѣ ужаснымъ дѣйствіемъ русской полевой артиллеріи, покрывающей поля и траншеи грудами непріятельскихъ труповъ. Осмотръ галиційскаго поля сраженія, усѣяннаго трупами лошадей и людей, остатками разбитыхъ непріятельскихъ орудій и разгромленныхъ обозовъ, свидѣтельствуетъ о страшной разрушительной силѣ русскаго артиллерійскаго огня и объ удивительной согласованности его работы съ дѣятельностью остальныхъ родовъ оружія. Страна, располагающая такою арміею, можетъ не бояться за свой завтрашній день.

Плѣнные австрійскіе солдаты.

Австрійцы и германцы бѣжали не по трусости, а по явной невозможности сопротивляться смертоносному натиску русскихъ силъ.

Но даже послѣ проигрыша такой огромной битвы Австрія еще не слагаетъ оружія и пытается сопротивляться. Остатки ея арміи сосредоточиваются на четырехугольникѣ Перемышль—Ярославъ—Ряшевъ—Дыновъ и на 100-верстномъ фронтѣ отъ Кракова до Ясло, усиливаясь новыми кадрами и подкрѣпленіями. Такъ какъ въ первой галиційской линіи были сосредоточены всѣ лучшія австрійскія войска, то нѣтъ основаній преувеличивать боевое значеніе новыхъ формированій, состоящихъ преимущественно изъ малоспособныхъ къ бою ландштурма и угнетенныхъ воспоминаніями пораженій полковъ. Пока русскія арміи продолжаютъ тѣснить непріятеля, постепенно окружая весь перемышльскій районъ. 4 сентября наши войска заняли Синяву и Самборъ—крайніе укрѣпленные пункты всего района, охраняющіе его связь съ столицами страны. 8 или 9 сентября палъ Ярославъ, сильная крѣпость, не уступающая Николаеву. Занятіемъ этихъ крѣпостей мы отрѣзали Перемышль отъ Кракова и отъ Венгріи.

У Медыки мы перебросились на правый берегъ Сана и подошли уже къ самымъ стѣнамъ внѣшнихъ фортовъ Перемышля. Начался обстрѣлъ осаждающихъ войскъ крѣпостными орудіями.

Остатки милліонной австрійской арміи или отошли къ Кракову, или же должны быть обложены въ осажденной крѣпости. Ни тотъ ни другой исходъ не сулитъ имъ ничего хорошаго, такъ какъ полевая армія, запертая въ крѣпости, не поддерживаетъ гарнизона, но неизбѣжно ускоряетъ моментъ его капитуляціи. Вотъ почему попытка разбитыхъ легіоновъ эрцгерцога Фридриха найти спасеніе за крѣпостными валами можетъ пониматься только, какъ начало неизбѣжнаго и скораго конца военныхъ дѣйствій на австрійскомъ фронтѣ.

Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Герой эльзасскаго наступленія—французскій генералъ По. (См. «Отклики войны»).

Чѣмъ же уравновѣшивается вытѣсненіе нѣмцевъ изъ Франціи и Бельгіи и захватъ русскими Галиціи и Буковины для нашихъ противниковъ? Однимъ отступленіемъ арміи генерала Ренненкампфа изъ Восточной Пруссіи. Послѣ тяжелаго удара, нанесеннаго двумъ корпусамъ генерала Самсонова, который подвергся нападенію сосредоточенныхъ около Остероде огромныхъ германскихъ силъ, генералъ Ренненкампфъ, въ цѣляхъ поддержки, долженъ былъ сдѣлать сильный натискъ на непріятельское расположеніе по рѣкѣ Алле. Этимъ онъ оттянулъ на себя часть германскихъ полковъ и далъ возможность арміи Самсонова выйти изъ критическаго положенія.

Но вслѣдъ затѣмъ необезпеченность собственной комуникаціонной линіи и глубокій заходъ непріятеля съ лѣваго фланга вынудилъ генерала Ренненкампфа заблаговременно передвинуть свои обозы въ тылъ и послѣ двухъ противофланговыхъ атакъ, приведшихъ къ полной неудачѣ нѣмецкой попытки окружить его, отвести свою армію назадъ. Такъ какъ фланговые бои талантливаго полководца сопровождались захватомъ новыхъ трофеевъ въ видѣ нѣмецкихъ пушекъ и плѣнныхъ, то на нихъ можно смотрѣть, какъ на новыя маленькія тактическія побѣды, тѣмъ болѣе цѣнныя, что онѣ привели къ серьезному и несомнѣнному стратегическому успѣху—неудачѣ всего нѣмецкаго плана наступленія. Само по себѣ очищеніе Восточной Пруссіи никакъ нельзя истолковывать, какъ наше пораженіе, потому что прочное занятіе края отнюдь не входило въ наши планы. Армія генерала Ренненкампфа, состоящая преимущественно изъ кавалерійскихъ частей и занимавшая фронтъ всего въ какихъ-нибудь 35 верстъ, была слишкомъ малочисленной для такого заданія. Вынудивъ ее очистить германскую территорію, несравненно болѣе многочисленный противникъ не дерзнулъ однакоже вторгнуться глубоко въ русскую территорію, но остановился на границѣ. Онъ вполнѣ основательно разсчиталъ, что при отсутствіи сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія и при начавшейся осенней распутицѣ пользованіе такими козырями, какъ крупнокалиберныя гаубицы и блиндированные автомобили, въ наступленіи противъ русскихъ по русской территоріи совершенно невозможно, а безъ нихъ перевѣсъ въ вооруженіи скажется на сторонѣ русскихъ. Когда слишкомъ опасно итти впередъ, благоразумнѣе постоять на мѣстѣ. Временно мы можемъ вполнѣ примириться съ такимъ положеніемъ вещей, тѣмъ болѣе, что главный интересъ нынѣшняго момента борьбы для насъ складывается не на прусскомъ, а на австрійскомъ фронтѣ.

Вандализмъ германцевъ. Оставленіе бельгійскими войсками Лувена, сожженнаго до тла германскими войсками. Въ Лувенѣ на ряду съ цѣнными памятниками старины уничтожено германцами одно изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ книгохранилищъ.

Вандаламъ

Германія! Союзники твои —
Насиліе, предательство да плети!
Въ развалинахъ Лувенъ и Шантильи
Горятъ книгохранилища столѣтій.
Но близокъ часъ! Уже темнѣетъ высь
Отъ грознаго возмездья приближенья,
И слышенъ громъ побѣдъ: —то начались
Вандаловъ современныхъ пораженья!
Смятенные исчезнутъ дикари,
Какъ послѣ бури исчезаетъ пѣна. —
Но свѣтомъ вѣчной залиты зари
Священныя развалины Лувена!

Георгій Ивановъ.

Телеграфныя привѣтствія Государя Императора и Президента Французской Республики:

„Извѣстіе о блестящей побѣдѣ, одержанной французской арміей, доставило Мнѣ большую радость, и Я приношу вамъ по этому случаю Мои сердечнѣйшія поздравленія. Испытанная доблесть французскихъ войскъ и таланты ихъ вождей достойны той великой націи, которой они принадлежатъ, и Мнѣ доставляетъ удовольствіе заявить во всеуслышаніе о чувствѣ удивленія, которое они во Мнѣ вызываютъ.

НИКОЛАЙ.“

Отвѣтная телеграмма Президента Французской Республики Его Императорскому Величеству.

„Приношу благодарность Вашему Величеству за поздравленія, глубоко тронувшія Францію и ея армію. Великая побѣда, одержанная русскими войсками въ Галиціи, исполнила радости сердца всѣхъ французовъ. Правительство Республики не сомнѣвается, что за нею вскорѣ послѣдуютъ какъ на германскомъ, такъ и на австрійскомъ театрахъ войны новые блестящіе успѣхи. Франція, исполненная рѣшимости сама продолжать борьбу со всей энергіей, шлетъ благородной союзной націи выраженіе своего удивленія къ ней и пожеланія, исполненныя твердой увѣренности въ успѣхѣ. *Раймондъ Пуанкарэ“.*

Августѣйшіе георгіевскіе кавалеры.

Государь Императоръ 3 сего сентября Высочайше пожаловалъ Королю Бельгіи Альберту и Сербскому Престолонаслѣднику Королевичу Александру орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-адъютанту Иванову.

„Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ передать молодецкимъ войскамъ юго-западныхъ армій Его горячее спасибо за проявленную ими старо-русскую удаль. Счастливъ исполнить волю нашего обожаемаго Верховнаго Вождя и сердечно поздравляю ваши арміи съ высокомилостивой оцѣнкой.

Генералъ-адъютантъ *Николай“.*

Миролюбіе не во-время.

(Политическое обозрѣніе).

Неблагопріятный для нѣмцевъ и австрійцевъ оборотъ войны сразу сдѣлалъ ихъ чрезвычайно миролюбивыми. Оказывается, что Австрія, приступившая къ уничтоженію крошечной Сербіи, и Германія, объявившая войну Россіи—убѣ

Какъ они воюютъ. Рис. М. Скотта.

Добиваніе раненыхъ плѣнниковъ, разстрѣливанье священниковъ, оскорбленіе и убійство беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, сожженіе и разграбленіе деревень и городовъ, уничтоженіе драгоцѣнныхъ и священныхъ историческихъ памятниковъ—вотъ способъ веденія войны германцами, считавшимися такъ недавно передовыми и культурными людьми.

Послѣдніе германскіе резервы. Обученіе освобожденныхъ ранѣе отъ военной службы молодыхъ людей въ Берлинѣ.

ждeнныя стороницы мира. Тѣ самые миролюбцы, которые с четырехъ угловъ легкомысленно зажгли Европу, обжегшись на кровавомъ пожарищѣ, теперь дѣлаютъ робкія признанія о великихъ благахъ нарушеннаго ихъ собственными руками мира и призываютъ къ окончанію затѣянной ими же общеевропейской войны. Формально иниціативу мирнаго посредничества принимаютъ на себя президентъ С.-Американской республики Вильсонъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ Брайанъ, но сразу было ясно, что ихъ гуманное обращеніе продиктовано изъ Берлина: подобныя предложенія всегда дѣлаются только по просьбѣ одной изъ воюющихъ сторонъ. Ни для кого не тайна, что новый шагъ австро-германской дипломатіи внушенъ вовсе не чувствомъ гуманности и не антипатіею къ массовымъ кровопролитіямъ, а желаніемъ сколько-нибудь безубыточно ликвидировать свою собственную, легкомысленно предпринятую, кровавую затѣю. Нѣмецкое миролюбіе или слишкомъ преждевременно, или слишкомъ запоздало. Изъ принциповъ гуманности, нарушенныхъ осквернителями европейскаго мира, берлинскіе и вѣнскіе хитрецы пытаются сдѣлать ловушку для начинающихъ одолѣвать ихъ враговъ. Это уже не миролюбіе, а наглая спекуляція на довѣрчивость. Война, насильно навязанная нѣмцами Россіи, Англіи и Франціи, можетъ быть оконченной не ранѣе, чѣмъ по достиженіи великихъ цѣлей войны. Ея первая цѣль—установить прочныя гарантіи европейскаго мира и лишить созидательницу современнаго европейскаго милитаризма—Германію возможности держать въ вѣчномъ страхѣ войны всѣхъ сосѣдей. Затѣмъ необходимо дать свободу всѣмъ угнетеннымъ германцами народамъ Европы, начиная съ поляковъ, австрійскихъ славянъ и кончая румынами и итальянцами. Высшія этико-гражданскія цѣли войны съ самаго начала ея инстинктивно чувствовались всѣми, но офиціально съ полною ясностью и опредѣленностью были указаны только въ двухъ воззваніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго. Не ограничиваясь идеей возстановленія Польши, сознавшей наконецъ свое расовое единство и политическую солидарность съ Россіей и славянствомъ, второе воззваніе гласитъ уже объ освобожденіи всѣхъ народовъ Австріи, томящихся цѣлыя столѣтія подъ игомъ германизма.

Такую же печальную участь испытываютъ и жители Шлезвига и Голштиніи и все населеніе Эльзасъ-Лотарингіи. Осуществленіе святыхъ задачъ священной освободительной войны перекраситъ карту Европы въ совершенно новые тона. Оно требуетъ раздѣла Австріи, умаленія Германіи, лишенной Познани, Шлезвига, Эльзаса и прочихъ награбленныхъ у сосѣдей провинцій, полной автономіи такихъ этнографически своеобразныхъ областей, какъ Чехія, Венгрія, Румынія, и наконецъ такого политическаго переустройства германскихъ земель, которое освободило бы германскій народъ отъ опасныхъ для всѣхъ сосѣдей извращеній кровожаднаго нѣмецкаго имперіализма и снова сдѣлало бы нѣмцевъ добрыми гражданами Европы. Все несчастье германскаго народа заключается въ томъ, что, не ограничиваясь созданіемъ національнаго государства, на что имѣетъ безспорное право каждая нація, онъ занялся постройкой всемірной имперіи, не располагая тѣми духовными и моральными рессурсами, какіе нужны для такого великаго строительства. Для того, чтобы спаять покоренные народы въ одно великое, сверхнаціональное государство, мало одной силы и безпрерывнаго насилія, необходима еще способность привязать ихъ къ себѣ, объединить въ одно нераздѣльное цѣлое съ собою духовными и моральными узами, а этой-то культурно-ассимилирующей способностью нѣмцы бисмарковскаго періода, нравственно отупѣлые въ гордомъ самодовольствѣ громкихъ побѣдъ 1871 г., и не имѣютъ въ своемъ крупповскомъ арсеналѣ. Къ выполненію морально-гражданскихъ задачъ они приступили съ помощью бронированнаго Круппомъ кулака и въ непримиримомъ противорѣчіи національной цѣли съ національными средствами, приведшими ихъ къ обидному сознанію своего творческо-политическаго безсилія, постепенно сами одичали и озвѣрѣли до позорныхъ неистовствъ нынѣшней войны. Переживаемыя въ наши дни историческія событія обнаружили всю тщету вѣковой работы Бисмарка и его предшественниковъ, всю призрачность и безплодность ихъ политическаго зиждительства. Пришла пора—и возводимая съ такими усиліями на костяхъ милліоновъ людей новая Вавилонская башня рухнула на голову своихъ строителей.

Членъ королевскаго французскаго дома—рядовой гражданской милиціи. Гастонъ Орлеанскій графъ д'Э, собственникъ замка д'Э, старшій сынъ герцога Немурскаго и внукъ короля Луи-Филиппа, родился въ Нёльи въ 1842 г. Въ 1864 г. онъ женился въ Ріо-де-Жанейро на дочери императора донъ-Педро II, которому и долженъ былъ наслѣдовать. Во время большой войны въ Парагваѣ графъ д'Э командовалъ соединенными силами Бразиліи, Аргентины и Уругвая. Сейчасъ этотъ генералъ, который долженъ былъ сдѣлаться императоромъ Бразиліи, исполняетъ свой долгъ передъ родиной, какъ самый обыкновенный французскій гражданинъ, вступивъ въ ряды милиціи города д'Э.

Германское судно, разбрасывающее мины въ Сѣверномъ морѣ. (См. «Отклики войны»).

Подвигъ казака Козьмы Крючкова. Рисунокъ М. Авилова.

Приводимъ изъ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей» письмо Козьмы Крючкова къ родителямъ, въ которомъ герой просто и образно разсказываетъ о своемъ подвигѣ. Пусть не сѣтуютъ читатели на грамматическія ошибки въ письмѣ:—казакъ Крючковъ долженъ владѣть не перомъ, а шашкой и пикой.

«1914 г. 3 дня августа Господи благослови письмо написать до натихой донъ послатъ радной сямье здраствантя дорогая мая семня я помилости Господа Бога нахожуся живъ и здоровъ чево и вамъ жалаю получить отъ Бога скораго успеха делахъ рукъ вашихъ затѣмъ понискому и усердному поклону посылаю въ семъ роднымъ и знакомымъ ниска кланнюсь всему тихому дону ниска кланиюся всѣмъ православнымъ христеянамъ помолитесь Богу обнасъ всехъ военохъ Затѣмъ мы были посланы вразиветъ изъ местечка Коцвари къ границы 10 верстъ 5 розъездовъ 6 человѣкъ вразъезди внашимъ врозъезди былъ приказнай Казьма Фирсавичъ Крючковъ Иванъ Щаголковъ Василій Астаховъ схутора Астаховъ Михаилъ Иванковъ схутора Карігина двое увезли донисения 29 іюля а мы асталися ночь баялпся 30 іюля 7 чесовъ утра наворили картошки поели я лохъ спать немнога уснулъ мене будіотъ ставай Фирсавичъ я скачилъ что тутъ вонъ немцы я взялъ бинокъ посмотрѣлъ 27 человѣкъ сѣли мы погоние поѣхали надграницай атбили ихъ отграницы и погнали верстъ 12 нрагнали 1 офицеръ немцы збутовалися офицера убили мы немцы ншо збутовалися товарищи мои поскакали двоя вправо адинъ вылеза а я одинъ остался нѣмцы зачали мене колоть пиками, а я отбивался винтовкою винтовку у мене выбили а я выхватилъ шашку шашкою рубилъ шашку вълажилъ вырвалъ у немца пику да пикою доколол 11 человекъ приехалъ всотню мине осмотрѣли сочли у мене 16 ранъ у копя 11 ранъ отъправили мене вбольницу приехалъ командочій войсками вбольницу сиелъ себе 1 степени Геворгиское крестъ навесилъ на мине и благодарилъ мине топеря идутъ комне господа офицеры полковники хорунжи заручку берутъ астаюся живъ и здравъ какъ самъ такъ конъ денъ 5 пробуду вболницы потомъ поѣду всотню».

Письмо.

Пишу тебѣ, мой другъ, изъ лазарета.
Я раненъ. Въ памяти какой-то смутный мракъ:
Упалъ снарядъ, взорвался, какъ ракета,
Смѣшались мы и хищно-дерзкій врагъ.
Вокругъ и дымъ, и грохотъ, и безумья...
Знамёна славныя ведутъ за ратью рать...
Ура! Впередъ, безъ страха, безъ раздумья!
О милый другъ, какъ сладко умирать.
За славу родины я такъ мечталъ когда-то
Отдать себя въ суровый битвы часъ.
И вѣрь: для сердца русскаго солдата
Нѣтъ жизни дней святѣе, чѣмъ сейчасъ.
И такъ легко... Но пуля разрывная
Глубоко грудь изранила мою.
Не вдругъ ее залѣчитъ глушь родная.
Когда вернусь въ любимую семью.
Сегодня все съ утра глядятъ мнѣ въ очи
И хуторà, и старый нашъ погостъ,
И наши тихія украинскія ночи,
Гдѣ жизни путь такъ ясенъ былъ и простъ.
Но какъ темно!.. Какъ душно!.. Силъ излишекъ
Уже изсякъ, и мысль не поймать.
Что я хотѣлъ?.. Да... Поцѣлуй дѣтишекъ
И успокой мою старушку-мать:
Я возвращусь... Вотъ батюшка подходитъ,
За нимъ сестра-печальница идетъ,
И вся въ слезахъ. И глазъ съ меня не сводитъ,
И знаю я: она чего-то ждетъ.
Прощай!.. Не, что это?.. Въ бронѣ одеждъ нетлѣнныхъ
Архистратигъ съ сверкающимъ мечомъ...
За нимъ полки на брани убіенныхъ
Идутъ на бой со швабскимъ палачомъ...
Великій часъ! Я вижу въ блескѣ славы
Знамена русскія надъ вражеской страной.
Архистратигъ, съ святой твоей державой
И я иду... служить землѣ родной...

Елена Ѳедотова.

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

II.

Григорій Аѳанасьевичъ по праву считался самымъ богатымъ человѣкомъ въ городѣ. Но основное состояніе было нажито не имъ и даже не отцомъ его, а дѣдомъ. Этотъ предокъ былъ простымъ мужичкомъ изъ хохлацкой деревни, но имѣлъ страсть къ охотѣ и плохое старое ружье. Промышляя отхожей работой, онъ былъ занесенъ судьбой на сѣверо-востокъ Россіи, гдѣ въ то время были еще дѣвственные лѣса и много звѣрья. Тутъ онъ бросилъ работу и сдѣлался заправскимъ охотникомъ и, имѣя практическую смѣтку, скоро сосредоточился на торговлѣ шкурами и въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ нажилъ крупныя средства. Вернувшись на родину, онъ занялся кожевеннымъ дѣломъ и оставилъ своему сыну большое состояніе. Сынъ, кромѣ смѣтки, имѣлъ уже нѣкоторыя познанія, которыя позволили ему поставить дѣло прочно, на правильной промышленной основѣ. Явился заводъ, предпріятіе расширилось, и Григорію Аѳанасьевичу уже досталось богатство.

Но, не имѣя отцовскихъ и дѣдовскихъ дарованій, онъ въ первое время велъ дѣло неудачно, терпѣлъ даже убытки, пока не добылъ себѣ образцоваго директора въ лицѣ Оттона Оттоновича Шлихенсона. Тогда дѣло пошло прекрасно, и онъ почилъ на лаврахъ. Имѣя свободныя средства, онъ не ограничивался кожей, а участвовалъ въ другихъ предпріятіяхъ. Губернскій городъ былъ бойкій и торговый, въ немъ имѣли мѣстопребываніе правленія нѣсколькихъ промышленныхъ предпріятій и банковскихъ отдѣленій. Осмоленко чуть ли не всюду былъ крупнѣйшимъ акціонеромъ и членомъ правленій, и это давало ему вліятельное положеніе въ городѣ, которое, къ тому же, онъ укрѣпилъ щедрой благотворительностью.

Во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, у губернатора, у архіерея, всюду для него было почетное мѣсто, вездѣ прислушивались къ его словамъ и ходатайствамъ и старались ихъ исполнить.

Семья у него была большая, но уже разошедшаяся по разнымъ мѣстамъ. Дочери повыходили замужъ, при чемъ одна была за какимъ-то вліятельнымъ графомъ и жила въ Петербургѣ. Старшій сынъ получилъ техническое образованіе, открылъ какую-то фабрику близъ Москвы и тамъ жилъ, младшій былъ студентъ въ Петербургѣ, а средній, его любимецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ бросилъ ученье, отслужилъ въ арміи и теперь постоянно жилъ при немъ.

Почему именно этотъ сынъ, Андрей, былъ его любимцемъ, рѣшительно никто не могъ объяснить. Въ немъ совсѣмъ не было тѣхъ качествъ, которыя позволяли бы смотрѣть на него, какъ на будущаго преемника его дѣлъ и главу фирмы. Дѣлъ онъ терпѣть не могъ, о дѣлахъ не хотѣлъ и слышать. Онъ жилъ въ небольшомъ особнякѣ, спеціально для него построенномъ, держалъ пары двѣ слугъ, прекраснаго повара, лошадей, автомобиль. Въ городѣ у него было нѣсколько друзей, но съ городскимъ обществомъ онъ не якшался, считая его скучнымъ.

И надо думать, что особое пристрастіе Григорія Аѳанасьевича къ этому сыну было основано главнымъ образомъ на томъ, что онъ не походилъ на него самого и на все то обыкновенное, что̀ его окружало. Старшій сынъ Сергѣй былъ повтореніемъ его и предковъ. Дѣятельный, практичный, онъ не возвысился надъ мѣщанскимъ міровоззрѣніемъ и всего себя посвятилъ выколачиванію рубля и богатѣнію. Младшій, Василій, еще юноша, мечталъ о томъ времени, когда станетъ во главѣ дѣла, и уже теперь интересовался тонкостями кожевеннаго дѣла. А Андрей презиралъ наживанье и всѣ другія дѣла. Въ организаціи его было что-то тонкое, хрупкое, какой-то своеобразный упадочный аристократизмъ, Богъ знаетъ откуда взявшійся. Всѣ другіе члены семьи, не исключая самого Григорія Аѳанасьевича, сохранили полностью мужицкія типическія черты родоначальника, а вотъ Андрей былъ словно подкинутъ. Объясняли это тѣмъ, что жена Григорія Аѳанасьевича была взята имъ изъ обѣднѣвшей и сильно захудалой дворянской семьи, въ которой во время оно были и знатные люди.

Кромѣ того, Андрей обладалъ интересной и привлекательной наружностью, чего нельзя было сказать про другихъ Осмоленко. Высокаго роста, тонкій, съ блѣдной, прозрачной кожей лица, онъ производилъ впечатлѣніе дерева, чрезмѣрно вытянувшагося вверхъ. Да и въ умѣ Богъ ему не отказалъ, правда, поверхностномъ, но остромъ и привлекательномъ.

Все это вмѣстѣ вызывало со стороны Григорія Аѳанасьевича нѣжное, почти благоговѣйное, отношеніе къ Андрею. Его, человѣка практическаго и собирателя по натурѣ, нимало не возмущало бездѣлье Андрея, безплодный образъ жизни, и онъ предоставлялъ ему тратить деньги почти безъ отказовъ. Андрей тратилъ много, особенно на покупку картинъ и художественныхъ рѣдкостей.

Когда Оттонъ Оттоновичъ пріѣхалъ въ загородный домъ Осмоленко, Григорія Аѳанасьевича не оказалось дома. Онъ еще не возвращался изъ города, куда поѣхалъ прямо съ завода. Но Шлихенсонъ встрѣтилъ въ саду жену Осмоленко, Марью Михайловну, и младшаго сына, петербургскаго студента. Они мирно прогуливались по главной аллеѣ сада, гдѣ была глубокая тѣнь, и, повидимому, ничего еще не знали о событіяхъ.

— Почему вы нынче такой неспокойный, Оттонъ Оттоновичъ?— спросила Марья Михайловна, взглянувъ ему въ лицо. — Что-нибудь на заводѣ случилось?

— На нашемъ заводѣ спокойно,—сказалъ Шлихенсонъ, цѣлуя руку: — а вотъ на другомъ заводѣ, который въ милліоны разъ больше нашего и называется Европой,—тамъ очень, очень неспокойно... Да неужели вы ничего не знаете? Только что въ городѣ получено извѣстіе, что Германія объявила намъ войну...

— Какъ? Война? Настоящая война? Да почему? Съ какой стати?

— Ну, ужъ этого я вамъ не могу объяснить. Знаете, я такъ занятъ на заводѣ, что и въ газету не всегда успѣваю заглянуть. Что-то изъ-за Сербіи и изъ-за Австріи... Будетъ призывъ запасныхъ и ратниковъ...

— Какъ вы говорите: запасныхъ? Это какихъ же?

— Тѣхъ, которые отслужили и вышли въ запасъ...

Марья Михайловна поблѣднѣла.

— Такъ это значитъ и... и Андрей?

— Если Андрей Григорьевичъ въ запасѣ, то, разумѣется, и его.

Страшно разволновалась Марья Михайловна и сейчасъ же отправилась въ домъ и начала вызванивать по телефону мужа, но онъ отовсюду уже уѣхалъ. Студентъ же Василій побѣжалъ въ конюшню и быстро, при помощи конюха, снарядилъ пролетку, вскочилъ въ нее и помчался въ городъ.

Оттону Оттоновичу сталъ успокаивать Марью Михайловну. Въ это время пріѣхалъ Осмоленко.

Шлихенсону пришлось уступить его на нѣкоторое время

Марьѣ Михайловнѣ, которая сейчасъ же бросилась къ нему съ своими тревогами.

— Да, да... Довольно однакожъ,—спокойно сказалъ Григорій Аѳанасьевичъ.—Я объ этомъ и не подумалъ!..

— Но вѣдь это же ужасно, Гриша! Ты только подумай: Андрей пойдетъ подъ пули!..

— Это, конечно, было бы ужасно, мой другъ, если бы такъ было. Но неужели же ты думаешь, что я это допущу? Да ни въ какомъ случаѣ. Мнѣ стоитъ только шепнуть одному да другому...

— Это навѣрно? Ты мнѣ за это ручаешься?

— Ручаюсь, какъ въ томъ, что мы въ лоскъ разобьемъ нѣмцевъ... Надѣюсь, Оттонъ Оттоновичъ не обижается... А впрочемъ, какой же онъ нѣмецъ!..

— Я не обижаюсь,—очень сосредоточенно сказалъ Шлихенсонъ:—но у меня... мнѣ надо съ вами поговорить, Григорій Аѳанасьевичъ...

— А что̀? Списокъ? Неужели готовъ? Такъ скоро?

— Нѣтъ,—списокъ я приказалъ сдѣлать, но онъ еще не готовъ, а поговорить нужно о другомъ.

Марья Михайловна, которая не только не вмѣшивалась въ дѣла, но тщательно избѣгала ихъ, сейчасъ же ушла, и они остались вдвоемъ.

— Ну-те, ну-те, Оттонъ Оттоновичъ,—сказалъ Осмоленко, взявъ его за рукавъ и усадивъ на садовую скамейку, на которой самъ сидѣлъ.—Говорите же.

— Я относительно своей особы. Мы утромъ говорили и упустили изъ виду одно важное обстоятельство, а именно: что я германскій подданный.

— Неужели?.. А впрочемъ, да, да. Вѣдь я же зналъ, только забылъ. А что̀ же? Развѣ это худо?

— Да вѣдь вы же слышали: „Долой нѣмцевъ!“

— Ну, это пустое: есть нѣмцы и нѣмцы. Мы должны сдѣлать разницу. Я самъ патріотъ и ненавижу нѣмцевъ, но это не мѣшаетъ мнѣ любить васъ, Оттонъ Оттоновичъ.

— Все это такъ, и я вамъ благодаренъ, но мнѣ всего только сорокъ одинъ годъ, и я когда-то служилъ въ Германіи и состою въ запасѣ...

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! И вы хотите уѣхать туда, чтобы сражаться съ нашими?

Это было произнесено тономъ, въ которомъ Оттону Оттоновичу послышалось недружелюбіе.

— Ничего подобнаго. Не имѣю ни малѣйшаго желанія. Я хотѣлъ бы только, чтобы меня оставили въ покоѣ и предоставили заниматься своимъ дѣломъ..

— И прекрасно! Я тоже этого только и хочу! Ну, такъ что̀ же? И занимайтесь. Я увѣренъ, что васъ никто не тронетъ.

— Я слышалъ нѣсколько иной взглядъ. Послѣ вашего отъѣзда я поѣхалъ въ городъ и побывалъ въ германскомъ консульствѣ. Оно уже не существуетъ. Ворота охраняются полиціей. Тамъ идетъ укладка вещей. И мнѣ сказали, что если я не уѣду въ Германію сейчасъ же, то меня арестуютъ, посадятъ въ тюрьму, а можетъ-быть, и хуже...

— Пустое, все пустое, милый мой Оттонъ Оттоновичъ. Положитесь на меня и можете быть увѣрены, что я этого не допущу. Сегодня же въ семь часовъ я увижу губернатора — у насъ экстренный совѣтъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ по вопросу о помощи раненымъ — и поговорю съ нимъ... Прекрасно, прекрасно, Оттонъ Оттоновичъ, что вы такъ рѣшили; а иначе вы сдѣлались бы моимъ врагомъ... Но что̀ дѣлается въ городѣ! Какой энтузіазмъ! Это что-то невиданное. Наши-то флегматическіе горожане, которыхъ, было, на какое-нибудь общественное дѣло пушкой не подвинешь, вдругъ точно проснулись. Жертвуютъ сотни и тысячи! Я пока молчу. Вы понимаете, что Осмоленко обязанъ принести на алтарь больше всѣхъ, и потому я долженъ выждать... Ну, что̀ жъ, пойдемте закусимъ! Я вѣдь не завтракалъ сегодня...

— Нѣтъ, благодарю васъ: поѣду на заводъ. Не въ моихъ правилахъ такъ надолго оставлять его.

— Ну, какъ хотите. А насчетъ того не безпокойтесь. Сегодня же поговорю съ губернаторомъ.

Шлихенсонъ простился съ нимъ и уѣхалъ на заводъ.

III.

Еще не доѣзжая съ полверсты до завода, Оттонъ Оттоновичъ замѣтилъ, что тамъ не все такъ, какъ должно быть и какъ обыкновенно бываетъ. По заведеннымъ имъ строгимъ порядкамъ, ворота̀, ведшія во дворъ, были всегда на запорѣ, да и калиткой пользоваться зря не разрѣшалось. Рабочій всегда долженъ находиться за своимъ дѣломъ и на своемъ мѣстѣ. Въ обѣденный часъ всѣ они находились въ казармѣ, отведенной для этой цѣли, и времени полагалось ровно столько, сколько нужно было на обѣдъ и отдыхъ. Когда, въ началѣ его управленія, раздавались протесты и высказывалась мысль, что ужъ временемъ отдыха служащій человѣкъ могъ бы пользоваться, какъ ему угодно, Оттонъ Оттоновичъ сказалъ:

— Это совершенно неправильное понятіе. Я смотрю на отдыхъ не какъ на льготу, а какъ на обязанность рабочаго. Отдыхъ дается для того, чтобы дальнѣйшая работа была удовлетворительна. А потому отдыхъ долженъ быть правильный, какъ и работа.

И за „неправильный отдыхъ“, когда рабочіе уходили со двора, болтались въ окрестностяхъ, затѣвали игры и т. п., онъ налагалъ штрафъ и въ концѣ концовъ вывелъ эти отклоненія.

А теперь за воротами двигались какія-то фигуры, калитка была растворена настежь, и вообще происходилъ явный безпорядокъ. Былъ третій часъ, т.-е. время, когда обѣдъ и отдыхъ кончился, и весь заводъ бывалъ въ ходу. Ясное дѣло, что происходитъ какое-то броженіе.

Когда пролетка управляющаго приблизилась къ заводу, группа рабочихъ десятка въ два начала расходиться въ стороны, давая ей дорогу. Хромой сторожъ стремительно заковылялъ къ воротамъ и растворилъ ихъ. Управляющій строгимъ взглядомъ окинулъ рабочихъ и, напряженно сжимая вожжи, въѣхалъ во дворъ.

Во дворѣ тоже тамъ и здѣсь сновали рабочіе, изъ чего онъ безошибочно заключилъ, что на заводѣ никто не работаетъ.

Онъ остановилъ пролетку, сдалъ ее съ лошадью подошедшему кучеру и поднялся по второй этажъ, въ контору. Въ первой комнатѣ сидѣло за столами только четверо служащихъ, между ними былъ Ливановъ. Но только онъ одинъ и поднялся, чтобы привѣтствовать его, остальные сидѣли. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ и позвонилъ. Вошелъ Ливановъ.

— Что̀ здѣсь произошло?—мрачно спросилъ онъ.

Ливановъ былъ человѣкъ практическій, разсчетливый, умѣвшій подмѣчать слабыя струны у людей и играть на нихъ. Шлихенсона онъ обошелъ, какъ и другихъ, и тотъ довѣрялъ ему.

— Понять не могу, Оттонъ Оттоновичъ, какъ ужъ это они узнали. Изъ города кто-то пришелъ и разсказалъ, что война намъ германскими нѣмцами объявлена. Поднялся галдежъ. Я тутъ какъ разъ приступилъ къ составленію списка, который приказали. Опрашиваю, а они и слушать не хотятъ.—Что̀ тутъ, кричать, записывать! Мы и безъ записи всѣ пойдемъ нѣмца бить!..— Послѣ обѣда на работу никто не сталъ. Человѣкъ пятнадцать въ городъ ушли, а остальные такъ болтаются. Но все же списокъ я, по имѣющимся у меня даннымъ, составилъ. Вотъ онъ.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и положилъ на столъ.

— Хорошо. Благодарю. Я потомъ позову васъ, Ливановъ.

Но Ливановъ не уходилъ, и было видно, что онъ хочетъ еще что-то сообщить.

— Оттонъ Оттоновичъ,—проговорилъ онъ сильно пониженнымъ голосомъ:—я хотѣлъ вамъ сказать... Разговоры были...

— Какіе разговоры?

— Насчетъ того, чтобы нѣмцевъ обижать... Такъ ужъ вамъ бы, Оттонъ Оттоновичъ, осторожность соблюдать. Мнѣніе мое такое, что строгости они теперь не примутъ...

— А что̀? Развѣ рѣчь шла объ опредѣленныхъ лицахъ?

— Ваше имя было упомянуто...

— Благодарю васъ, Ливановъ. Скажите тамъ подъ рукой, что съ минуты на минуту пріѣдетъ хозяинъ, Григорій Аѳанасьевичъ, и будетъ говорить съ ними...

Ливановъ ушелъ, но Оттонъ Оттоновичъ не долго тутъ оставался. Черезъ минуту онъ выпорхнулъ изъ конторы и побѣжалъ наверхъ, въ третій этажъ, въ свою квартиру.

Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ растерялся. Весь его желѣзный характеръ, вся неуклонность исчезли. Все это годилось при управленіи дѣломъ, но онъ совсѣмъ не былъ рожденъ для битвъ. А тутъ, повидимому, весь, заведенный имъ, порядокъ разомъ рухнулъ, и онъ не чувствовалъ себя въ силахъ при такихъ обстоятельствахъ возстановить его.

Онъ чувствовалъ себя жертвой какого-то мірового столкновенія. Выброшенный обстоятельствами изъ первой своей родины, онъ принужденъ покидать и другую. Оказывается, что у него есть долгъ за что-то биться и жертвовать своей жизнью. И притомъ отдавать все это не за то, что̀ ему дѣйствительно дорого — жена, дѣти, никогда не видѣвшія Германіи, кожевенный заводъ, который такъ хорошо кормитъ его, земля, которую онъ воздѣлываетъ,—а что-то условное, съ чѣмъ у него сами собою порвались всякія связи...

Онъ прошелъ въ свою квартиру и встрѣтилъ жену, Амалію. Лицо у нея было испуганное и блѣдное.

— Ты слышалъ? Что̀ они говорятъ? Война? Они на наши окна косятся, показываютъ кулаки...

— Слышалъ, знаю. Погоди, Маля, я занятъ...

Онъ побѣжалъ въ кабинетъ. Тамъ у него стоялъ телефонный аппаратъ, и онъ позвонилъ Григорію Аѳанасьевичу.

— Я засталъ на заводѣ безпорядокъ. Требуется ваше присутствіе. Я убѣдительно прошу... Нѣтъ, умоляю васъ сейчасъ пріѣхать сюда. Я и моя семья въ опасности...

Это было сильно преувеличено, но онъ зналъ, что безъ такихъ мѣръ трудно заставить Осмоленко въ такой день вторично пріѣхать на заводъ. Григорій Аѳанасьевичъ, должно-быть, испугался и сказалъ, что сейчасъ выѣдетъ.

Послѣ этого Оттонъ Оттоновичъ вышелъ къ женѣ и нашелъ ее въ состояніи, близкомъ къ истерикѣ. И виною этого была слишкомъ впечатлительная служанка, Авдотья, которая ежеминутно выбѣгала во дворъ и приносила оттуда самыя потрясающія вѣсти.

Надо однако сказать, что среди рабочихъ ничего опредѣленно враждебнаго по отношенію къ управляющему проявляемо не было. Было ворчанье общаго характера, нѣкоторые не безъ удовольствія говорили, что теперь, молъ, „нашему нѣмцу круто придется“, и что его, какъ и всѣхъ остальныхъ, „безпремѣнно убе-

рутъ", по ближайшимъ образомъ никто ничѣмъ не угрожалъ Оттону Оттоновичу. Но Авдотья все пропускала черезъ свое, почему-то вдругъ напуганное, воображеніе и приносила наверхъ извѣстія дѣйствительно угрожающаго свойства.

Въ то время, когда Оттонъ Оттоновичъ вышелъ изъ кабинета, какъ разъ Авдотья ворвалась въ гостиную съ самыми свѣжими вѣстями и, можно сказать, добивала ими Амалію Ѳедоровну.

— И теперь,—говорятъ они:—ничего имъ, нѣмцамъ, не пройдетъ даромъ, будемъ въ нихъ палить изъ пушекъ, и ему, стало-быть, нашему Шлюхину-сыну, не сдобровать...

— Что̀ такое?—спросилъ Оттонъ Оттоновичъ.—Что̀ это значитъ: Шлюхинъ-сынъ?

— А нехорошее значитъ. А только это они вашу собственную фамилію этакимъ манеромъ оборачиваютъ!

— Шлихенсонъ... Шлюхинъ-сынъ... Что̀ за нелѣпость!

Оттонъ Оттоновичъ прогналъ Авдотью и началъ успокаивать жену. Онъ увѣрилъ ее, что нѣтъ ничего страшнаго, что мѣры будутъ приняты, но нужно подождать пріѣзда Осмоленко.

Оттонъ Оттоновичъ каждую минуту подходилъ къ окну, которое выходило на поле, откуда видна была дорога. Наконецъ онъ увидѣлъ вдали коляску, которая мчалась прямо къ заводу.

— Ну, вотъ, онъ ѣдетъ!.. Самъ Григорій Аѳанасьевичъ! — радостно сообщилъ онъ женѣ.—Онъ дорожитъ мною и постарается все устроить. Успокойся же, успокойся. Я долженъ спуститься внизъ, такъ какъ ему очень трудно подыматься въ третій этажъ...

Они встрѣтились въ конторѣ. Тамъ уже никто не работалъ; только Ливановъ считалъ долгомъ оставаться на своемъ посту и на глазахъ у управляющаго и хозяина.

Оттонъ Оттоновичъ описалъ хозяину положеніе дѣлъ, но Осмоленко довольно добродушно махнулъ рукой:

— Вы все преувеличили, Оттонъ Оттоновичъ, увѣряю васъ. Это оттого, что вы не знаете русскаго человѣка. На войнѣ онъ будетъ безпощадно рубить всякаго врага, будь то нѣмецъ или кто другой, но мирнаго не тронетъ, особенно если видитъ, что онъ притиснутъ къ стѣнѣ. Вотъ погодите-ка, я сейчасъ... Какъ бы позвать кого-нибудь...

Шлихенсонъ позвонилъ. Сейчасъ же явился Ливановъ.

— А, Ливановъ! Вотъ что̀, голубчикъ, собери всѣхъ рабочихъ и служащихъ гдѣ-нибудь, ну, хоть во дворѣ, и объяви, что я хочу сказать имъ нѣсколько словъ.

— Слушаю, Григорій Аѳанасьевичъ, — сказалъ исполнительно Ливановъ и вышелъ.

— Оттонъ Оттоновичъ, повѣрьте, что все уладится какъ нельзя лучше. Наша Россія такая ужъ милая страна: въ ней все можно уладить, поговоривъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Надобно только говорить умѣючи.

Тутъ онъ вспомнилъ о спискѣ служащихъ:

— Давайте займемся. Вы, Оттонъ Оттоновичъ, лучше меня знаете, кто нужнѣе заводу, и за кого слѣдуетъ хлопотать. Итакъ, начнемте по порядку.

Онъ прочитывалъ фамиліи вошедшихъ въ списокъ служащихъ, которымъ предстояло итти въ войска, а Шлихенсонъ дѣлалъ краткую характеристику каждаго. Имена тѣхъ, о комъ слѣдовало хлопотать, отмѣчались крестиками. Занятіе это отняло у нихъ съ полчаса.

Ливановъ же въ это время сзывалъ во дворъ служащихъ, расползшихся по всѣмъ закоулкамъ широкаго заводскаго пространства. Многихъ онъ не нашелъ, такъ какъ они, рискуя штрафомъ, не выдержали и ушли въ городъ. Другіе рвались туда, но еще сдерживали себя.

Во дворѣ собралось съ полсотни народа, и тогда Ливановъ доложилъ начальству.

— Мнѣ позвольте не выйти, — сказалъ Шлихенсонъ, который не очень-то раздѣлялъ оптимизмъ Григорія Аѳанасьевича.

Осмоленко махнулъ на него рукой:

— Хорошо, оставайтесь, хотя, по-моему, напрасно.

И вышелъ во дворъ. Онъ шелъ совершенно увѣренно, ни на минуту не сомнѣваясь въ томъ, что встрѣтитъ полное согласіе и покорность.

Его встрѣтили почтительно, даже сняли шапки и стояли безъ нихъ.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ Григорій Аѳанасьевичъ, приподнявъ надъ лысой головой свою панаму. Ему отвѣтили привѣтственнымъ гуломъ. — Ну, вотъ, господа, пришелъ великій моментъ... Ну, да... То-есть моментъ великій, но въ то же время и печальный, когда вѣроломный сосѣдній народъ грозитъ нашему дорогому отечеству. Вся Россія встанетъ на защиту, вся, какъ одинъ человѣкъ! — воскликнулъ Григорій Аѳанасьевичъ, сильно, насколько могъ, нажавъ на свои голосовыя связки, и послѣ многозначительнаго перерыва продолжалъ: — И вы, господа, это почувствовали и, понятно, не могли оставаться спокойными. Вы оставили работу и, взволнованные, ищете способа, какъ бы проявить свой патріотизмъ. И я, хозяинъ, не осуждаю васъ за это. Личные интересы должны отойти на второй планъ передъ интересами отечества. Многіе изъ васъ, господа, — продолжалъ, съ полминуты отдохнувъ, Осмоленко: —многіе изъ васъ несутъ на себѣ долгъ стать въ ряды воинства, и, конечно, они не задумаются передъ этимъ. Но однакоже, друзья мои, долженъ вамъ сказать, что мирная работа такъ же необходима для отечества во время войны, какъ и работа пушекъ и ружей. А потому, работая, вы также будете исполнять свой священный долгъ... О, разумѣется, не я буду совѣтовать кому-либо уклониться отъ защиты отечества. Но если бы кто-нибудь изъ подлежащихъ призыву по своему здоровью или настроенію чувствовалъ себя болѣе пригоднымъ для мирной работы, такъ пусть онъ заявитъ объ этомъ мнѣ, и я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы онъ могъ оставаться при своей работѣ... Итакъ, чтобы напрасно не тратить время, прошу всѣхъ, состоящихъ въ запасѣ, перейти на правую сторону.

Разомъ двинулась направо значительно бо̀льшая часть присутствовавшихъ, слѣва остались только старшіе мастера, люди почтеннаго возраста.

— Ну, такъ кто же изъ васъ желалъ бы остаться при мирной работѣ?—обратился Осмоленко къ группѣ, перешедшей направо.

Въ отвѣтъ ему было глубокое молчаніе.

— Что̀ же? Никто не хочетъ? Или, можетъ-быть, меня не поняли?

— Всѣ желаемъ служить отечеству, желаемъ исполнить долгъ!.. Всѣ желаемъ! Всѣ, всѣ! — раздалось нестройно, но энергично и горячо.

— Гм...—промычалъ, на минуту смутившись, Осмоленко, но сейчасъ же овладѣлъ собой.—Ну, такъ это и хорошо. Прекрасно. Очень, очень похвально... Конечно, заводъ нашъ на первое время будетъ въ затрудненіи, но, говорю я, личные интересы должны быть отодвинуты на второй планъ. Такъ вотъ, господа: когда понадобится, вы получите полный расчетъ, и, кромѣ того, обѣщаю вамъ, и вы можете на меня положиться, что семьи ваши не будутъ нуждаться ни въ чемъ необходимомъ. Это я вамъ обѣщаю, самъ позабочусь объ этомъ. Можете передать это и вашимъ ушедшимъ въ городъ товарищамъ.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ,—промолвило нѣсколько голосовъ, и всѣ начали кланяться Григорію Аѳанасьевичу, и даже тѣ, что̀ остались справа, не призываемые на войну.

— Ну, вотъ... Н-да... Такъ можете быть въ этомъ увѣрены. Но, мои друзья, я не могу отъ васъ скрыть, что этому моему рѣшенію много способствовалъ вашъ непосредственный начальникъ, управляющій заводомъ, Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ. Да, да, именно онъ, человѣкъ столько же справедливый, сколько и требовательный въ исполненіи долга. Онъ, близко знающій каждаго изъ васъ, только что засвидѣтельствовалъ передо мной, что на моемъ заводѣ нѣтъ ни одного плохого работника, а всѣ, какъ одинъ, всегда добросовѣстно исполняли свои обязанности. Да. Это онъ сообщилъ мнѣ, какъ хозяину, и этимъ расположилъ меня въ вашу пользу, такъ что мнѣ захотѣлось сдѣлать для васъ доброе дѣло.

Тутъ опять Григорій Аѳанасьевичъ на минуту остановился для отдыха, вынулъ платокъ, вытеръ лобъ и продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ, господа, хотя и носитъ иностранную фамилію, но по духу такой же русскій, какъ и мы, и русскому предпріятію, а не какому иному, онъ отдалъ свои силы и свои большія познанія. И вотъ ему-то вы и должны быть благодарны за то, что сможете спокойно исполнять нашъ высокій патріотическій долгъ передъ родиной, увѣренные, что ваши близкіе не нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ и кровѣ...

— Мы благодарны... Благодаримъ Антона Антоновича!

„Оттона Оттоновича",—хотѣлъ-было по обыкновенію поправить Осмоленко, но на этотъ разъ счелъ за благо воздержаться.

Онъ считалъ, что миссія его исполнена какъ нельзя лучше, но такъ какъ онъ все-таки чувствовалъ себя ораторомъ, то требовался какой-нибудь эффектный финалъ.

И онъ закончилъ:

— А теперь, господа, объявляю вамъ, что по случаю знаменательнаго событія работы на заводѣ сегодня не будетъ. Но, само собою разумѣется, за сегодняшній день вы получите плату полностью. Можете итти въ городъ и принять тамъ участіе въ общенародномъ движеніи высокаго патріотическаго подъема. Да здравствуетъ наша великая родина! Ура!

Раздалось отвѣтное „ура". Рабочіе и служащіе двинулись къ воротамъ, а оттуда въ городъ, и на заводѣ стало пусто. Еще около Осмоленко вертѣлся Ливановъ, но и у того было такое лицо, что Григорій Аѳанасьевичъ самъ предложилъ ему свободу, и онъ поспѣшилъ вслѣдъ за другими.

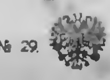
Въ конторѣ Оттонъ Оттоновичъ горячо пожималъ руку Осмоленко:

— О, какъ вы хорошо съ ними говорили! Я стоялъ здѣсь, у отвореннаго окна, и все видѣлъ и слышалъ. И какъ благодаренъ вамъ за себя! Хотя судьба моя находится въ неизвѣстности...

— Не бойтесь, Оттонъ Оттоновичъ. Сегодня же устроимъ и остальное. Все устроится, надо только имѣть терпѣніе. А главное, во̀-время пожертвовать своими интересами... Ну, вотъ, если бы я не отпустилъ ихъ на сегодняшній день, такъ они сами ушли бы. Работы все равно не было бы, а тонъ былъ бы другой, гораздо хуже. Ну, теперь ѣду... Ахъ, я сегодня цѣлый день въ разъѣздахъ. Столько хлопотъ, что въ другое время на недѣлю хватило бы. Ну, да ужъ времи такое, ничего не подѣлаете.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

XLV г. № 39 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМО[illegible] РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и в[illegible]. г. XLV 1914

Выданъ 27 сентября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна [illegible]

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. IВ".

Галиція.

Позабывъ напѣвную
Рѣчь свою, была
Мертвою царевною
Въ темномъ за̀мкѣ зла...
Сторожили вороги
Къ замку всѣ пути,
Тѣ жъ, кто сердцу дороги,
Падали въ пути...
Вдругъ упалъ подъ кручею
Витязь молодой,
Что̀ подъ грозной тучею
Шелъ съ живой водой...
Но все ближе слышится
Звонкій лязгъ мечей,
И уже колышется
Пологъ у дверей...
И сквозь брызги пламени,
Сквозь летучій градъ
Виденъ крестъ на знамени
[illegible]

Св. Икона Явленія Божіей Матери преподобному Сергію Радонежскому Чудотворцу, доставленная 30 августа с. г. изъ Троице-Сергіевской лавры въ ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Св. Икона эта сопровождала россійское воинство со временъ Царя Алексѣя Михайловича во всѣхъ важнѣйшихъ войнахъ.

Возсоединеніе съ Червонною Русью.

Въ издающейся во Львовѣ „Прикарпатской Руси" въ нумерѣ отъ [illegible] сентября опубликована следующая Высочайшая телеграмма: Львовъ. Изъ Царскаго Села. Генералъ-губернатору Галиціи.

„Передайте депутаціямъ русскихъ организацій Галиціи, явившимся къ вамъ съ выраженіемъ любви и преданности, Мою сердечную благодарность и Мой привѣтъ многострадальному русскому народу [illegible] со мною радостную возможность [illegible] всеподданнѣйшую [illegible] Галиціи [illegible] Ду [illegible]

Статуя Мадонны въ [illegible]

тельныхъ и экономическихъ русскихъ организацій Галиціи и отъ имени галицкаго русскаго народа просили меня повергнуть къ стопамъ Царскимъ чувства вѣрноподданнической преданности, сыновней любви и благодарности ихъ природному Бѣлому Русскому Царю, освободившему Червонную Русь отъ многовѣкового рабства и возсоединившаго ее съ матерью Россіей. Графъ Бобринскій".

Возсоединеніемъ зарубежной Руси, возстановленіемъ Польши и объединеніемъ всѣхъ славянскихъ земель въ одинъ общій политическій и таможенный союзъ Россія приближается къ завершенію своей исторической миссіи въ Западной Европѣ. Высочайшій отвѣтъ на выраженіе всеподданнѣйшей преданности представителей галиційскаго населенія офиціально свидѣтельствуетъ о томъ, что присоединеніе Прикарпатской Руси къ Россіи стало уже совершившимся фактомъ великаго историческаго значенія. Первая задача войны, указанная въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, уже осуществлена: нѣтъ больше подъяремной Руси. Милліоны нашихъ братьевъ, томившихся подъ нѣмецкимъ игомъ, получили наконецъ то̀, на что имѣетъ неоспоримое право каждый народъ, — національную свободу. Только теперь Россія закончила наконецъ свое національное объединеніе, и всѣ русскіе люди сошлись подъ скипетромъ Императора Всероссійскаго. Мы переживаемъ великій день своей исторіи, свѣтлый праздникъ своего національнаго торжества.

Наши зарубежные братья переживаютъ теперь то, что̀ переживали наши предки, сбросившіе съ себя тяжкое ярмо Мамая, а державная Россія, какъ мать, дождавшаяся возвращенія дорогихъ дѣтей изъ вражьяго плѣна, плачетъ слезами радости и упоенія. Завершая великое дѣло собиранія Русской Земли, на которое благословилъ Ивана Калиту молитвенникъ Земли Русской и печальникъ Червонной Руси, св. Петръ, первый митрополитъ галицкій и первый митрополитъ московскій и всея Руси, мы близки и къ разрѣшенію другой задачи войны, указанной Верховнымъ Главнокомандующимъ: къ возрожденію Польши. Какую форму приметъ политическое сліяніе остальныхъ славянскихъ государствъ — Сербіи, Чехіи, Болгаріи и пр. — покажетъ, надѣемся, уже недалекое будущее. Габсбургская монархія, объединявшая множество разноименныхъ и разноязычныхъ народовъ посредствомъ жестокаго военно-полицейскаго насилія, фактически уже перестала существовать, и ея наслѣдство подлежитъ немедленной ликвидаціи.

Наши отцы, братья, мужья и сыновья геройски сражаются за славу и благо дорогой Родины, за могущество ея Царя.

Великъ и могучъ духъ русскаго воинства. Но если каждый воинъ, въ случаѣ ниспосланнаго на него, по волѣ Всевышняго, несчастья — пораненія, будетъ знать, что необходимая врачебная помощь ему обезпечена, что эта помощь не только облегчитъ его временное страданіе, но вполнѣ возстановитъ его силы и дастъ возможность вернуться подъ знамена для новыхъ боевъ съ врагами Родины, то онъ еще съ бо̀льшимъ воодушевленіемъ пойдетъ въ бой.

Предстоятъ еще большіе бои, много еще прольется крови героевъ нашихъ, а нужды Краснаго Креста необъятны.

Ко всѣмъ, болѣющимъ душою за русское воинство, ко всѣмъ, стремящимся облегчить страданія раненыхъ воиновъ, обращаюсь съ просьбой: жертвуйте, сколько и что̀ можете — деньги, вещи и запасы Россійскому Обществу Краснаго Креста.

Великая Княгиня

Ксенія Александровна

16 сентября 1914 г., г. Петроградъ.

Пожертвованія направляются непосредственно въ центральную кассу Россійскаго Общества Краснаго Креста въ Петроградъ или чрезъ посредство мѣстныхъ учрежденій Краснаго Креста.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Минувшая недѣля не принесла нѣмцамъ ничего утѣшительнаго, ничего, окрыляющаго надежды на возможность сколько-нибудь благополучнаго для нихъ исхода затѣянной ими кампаніи. Рядъ жестокихъ боевъ по р. Энъ съ бѣшеными атаками обороняющихся только подтвердилъ сдѣланное и ранѣе заключеніе относительно полнаго сохраненія боеспособности отступившихъ отъ Парижа нѣмецкихъ армій: но такъ какъ почти всѣ нѣмецкія атаки были съ успѣхомъ и съ огромными потерями для атакующаго отражены союзными англо-французскими войсками, то отчаянныя попытки германцевъ поправить свое пошатнувшееся положеніе на западномъ фронтѣ въ общемъ итогѣ все-таки приходится признать неудавшимися. На лѣвомъ флангѣ расположенія союзниковъ, около Перонна, французы получили явный перевѣсъ и продвинулись нѣсколько впередъ, заходя въ тылъ арміи фонъ-Клука. Благодаря заранѣе подготовленнымъ германцами окопамъ и траншеямъ, война приняла здѣсь характеръ упорной крѣпостной обороны. Германскія позиціи на р. Энъ, это — своего рода Плевна, растянутая на добрыхъ 300—400 верстъ по всему фронту отъ швейцарской границы до Брюсселя. Каждый окопъ, каждую пядь земли союзникамъ приходится брать штурмомъ съ предварительной подготовкой артиллерійскимъ огнемъ. О напряженности борьбы и безумной стоимости самыхъ маленькихъ по территоріальному захвату побѣдъ ясное представленіе даетъ описаніе сраженія подъ Сенъ-Кантэномъ.

Первая линія нѣмецкихъ траншей была взята французской пѣхотой при поддержкѣ артиллеріи, но тяжелыя нѣмецкія орудія, выдвинутыя на высоты, косили ряды французовъ.

Рѣшено было тогда взять позицію приступомъ. Съ наступле-

Августѣйшая сестра милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна, состоящая въ 1-мъ Евгеніинскомъ госпиталѣ Краснаго Креста.

Постоянное присутствіе Ея Высочества въ палатахъ среди раненыхъ, Ея сердечное отношеніе къ нимъ, а также ко всѣмъ окружающимъ, исполненіе Ея Высочествомъ всѣхъ работъ сестры милосердія утѣшаетъ страждущихъ, поднимаетъ духъ, придаетъ энергію къ работѣ, освящая ее любовью къ ближнему. Въ виду этого предсѣдательница петроградскаго попечительства о сестрахъ Краснаго Креста комитета, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, фрейлина Е. Ф. Джунковская, отъ имени общины св. Евгеніи ходатайствовала о присвоеніи госпиталю имени Ея Императорскаго Высочества. Главное Управленіе Краснаго Креста, отнесясь съ чувствомъ восхищенія къ самоотверженной дѣятельности Великой Княгини Ольги Александровны, постановило повергнуть къ стопамъ Ея Высочества сердечную благодарность и всепреданнѣйше доложить о семъ Августѣйшей Покровительницѣ Общества Краснаго Креста Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, испросивъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе на присвоеніе Евгеніинскому госпиталю № 1 Имени Ея Высочества. (См. «Отклики войны»).

Госпиталь общины св. Евгеніи № 3 (на 200 кроватей). Группа врачебнаго, санитарнаго и служебнаго персонала.

1. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна Младшая, отправляющаяся съ госпиталемъ въ качествѣ сестры милосердія. 2. Фрейлина Е. Ф. Джунковская. 3. Начальница общины В. С. Тернигорева. 4. Главный врачъ общины К. Я. Анимовъ-Перетцъ. 5. Главный врачъ отряда проф. С. Ф. Чижъ. 6. Сестра милосердія И. И. Сергѣева.

ніемъ ночи французы сомкнутыми рядами, подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, пошли черезъ болота. Солдатамъ приходилось шагать по трупамъ своихъ товарищей, но все же имъ удалось дойти до второй линіи нѣмецкихъ траншей.

Тутъ произошла ожесточеннѣйшая рукопашная схватка. Французамъ помогло то, что инниціатива исходила отъ нихъ. Сыгралъ роль и тотъ удивительный энтузіазмъ, которымъ охвачены французскія войска, понимающія, что рѣшается участь Франціи. Несмотря на ужаснѣйшія потери, французамъ удалось мѣсто сраженія оставить за собой, и они заставили нѣмцевъ очистить Сенъ-Кантэнъ. Подоспѣвшія свѣжія войска гнали нѣмцевъ по улицамъ города. Въ узкихъ

Отрядъ въ честь св. Серафима Саровскаго, организованный духовными учебными заведеніями. Главный врачъ отряда—студентъ Академіи, докторъ — іеромонахъ Николай: сестры милосердія — Георгіевской общины и братья милосердія — студенты Императорской Духовной Академіи.

Германскіе и австрійскіе плѣнные и нашъ ополченецъ.

переулочкахъ происходили рукопашныя схватки. Въ концѣ концовъ нѣмцы отошли на одинъ километръ отъ Сенъ-Кантэна, собрались съ силами и вновь атаковали французовъ, сдѣлавъ отчаянную попытку снова захватить городъ. Имъ удалось оттѣснить французовъ въ болота, но, послѣ небольшого роздыха, французы пошли въ новую атаку и снова вытѣснили нѣмцевъ изъ Сенъ-Кантэна.

Разсказываютъ, что вся равнина между Перонномъ и Сенъ-Кантэномъ, по фронту въ 15 километровъ, покрыта трупами павшихъ въ бою. Мѣстами трупы лежатъ цѣлыми холмами. Это—результатъ ужаснаго огня нѣмецкой тяжелой артиллеріи.

На исходъ боевъ на лѣвомъ французскомъ флангѣ должно было оказать вліяніе безпрерывное полученіе французами свѣжихъ подкрѣпленій.

Во вторникъ вечеромъ въ Лондонѣ уже разсчитывали, что армія генерала фонъ-Клука частично окружена.

Французамъ подъ Сенъ-Кантэномъ удалось взять въ плѣнъ весь штабъ нѣмецкой дивизіи, 20 грузовыхъ автомобилей и уничтожить на пути между Перонномъ и Сенъ-Кантэномъ два блиндированныхъ поѣзда съ войсками, высланными на подкрѣпленіе.

Этимъ своимъ успѣхомъ французы обязаны изобрѣтательности одного офицера, который сумѣлъ сдѣлать отводъ отъ телефона нѣмецкаго отряда и перехватилъ сообщеніе о времени проѣзда и мѣстѣ назначенія поѣздовъ съ подкрѣпленіями. Получивъ эту справку, французскій штабъ немедленно послалъ отрядъ кавалеріи, который минировалъ желѣзнодорожный путь, въ то время какъ артиллерія установила точный прицѣлъ на полотно желѣзной дороги.

Оба поѣзда были уничтожены въ нѣсколько минутъ.

Подавляющее преимущество крупной артиллеріи германцевъ дѣлаетъ фронтальныя атаки еще болѣе затруднительными. Поэтому все наступленіе союзниковъ въ осадной полевой войнѣ поневолѣ должно сводиться къ фланговымъ обходамъ. Разумѣется, и противъ обходящихъ непріятельскихъ колоннъ германцы могутъ выставлять тѣ же окопы и свою тяжелую артиллерію, но при неограниченной свободѣ все новыхъ и новыхъ обходовъ со стороны противника дальнѣйшее послѣдовательное развитіе системы плевненской земляной обороны неизбѣжно привело бы къ такому же полному окруженію германской арміи, какое испытала турецкая армія въ Плевнѣ, что вовсе не входитъ въ расчеты германскихъ стратеговъ. Вотъ почему каждый болѣе или менѣе глубокій обходъ фланговъ союзниками при всемъ преимуществѣ германской тяжелой артиллеріи вынуждаетъ въ концѣ концовъ германцевъ къ оставленію передовыхъ позицій на обойденномъ фронтѣ. Само собою разумѣется, что такая кротовая землекопная война не можетъ быть быстрой. При большомъ сравнительно успѣхѣ побѣдитель продвигается впередъ на какихъ-нибудь полкилометра въ день. Это уже не бой въ смыслѣ полевого сраженія, а скорѣе состязаніе въ терпѣніи и настойчиности. Въ стратегическомъ и психологическомъ отношеніяхъ положеніе французовъ, защищающихъ свою родину и имѣющихъ за собою вполнѣ обезпеченный тылъ, несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ положеніе вторгнувшихся въ Бельгію и Францію нѣмцевъ. По чисто моральнымъ мотивамъ запасъ энергіи и настойчивости у обороняющихъ родину всегда больше, чѣмъ у пришедшихъ издалека завоевателей. Французы не смогутъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не прогонятъ съ родной земли ненавистнаго врага, а нѣмцы вынуждены не очень-то засиживаться при отраженіи насѣдающихъ на нихъ союзническихъ армій изъ тревожнаго опасенія, какъ бы не было отрѣзано благополучное отступленіе въ Германію. На нихъ должно подавляюще дѣйствовать сознаніе необезпеченности ихъ не только тактическаго, но и стратегическаго тыла, которому угрожаетъ затаившаяся въ Антверпенѣ бельгійская армія, ежедневно растущая въ числѣ и силѣ отъ непрерывнаго притока англійскихъ десантныхъ войскъ. Необходимость защиты тыла и фланговъ, повидимому, задержала уже намѣченную ранѣе отправку арміи кронпринца на русскій фронтъ. Можно надѣяться, что у германцевъ скоро не хватитъ силъ отстаивать свои позиціи, и что черезъ нѣсколько дней они будутъ вынуждены начать общее отступленіе по направленію къ своей границѣ: чрезмѣрно долго задерживаться на французской и даже бельгійской территоріи съ ихъ стороны не только неразсчетливо, но даже прямо рискованно.

Защита Парижа. Рытье траншей и постройка баррикадъ у воротъ города.

Къ австро-сербской войнѣ. Прибытіе колонны австрійскихъ плѣнныхъ въ Нишъ.

Мостъ на Марнѣ въ Ланьи, взорванный французскими саперами.

Задачи германцевъ на русскомъ фронтѣ, пожалуй, еще болѣе трудны и сложны. Производя общее наступленіе противъ арміи ген. Ренненкампфа, имъ удалось оттѣснить русскія войска изъ Восточной Пруссіи, но, перейдя на русскую территорію, они успѣли уже потерпѣть цѣлый рядъ мелкихъ тактическихъ пораженій и неудачъ. Уже къ 4 сентября ген. Ренненкампфъ остановилъ дальнѣйшее наступленіе. Вторгнувшіеся въ Сувалки и Ковенскую губерніи нѣмецкіе корпуса были вынуждены отойти обратно къ своей границѣ. Въ Сувалкской губерніи, по частнымъ свѣдѣніямъ изъ Петрограда, отступавшіе отъ рѣки Шешупы нѣмцы были настигнуты нашей кавалеріей и отброшены назадъ, къ Мазурскимъ озерамъ. У Райгорода (въ 40 верстахъ южнѣе Сувалокъ) наша кавалерія уничтожила три эскадрона гусаръ 17-го корпуса, въ срединѣ августа еще бывшаго во Франціи. Въ центрѣ непріятель отброшенъ у Вержболова, а на правомъ нашемъ флангѣ, у Юрбурга, также произошелъ успѣшный для насъ бой. Дессантъ, шедшій отъ Мемеля, былъ основательно побитъ русскимъ заслономъ; попытка перейти Нѣманъ стоила большихъ потерь, но не увѣнчалась успѣхомъ; движеніе по фронту Сопоцкъ—Друскеники закончилось отступленіемъ; Августовскіе лѣса и

Германскія траншеи близъ Гента, защищенныя по новой системѣ кругами стальной проволоки, которая ослабляетъ силу шрапнельнаго огня и препятствуетъ осколкамъ снарядовъ разлетаться въ стороны.

Дѣлопроизводство по сбору и регистраціи свѣдѣній объ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти воинскихъ чинахъ дѣйствующей арміи въ Петроградѣ. въ зданіи Казачьяго Отдѣла Главнаго Штаба (Караванная улица, № 1). Завѣдывающіе выдачей справокъ.

самый городъ Августовъ пришлось очистить. Бомбардировка маленькой крѣпости Осовца, закрывающей желѣзнодорожный узелъ Брестъ-Литовскъ, Бѣлое-Граево и пространство между непроходимыми болотами, не дала ничего положительнаго. Вести бомбардировку страшно трудно, потому что болотистость почвы окрестностей чрезвычайно затрудняетъ установку тяжелыхъ осадныхъ орудій. Защищенный съ фланговъ непроходимыми болотами, Осовецъ подвергается только фронтальной артиллерійской атакѣ съ большихъ разстояній, при чемъ обезпеченность помощи съ тыла дѣлаетъ возможность сопротивленія крѣпости почти безконечной. Какъ ни разрушительна новая осадная артиллерія германцевъ, но здѣсь она, повидимому, встрѣтитъ несравненно болѣе непреодолимыя препятствія, чѣмъ въ Льежѣ, опрокинувшемъ настойчивостью своего сопротивленія всѣ завоевательные планы Вильгельма. Столкновенія въ пограничной части Ломжинской губ. въ районѣ Щучина и Виниянта прошли для насъ тоже вполнѣ успѣшно. До 7 сентября значительный германскій отрядъ доходилъ до Млавы, но затѣмъ снова вернулся во-свояси. Болѣе или менѣе прочно нѣмцы укрѣпляются только въ Калишскомъ районѣ. Отрядъ въ 25—30.000 широкимъ фронтомъ около 10 сентября продвинулся къ р. Вартѣ и занялъ Варту, Блошки, Велунь, Лутутовъ. Потѣсненный нами у Серадзя, онъ оставилъ за собою сильно укрѣпленную линію Калишъ—Ченстоховъ, которая можетъ разсматриваться, какъ фланговая позиція на примыкающемъ къ ней Силезско-Краковскомъ районѣ. Повидимому, въ этомъ направленіи и совершается новое сосредоточеніе германской арміи и постоянно прибывающихъ къ ней значительныхъ подкрѣпленій. Предпринятое 12 сентября наступленіе на Друскеники, Сопоцкъ и прочее въ пространствѣ, заключенномъ между крѣпостями Ковной и Гродной, едва ли имѣло цѣлью прорвать нашу линію фронтальной атакой съ тѣмъ, чтобы выйти въ тылъ и перерѣзать питающія нашу южную армію линіи Варшавской желѣзной дороги. Скорѣе его слѣдуетъ понимать, какъ простую демонстрацію, предпринятую съ цѣлью отвлеченія силъ отъ галицкаго театра военныхъ дѣйствій. Какъ демонстрація, это движеніе не было достаточно настойчивымъ и быстро окончилось общимъ отступленіемъ, не приведя къ намѣченной цѣли.

Движеніе это какъ бы связываетъ воедино австрійскій и прусскій фронты, при чемъ центръ общаго фронта переносится отнынѣ къ Торну съ флангами у Кракова и Тильзита.

Общее тактическое положеніе борющихся армій характеризуется тѣмъ, что мы съ огромнымъ и ошеломляющимъ успѣхомъ давимъ непріятеля на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а онъ неудачно пытается давить на нашъ правый флангъ и центръ.

Рѣка Нѣманъ, по которой расположилась здѣсь линія нашей обороны, представляетъ собою значительную защиту, тѣмъ болѣе, что мы владѣемъ высокимъ берегомъ, а нѣмцы вынуждены оперировать противъ насъ на низменномъ и болотистомъ берегу. Съ этой стороны, намъ кажется, опасаться особенно нечего. Все это дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ быстрое отступленіе нѣмцевъ, которое можно разсматривать не только какъ простую неудачу, но и какъ чувствительное пораженіе. Повидимому, главныя военныя дѣйствія должны произойти въ Силезскомъ районѣ, вблизи Ченстохова и Кракова. Тутъ рѣшится судьба Германской имперіи. Полный разгромъ австрійской арміи въ Галиціи, удачное вторженіе черезъ Карпаты въ Венгрію, обложеніе и болѣе чѣмъ вѣроятное близкое паденіе Перемышля, удачно продолжающійся обходъ Краковскаго района съ запада и даже съ сѣвера, сопровождаемый оттѣсненіемъ бѣгущихъ, разстроенныхъ, зараженныхъ паникой, австрійскихъ полковъ къ веркамъ Краковской крѣпости—все это едва ли облегчаетъ германцамъ взятую ими на себя защиту Кракова. Задержанные обороной отъ французскаго наступленія на р. Энъ германцы не могутъ выставить противъ насъ болѣе 20—22 корпусовъ, главную часть которыхъ, вѣроятно, сосредоточатъ въ Силезіи и на юго-востокѣ отъ Кракова. Если бы сосредоточеніе такихъ громадныхъ силъ произошло какихъ-нибудь двѣ-три недѣли назадъ, когда противъ нашей арміи стояла въ Люблинѣ и Галиціи милліонная австрійская армія, дѣло могло бы принять для насъ иной оборотъ, но теперь отъ австрійскихъ корпусовъ остались отдѣльныя, разрозненныя части, спѣшно отступающія и столь же спѣшно преслѣдуемыя нашими войсками, и грозной двадцатикорпусной германской арміи придется уже имѣть дѣло не только съ значительно усиленными корпусами сѣверной арміи, но также и съ главными силами нашей побѣдоносной южной арміи, показавшей свою силу и свое умѣнье на галиційскихъ поляхъ. Нѣмецкія полчища встрѣтятъ противъ себя по меньшей мѣрѣ равную численность и неизмѣримо болѣе крѣпкій духъ. При такихъ условіяхъ можно смотрѣть въ темное будущее со свѣтлой надеждой и не бояться исхода предстоящаго рѣшительнаго сраженія, которое можетъ оказаться послѣднимъ большимъ сраженіемъ настоящей кампаніи.

Событія на главныхъ театрахъ войны—галицко-прусскомъ и франко-бельгійскомъ—заслоняютъ собою то, что происходитъ на второстепенныхъ театрахъ. Поневолѣ приходится мало удѣлять вниманія героической борьбѣ сербской и черногорской армій, уже успѣвшихъ покрыть свое оружіе въ третьей подъ рядъ войнѣ славою новыхъ побѣдъ. Сербы снова нанесли тяжкое пораженіе австрійцамъ, предпринявшимъ вторичную попытку вторженія черезъ Дрину и Саву, и, перейдя въ наступленіе, вторично заняли временно отданный австрійцамъ безъ боя Землинъ. Непосредственное значеніе новой сербской побѣды заключается только въ томъ, что она должна наконецъ прекратить безумную, почти двухмѣсячную бомбардировку Бѣлграда и открыть широкій просторъ для дальнѣйшаго вторженія сербской арміи въ славянскія провинціи Австріи. Несомнѣнно, что послѣ взятія черногорцами Фочи и соединенія ихъ съ сербской арміею уже не долго ожидать и занятія столицы Босніи—Сараево. Такъ печально кончается попытка австрійцевъ подвергнуть сербовъ „карательной экспедиціи“. Справедливая кара Божія направилась на тѣхъ, кто хотѣлъ карать невинныхъ и подвергать истребленію мирныхъ гражданъ сосѣдней страны. Занятіе сербами и черногорцами столицъ Босніи и Герцеговины будетъ имѣть огромное политическое значеніе. Оно ликвидируетъ всю аннексіонную политику Австріи и утверждаетъ юныя сербскія государства писанымъ кровью историческимъ актомъ громкихъ побѣдъ въ правахъ наслѣдства на южнославянскія земли, захваченныя заживо разваливающейся на нашихъ глазахъ Австрійскою имперіею. Вооруженіе черногорской горы Ловчена доставленными французами осадными пушками обрекаетъ австрійскій флотъ, запертый въ Каттарской бухтѣ, на вѣрный разстрѣлъ съ суши. Уничтоженіе австрійскихъ дредноутовъ, закрывшихся отъ непріятельскаго флота минами и береговыми батареями, еще болѣе усилитъ перевѣсъ тройственнаго соглашенія на морѣ.

Дѣлопроизводство по сбору и регистраціи свѣдѣній объ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти воинскихъ чинахъ дѣйствующей арміи въ Петроградѣ, въ зданіи Квзачьяго Отдѣла Главнаго Штаба (Караванная улица, № 1). Выдача справокъ.

Въ городкѣ плѣнныхъ.

Очеркъ **Ив. Митропольскаго**.

(Съ 4 рис. на стр. 751 и 752).

Съ особеннымъ чувствомъ шагнулъ я въ калитку воротъ лѣтняго отдѣленія N—скаго военнаго госпиталя, бараки котораго отведены теперь почти исключительно подъ военно-плѣнныхъ.

Раненый плѣнный венгерскій гусаръ-офицеръ въ госпитальной палатѣ для плѣнныхъ офицеровъ въ Москвѣ.

Плѣнъ уже давно утратилъ то свое значеніе военнаго рабства, которое имѣлъ въ древности, когда плѣнники становились вещью и достояніемъ побѣдителей, и теперь, въ наше время, только эксцессы и звѣрства такихъ представителей германской арміи, какъ, слава Богу, пойманный казаками майоръ Прейскеръ, переносятъ насъ опять на нѣсколько вѣковъ назадъ, ко временамъ „потока и разграбленія“.

Но все-таки самое слово „плѣнъ“ звучитъ зловѣще для уха современнаго свободнаго человѣка, привыкшаго уважать и свою и чужую свободу.

Вотъ почему я не могъ преодолѣть въ себѣ непріятно тревожнаго чувства, когда подходилъ къ коричневому забору на зеленомъ пригоркѣ, за которымъ, всѣ въ зелени, показывались крыши госпитальныхъ бараковъ.

Но уже первое впечатлѣніе у воротъ разсѣяло это мое чувство.

У калитки стоялъ дневальный, нашъ солдатикъ въ зеленой рубахѣ, а рядомъ съ нимъ, у косяка калитки, стоялъ весь въ сѣромъ и въ сѣромъ австрійскомъ кэпи одинъ изъ плѣнныхъ. Оба курили, изрѣдка подбавляя другъ другу огоньку, и бесѣдовали самымъ благодушнымъ образомъ, какъ два старинныхъ пріятеля.

Дневальный отдалъ мнѣ честь, вытянулся и австріецъ.

— Чему онъ улыбается? — спросилъ я дневальнаго про австрійца.

— Дюже радъ, ваше благородіе! —отрапортовалъ тотъ.

— Радъ, радъ,—закивалъ тотъ головой:—естемъ бардзо радъ! Бой то псское дѣло.

— А вы полякъ?

— Полякъ, естемъ полякъ, съ подъ Кракова,—закивалъ онъ опять головой.—Нашихъ тутай за веле.

— Совсѣмъ, какъ нашъ, ваше благородіе, — снисходительно пояснилъ дневальный. Мы имъ ни въ чемъ передъ нашими разницы не дѣлаемъ.

Вотъ это-то размягченно добродушное отношеніе и бросилось мнѣ потомъ въ глаза въ общей массѣ плѣнныхъ, заполонившей всѣ бараки, даже проходы между кроватями, лужайками госпитальнаго сада и всѣ дорожки и скамейки.

Люди, только что пережившіе весь кошмаръ и весь ужасъ теперешняго кроваваго боя, всѣ безъ исключенія раненые, наслаждались всѣми фибрами своего тѣла покоемъ и безопасностью, наслаждались такъ, какъ не можемъ наслаждаться мы, не испытывавшіе ничего подобнаго.

Отошли напряженные, взвинченные до послѣдней степени, нервы, позади и воспоминанія о боѣ и о долгой дорогѣ: вчерашніе солдаты стали опять людьми и по-человѣчески улыбаются другимъ людямъ, въ которыхъ такъ недавно готовы были видѣть враговъ.

Вонъ статный гонведъ въ красномъ мундирѣ, въ которомъ онъ появлялся и на передовыхъ линіяхъ къ великому искушенію нашихъ донцовъ, стремившихся во что бы то ни стало „ссадить съ коня краснаго чорта“, миролюбиво сидитъ на скамейкѣ подъ деревомъ вмѣстѣ съ бородатымъ казакомъ, призваннымъ, должно-быть, со льготы, и оба благодушно бесѣдуютъ.

— Наша конница гутъ!—говоритъ гонведъ и пріятельски треплетъ казака по колѣнкѣ лѣвой рукой (правая у него на перевязи).—Казакъ конницъ—гутъ!

Славянскія племена—конгломератъ многоязычной Австріи—какъ-то разомъ почувствовали здѣсь подъ собой родную почву: русины—тѣ прямо называютъ себя русскими, чехи не преминутъ подчеркнуть, что они только по приказанію начальства шли противъ нашихъ, а поляки сокрушенно вздыхаютъ, вспоминая, что они дрались на землѣ Царства Польскаго противъ своихъ же единовѣрцевъ.

— Ницъ не зробишь! — пожимаютъ они плечами, и жители Кракова, какъ „столичные“ обыватели, щеголяютъ утонченной вѣжливостью передъ нашими солдатиками.

— Нехъ панъ бендзе ласковъ, прошу огню!—беретъ какой-нибудь такой галантный краковецъ подъ козырекъ передъ нашимъ дневальнымъ, и тотъ охотно лѣзетъ въ карманъ или за голенище за спичками.

Въ четырехугольникѣ лагерныхъ госпитальныхъ построекъ, превратившемся въ настоящій городокъ плѣнныхъ, славяне какъ-то сразу объединились между собою и отдѣлились отъ немногочисленныхъ германцевъ, собравшихся въ отдѣльныя кучки.

Отношеніе и къ нимъ не плохое: наши солдаты, приставленные къ плѣннымъ, не дѣлаютъ и съ ними никакой разницы для другихъ, также надѣляютъ краюхами ржаного солдатскаго хлѣба, оловянными мисками, съ которыми плѣнные легко-раненые ходятъ сами въ кухню за обѣдомъ и ужиномъ, также носятъ легко-раненые и санитары тяжело-раненыхъ германцевъ на перевязку, но глубокая и племенная разница въ духѣ и характерѣ разобщаетъ и здѣсь германца отъ славянина.

При моемъ проходѣ раненые германскіе солдаты поднимаются и отдаютъ честь и даже пытаются маршировать за нѣсколько шаговъ до меня по прусскому образцу, высоко вытягивая носокъ, но холодно и недружелюбно смотрятъ ихъ глаза, и сразу видно, что человѣкъ занятъ здѣсь своей одинокой и нерадостной думой.

Прямо на меня подходятъ два германскихъ пѣхотинца: одинъ—худой и высокій, какъ жердь, другой маленькій и несуразный, ничѣмъ не отличающійся отъ какого-нибудь нашего вотика. Маленькій, барабанщикъ или горнистъ, былъ тяжело раненъ въ бою при Эйдкуненѣ и въ безпамятствѣ поднятъ на полѣ битвы нашими санитарами. Ему пуля попала въ носъ, разбила кость и прошла навылетъ сквозь шею.

Этотъ раненый, когда его наши санитары несли на носилкахъ, весь истекающій кровью, пришелъ въ себя и первымъ дѣломъ попытался вытащить забытый у него на поясѣ тесакъ и хватить имъ по пальцамъ несшаго его же ближняго санитара.

Тесакъ отняли. Къ счастью, рана у санитара оказалась не опасной, онъ не перерубилъ кости, и связали нѣмцу руки. Такъ въ наказаніе онъ и былъ доставленъ связаннымъ на перевязочный пунктъ.

— Раненъ пулей навылетъ, — докладываетъ мнѣ нашъ фельдшеръ.

— Іа, кугель, —кивая головой, гнуситъ раненый и трясетъ головой: —нихтъ гутъ!

— А ѣсть, ваше благородіе, дюже здоровъ!—докладываетъ тотъ же фельдшеръ.—Газманъ, обѣдать хошь? Амъ, амъ, хошь?

— Амъ, амъ? О іа, іаволь! —гнуситъ раненый, и только тутъ на его завязанномъ лицѣ расплывается нѣкоторое подобіе улыбки.—Амъ, амъ, іаволь!

— А этотъ, ваше благородіе, — показываетъ на его длиннаго товарища фельдшеръ:—очень дивился, сказываютъ, что Москва еще не германская. Имъ ихъ полковой командиръ передъ походомъ объявилъ, что Москву уже взяли австрійцы, а германцы—Петербургъ, такъ что имъ только пробиться къ своимъ нужно.

— Іа, Питербургъ, — киваетъ головой и длинный:—шене штадтъ.

Вообще некультурность встрѣченныхъ здѣсь мною германцевъ меня поразила. Передъ австрійскими солдатами, въ большинствѣ случаевъ развитыми и довольно интеллигентными, они не могутъ итти ни въ какое сравненіе. Можетъ-быть, здѣсь были только представители резервныхъ дивизій, тогда какъ среди австрійцевъ были исключительно представители кадровыхъ полевыхъ полковъ, но тѣмъ не менѣе контрастъ между ними и австрійцами уже слишкомъ рѣжетъ глазъ.

Гдѣ же, спрашивается, эта хваленая германская культура? Оказывается, мы судили

Плѣнный австрійскій солдатъ — сербъ-босніецъ.

лотыми
я и на
ча раз-
какунѣ.
изнесло
› преж-
шнуры
еголялъ

[Н]овое нѣмецкое орудіе для стрѣльбы по аэропланамъ и дирижаблямъ.

...-лафетомъ болѣе 3.500 килограммовъ, отличается сравнительно большою подвижностью и имѣетъ возмож-...ніяхъ подъ очень разнообразными углами. Орудійная прислуга не должна сходить на землю во время стрѣльбы.

...стрѣльбы по аэропланамъ.

...итральезамъ Гочкиса, поставлен-...ко это черезчуръ простое рѣшеніе ...никакихъ результатовъ.

...ъ, какъ и германскіе солдаты.
...увшись къ стѣнѣ, чтобы не видѣть
...орачивается къ своимъ товари-
...да ему нужно попросить спичку.
...хъ офицеровъ сообщилъ ему о
... Адальберта. Германецъ ничего
...взглянулъ на него.
...рѣчивѣе всякихъ словъ: герма-

нецъ точно укололь его своимъ холоднымъ взглядомъ и тотчасъ же перевелъ взглядъ на меня.

Допускаетъ онъ къ себѣ только австрійскаго врача и стоически переноситъ мучительныя перевязки.

Ни стона ни жалобы. Только сильнѣе пыхтитъ въ его зубахъ папироса, и чаще ползутъ густыя кольца дыма, пока врачъ возится съ его раной.

И мнѣ невольно вспомнилась наша пѣсенка, сложенная про „Варяга“, въ которой есть строфа:

— „Пощады никто не желаетъ!“

Да, никто изъ такихъ германцевъ не желаетъ, но и не даетъ пощады, и та борьба не на жизнь, а на смерть, которую затѣяла со всѣмъ міромъ Германія, находитъ откликъ даже на больничной койкѣ въ палатѣ госпиталя для плѣнныхъ.

Правъ чехъ-капитанъ, который говорилъ о томъ, что эта война будетъ, вѣроятно, послѣдней въ Европѣ. И дай Богъ, чтобы это сбылось!

Орудіе нѣмецкой подводной лодки, стрѣляющее по аэроплану.

Съ нѣкоторыхъ поръ нѣмцы производятъ на борту своихъ подводныхъ лодокъ опыты надъ пушками разныхъ типовъ, спеціально предназначенными для стрѣльбы по воздушному противнику.

Крестовые походы нашихъ дне[й].

(Изъ дневника военнаго корреспондента). Н. Н. Брешко-Брешковс[к]аго.

На сербскомъ театрѣ.

Военный корреспондентъ, брошенный теперь на другой театръ, далекій пока еще отъ сѣверныхъ сербскихъ границъ, не можетъ обойти молчаніемъ послѣдніе успѣхи героической славянской арміи, такъ тѣсно и дружно переплетенные съ нашими успѣхами въ Галиціи и Карпатахъ.

Государь Императоръ пожаловалъ орденъ св. Георгія 4-й степени бельгійскому королю Альберту и сербскому престолонаслѣднику Александру. И король Бельгіи и будущій король Сербіи проявили себя не только вождями талантливыми, но и солдатами большого личнаго мужества и беззавѣтной храбрости.

Бельгійскій король получилъ въ доблестной борьбѣ своей съ полчищами германскихъ варваровъ первое боевое крещеніе. Для сербскаго престолонаслѣдника боевымъ крещеніемъ была минувшая война съ турками. Королевичу Александру пошелъ всего лишь двадцать третій годъ, а онъ уже дѣлаетъ теперь четвертую войну и неуклонно ведетъ къ побѣдамъ славную армію, боготворящую своего вождя.

Солдаты съ особой любовью относятся всегда къ тѣмъ командирамъ, которые могутъ и даже порою обязаны находиться въ тылу, чтобы легче руководить операціями, но которые, несмотря на это, весь походъ продѣлываютъ на передовыхъ позиціяхъ, рискуя жизнью наравнѣ съ сидящими въ окопахъ рядовыми.

Къ числу такихъ военачальниковъ принадлежитъ и королевичъ Александръ.

Покойный посланникъ нашъ въ Бѣлградѣ, Н. Г. Гартвигъ, разсказывалъ мнѣ:

— Въ битвѣ подъ Кумановымъ наслѣдный принцъ Александръ проявилъ исключительную отвагу. Въ то время, какъ турки сплошнымъ свинцовымъ ливнемъ шрапнелей и винтовочныхъ пуль осыпали сербскія позиціи, королевичъ верхомъ объѣзжалъ фронтъ, будучи замѣтной и притягательной мишенью для турокъ. Мало того, когда наконецъ послѣ жестокаго кровопролитнаго боя Куманово было взято, принцъ Александръ первымъ въѣхалъ въ павшій городъ. А между тѣмъ засѣвшіе въ домахъ албанцы и турки отстрѣливались изо всѣхъ оконъ, и чуть ли не каждую мусульманскую лачугу приходилось брать штурмомъ... Узнавъ объ этомъ, я сказалъ Пашичу, что наслѣдникъ престола не можетъ рисковать въ такой степени своей жизнью...

Н. Г. Гартвигъ говорилъ это мнѣ въ Бѣлградѣ во время первой балканской войны. Прошелъ годъ съ лишнимъ. Недавно, въ маѣ, я снова очутился въ Сербіи и, какъ уже писалъ, провелъ два дня въ обществѣ королевича Александра.

Мы сидѣли въ небольшомъ скромномъ кабинетѣ на „Вилла Агнесса“, гдѣ королевичъ проводитъ часть лѣта, пользуясь цѣлебными водами курорта Врыньячке-Банье. На письменномъ столѣ передъ принцемъ лежала карта Балканскаго полуострова, и онъ шагъ за шагомъ, бой за боемъ подробно описывалъ мнѣ всѣ операціи и движенія своихъ и непріятельскихъ армій во

всѣхъ трехъ войнахъ: турец...
чрезвычайной скромности свое...
ляя себя въ тѣни, говорилъ ...
Путника, Степановича, Янкови...

Къ слову пришлось,—я вспо...

— Да, это было дѣйствительн...
смущаясь и краснѣя. — Но я ...
себѣ...

— Но, ваше высочество, изъ ...
рость остается храбростью.

— Я не задавался вопросомъ ...
своимъ долгомъ передъ арміей ...

вмѣстѣ съ моими солдатами. ...
или какого-либо другого чувст...
лось мнѣніе, что мое присутст...
военнымъ счастьемъ. Соверше...
далось и мнѣ... Послѣ Куманов...
немъ холодѣ и захворалъ не в...
помъ. Докторъ уговорилъ меня ...
сколько дней пролежать въ ...
какими-то мудреными осложн...
но я мучился не этимъ, не...
я разлученъ съ арміей, котора...
Подъ Монастыремъ долженъ ...
рѣшавшій исходъ всего маке...
доктору, прошу отпустить ме...
видомъ!“ И слышать ничего не ...
эти доктора. Я же чувствую ...
нѣе лежать въ палаткѣ, прик...
неизвѣстностью, чѣмъ, если б...
нецъ я не выдержалъ и ночь...
на автомобилѣ къ М...
время: къ началу бо...
чившійся нашей пол...
Эту побѣду было тру...
мановскую. Мы бор...
съ турецкой арміей ...
годны и трудны наш...
теченіе четырнадцат...
въ осенней водѣ. Дая...
гибли. Вода была ви...

Паденіе Битоля от...
бѣдителей. Когда въ ...
главѣ со своимъ вож...
номъ облаченіи тор...
избавителя:

— Привѣтъ тебѣ, ...
ксандръ Македонскій...

Это былъ величест...
вѣковъ изнывали м...
игомъ. И вотъ прин...
левичемъ и разбили ...
героической кровью.

Не успѣла кончит...
нулъ братоубійствен...
отражать болгаръ. ...
по всему фронту. И...
ляхъ Брегальницы ...
рядахъ на самыхъ...

Его Величество сербскій король Петръ награждаетъ своего сына, королевича Александра, золотой медалью за храбрость.

о германской арміи по тѣмъ щеголеватымъ олонянным солдатикамъ, которые маршировали передъ Вильгельмомъ на площади передъ цейхгаузомъ, и совершенно не знали того сѣраго и туповатаго Михеля, который вѣрилъ баснямъ про Россію, а самъ по тупости и дикости мало чѣмъ отличался отъ какого-нибудь африканца.

Мирное сосѣдство.

Я не могу сравнить съ тѣми германскими солдатами, которыхъ я видѣлъ въ городкѣ плѣнныхъ, даже босняковъ или боснійскихъ сербовъ, полки которыхъ всѣ безъ исключенія передвинули въ Галицію, съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали противъ нашей арміи. Отправить ихъ къ Бѣлграду было невозможно, и австрійскій генеральный штабъ не безъ злорадной ироніи послалъ ихъ на восточную границу:

„Ладно, молъ, вы, русскіе, идете защищать сербовъ? Такъ вотъ вамъ, мы пошлемъ тоже сербовъ сражаться съ вами!"

Какъ сражались эти сербы, лучше всего разсказываютъ наши же раненые солдатики, называющіе почему-то босняковъ турками. Можетъ-быть, потому, что головной уборъ боснійскихъ полковъ—сѣрая феска, но безъ кисти.

— Оня, ваше благородіе, только смотрятъ, какъ бы къ нашимъ перебѣжать,—докладывалъ мнѣ шустрый солдатикъ, побывавшій въ трехъ бояхъ и раненымъ, съ тремя пулями, въ рукѣ и ногѣ, вернувшійся на поправку.—Какъ у нихъ офицера убьютъ или ранятъ, такъ сейчасъ ружье оземь, и гайда лататы!

— Гайда, лататы!—подтверждаетъ и самъ представитель боснійцевъ, рослый, статный малый, съ глазами точно черносливины.—Русска лататы...

— Къ намъ, значитъ,—поясняетъ фельдшеръ и почему-то добавляетъ по-китайски:—Шанго!—осталось въ памяти отъ японской кампаніи.

Но босняку почему-то китайское слово нравится и, должно-быть, понятно.

— О, лататы шанго!—говоритъ и онъ и скалитъ зубы такой ослѣпительной бѣлизны, точно слоновая кость.

Нѣмцы—и длинный и безносый—презрительно поворачиваются, еще разъ отдаютъ мнѣ честь и размашисто, съ носка, уходятъ вглубь аллеи.

— Швейнъ...—доносится до меня шепотливое гнусавенье безносаго.

Это онъ по адресу жизнерадостнаго босняка, который чувствуетъ себя здѣсь, въ плѣну, какъ у Христа за пазухой; но и боснякъ не остается въ долгу: уморительно присѣдаетъ на корточки по-восточному и выразительно прикладываетъ палецъ къ кончику носа, придавливая его и прыская со смѣху.

Германцы еще разъ въ концѣ аллеи оборачиваются на босняка и рѣшительно скрываются въ баракѣ.

Мѣрнымъ шагомъ, позвякивая шпорами, чистенькій и подтянутый, подходитъ ко мнѣ австрійскій уланъ. И не похоже, что онъ въ этомъ самомъ мундирѣ кирпичнаго цвѣта сдѣлалъ походъ, трепался въ развѣдкахъ на границѣ, попалъ въ плѣнъ и продѣлалъ длинное путешествіе вглубь Россіи съ границы отъ города Бродъ. Чистенькій, аккуратный и интеллигентный. Ужасно напоминаетъ берейтора въ какомъ-нибудь частномъ манежѣ, да, вѣроятно, и служилъ гдѣ-нибудь у какого-нибудь магната въ наѣздникахъ. Полякъ, и великолѣпно говоритъ по-русски.

— Ваше благородіе,—обращается онъ ко мнѣ:—не изволите ли знать, говорятъ, Львовъ взятъ русскими?

— Взятъ,—отвѣчаю я и смотрю, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на улана.

— Вотъ видишь, взятъ,—обращается онъ къ своему товарищу, австрійскому пѣхотинцу, по-нѣмецки.

У того лицо—какая-то маска:—обожгло при взрывѣ своего же австрійскаго фугаса.

— А, взятъ?—повторяетъ тотъ удивленно.

Оказывается, у австрійца была причина безпокоиться о томъ, взятъ Львовъ или не взятъ: ихъ полкъ спѣшно погнали противъ русскихъ, и въ Львовѣ остался весь обозъ этого полка, а съ обозомъ—и багажъ этого австрійца. Маска на лицѣ австрійца двигается: видимо, онъ опечаленъ, но неизвѣстно чѣмъ: тѣмъ ли, что пропалъ багажъ, или тѣмъ, что Австрія потеряла цѣлую провинцію, вѣрнѣе—первымъ.

— Какъ вамъ опалило лицо?—спрашиваю я его.

Маска двигается еще сильнѣе.

— Скверная исторія, герръ капитэнъ,—отвѣчаетъ онъ.—Наши поторопились взорвать фугасы, и погибла половина моей роты. Я-то еще хорошо отдѣлался, но могло бы быть гораздо хуже. Гешторбенъ,—поясняетъ онъ съ выразительнымъ жестомъ.

Вотъ человѣкъ счастливо избавился отъ ужасной смерти, могъ быть разорваннымъ на куски, какъ его товарищи, а теперь думаетъ о томъ, что въ Львовѣ погибли, можетъ-быть, какіе-нибудь старые брюки и сапоги, въ которыхъ этотъ австрійскій бюргеръ явился въ строй по призыву своего императора.

— Скверная война!—говоритъ онъ:—очень скверная! Мы совсѣмъ не хотѣли воевать. Это все германцы со своимъ Вильгельмомъ.

Говоритъ, прибавляя нецензурное нѣмецкое ругательство, а самъ оглядывается, нѣтъ ли тутъ поблизости безносаго барабанщика съ длиннымъ верзилой-товарищемъ. Не такъ давно, какъ сказалъ мнѣ фельдшеръ, въ укромной аллеѣ произошла потасовка австрійцевъ съ германцами изъ-за Вильгельма, котораго австрійскій гусаръ-полякъ назвалъ скотиной.

Сражающихся разнимали наши дневальные мокрыми швабрами и обратили германцевъ въ бѣгство. Какъ знать, не показатель ли это тѣхъ отношеній между союзниками, которыя, быть-можетъ, уже назрѣваютъ и на поляхъ теперешнихъ битвъ?

Австрійцамъ нѣтъ причинъ быть довольными императоромъ Вильгельмомъ.

Попробовалъ я въ разговорѣ съ нѣкоторыми австрійцами коснуться и деликатной темы объ убійствѣ Франца-Фердинанда, но не встрѣтилъ и тѣни озлобленія противъ сербовъ, о которомъ такъ свидѣтельствовали австрійскія газеты, изображая „волю націи".

„Убили наслѣдника престола, убили какіе-то преступники, ихъ поймали, казнили,—при чемъ же тутъ сербы?"—сквозило въ отвѣтахъ многихъ изъ разспрошенныхъ мною унтеръ-офицеровъ и сержантовъ. Одинъ изъ нихъ даже случайно былъ въ Сараевѣ въ день убійства,—онъ комми-вояжеръ какой-то австрійской фирмы, бывшій и въ Россіи и хорошо говорящій по-русски.

— Погромы въ Сараевѣ устраивали не мы, не австрійскій народъ,—говорилъ онъ, опустивъ глаза.

Кто устраивалъ погромы, бывшій комми-вояжеръ не говорилъ, но это было понятно и безъ словъ.

Австрійскіе офицеры, тоже въ огромномъ большинствѣ славяне, поляки и чехи, держали себя сдержаннѣе и не болтали такъ охотно, какъ нижніе чины, но охотно говорили о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовали, и охотно согласились попозировать передъ фотографическимъ аппаратомъ, снявшись цѣлой группой.

Народъ выдержанный, интеллигентный, но не интеллигентнѣе нашего офицерства, даже, если можно такъ выразиться, сѣрѣе.

— Славные ребята,—охарактеризовалъ ихъ дежурный офицеръ, прапорщикъ ополченія:—нетребовательный и вѣжливый.

Впрочемъ, о требовательности приходится забыть: плѣнныхъ такая масса, что уже давно въ госпиталѣ не хватаетъ кроватей, и раненые плѣнные лежатъ на полу на тюфякахъ, набитыхъ сѣномъ, а то такъ и вовсе на голомъ полу, на своихъ же шинеляхъ, положивъ подъ голову сумки, у кого онѣ сохранились. А новыхъ раненыхъ все везутъ и везутъ.

Врачи и дежурный офицеръ въ отчаяніи хватаются за головы:

— Куда мы ихъ будемъ дѣвать?

При мнѣ за какую-нибудь четверть часа принесли на носилкахъ нѣсколько человѣкъ раненыхъ германцевъ-пѣхотинцевъ и поставили ихъ пока у воротъ. Служителя стояли около носилокъ и въ задумчивости чесали затылки. Наконецъ одинъ придумалъ: вспомнили про какую-то кладовую и понесли германцевъ въ кладовую.

Плѣнные германцы—барабанщикъ и пѣхотинецъ.

Но что̀ будетъ, когда заполнится кладовая? Этого пока никто не знаетъ.

Австрійскимъ офицерамъ пришлось отвести помѣщеніе вмѣстѣ съ солдатами, конечно, на койкахъ, но они благодарны и за это: жалобъ неудовольствія не высказываютъ никакихъ и, наоборотъ, благодарны за всякое проявленіе вниманія. Обращаются съ ними, конечно, хорошо, дежурный офицеръ здоровается за руку. Съ ними же и нѣсколько австрійскихъ врачей, не пожелавшихъ оставить свою часть и пользующихъ теперь больныхъ солдатъ и офицеровъ. Случается имъ оказывать помощь и нашимъ солдатамъ.

Выступленіе въ походъ.

Врачи, по преимуществу молодежь, работаютъ съ утра до поздняго вечера, хотя имъ и помогаютъ наши врачи, а также нѣсколько нашихъ фельдшеровъ и сестеръ милосердія.

Видѣлъ умилительную сцену: молодая измученная сестра милосердія перевязываетъ раздробленную, неимовѣрно грязную, ногу какого-то гуцула (австрійскаго цыгана), обмываетъ ее своими бѣлыми руками, очищаетъ грязь и запекшуюся кровь, а черный, курчавый гуцулъ, похожій всѣмъ своимъ видомъ на дикаря, смотритъ на нее увлажненнымъ взглядомъ и ласково гладитъ ее мозолистой, черной рукой по плечу.

Только война съ ея ужасами и можетъ давать такія трогательныя картины нѣжности и милосердія.

Среди офицеровъ есть очень интересные раненые: одинъ молодой лейтенантъ былъ раненъ пулей въ носъ, пуля прошла по носоглоткѣ, затѣмъ въ горло и вышла на спинѣ, въ лопаткѣ, причинивъ сквозную и зигзагообразную рану. Какимъ образомъ такая страшная рана оказалась не только не смертельной, но даже не повліявшей на способность говорить—это можно отнести только къ чудесамъ нашей остроконечной пули, которая прошиваетъ человѣка, какъ игла.

При мнѣ этимъ раненымъ заинтересовался московскій врачъ, профессоръ Баженовъ, посѣтившій австрійскихъ врачей. Отъ входного отверстія раны остался снаружи только маленькій рубчикъ на носу, даже мало замѣтный. Самъ раненый очень весело разсказываетъ о своей любопытной ранѣ и показываетъ всѣмъ пулю, которая застряла въ лопаткѣ и была вытащена уже здѣсь, въ госпиталѣ.

Этотъ раненый снялся въ общей группѣ.

Австрійскій капитанъ, чехъ, раненый въ бою подъ Томашевымъ, описывалъ мнѣ дѣйствіе нашей артиллеріи.

— Это — нѣчто ужасное, говорилъ онъ.—Это—вихрь, ураганъ снарядовъ! Невозможно удержаться на позиціи отъ этого вихря,—который сметаетъ все живое съ поля, какъ щетка м[illegible] зарывшись въ землю въ вертика[illegible] во весь ростъ, прижимая голову [illegible] положеніи находитъ человѣка л[illegible] нель, осыпая васъ градомъ сви[illegible] плановъ—дѣтская игрушка ср[illegible] снарядами, и дѣйствіе ихъ глав[illegible]

— А пулеметы?—добавилъ мол[illegible] нравилась эта штучка, эта „гев[illegible]"?

— Шреклихъ! шреклихъ!—вз[illegible] метчики дьявольски наловчили[illegible] стрѣляютъ изъ пулеметовъ, поло[illegible] мѣстность пулями.

И разсказчикъ передалъ мнѣ [illegible] бою всего двухъ пулеметовъ, [illegible]ъ, были положительно сметены тр[illegible]ъ, и то раненыхъ, уползли въ безо[illegible]

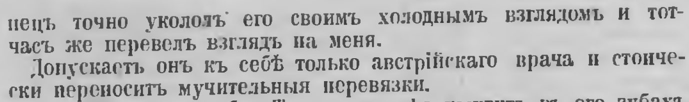
— Да, кавалерійская атака кр[illegible] нулъ раненый гусарскій лейтена[illegible] въ бѣшеной атакѣ и лежитъ уж[illegible]

Англія. Отправленіе кавалерійскаго развѣдчика.

лотыми
я и на
на раз-
какунѣ.
изнесло
, преж-
шнуры
еголяхъ

Новое нѣмецкое орудіе для стрѣльбы по аэропланамъ и дирижаблямъ.

-лафетомъ болѣе 3.500 килограммовъ, отличается сравнительно большою подвижностью и имѣетъ возмож- кіяхъ подъ очень разнообразными углами. Орудійная прислуга не должна сходить на землю во время стрѣльбы.



пецъ точно уколол̃ъ его своимъ холоднымъ взглядомъ и тотчасъ же перевелъ взглядъ на меня.

Допускаетъ онъ къ себѣ только австрійскаго врача и стоически переноситъ мучительныя перевязки.

Ни стона ни жалобы. Только сильнѣе пыхтитъ въ его зубахъ папироса, и чаще ползутъ густыя кольца дыма, пока врачъ возится съ его раной.

И мнѣ невольно вспомнилась наша пѣсенка, сложенная про „Варяга", въ которой есть строфа:

— „Пощады никто не желаетъ!"

Да, никто изъ такихъ германцевъ не желаетъ, но и не дастъ пощады, и та борьба не на жизнь, а на смерть, которую затѣяла со всѣмъ міромъ Германія, находитъ откликъ даже на больничной койкѣ въ палатѣ госпиталя для плѣнныхъ.

Правъ чехъ-капитанъ, который говорилъ о томъ, что эта война будетъ, вѣроятно, послѣдней въ Европѣ. И дай Богъ, чтобы это сбылось!

стрѣльбы по аэропланамъ.

итральезамъ Гочкиса, поставлен-
ко это черезчуръ простое рѣшеніе
никакихъ результатовъ.

ъ, какъ и германскіе солдаты.
увшись къ стѣнѣ, чтобы не видѣть
орачивается къ своимъ товари-
да ему нужно попросить спичку.
хъ офицеровъ сообщилъ ему о
Адальберта. Германецъ ничего
взглянулъ на него.
рѣчивѣе всякихъ словъ: герма-

Орудіе нѣмецкой подводной лодки, стрѣляющее по аэроплану.

Съ нѣкоторыхъ поръ нѣмцы производятъ на борту своихъ подводныхъ лодокъ опыты надъ пушками разныхъ типовъ, спеціально предназначенными для стрѣльбы по воздушному противнику.

Крестовые походы нашихъ дне

(Изъ дневника военнаго корреспондента). **Н. Н. Брешко-Брешковс**

На сербскомъ театрѣ.

Военный корреспондентъ, брошенный теперь на другой театръ, далекій пока еще отъ сѣверныхъ сербскихъ границъ, не можетъ обойти молчаніемъ послѣдніе успѣхи героической славянской арміи, такъ тѣсно и дружно переплетенные съ нашими успѣхами въ Галиціи и Карпатахъ.

Государь Императоръ пожаловалъ орденъ св. Георгія 4-й степени бельгійскому королю Альберту и сербскому престолонаслѣднику Александру. И король Бельгіи и будущій король Сербіи проявили себя не только вождями талантливыми, но и солдатами большого личнаго мужества и беззавѣтной храбрости.

Бельгійскій король получилъ въ доблестной борьбѣ своей съ полчищами германскихъ варваровъ первое боевое крещеніе. Для сербскаго престолонаслѣдника боевымъ крещеніемъ была минувшая война съ турками. Королевичу Александру пошелъ всего лишь двадцать третій годъ, а онъ уже дѣлаетъ теперь четвертую войну и неуклонно ведетъ къ побѣдамъ славную армію, боготворящую своего вождя.

Солдаты съ особой любовью относятся всегда къ тѣмъ командирамъ, которые могутъ и даже порою обязаны находиться въ тылу, чтобы легче руководить операціями, но которые, несмотря на это, весь походъ продѣлываютъ на передовыхъ позиціяхъ, рискуя жизнью наравнѣ съ сидящими въ окопахъ рядовыми.

Къ числу такихъ военачальниковъ принадлежитъ и королевичъ Александръ.

Покойный посланникъ нашъ въ Бѣлградѣ Н. Г. Гартвигъ, разсказывалъ мнѣ:

— Въ битвѣ подъ Кумановымъ наслѣдный принцъ Александръ проявилъ исключительную отвагу. Въ то время, какъ турки сплошнымъ свинцовымъ ливнемъ шрапнелей и винтовочныхъ пуль осыпали сербскія позиціи, королевичъ верхомъ объѣзжалъ фронтъ, будучи замѣтной и притягательной мишенью для турокъ. Мало того, когда наконецъ послѣ жестокаго кровопролитнаго боя Куманово было взято, принцъ Александръ первымъ въѣхалъ въ павшій городъ. А между тѣмъ засѣвшіе въ домахъ албанцы и турки отстрѣливались изо всѣхъ оконъ, и чуть ли не каждую мусульманскую лачугу приходилось брать штурмомъ... Узнавъ объ этомъ, я сказалъ Пашичу, что наслѣдникъ престола не можетъ рисковать въ такой степени своей жизнью...

Н. Г. Гартвигъ говорилъ это мнѣ въ Бѣлградѣ во время первой балканской войны. Прошелъ годъ съ лишнимъ. Недавно, въ маѣ, я снова очутился въ Сербіи и, какъ уже писалъ, провелъ два дня въ обществѣ королевича Александра.

Мы сидѣли въ небольшомъ скромномъ кабинетѣ на „Вилла Агнесса", гдѣ королевичъ проводитъ часть лѣта, пользуясь цѣлебными водами курорта Врыньячке-Банье. На письменномъ столѣ передъ принцемъ лежала карта Балканскаго полуострова, и онъ шагъ за шагомъ, бой за боемъ подробно описывалъ мнѣ всѣ операціи и движенія своихъ и непріятельскихъ армій во

всѣхъ трехъ войнахъ: турец
чрезвычайной скромности свое
ляя себя въ тѣни, говорилъ
Путника, Стефановича, Янкови

Къ слову пришлось,—я вспо

— Да, это было дѣйствительн
смущаясь и краснѣя. — Но я м
себѣ...

— Но, ваше высочество, изъ
рость остается храбростью.

— Я не задавался вопросомъ
своимъ долгомъ передъ арміей

вмѣстѣ съ моими солдатами.
или какого-либо другого чувст
лось мнѣніе, что мое присутст
военнымъ счастьемъ. Соверше
далось и мнѣ... Послѣ Куманов
немъ холодѣ и захворалъ не в
помъ. Докторъ уговорилъ меня
сколько дней пролежать въ
какими-то мудреными осложн
но я мучился не этимъ, не
я разлученъ съ арміей, котора
Подъ Монастыремъ долженъ
рѣшавшій исходъ всего маке
доктору, прошу отпустить м
видомъ!" И слышать ничего не
эти доктора. Я же чувствую
нѣе лежать въ палаткѣ, прик
неизвѣстностью, чѣмъ, если бы
нецъ я не выдержалъ и ночь
на автомобилѣ къ М
время: къ началу бо
чившійся нашей пол
Эту побѣду было тру
мановскую. Мы бор
съ турецкой арміей
годны и трудны наш
теченіе четырнадцат
въ осенней водѣ. Дал
гибли. Вода была ви

Паденіе Битоля от
бѣдителей. Когда въ
главѣ со своимъ вож
номъ облаченіи тор
избавителя:

— Привѣтъ тебѣ,
ксандръ Македонскій

Это былъ величест
вѣковъ изнывали м
игомъ. И вотъ приш
леничемъ и разбили
героической кровью.

Не успѣла кончит
пулъ братоубійствен
отражать болгаръ.
по всему фронту. И
ляхъ Брегальницы
рядахъ на самыхъ

Его Величество сербскій король Петръ награждаетъ своего сына, королевича Александра, золотой медалью за храбрость.

пріятельскимъ огнемъ, линіяхъ.

Война окончилась разгромомъ болгаръ. Престолонаслѣдникъ-побѣдитель возвратился въ Бѣлградъ. Августѣйшій отецъ его, король Петръ, собственноручно прикрѣпилъ къ груди сына золотую медаль Милоша Обилича,—медаль за храбрость. Воспроизведенный на стр. 755 снимокъ изображаетъ этотъ трогательный моментъ.

Не менѣе интересенъ, хотя и совсѣмъ въ другомъ отношеніи, другой снимокъ, гдѣ нѣмецкій военный агентъ въ Бѣлградѣ поздравляетъ престолонаслѣдника Александра съ побѣдою надъ болгарами. Лицо королевича Александра холодное, недоумѣвающее. Оно и не могло быть инымъ.

Я вспоминаю слова королевича:

— Германія, въ рукахъ которой Австрія была послушной заводной маріонеткой, въ чаяніи униженія и разгрома Сербіи приказала Болгаріи напасть на насъ, и когда вышло наоборотъ, и Болгарія разгромила насъ, а мы ее, какимъ это горькимъ разочарованіемъ было для германскихъ и австрійскихъ нѣмцевъ!..

фронта, чутко прислушивается къ успѣхамъ своей союзницы Сербіи. Но какъ ни головокружительны побѣды сербовъ, непреодолимо рвущихся въ своемъ выступленіи впередъ, все же приходится порой за нихъ опасаться внимательной и любящей тревогой. Если бы они всю свою силу и мощь могли сосредоточить противъ одной только Австріи, всякая тревога оказалась бы совершенно излишней. Но дѣло въ томъ, что сербамъ поминутно необходимо зорко оглядываться въ тылъ, гдѣ у нихъ не все обстоитъ благополучно...

Австрійцы въ своихъ послѣднихъ агонійныхъ усиліяхъ щедро подкупаютъ всѣхъ тѣхъ, кто можетъ оказать имъ услугу въ смыслѣ набѣговъ на Сербію съ албанской и болгарской границъ, дабы отвлечь хоть небольшія части сараевской и будапештской армій.

Австрійцы подкупаютъ албанцевъ и болгарскихъ комитаджіевъ, этихъ профессіональныхъ убійцъ Балканскаго полуострова, которые идутъ съ тѣмъ и за того, кто имъ больше заплатитъ.

И хотя солдаты австрійской арміи голодаютъ по цѣлымъ недѣлямъ, однако въ карманахъ балканскихъ конквистадоровъ, натравляемыхъ на Сербію, звенитъ золото съ барельефнымъ профилемъ стараго Франца-Іосифа.

Объ одномъ изъ такихъ конквистадоровъ, Иссѣ Болетинацѣ, вождѣ коссовскихъ арнаутовъ, мы упоминали въ первомъ очеркѣ. Другой конквистадоръ, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе крупный, это князь, и вдобавокъ владѣтельный, мирдитскаго племени албанцевъ-католиковъ— Пренкъ Бибъ-Дода.

Знаменитый Пренкъ Бибъ-Дода—образованный, владѣющій нѣсколькими языками, интересный собесѣдникъ, но человѣкъ совершенно безпринципный. Я познакомился съ нимъ въ Дураццо и въ его обществѣ провелъ нѣсколько вечеровъ. Онъ поражалъ меня своимъ знаніемъ Босніи и русской исторіи, но и не менѣе поражалъ своимъ цинизмомъ.

Онъ прямо заявлялъ:

— Въ политикѣ не должно быть ни благородства ни рыцарства. Пустыя слова, отъ которыхъ ни тепло ни холодно. Выгода, выгода и выгода!.. Сегодня я съ черногорцами и сербами противъ турокъ, какъ это и было въ прошлую войну, а назавтра я могу очутиться лицомъ къ лицу противъ черногорцевъ и сербовъ, какъ ихъ врагъ, и даже не врагъ, а просто потому, что мнѣ выгодно дѣйствовать заодно съ Австріей.

Такъ оно и случилось.

Миридитскій владѣтельный князь Пренкъ Бибъ-Дода.

Пренкъ Бибъ-Дода, „вдохновленный" нѣсколькими сотнями тысячъ кронъ, посланныхъ ему „въ подарокъ" изъ Вѣны, двинулъ своихъ миридитовъ, подкрѣпленныхъ коссовскими арнаутами, на Черногорію и Сербію въ надеждѣ, что обложенныя границы позволяютъ безпрепятственно вторгнуться въ предѣлы обѣихъ сосѣднихъ странъ. Однако и Бибъ-Дода и Болетинацъ ошиблись въ своихъ расчетахъ. Оставшихся для охраны границъ сербско-черногорскихъ силъ хватило съ избыткомъ, чтобы отбросить обоихъ конквистадоровъ, да еще и съ весьма и весьма чувствительными потерями.

Плачутъ австрійскія денежки. Зря только раскошеливаться пришлось.

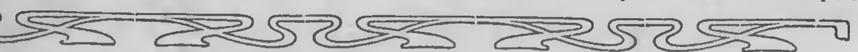
Въ Дураццо Пренкъ Бибъ-Дода „оберегалъ" съ отрядомъ своихъ миридитовъ князя Вида отъ вторженія повстанцевъ. Это удовольствіе обошлось албанскому правителю, и даже не ему, а великимъ державамъ, покровительницамъ Албаніи, въ немалую сумму денегъ.

Бибъ-Дода сидѣлъ у себя въ гостиницѣ, перелистывая желтенькій французскій томикъ, и перебиралъ крупныя янтарныя четки. А внизу въ обширномъ дворѣ лагеремъ расположились съ винтонками вѣрные миридиты. Что-то средневѣковое, какой-то пережитокъ далекихъ временъ феодализма чудился въ этой дѣйствительности.

Бибъ-Дода откровенно смѣялся надъ „монархомъ" Албаніи:

— Онъ парень ничего бы, но глупъ и вѣчно смѣется! Вы замѣтили? Его лицо какая-то безпрестанно улыбающаяся маска. Чудакъ! Онъ предлагалъ мнѣ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Не угодно ли? Быть министромъ миѳическаго государства, имѣющаго въ обхватѣ три километра,—я считаю окружность Дураццо, за предѣлами Дураццо его никто не признаетъ! Такъ у меня, въ Миридитіи больше земли и пятьдесятъ тысячъ подданныхъ, а у Вида ни одного настоящаго. У него до тѣхъ поръ подданные, пока онъ имъ платитъ, я первый изъ ихъ числа!— хохоталъ, ничуть не стѣсняясь, Бибъ-Дода.

А между тѣмъ это человѣкъ и умный и одаренный, и не будь въ немъ этого чисто албанскаго безпринципнаго корыстолюбія, кидающаго изъ однихъ „золоченыхъ" объятій въ другія, онъ могъ бы сдѣлаться хорошимъ, полезнымъ правителемъ своей крохотной, затерянной въ горахъ Малиссіи, Миридитіи.



* * *

Въ далекомъ прошломъ, въ иные годы,
Такъ пылки были мечты сердецъ,
Такъ ярко рдѣла звѣзда свободы,
И бранной славы сіялъ вѣнецъ,

Что юный рыцарь къ Креста подножью,
Съ мольбой склоняя свой добрый мечъ,
Мечталъ сразиться за Правду Божью
И, какъ на праздникъ, стремился въ сѣчь!

И пѣли барды въ напѣвахъ стройныхъ
Про доблесть въ битвѣ, про смерть въ бою.
И лишь для храбрыхъ, любви достойныхъ,
Хранили дѣвы любовь свою!

И вотъ нежданно, въ нашъ вѣкъ холодный,
Тотъ духъ побѣдный проснулся вновь,
И вспыхнулъ пламень войны народной,
И льется снова рѣкою кровь;

Полки стремятся, какъ волны моря,
Идутъ безстрашно врага встрѣчать.
Такъ много вѣры, такъ много горя...
Поэты, вамъ ли теперь молчать?

Нѣтъ, пойте, пойте! Но лишь огнынѣ
Забудьте грезу и счастья пиръ;
Пусть служатъ только одной святынѣ
Языкъ созвучій и струны лиръ;

Вѣщайте міру про подвигъ ратный,
Про тѣхъ героевъ родной земли,
Что съ поля славы придутъ обратно,
И тѣхъ, что въ битвахъ за насъ легли!..

Великой брани мечта, воскресни!
Кто можетъ слезы о павшихъ счесть?
Но только храбрымъ слагайте пѣсни,
Но только смѣлымъ воздайте честь!

Кн. Марія Трубецкая.

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германская армія покидаетъ бельгійскую столицу.

Бельгійская санитарная собака, взятая въ плѣнъ, на германской службѣ.

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германскіе обозы во дворѣ „Народнаго дома".

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германскія войска на Grande Place.

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Германскіе обозы на „Place d'Anvers".

Въ плѣну. Рисунокъ Г. Скотта.

Наканунѣ.

Ужъ близокъ, близокъ часъ зарницы,
Когда историкъ въ Книгѣ Царствъ
Заполнитъ новыя страницы,
Стирая старыя границы
На картѣ «бывшихъ» государствъ...
Когда уйдутъ ночныя тѣни,
И распадутся цѣпи путъ,
Когда овѣстъ Мира Геній
И храмы дремлющихъ селеній
И ихъ святой крестьянскій трудъ...
Великъ душой и сердцемъ молодъ,
Не можетъ пасть такой народъ,
И сталь славянства тяжкій молотъ
Не раздробитъ, а лишь скуетъ...
Затихнетъ шумъ великой битвы,
Но не замолкнуть никогда
О павшихъ воинахъ молитвы
И слава ратнаго труда...

Сергѣй Михѣевъ.

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

(Продолженіе).

IV.

Въ семь часовъ вечера губернаторъ назначилъ у себя въ квартирѣ частное собраніе именитыхъ гражданъ для обсужденія вопроса о помощи воинамъ и ихъ семействамъ. Приглашеніе было сдѣлано лично или по телефону, и въ собраніи ничего оффиціальнаго не предполагалось.

Время и всѣ связанные съ нимъ обычаи въ этотъ день перепутались. Никто своевременно не завтракалъ и не обѣдалъ. У губернатора, напримѣръ, такъ много было дѣла, что онъ едва успѣлъ перехватить кой-чего холоднаго часа въ три, а объ обѣдѣ и не подумалъ.

Григорій Аѳанасьевичъ тоже пообѣдалъ въ неурочное время и поспѣшилъ въ городъ. Ему хотѣлось пріѣхать къ губернатору раньше другихъ, чтобы поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ, но его встрѣтила неудача. Въ половинѣ седьмого губернаторъ еще домой не вернулся.

Ему пришлось сидѣть одному, потомъ начали съѣзжаться приглашенные, все люди почтенные, хорошо ему извѣстные. А губернаторъ опоздалъ даже къ назначенному часу и явился только въ половинѣ восьмого. Онъ торопливо вошелъ въ залу, гдѣ всѣ его ждали, и, держа въ рукѣ часы, на ходу извинялся:

— Вы понимаете, господа, что моей вины тутъ нѣтъ. Все кругомъ кипитъ, и на все нужно откликаться. Прошу васъ, сейчасъ же займемся дѣломъ и будемъ кратки въ своихъ разсужденіяхъ, такъ какъ я могу быть съ вами лишь до девяти часовъ, а затѣмъ долженъ буду ѣхать въ другое мѣсто, гдѣ будетъ важное засѣданіе.

Это заявленіе отняло у Григорія Аѳанасьевича всякую надежду переговорить сегодня съ губернаторомъ, но онъ все же хотѣлъ этого достигнуть и подсѣлъ къ нему близко. Пока разсаживались по мѣстамъ, онъ нагнулся къ нему и сказалъ тихо:

— Не найдется ли у вашего превосходительства хоть десять минуточекъ для меня? Очень нужно бы поговорить...

Губернаторъ поднялъ кверху обѣ руки.

— Дорогой мой Григорій Аѳанасьевичъ, —всего себя предложилъ бы вамъ... но даже одной минутой не располагаю. Вѣрите ли, не завтракалъ и не обѣдалъ сегодня и не знаю, когда попаду въ постель.

— А, можетъ-быть, я подвезъ бы васъ въ своемъ экипажѣ, куда поѣдете въ засѣданіе?

— Везти-то некуда, родной мой: въ помѣщеніе городской думы — два шага отсюда. Нѣтъ, ужъ отложите на завтра. Но только рано, въ девять часовъ утра пріѣзжайте, а позже меня не поймаете.

Григорію Аѳанасьевичу оставалось только поблагодарить его и за это.

Но зато ужъ самое засѣданіе обошлось ему очень дорого. Тутъ окончательно выяснились всѣ суммы, пожертвованныя самыми богатыми людьми города. Пожертвованія были довольно крупныя, и когда подвели итогъ, то оказалась сумма около полутораста тысячъ.

Могло показаться однако страннымъ, что въ этомъ числѣ не было ни одного рубля отъ Осмоленко, столь извѣстнаго своей широтой, самаго крупнаго благотворителя въ городѣ, и на него смотрѣли не то что подозрительно, а скорѣе выжидательно.

И онъ не только не разочаровалъ ожиданія, но прямо-таки огорошилъ всѣхъ. Онъ обратился къ губернатору:

— Прошу извиненія у вашего превосходительства за маленькое опозданіе. Такъ много сегодня было дѣлъ, что, видите, упустилъ изъ виду самое главное и до сихъ поръ не пожертвовалъ... Такъ вотъ, благоволите, ваше превосходительство, занести въ реестръ: отъ потомственнаго почетнаго гражданина Осмоленко Григорія двѣсти тысячъ рублей, каковые завтра будутъ мною внесены.

Эффектъ былъ поразительный. Почтенные городскіе богатѣи знали его широкую руку и заранѣе завидовали той цифрѣ, которую онъ назоветъ, но эта цифра была такъ велика, что не вызвала даже зависти. Она какъ бы выходила изъ круга ихъ обыденныхъ чувствъ и помышленій.

Пронесся гулъ одобренія. Губернаторъ началъ крѣпко жать его руку, но какъ бы найдя это недостаточно выразительнымъ, еще обнялъ и расцѣловалъ его. Пожимали ему руку и другіе, и такимъ образомъ онъ сдѣлался героемъ собранія.

Осмоленко, конечно, былъ такой же патріотъ, какъ и другіе, и жертвовалъ искренно. Но это не мѣшало ему не выпускать изъ виду и то обстоятельство, что губернаторъ теперь будетъ долго находиться подъ впечатлѣніемъ его сегодняшняго подвига, и, значитъ, его можно будетъ просить о чемъ угодно.

А завтра объ этомъ узнаетъ весь городъ, а значитъ и въ другихъ мѣстахъ почва будетъ изрядно подготовлена.

Таковъ ужъ былъ складъ его души. Онъ былъ человѣкъ мягкій и добрый по природѣ и довольно легко откликался на всякія общественныя нужды. Ему пріятно было жертвовать, и именно крупно, такъ, чтобы оставался слѣдъ. Но сейчасъ же какъ-то сама собою возникала мысль объ использованіи.

Послѣ засѣданія Григорій Аѳанасьевичъ велѣлъ кучеру держать путь къ особняку, въ которомъ обиталъ Андрей. Онъ сегодня цѣлый день не видѣлъ сына и хотѣлъ подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями такого сложнаго и необыкновеннаго дня. Но когда подъѣхалъ къ дому, то увидѣлъ, что во всѣхъ окнахъ темно, и отъ слуги узналъ, что Андрей ушелъ изъ дому около полудня и не возвращался.

Пришлось ѣхать домой, пообѣщавъ завтра заѣхать часовъ въ одиннадцать утра. Григорій Аѳанасьевичъ надѣялся къ этому времени окончить свои главныя хлопоты.

На другой день онъ всталъ нѣсколько раньше обыкновеннаго, и въ половинѣ девятаго экипажъ уже мчалъ его въ городъ. За пять минутъ до девяти часовъ онъ былъ у подъѣзда губернаторскаго дома, послалъ свою карточку и былъ тотчасъ же принятъ.

Губернаторъ былъ человѣкъ далеко еще не старый, нѣкоторые даже находили, что онъ слишкомъ молодъ для своей должности. Ему было меньше пятидесяти лѣтъ.

Въ обычное время онъ велъ себя бариномъ хорошаго, непреувеличеннаго тона, былъ мягокъ, лѣнивъ, весьма снисходителенъ, въ лицѣ его и въ движеніяхъ было какое-то постоянное утомленіе, какъ будто раньше, до губернаторства, онъ свершилъ уже много непосильныхъ подвиговъ. Въ общемъ же человѣкъ онъ былъ пріятный, и къ нему хорошо относились въ губерніи.

Но теперь, подъ вліяніемъ событій и общаго настроенія, онъ подтянулся, оживился, почувствовалъ приливъ энергіи и самъ себѣ удивился. Въ этотъ день, напримѣръ, онъ безъ всякаго понужденія поднялся въ восемь часовъ, тогда какъ прежде едва въ силахъ былъ открыть глаза въ десять. Движенія его стали быстры, онъ готовъ былъ носиться изъ конца въ конецъ города, появилась жажда дѣятельности необычайная. И, конечно, жажда эта не оставалась безъ утоленія, такъ какъ не было, кажется, въ городѣ ни одного общественнаго дѣла, которое въ концѣ концовъ такъ или иначе не упиралось бы въ него. Всюду требовалось его присутствіе, если не рѣшающее слово, то обязательное мнѣніе.

— Ну-те, ну-те, милѣйшій Григорій Аѳанасьевичъ,—встрѣтилъ онъ Осмоленко въ столовой, гдѣ торопливо пилъ кофе: садитесь, завтракайте и говорите скорѣе и какъ можно короче, потому что надъ моей головой виситъ уже сотня дѣлъ.

— Двѣ просьбы у меня, ваше превосходительство, и я сильно надѣюсь на вашу помощь и содѣйствіе, сказалъ Осмоленко.

— И вы знаете, насколько я готовъ оказать вамъ въ наибольшей мѣрѣ и то и другое, разумѣется если оно не выходитъ изъ предѣловъ моей компетенціи.

— Ахъ, Боже мой... Ваше превосходительство! Да развѣ въ городѣ есть хоть одно дыханіе, выходящее изъ предѣловъ вашей компетенціи! Все подъ вашей эгидой совершается, ничто не минетъ вашего попечительнаго ока. Такъ вотъ первое: касательно моего сына Андрея...

— А что же такое съ Андреемъ Григорьевичемъ?

— Да вѣдь онъ служилъ и числится въ запасѣ прапорщикомъ. Ну, вы же его знаете, ваше превосходительство. Такъ сами согласитесь, какой онъ воинъ.

— Ахъ, вотъ что,—промолвилъ губернаторъ, и глаза его выразили сперва удивленіе, а потомъ, словно ихъ покрылъ легкій туманъ, лишились всякаго выраженія. — Андрей Григорьевичъ хочетъ избѣжать службы въ войскахъ? Я, признаться, этого никакъ не думалъ.

— Не онъ хочетъ, а я и жена моя... Намъ трудно допустить это... Вѣдь человѣкъ-то онъ особенный. Пользы не принесетъ, но будетъ убитъ тамъ, гдѣ всякій другой остался бы цѣлъ...

— Объ этомъ судить, почтеннѣйшій Григорій Аѳанасьевичъ, преждевременно. Это ужъ тамъ Провидѣніе знаетъ, кому пасть, а кому вернуться со славой, нѣсколько холодно и поучительно замѣтилъ губернаторъ. — Но долженъ вамъ сказать, что это совершенно отъ меня не зависитъ. Я здѣсь—представитель гражданской власти, а это зависитъ отъ военныхъ.

— Знаю, знаю... Но вамъ только стоитъ поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ. Вы меня знаете, и я васъ знаю, а военные — съ ними мнѣ почти не приходится встрѣчаться. Для нихъ Осмоленко, можетъ-быть, пустой звукъ. Такъ ужъ пожалуйста...

— Мнѣ трудно отказать вамъ въ чемъ-нибудь, Григорій Аѳанасьевичъ, хотя, признаюсь, это не изъ тѣхъ одолженій, которыя я сдѣлалъ бы съ удовольствіемъ. Я держусь взгляда, что никто не имѣетъ права уклоняться отъ исполненія долга передъ родиной.

— Но тутъ нѣтъ уклоненія. Ахъ, Боже мой! Я же вамъ говорю: человѣкъ ни съ какой стороны не пригоденъ для войны. Слабый, изнѣженный, нервный...

— Хорошо, хорошо! Не будемъ объ этомъ говорить. Я приложу старанія, чтобы исполнить вашу просьбу, Григорій Аѳанасьевичъ,— нетерпѣливо сказалъ губернаторъ. — Перейдемте ко второму.

— Второе касается управляющаго моего завода, Оттона Оттоновича Шлихенсона.

— Знаю его. Дѣльный человѣкъ.

— Вотъ, вотъ... Превосходный спеціалистъ. Пятнадцать лѣтъ живетъ въ Россіи, отлично говоритъ по-русски, а по-нѣмецки чуть ли не позабылъ совсѣмъ. Но по небрежности остался въ германскомъ подданствѣ и даже числится тамъ у нихъ въ запасѣ...

— Такъ онъ — германскій подданный? Я не зналъ.

— Ахъ, да и онъ самъ такъ основательно забылъ объ этомъ, что тоже, можно сказать, не зналъ... И, конечно, ни малѣйшаго желанія не имѣетъ ѣхать туда, а между тѣмъ вѣдь могутъ быть непріятности.

— Да, да, могутъ... Оффиціально еще не объявлено, но могу вамъ сказать, что германскіе подданные-запасные будутъ трактоваться, какъ военно-плѣнные.

— Неужели? Значитъ, арестъ и тюрьма?

— Зачѣмъ же тюрьма? Я этого не думаю. Можетъ-быть, временный арестъ, тщательный надзоръ, высылка... Но если онъ такъ далекъ отъ желанія служить Германіи и по духу русскій человѣкъ, то что же ему мѣшаетъ сдѣлаться русскимъ подданнымъ?

— А развѣ теперь это можно?

— Вотъ объ этомъ, Григорій Аѳанасьевичъ, я охотно берусь хлопотать. Не могу обѣщать, но очень надѣюсь на успѣхъ. Дамъ о вашемъ управляющемъ самые лучшіе отзывы... Пусть сейчасъ же подаетъ прошеніе о подданствѣ. Конечно, пройдетъ время...

— А пока его не арестуютъ, не посадятъ въ тюрьму?

— Отъ этого я буду оберегать его до тѣхъ поръ, пока это не станетъ серьезнымъ нарушеніемъ закона. Мнѣ доставитъ великое удовольствіе сдѣлать это для васъ, уважаемый Григорій Аѳанасьевичъ. Гораздо большее, чѣмъ исполненіе той вашей просьбы. Особенно мнѣ жаль, что дѣло идетъ объ Андреѣ Григорьевичѣ, котораго я искренно уважаю... Но вотъ что странно: мы встрѣтились съ нимъ вчера, говорили о войнѣ, и онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ мнѣ о подобномъ своемъ желаніи. Даже, напротивъ, мнѣ показалось, что онъ горитъ воодушевленіемъ.

— Что жъ, мой сынъ хорошій патріотъ, ваше превосходительство, но можно быть хорошимъ патріотомъ и плохимъ воиномъ.

„Гм...- подумалъ губернаторъ: — патріотизмъ на чужой счетъ; одинъ — хорошій патріотъ, а другой — хорошій воинъ. Хорошій воинъ воюетъ за хорошаго патріота“, но не сказалъ, чтобы не обидѣть такого крупнаго жертвователя, какимъ былъ Осмоленко.

Послѣ этого онъ, кончивъ завтракъ, началъ извиняться и торопиться. Вспомнилъ о крупномъ пожертвованіи Григорія Аѳанасьевича и опять благодарилъ и жалъ его руку, и Осмоленко простился съ нимъ.

Къ Андрею ѣхать было еще слишкомъ рано: тотъ никогда не подымался съ постели раньше одиннадцати; поэтому Осмоленко отправился на заводъ. Ему пріятно было успокоить Оттона Оттоновича, который несомнѣнно тревожился и страдалъ.

Къ его удивленію, оказалось, что на заводѣ съ ранняго утра установился обычный порядокъ. Всѣ были на своихъ мѣстахъ, и работа шла во всю.

Конечно, онъ имѣлъ полное право приписать это своей вчерашней рѣчи, да оно, въ сущности, такъ и было.

Но, разумѣется, не краснорѣчіе его упорядочило рабочихъ, а торжественное обѣщаніе заботиться о семействахъ тѣхъ, кто пойдетъ на войну. Это тронуло ихъ, и всѣ захотѣли показать ему это. Поэтому, не сговариваясь, всѣ, какъ одинъ, явились на работу.

Оттонъ Оттоновичъ также былъ на высотѣ своего призванія, обходилъ заводъ, дѣлалъ указанія мастерамъ. Григорій Аѳанасьевичъ встрѣтилъ его во дворѣ выходящимъ изъ заводскаго зданія. Онъ взялъ его подъ руку.

— Ну, что? Какъ у васъ?—спросилъ онъ управляющаго.

— Все въ порядкѣ,—отвѣтилъ тотъ.

— И съ вами какъ слѣдуетъ?

— Лучше, чѣмъ всегда. Почтительны и послушны.

— Ага! Ну, вотъ и я привезъ вамъ хорошія вѣсти. Только что отъ губернатора. Сейчасъ же, милый мой Оттонъ Оттоновичъ, подавайте прошеніе о принятіи васъ въ русское подданство. Надѣюсь, вы противъ этого ничего не имѣете?

— О, что же я могу имѣть? Я—русскій. Все мое—въ Россіи. Я здѣсь родился во второй разъ.

— Вотъ, вотъ. Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, дорогой мой Оттонъ Оттоновичъ. Итакъ, подавайте прошеніе и вы будете находиться подъ личнымъ покровительствомъ самого губернатора. Онъ будетъ охранять васъ отъ всякихъ напастей. Если будутъ маленькія временныя непріятности, не пугайтесь и не обращайте вниманія... Ну, такъ пишите же прошеніе и давайте его мнѣ, я самъ по дорогѣ свезу его въ канцелярію губернатора.

Шлихенсонъ радостной рукой и съ самымъ искреннимъ чувствомъ подъ диктовку Григорія Аѳанасьевича начерталъ прошеніе о переходѣ въ русское подданство, затѣмъ вынулъ изъ-подъ спуда свои документы, какіе нашлись, и все это отдалъ въ полное распоряженіе Осмоленко, а тотъ повезъ ихъ въ городъ.

Когда, завезя бумаги въ домъ губернатора, Осмоленко опять заѣхалъ къ Андрею, то былъ очень изумленъ: Андрей, который всегда вставалъ такъ поздно, на этотъ разъ поднялся въ девять часовъ и ушелъ изъ дому.

V.

Въ числѣ знакомыхъ, и даже довольно близкихъ, Андрея Григорьевича былъ и губернаторъ. Конечно, онъ не принадлежалъ къ тому тѣсному кругу людей одинаковаго возраста, съ которыми молодой Осмоленко проводилъ веселые, хотя и довольно умѣренные, никогда не переходившіе въ разгулъ, вечера, но они видѣлись довольно часто, бывали другъ у друга и цѣнили другъ друга. И потому-то просьба Григорія Аѳанасьевича о содѣйствіи освобожденію его сына отъ призыва на военную службу страшно изумила губернатора. Не такимъ онъ зналъ Андрея Осмоленко. Всегда онъ казался ему человѣкомъ прямымъ, благороднымъ и, главное, очень щепетильнымъ къ своей чести.

И онъ не могъ представить себѣ, чтобы такой человѣкъ унизилъ себя до малодушія самаго дурного качества, граничащаго съ трусостью. Отказаться исполнить свой долгъ подъ тѣмъ или инымъ благовиднымъ предлогомъ, нѣтъ, этого онъ никакъ не предполагалъ въ числѣ душевныхъ качествъ Андрея Григорьевича.

И губернаторъ не зналъ, какъ ему быть. Сейчасъ послѣ ухода Григорія Аѳанасьевича ему предстояло ѣхать именно въ то учрежденіе, гдѣ онъ могъ бы до извѣстной степени исполнить просьбу Осмоленко относительно Андрея, то-есть по крайней мѣрѣ поговорить объ этомъ. Но ему казалось, что это у него просто не выйдетъ, что онъ совершитъ этимъ преступленіе. Онъ попробовалъ позвонить Андрею по телефону, но того уже не было дома.

Когда, въ началѣ одиннадцатаго часа, губернаторъ пріѣхалъ въ учрежденіе, вѣдавшее призывомъ запасныхъ, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать, тамъ уже толпился народъ. Люди какъ будто не могли терпѣть и торопились заявить о себѣ. Казалось, всѣ считали это не обязанностью, а правомъ.

Но не успѣлъ онъ поздороваться съ военными и чиновниками, завѣдывавшими дѣломъ, и занять свое мѣсто, какъ къ нему приблизилась высокая, тонкая фигура.

— Вы? — съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ тревогой воскликнулъ губернаторъ, увидѣвъ передъ собою Андрея Осмоленко и подумавъ, что тотъ пришелъ какъ разъ по тому дѣлу, о которомъ просилъ Григорій Аѳанасьевичъ.

— А почему вы такъ изумлены этимъ?—промолвилъ Андрей, протягивая ему руку.

Но и руку губернаторъ пожалъ какъ-то нерѣшительно.

— Да вотъ именно я хочу это знать: зачѣмъ вы здѣсь, Андрей Григорьевичъ?—повторилъ онъ.

— Меня удивляетъ и, простите, ваше превосходительство, даже обижаетъ вашъ вопросъ. Развѣ вы меня считаете не такимъ же гражданиномъ, какъ другіе?

— То-есть? все-таки не сдавался въ своемъ непониманіи и недовѣрчивости губернаторъ.

— Я прапорщикъ запаса. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что я явился по мѣсту назначенія. Но если бы я и не состоялъ въ запасѣ, то неужели вы думаете, что въ то время, какъ чуть не половина Россіи идетъ на войну и готова умереть, я сидѣлъ бы въ своемъ особнякѣ и наслаждался жизнью на средства, доставляемыя мнѣ моимъ отцомъ?

— Значитъ, вы явились къ исполненію долга? — спросилъ губернаторъ.

— Но за чѣмъ другимъ я могъ бы притти сюда?

— Простите, дорогой... Простите и дайте мнѣ обнять васъ.

И губернаторъ дѣйствительно обнялъ его. Андрей Григорьевичъ принялъ это трогательное проявленіе чувства съ недоумѣніемъ. Онъ не могъ объяснить его простымъ патріотическимъ порывомъ со стороны губернатора, такъ какъ не считалъ его такимъ экспансивнымъ человѣкомъ. Да наконецъ если бъ это было такъ, то ему пришлось бы обнимать всю эту тысячную толпу, наполняющую огромный манежъ.

И губернаторъ сейчасъ же понялъ его недоумѣніе и, дружески взявъ его за талію, объяснилъ:

— Вы изумлены, я понимаю, и сейчасъ объясню. Видите ли, мой другъ, сегодня утромъ, вотъ сейчасъ, у меня былъ вашъ почтенный отецъ, Григорій Аѳанасьевичъ, который, кстати сказать, вчера, ну прямо сразилъ меня и собравшихся у меня имени-

тыхъ гражданъ своимъ крупнымъ пожертвованіемъ на нужды воиновъ и семействъ, двѣсти тысячъ!.. Да, такъ онъ былъ у меня и, очевидно, не поговоривъ съ вами и понимая по-своему вашу пользу, просилъ...—нѣтъ, вы этого, очевидно, даже не можете и представить,—просилъ меня похлопотать, чтобы васъ освободили отъ военной службы!

Андрей даже отшатнулся отъ него.

— Мой отецъ! — воскликнулъ онъ. — Поразительно, до какой степени люди близкіе могутъ мало знать другъ друга. Но я отрываю васъ отъ дѣла... Я уже записался и получилъ право облечься въ мундиръ прапорщика. Если позволите, сегодня покажусь въ немъ.

— Какъ? Онъ уже готовъ?

— Ну, еще бы. Я заказалъ его вчера черезъ полчаса по полученіи извѣстія о войнѣ. Мой портной обязался подъ страхомъ смерти сшить его въ полной исправности въ двадцать четыре часа. Сегодня въ полночь происходила примѣрка...

Губернаторъ съ величайшей горячностью пожалъ его руку и занялся своими дѣлами. Андрей Григорьевичъ отправился домой, гдѣ узналъ, что съ полчаса тому назадъ къ нему заѣзжалъ Григорій Аѳанасьевичъ и убѣдительно просилъ его, когда вернется, позвонить по телефону на дачу, куда онъ поѣхалъ. А въ домѣ въ это время сидѣлъ портной съ двумя подмастерьями и дошивалъ прапорщицкій мундиръ.

— Ну, что же? Срокъ истекаетъ!—обратился къ нимъ Андрей Григорьевичъ.

— Можете облачаться,—отвѣтилъ портной, стоявшій за импровизированной гладильной доской и усердно надсаживавшійся надъ утюгомъ, въ то время какъ помощники его спѣшно дѣлали послѣдніе стежки.

— Отлично. Я вотъ только два слова скажу по телефону.

Онъ прошелъ въ другую комнату и позвонилъ на дачу. Подошелъ самъ Григорій Аѳанасьевичъ и, узнавъ его голосъ, разразился упреками: два раза заѣзжалъ, никогда его дома нѣтъ.

— А теперь вотъ я дома и черезъ полчаса буду у васъ! — веселымъ голосомъ отвѣтилъ Андрей и повѣсилъ трубку.

Послѣ этого портной съ помощниками принялись со всѣмъ усердіемъ и поспѣшностью одѣвать его въ только-что сшитый мундиръ, была на надлежащее мѣсто водружена шашка, а также пристроенъ кожаный чехолъ съ револьверомъ. Минутъ черезъ десять Андрей Осмоленко вышелъ изъ дома уже въ видѣ настоящаго прапорщика, сѣлъ въ стоявшій у подъѣзда экипажъ и поѣхалъ на дачу отца.

Когда экипажъ въѣхалъ въ ворота и подкатилъ къ крыльцу дачнаго дома, стоявшая на крыльцѣ Марья Михайловна, увидѣвъ издали, что пріѣхалъ какой-то военный, и не обративъ вниманія на хорошо знакомыхъ кучера, лошадей и самый экипажъ, поспѣшно ушла въ домъ и послала къ Григорію Аѳанасьевичу сказать, что къ нему пріѣхалъ какой-то офицеръ.

Между тѣмъ Андрей Григорьевичъ выскочилъ изъ экипажа и появился на крыльцѣ, потомъ прошелъ въ комнаты и прямо къ матери. Марья Михайловна до того была поражена этимъ появленіемъ, что въ первую минуту даже не узнала его, а, разглядѣвъ, вскрикнула и поблѣднѣла:

— Андрей? Ты? Какъ же это? Почему? Гриша! Григорій!..

Пришелъ и Григорій Аѳанасьевичъ. Онъ-то сразу понялъ, что значитъ переодѣваніе Андрея, но его небыстрый умъ какъ-то не смогъ согласовать этотъ фактъ съ его собственными недавними дѣйствіями. Въ самомъ дѣлѣ, получалась какая-то несогласимая нелѣпость: только-что,—ну, всего какихъ-нибудь полтора часа тому назадъ,—онъ хлопоталъ у губернатора объ освобожденіи сына отъ службы, а сынъ стоитъ передъ нимъ въ военномъ мундирѣ.

— Ну, что же? Какъ находите? Развѣ это мнѣ не къ лицу?—говорилъ Андрей, по-дѣтски красуясь передъ ними, поворачиваясь то бокомъ, то спиной и закручивая кверху свои небольшіе усы.

Наконецъ все было понято и усвоено. Марья Михайловна заплакала, но вытерла слезы и наружно успокоилась:

— Что жъ, если ты такъ хочешь, Господь съ тобой.

Вполнѣ овладѣлъ своимъ смущеніемъ и Григорій Аѳанасьевичъ.

— Конечно,—сказалъ онъ:—это твоя добрая воля, которой никто не можетъ препятствовать. Но жаль, что ты не посовѣтовался съ нами. Все-таки была бы не лишней нѣкоторая согласованность дѣйствій.

— Но мнѣ казалось, папа, что согласованы не только наши съ вами, а и всѣхъ россійскихъ гражданъ дѣйствія. Всѣ нынче поступаютъ одинаково.

— Да, но ты никогда не проявлялъ склонности поступать, какъ всѣ... Ты всегда и во всемъ выбиралъ свою особую дорогу и свысока смотрѣлъ на то, что было общее для всѣхъ! — возразилъ Григорій Аѳанасьевичъ.

— Это вѣрно, папа. Но теперь вѣдь совсѣмъ другое дѣло: всѣ идутъ на смерть. И если я, желая быть оригинальнымъ, уклонюсь отъ этого, то этимъ совершу подлость передъ другими и передъ самимъ собой. Полкъ въ военное время состоитъ изъ тысячи восьмисотъ человѣкъ. Если я пойду, то буду въ немъ, ну, скажемъ, тысяча восьмисотымъ номеромъ. Но если я не пойду, то его не уменьшать на одинъ номеръ, въ немъ все-таки будетъ тысяча восемьсотъ человѣкъ: значитъ, тысяча восьмисотый будетъ вмѣсто меня кто-то другой. И кто-то другой, папа, пойдетъ за меня на смерть. Вотъ этого и не соображаютъ тѣ, кто уклоняется отъ своей обязанности. Они какъ будто думаютъ, что если они не пойдутъ, то ихъ мѣста останутся незанятыми. Все равно, какъ школьникъ, который лѣнится и не посѣщаетъ класса... У насъ есть даже цѣлыя секты и ученія, послѣдователи которыхъ, считая войну зломъ, отказываются служить и въ простотѣ сердечной увѣрены, что этимъ совершаютъ богоугодное дѣло, совсѣмъ, кажется, и не подозрѣвая, что этимъ производятъ покушеніе на убійство ближняго. Нѣтъ, папа, неужели вы находите, что я не правъ?

— Правъ-то, правъ. Но намъ-то съ матерью какъ тяжело представить тебя идущимъ на смерть! Развѣ ты не понимаешь, какъ мы тебя любимъ!

— Ахъ, Боже мой! Я это знаю и страшно цѣню. Но у каждаго другого тоже есть отецъ и мать, которые его любятъ, и имъ тоже тяжело представить своихъ дѣтей идущими на смерть!

— Какой это ужасъ—война! — воскликнула Марья Михайловна, какъ бы вдругъ глубоко почувствовавъ все грозящее ей несчастье, и снова принялась плакать.

— Ужасъ, мама, конечно, ужасъ, — никто и не думаетъ иначе. Но ужасъ для всѣхъ, для всей страны одинаковый. А былъ бы еще болѣе страшный ужасъ, если бы одни имѣли возможность подставлять подъ него головы другихъ, а сами прятаться и только читать газеты о войнѣ и ахать и качать головами. Неужели вы думаете, что я съ удовольствіемъ пойду на смерть? Нѣтъ, жизнь все-таки остается для меня прекраснѣйшей вещью и величайшимъ благомъ, но только тогда, когда она не совмѣщена съ подлостью. Жизнь съ клеймомъ подлаго труса, посылающаго за себя на смерть другого, это уже не благо и не прекрасная вещь, а гнуснѣйшая. Вотъ этого всего, папа, вы, любя меня, не приняли въ расчетъ, когда говорили обо мнѣ съ губернаторомъ. И если бы вы видѣли, съ какимъ презрѣніемъ онъ встрѣтилъ меня!

— Какъ, ты уже это знаешь? — густо покраснѣвъ, спросилъ Григорій Аѳанасьевичъ.

— Да, я встрѣтился съ нимъ только-что во время моей явки на призывъ. Ему было бы очень тяжело исполнить просьбу, и когда онъ узналъ, что я въ ней не принималъ участія, то обрадовался, какъ ребенокъ, и тутъ же началъ обнимать и поздравлять меня. Ну, съ этимъ покончено. Я обѣщалъ сегодня показаться ему въ мундирѣ прапорщика... Онъ въ восторгѣ отъ вашего щедраго пожертвованія, папа.

— Да что жъ, не люблю выступать съ пустяками... Сегодня былъ въ банкѣ и распорядился передать губернатору двѣсти тысячъ.

— Да, это красиво. Съ пятью тысячами не стоило бы и выступать. А гдѣ же мой братъ Василій?

— Да вотъ не знаемъ. Подымается раньше всѣхъ и укатываетъ на велосипедѣ въ городъ. Что онъ тамъ дѣлаетъ, Богъ знаетъ. Должно-быть, участвуетъ въ манифестаціяхъ...

— А какъ вашъ заводъ?

— Съ заводомъ предстоитъ большая возня. Чуть не всѣ рабочіе — запасные и уходятъ на войну. Думалъ кой-кого задержать, похлопотать — да не тутъ-то было, всѣ такъ и рвутся. Эта война, братъ, какое-то священнодѣйствіе. Я пережилъ ужъ двѣ большихъ войны, но ни въ одной не было ничего подобнаго.

— Да, да. Литургія. Всѣ какъ будто сознали себя великими грѣшниками передъ родиной и рѣшили великимъ говѣніемъ искупить свой грѣхъ. И будетъ продолжительное великое говѣніе Россіи, пока она не причастится великой побѣдѣ... А вы зачѣмъ собственно ѣздили сегодня къ губернатору? Неужели единственно хлопотать о моемъ безчестіи, — нѣтъ, нѣтъ, не сердитесь, это я такъ,—хлопотать обо мнѣ?

— Нѣтъ, было и другое. Мой Оттонъ Оттоновичъ, представь себѣ, оказался германскимъ подданнымъ, да еще запаснымъ.

— О, неужели? Бѣдняга... Мнѣ больше всего жаль этихъ простаковъ, которые, помимо ихъ воли, вдругъ оказались въ станѣ вражескомъ. Ну, что жъ, онъ струсилъ, конечно?

— Разумѣется. А главное, мнѣ никакъ невозможно потерять его.

— Да, да, на немъ держится фабрика. Но подумайте, на немъ держится фабрика, а слѣдовательно — ваше и мое благополучіе, но могло бы случиться, что мы встрѣтились бы съ нимъ въ открытомъ полѣ, и онъ убилъ бы меня или я его.

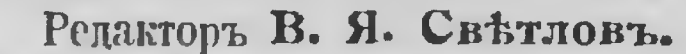
— Ну, этого во всякомъ случаѣ не будетъ.

— Еще бы! Онъ, конечно, поспѣшилъ перейти въ русское подданство? Вы хлопотали объ этомъ у губернатора, и тотъ обѣщалъ посодѣйствовать? Въ данномъ случаѣ я обхожусь безъ негодованія. Пусть тамъ поставятъ на его мѣсто другого нѣмца, котораго я непремѣнно убью, а онъ пускай управляетъ нашей фабрикой.

Бодрый видъ и глубокая убѣжденность подѣйствовали даже на Марью Михайловну. Она перестала плакать и приказала подавать завтракъ. Скоро сѣли за столъ, и оба Осмоленко любовались сыномъ, который хотя и не имѣлъ особенно воинственнаго вида, но былъ очень изященъ и красивъ въ офицерской формѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. — г. XLV

№ 40 — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 4 октября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія" за Октябрь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ за Октябрь 1914 г. съ 32 рис. отдѣльн. листъ съ 27 черт. выкр. въ натур. величину и 25 выкр. бѣлья для раненыхъ.

Помни Реймсъ!

Когда добыча каннибала,
Въ сѣнь капища замѣтивъ слѣдъ,
Его порогъ переступала —
Смирялся дикій людоѣдъ,
И жажда крови умолкала.

Когда фанатики Ислама,
Ордой нахлынувши въ Царь-
градъ,
Поили кровью орифламмы,—
Дотоль неистовый Мурадъ
Склонился предъ стѣнами храма.

Но передъ Реймскимъ храмомъ
нынѣ,
Передъ молитвою вѣковъ,
Объятый бѣшеной гордыней,
Не стихъ тевтонскихъ пушекъ
ревъ—
И надругался надъ святыней!

Земля, вскипѣвъ негодова-
ньемъ,
Все тщетно ищетъ жгучихъ
словъ,
Чтобы позорнѣйшимъ назва-
ньемъ
Навѣкъ отмѣтить наглецовъ —
И отомстить за поруганье!..

Но нѣтъ у насъ такого слова,
Чтобъ безпощаднѣе бича
Оно вздымалось, жгло и снова
Впивалось въ сердце палача.

И лишь вспоенное презрѣньемъ
Къ зловѣщей стаѣ злобныхъ
псовъ
Скуетъ другое поколѣнье
Клеймо позора для отцовъ!..

I. Арденинъ.

Чудо міровой архитектуры — порталъ Реймскаго собора, разрушенный бомбардировкой вандаловъ-германцевъ.

Содержаніе.

Лебединая пѣснь стараго собора.

Поэма **Б. Никонова.**

Старый звонарь поднимается на башню собора.

Непослушныя, больныя, старческія ноги съ трудомъ одолѣваютъ каменныя стертыя ступени, по которымъ поднимались и спускались цѣлыя поколѣнія звонарей. У стараго звонаря дрожатъ ноги и бьется небывалымъ волненіемъ сердце... Еще никогда такъ не дрожали его ноги и такъ не билось и не звенѣло сердце. Какъ вся страна охвачена великимъ событіемъ кровавой борьбы за свою честь и существованіе, и въ сердцахъ ея гражданъ совершается торжественное богослуженіе...

Старый звонарь медленно, съ великимъ трудомъ поднимается вверхъ по мшистымъ и избитымъ ступенямъ. Такъ по холоднымъ камнямъ жизненнаго пути усталые люди медленно восходятъ

Художественныя статуи святыхъ на фронтонѣ Реймскаго собора, разбитыя германскими снарядами.

будто въ его сердцѣ есть свой звонарь, и этотъ невидимый звонарь бьетъ въ сердце, какъ въ колоколъ:

— Иди, иди, старина! Въ послѣдній разъ послужи своему собору и своимъ ближнимъ. Прозвони имъ въ мѣдные голоса старыхъ колоколовъ о томъ, что еще не угасли вѣковая доблесть твоего народа и его глубокая вѣра. И пусть слышитъ эти голоса и врагъ, подступившій къ городу, и пусть онъ пойметъ, что тщетна его борьба съ такой вѣрой и доблестью!..

И старый звонарь поднимается все выше и выше по каменнымъ ступенямъ. Тяжко подниматься на такую высоту слабому старику,—но сегодня онъ ни за что не остался бы у себя внизу. Сегодня онъ долженъ быть тамъ, гдѣ его присяга, гдѣ его постъ. Къ городу подступилъ врагъ и стрѣляетъ по городу, и уже горятъ дома, и падаютъ убитые и раненые горожане. И старый звонарь спѣшитъ наверхъ, къ колоколамъ, — туда, гдѣ онъ провелъ почти всю свою жизнь, пронизанную ихъ громкимъ пѣніемъ. И если старый соборъ пѣлъ своимъ громкимъ голосомъ всякій разъ, когда совершались торжественныя событія, или въ соборѣ шла торжественная служба, то онъ будетъ пѣть и сегодня: вѣдь подъ конецъ своей жизни къ Небу. И, быть-можетъ, сегодня Небо ближе, чѣмъ когда-либо, и къ старому собору и къ старому звонарю.

По пути, проходя по узкимъ лѣстницамъ, звонарь выглядываетъ въ огромныя длинныя окна и видитъ знакомыя изображенія святыхъ и страшныя лица и фигуры чудовищъ-химеръ. Много вѣковъ здѣсь, высоко надъ землей, на углахъ башенъ и надъ сводчатыми пилястрами оконъ и дверей, идетъ борьба святости съ грѣхомъ, добра со зломъ: изображенія святыхъ изгоняютъ злыхъ химеръ, и онѣ буйно и злобно вырываются изъ обители Бога и безмолвно разѣваютъ страшные зубастые рты въ крикъ ужаса и ненависти. А святые въ спокойномъ созерцаніи глядятъ отсюда на весь міръ. Уже нѣсколько вѣковъ пронеслось предъ ними. Видѣли они и вдали и вблизи чудовищъ грѣха и ненависти, видѣли страшныя войны, нападенія злыхъ болѣзней, злыя дѣла. Но безстрастныя лица ихъ, какъ кажется старому звонарю, сегодня омрачены тоской и скорбью. Еще никогда не приходилось имъ созерцать такихъ ужасовъ и преступленій, какія совершаются теперь отъ восхода солнца и до за-

ката въ великой и прекрасной странѣ, терзаемой и оскверняемой вторгшимися въ нее врагами.

Старый звонарь забирается туда, гдѣ висятъ самые звонкіе и мощные колокола. Всякій разъ, когда онъ звонитъ въ нихъ, и они поютъ на весь міръ, звонарю кажется, будто въ углахъ колокольни шевелятся люди стараго вѣка. Они просыпаются и удивленными глазами осматриваются кругомъ и тихо спрашиваютъ могильными голосами: „Что случилось? Что дѣлается въ мірѣ? Что происходитъ въ нашей прекрасной Франціи? Почему гудятъ наши колокола? Не вѣнчается ли на царство новый король? Не клянется ли онъ надъ древнимъ Евангеліемъ служить славѣ и чести родной страны? Не торжествуетъ ли родина побѣду надъ врагами?.." А внизу, по улицамъ стараго города идутъ короли старой Франціи и вмѣстѣ съ ними знаменитые граждане, возлюбившіе отчизну сильнѣе своей жизни. Вѣютъ древнія знамена, звенятъ латы и шлемы. И среди нихъ ѣдетъ на закованномъ въ броню конѣ прекрасная Дѣвственница, бѣлая статуя которой стоитъ въ соборѣ. Всѣ эти призраки древняго времени вызываетъ пѣніе колоколовъ стараго собора. Но эти призраки живутъ и никогда не умрутъ, потому что въ нихъ таится душа всего народа...

Душа всего народа таится и въ старомъ соборѣ. И поэтому старый звонарь, плоть отъ плоти своего народа, видитъ и понимаетъ все то, что появляется и возстаетъ подъ звуки древнихъ колоколовъ. Что увидитъ онъ сегодня? Какія видѣнія возстанутъ предъ нимъ, когда онъ заставитъ звучать свои любимые колокола?

Городъ окутанъ дымомъ и пылью отъ разрушающихся и горящихъ зданій. Гдѣ-то вдали, тамъ, гдѣ зеленѣютъ поля и лѣса, притаился съ своими страшными пушками врагъ и посылаетъ оттуда въ городъ гранату за гранатой, ударъ за ударомъ. Съ воемъ и свистомъ летятъ оттуда смертоносныя птицы и падаютъ въ городъ, и разрушаютъ дома, и жгутъ ихъ, и убиваютъ людей.

Грохотъ и трескъ наполняютъ воздухъ. Но сквозь грохотъ и ураганъ разрушенія ясно слышится звонъ соборныхъ колоколовъ. Старый звонарь помнитъ свой долгъ. Подъ его рукой колокола поютъ о славѣ и чести и вѣрѣ, и голосъ ихъ не заглушаетъ ни грохотъ гранатъ, ни стоны жителей, ни сотни иныхъ голосовъ бѣды и несчастія.

Одно изъ старинныхъ художественныхъ оконъ Реймскаго собора, разбитое германскими снарядами.

Соборъ въ Реймсѣ, разрушенный германской бомбардировкой. Видъ собора до разрушенія.

Сегодня колокола должны пѣть съ особенной силой и проникновенностью, потому что врагъ подошелъ къ самому городу и разрушаетъ и городъ и все, что дорого его жителямъ.

Старый звонарь ясно видитъ, какъ въ углахъ колокольни поднимаются люди стараго вѣка и тревожно спрашиваютъ: „Что случилось съ Франціей?.." И колокола отвѣчаютъ имъ: „Близокъ врагъ, но былая честь и доблесть не умерли... Мы поемъ о нихъ, и возвѣщаемъ ихъ. Не бойтесь, старые люди. Не погибнетъ наша прекрасная Франція!.."

Старый звонарь видитъ, какъ по улицамъ ѣдутъ на коняхъ короли и великіе граждане, спасавшіе нѣкогда Францію. Ихъ пробудилъ голосъ стараго собора, и всѣ они встали изъ могилъ на помощь нынѣшнимъ бойцамъ и защитникамъ... И чѣмъ громче поютъ колокола, тѣмъ многочисленнѣе становится шествіе старинныхъ тѣней, тѣмъ быстрѣе несутся они на помощь къ своимъ потомкамъ—воодушевлять ихъ въ грозной борьбѣ не на жизнь, а на смерть...

Но что это? Старый звонарь на мгновеніе застываетъ отъ ужаса: вражеская граната вонзается въ стѣну собора и съ грохотомъ разрывается... Летятъ внизъ обломки статуй. Еще ударъ! Опять падаютъ старинныя статуи. Старый звонарь склоняется черезъ окно надъ землей: соборъ раненъ... И ему кажется, что все кругомъ—вся вселенная ропщетъ отъ негодованія и скорби: старый святой соборъ, радость, краса и утѣшеніе поколѣній — раненъ!

Мгновеніе —и уже нѣтъ и тѣни ужаса въ сердцѣ стараго звонаря. Онъ схватываетъ веревку и опять раскачиваетъ колокола, и снова соборъ поетъ громкую пѣснь о вѣрѣ и доблести. Соборъ раненъ, но онъ долженъ и будетъ взывать къ гражданамъ. Онъ будетъ неустанно пѣть имъ: „Не отчаивайтесь! Не унывайте! Собирайтесь въ ряды и смѣло идите на защиту родины и чести. И пока въ васъ будетъ жива вѣра, хранимая мною вѣка и вѣка, никакой врагъ не сломитъ васъ, и отчизна извергнетъ его!.. Я пою вамъ! Не бойтесь!.."

Новый ударъ... Въ одной изъ башенъ пробита стѣна. У стараго звонаря невольно дрожитъ рука... Что же это за варвары скры-

ваются тамъ, за городомъ? Люди ли они? Какъ поднимаются у нихъ руки на многовѣковую святыню народа? Какъ могутъ они наносить раны старому собору, созданному и вѣрой, и любовью, и великимъ искусствомъ? Развѣ у человѣка, имѣющаго сердце, можетъ явиться желаніе совершать такое кощунство? Значитъ, они выродки, злое отребье человѣчества, уроды, дѣти, рожденныя уродами-отцами... Это не люди и не звѣри, а новыя существа, полныя зла и мерзости, существа, для которыхъ еще нѣтъ названія, потому что міръ еще не видалъ ихъ и не успѣлъ назвать!

Быть-можетъ, они нечаянно попадаютъ въ соборъ, не цѣлясь въ него? Старый звонарь собираетъ всѣ свои силы и сотрясаетъ колокола, чтобы они громко на весь міръ звенѣли: „Мы—колокола стараго священнаго собора! Не дерзайте стрѣлять въ насъ! Оставьте насъ въ покоѣ!“... Колокола поютъ и стонутъ на весь міръ... Должны же враги услышать ихъ стонъ...

Да, враги услышали ихъ стонъ. Они поняли, что предъ ними великій старый соборъ съ дивными колоколами. И они пожелали посмѣяться надъ соборомъ и надъ колоколами... Надъ головой стараго звонаря раздается страшный звонъ и грохотъ. Летятъ обломки кирпичей и осколки гранаты—и дикимъ воемъ звенитъ колоколъ. Онъ звенитъ самъ, безъ помощи стараго звонаря... Въ него попала граната и ранила его. И раненый, пораженный

У подножія Реймскаго собора. Обломки статуй, украшавшихъ фасадъ собора и разбитыхъ бомбардировной вандаловъ-германцевъ.

колоколъ стонетъ отъ гнѣва и боли, и стонъ его несется по всему городу... Значитъ, не случайно попадали прежнія гранаты въ соборъ. Значитъ, враги знаютъ, во что они стрѣляютъ...

— Негодяи, негодяи! — кричитъ внѣ себя старый звонарь. Сквозь облака пыли и дыма онъ видитъ, какъ падаютъ со стѣнъ собора камни на землю, какъ разрушается одна изъ стѣнъ, уже пробитая многочисленными гранатами. Тамъ, внизу, предъ соборомъ, собрались люди. Они стонутъ и плачутъ, видя разрушеніе святыни, и потрясаютъ кулаками и оружіемъ по направленію къ невидимому врагу... Дорого обойдется ему это оскорбленіе націи, эта гибель національной святыни!..

Старый звонарь, раненый въ голову осколкомъ гранаты, сотрясаетъ колокола. „Не отчаивайтесь, граждане!—кричитъ онъ имъ мѣдными голосами колоколовъ.—Не унывайте! Вставайте всѣ, какъ одинъ, на защиту нашихъ святынь! Кричите повсюду, на весь міръ, о томъ, какъ кощунствуетъ низкій врагъ! Не можетъ быть, чтобы крикъ вашъ и голосъ нашего раненаго собора не пронеслись по всему свѣту изъ край въ край и не ударили въ сердца людей!.. И тѣ, кто имѣетъ уши, тѣ услышатъ послѣднюю пѣсню старинниго собора, и сердца ихъ запылаютъ гнѣвомъ. И нашъ стонъ и пѣсня нашего собора превратятся въ ихъ сердцѣ и устахъ въ сокрушающій вопль: „Горе тебѣ, народъ-насильникъ! Горе тебѣ, Германія!..“

И старый звонарь, не чувствуя, какъ струя горячей и липкой крови заливаетъ ему лицо, звонитъ въ колоколъ и призываетъ весь міръ къ отмщенію... А гранаты съ дикимъ воемъ все летятъ и летятъ на соборъ, какъ зловѣщія птицы, ударяются о его стѣны и разбиваютъ ихъ... И чѣмъ громче раздаются ихъ взрывы, тѣмъ громче поетъ старый соборъ свою лебединую пѣснь...

До сердца стараго звонаря доходятъ страшныя вѣсти.

Уже всѣ святые упали со своихъ подножій... Разбита и бѣлоснѣжная статуя великой Дѣвственницы, предъ которой склонялись цѣлыя поколѣнія съ мольбой о счастьѣ и о подвигѣ добра. Разбиты драгоцѣнныя колонны, люстры, разбитъ алтарь. Разрушены изображенія святыхъ, и черезъ сорванную крышу падаютъ внутрь собора камни, осколки гранатъ и разбитыхъ колоколовъ... Уцѣлѣвшіе святые благословляютъ страдающихъ прихожанъ.

Старый звонарь слышитъ и знаетъ обо всемъ этомъ. Онъ самъ раненъ и истекаетъ кровью. Слабѣющими руками съ трудомъ дергаетъ веревку отъ колоколовъ. И колоколовъ осталось уже мало: они сбиты вражескими выстрѣлами...

— Уходи! — кричатъ ему снизу люди. — Ты погибнешь! Тебя разстрѣляютъ нѣмцы!..

— Уходи, вѣрный старый звонарь! — шепчутъ тихими голосами святые.—Ты уже достаточно послужилъ, и заслуга твоя не забудется ни родиной ни Небомъ!

Но старый звонарь не хочетъ уходить. Соборъ гибнетъ,—долженъ погибнуть съ нимъ вмѣстѣ и старый звонарь! Уже не долго ждать конца. Сосѣдняя башня разрушена до конца, и пылаютъ ея развалины, какъ гигантскій безформенный костеръ. А на этой башнѣ уже сбиты дивныя каменныя кружева, уже проломлены стѣны и разрушена лѣстница. А удары гранатъ не перестаютъ сыпаться. Враги словно обрадовались гибели собора и впали въ буйное торжество разрушенія. Они съ радостью разрушили бы весь міръ, взорвали бы всю землю, старую землю, которая слишкомъ мала для нихъ и не вмѣщаетъ ихъ ненависти...

Старый звонарь не хочетъ уходить. Затуманившимся взоромъ, сквозь слипшіяся отъ крови рѣсницы онъ обводитъ колокольню и не узнаетъ ея. Сквозь стѣны сіяетъ небо. Два колокола разбиты, остальные унесены взрывами гранатъ... Нѣтъ ни статуй ни химеръ...

И умирающій старый звонарь понялъ, куда дѣвались колокола, статуи святыхъ и изображенія химеръ.

Колокола не погибли. Они улетѣли далеко въ Божій міръ, чтобы звонить на свободѣ всюду и возвѣщать вездѣ о преступленіи безсовѣстнаго врага. Быть-можетъ, сейчасъ они звенятъ ужо въ Россіи, въ Америкѣ, въ Африкѣ, звенятъ въ сердцѣ каждаго человѣка, отдаются въ каждомъ уголкѣ его жилища. Этихъ колоколовъ ничто не истребитъ, и голосовъ ихъ не заглушатъ никакія пушки. Ихъ звонъ воцарится надъ всѣмъ міромъ и будетъ пѣть и въ небѣ и на землѣ о совершенномъ преступленіи противъ Святого Духа. И милліоны голосовъ присоединятся къ ихъ пѣнію. И въ мірѣ настанетъ торжество добра и прославленіе правды послѣ того, какъ всюду будетъ услышана страшная вѣсть о разрушеніи добра и правды.

Не погибли и статуи святыхъ, не погибли и изображенія свирѣпыхъ химеръ. Какъ въ древнихъ легендахъ, разрушенныя и разбросанныя священныя изображенія оживутъ и пойдутъ по свѣту съ повѣстью о зломъ дѣлѣ безбожнаго народа. А химеры, какъ птицы, понесутся съ криками отмщенія. Услышатъ и ихъ! И ихъ страшные голоса найдутъ не одно мужественное сердце и вложатъ оружіе въ руки тѣхъ, кто имѣетъ силы постоять за родину.

Старый звонарь знаетъ это и не боится умирать. Вѣдь и соборъ умираетъ. Старый звонарь умираетъ на посту своего маленькаго служенія. Старый соборъ умираетъ на посту великой многовѣковой службы христіанству.

Торжествуйте, язычники и выродки рода человѣческаго! Собора нѣтъ! Вы превратили въ развалины красоту и величіе, существовавшія сотни лѣтъ.

Но того, что создало этотъ старинный соборъ и чѣмъ былъ живъ онъ, вы не уничтожили и никогда не сможете уничтожить! Вы сами погибнете, какъ плѣсень на старой стѣнѣ подъ лучами вѣчнаго солнца!

А это именно солнце и горѣло въ томъ соборѣ, который вы не постыдились разстрѣлять. Оно и теперь горитъ и будетъ горѣть, и, ослѣпленные имъ, вы исчезнете предъ дуновеніемъ вѣчной жизни, и отъ дыханія ея возстанутъ въ новой славѣ терзаемые вами города и народы и люди—отъ простого звонаря до великаго полководца!

Государь Императоръ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Его Императорское Величество Государь Императоръ 20 сентября, въ 2 часа 30 мин. дня, изволилъ отбыть изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій.

Во время Высочайшаго пребыванія въ дѣйствующей арміи Императорскій поѣздъ имѣлъ остановку 25 сентября въ Вильнѣ. Къ приходу поѣзда, въ четвертомъ часу дня, собрались высшія военныя и гражданскія власти и представители сословій и обществъ. Со станціи Государь Императоръ съ военнымъ министромъ отбылъ на автомобилѣ въ Святодуховъ монастырь, гдѣ Его Императорское Величество былъ встрѣченъ архіепископомъ виленскимъ и духовенствомъ. Послѣ молебствія Государь Императоръ прикладывался къ святынямъ въ Алтарной пещерѣ, затѣмъ изволилъ посѣтить раненыхъ въ военномъ госпиталѣ и въ лазаретѣ дамскаго комитета. Поклонившись особо чтимой святынѣ-иконѣ Остробрамской Божіей Матери, Его Величество отбылъ. Императорскій поѣздъ отошелъ при восторженныхъ кликахъ „ура“.

Телеграмма Его Императорскаго Высочества Верховнаго Главнокомандующаго отъ 25 сентября 1914 года.

Государь Императоръ, выѣхавъ вчера вечеромъ изъ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, проѣзжая черезъ Бѣлостокъ, повелѣлъ поѣзду остановиться и прослѣдовалъ въ крѣпость Осовецъ, дабы лично поблагодарить гарнизонъ за отраженіе атаки.

Такимъ образомъ Его Величество изволилъ быть вблизи боевой линіи.

Посѣщеніе нашего Державнаго Верховнаго Вождя объявлено мною по всѣмъ арміямъ и, я увѣренъ, воодушевитъ всѣхъ на новые подвиги, подобныхъ которымъ Святая Русь еще не видала.

Генералъ-адъютантъ *Николай.*

Генералъ-отъ-кавалеріи Павелъ Адамовичъ Плеве, Высочайше пожалованный орденомъ Св. Георгія 4-й степени за бои съ австрійскими и германскими войсками въ періодъ съ 24 августа по 1 сентября с. г.

Генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Ермолаевичъ Эвертъ, Высочайше пожалованный орденомъ Св. Георгія 4-й степени за отбитіе атакъ непріятельскихъ силъ на г. Люблинъ съ 13 по 21 августа с. г.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ войны Россія, Франція и Англія успѣли собрать противъ общаго врага значительныя силы для нанесенія всесокрушающаго удара. Районы нынѣшнихъ сраженій, обнимающихъ фронтъ въ 400—700 верстъ, такъ велики, что отдѣльныя битвы и движенія въ родѣ нашего отступленія изъ Восточной Пруссіи или германскаго пораженія на Нѣманѣ не оказываютъ большого вліянія на конечный исходъ войны. Частичные успѣхи на одной части фронта и частичные неудачи на другой рядомъ съ предстоящими великими сраженіями многомилліонныхъ армій имѣютъ характеръ только взаимной пробы силъ, взаимнаго нащупыванія противника. Мы дали себя знать нѣмцамъ подъ Эйдкуненомъ, Сталупененомъ, Алленштейномъ, заставили ихъ почувствовать силу русскаго удара подъ Осовцомъ, Друскениками, Сапоцкиномъ и Августовомъ, въ свою очередь и сами ознакомились съ дѣйствіемъ ихъ тяжелой артиллеріи подъ Сольдау и при отступленіи ген. Ренненкампфа. Пораженіе, нанесенное нѣмцамъ на берегахъ Нѣмана и у крѣпости 3-го разряда Осовца, съ лихвой возмѣщаетъ нашу неудачу у Сольдау.

Враги успѣли ближе ознакомиться другъ съ другомъ, узнать слабыя и сильныя стороны непріятеля. Какъ бы критически ни относиться къ смѣлымъ операціямъ генерала Ренненкампфа, предпринявшаго въ самомъ началѣ войны походъ вглубь непріятельской страны съ сравнительно небольшими силами и пускавшаго кавалерію во фронтовыя атаки противъ пѣхоты и укрѣпленныхъ батарей,—за нимъ останется та неоспоримая заслуга, что удачными дѣйствіями въ рядѣ мелкихъ боевъ онъ уничтожилъ вздорную легенду о непобѣдимости нѣмцевъ. Для всего дальнѣйшаго теченія войны много значитъ бодрящее и окрыляющее впечатлѣніе первыхъ побѣдъ. Полководцы должны считаться не только съ стратегическими соображеніями, но также и съ прихотливою психологіею войсковыхъ массъ. Счастливый ходъ лихихъ набѣговъ ген. Ренненкампфа прежде всего показалъ, что нѣмецъ не такъ страшенъ, какъ онъ самъ себя малюетъ. Старымъ теоріямъ онъ противопоставилъ данныя новаго боевого опыта, показавшаго, что воинская удаль даетъ возможность побѣждать и „непобѣдимыхъ“. Правда, за это время наша южная армія, сосредоточившая въ себѣ главныя русскія силы, успѣла подъ руководствомъ своихъ чрезвычайно талантливыхъ и осторожныхъ вождей уничтожить милліонную армію австрійцевъ, взять нѣсколько крѣпостей, захватить свыше тысячи орудій, вы-

Впредь до окончанія войны, министромъ внутреннихъ дѣлъ установлена повышенная такса почтовыхъ отправленій: **иногороднія письма оплачиваются десятью копейками** (вмѣсто 7 копеекъ), а **мѣстныя (городскія)—пятью копейками** (вмѣсто трехъ копеекъ).

Считаемъ долгомъ оповѣстить объ этомъ нашихъ читателей во избѣжаніе штрафовъ, которые съ 21 сентября с. г. будутъ накладываться (въ двойномъ размѣрѣ недостающей суммы оплаты) на получателей писемъ.

Е. А. Зноско-Боровскій, раненый въ бою и находящійся на излѣченіи въ лазаретѣ Александровской общины въ Петроградѣ.

Призванный на войну Е. А. Зноско-Боровскій — извѣстный русскій шахматистъ, состоящій редакторомъ Шахматнаго Отдѣла «Нивы». Е. А. Зноско-Боровскому 30 лѣтъ; онъ окончилъ курсъ Александровскаго лицея, а затѣмъ Петроградскій университетъ по филологическому факультету. Въ 1904 г. Е. А. отправился добровольцемъ на войну съ Японіей. За отличія въ бояхъ онъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій, Е. А. издалъ двѣ книги, посвященныя его боевымъ впечатлѣніямъ: «Крейсеръ Алмазъ» (о Цусимѣ) и «Фантастическія были» (разсказы о войнѣ).

вести изъ строя противника больше полумилліона плѣнными и ранеными, завоевать почти всю Галицію и вторгнуться черезъ Карпаты четырьмя колоннами въ долину Венгріи,—но плоды громкихъ побѣдъ не должны заслонять и весьма цѣнныхъ успѣховъ ген. Ренненкампфа.

Двухмѣсячные бои на прусскомъ фронтѣ установили несомнѣнный успѣхъ нѣмцевъ въ крупной артиллеріи, въ оборудованіи вооруженныхъ пулеметами и легкою артиллеріею бронированныхъ автомобилей, оказавшихъ огромныя услуги при преслѣдованіи отступающихъ полковъ, и въ прекрасно поставленной воздушной развѣдкѣ, но зато наша полевая артиллерія оказалась несравненно лучше нѣмецкой, а стрѣльба русской пѣхоты — несравненно болѣе поражающей. Нѣкоторыя преимущества техническаго оборудованія у нѣмцевъ вполнѣ покрываются неоспоримымъ преимуществомъ болѣе усовершенствованной боевой тактики русскихъ, а главное — чуднымъ воинскимъ духомъ нашей арміи. Теперь, когда сосредоточеніе громадныхъ войсковыхъ массъ близится уже къ концу, обновленная и освѣженная притокомъ новыхъ частей русская армія, съ точнымъ знаніемъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ своего противника, можетъ готовиться къ рѣшительному сраженію на всемъ почти 800-верстномъ фронтѣ соприкосновенія съ врагомъ.

Однимъ изъ важныхъ ресурсовъ для насъ въ предстоящемъ въ близкомъ будущемъ величайшемъ въ исторіи міра сраженіи является, между прочимъ, также и сравнительная свѣжесть русскаго войскового состава. Неимовѣрная напряженность современнаго боя быстро изнашиваетъ и моральныя и физическія силы воиновъ.

Въ этомъ отношеніи огромность нашихъ людей и даже самая медленность нашей мобилизаціи является какъ бы новымъ преимуществомъ Россіи. Въ то время, какъ нѣмцы почти что сразу мобилизовали свои главныя силы и выставили ихъ на обоихъ фронтахъ, мы оперировали первые мѣсяцы только съ незначительною частью своего контингента. Теперь нѣмцы перебрасываютъ по прекрасно оборудованнымъ линіямъ внутренняго сообщенія свои уже изношенныя и истрепанныя арміи съ одного фронта на другой, разбавляя ряды уставшихъ бойцовъ мало способнымъ къ бою ландверомъ и ландштурмомъ, мы же выставляемъ противъ нихъ свѣжихъ бойцовъ изъ своего неистощимаго и прекрасно обученнаго запаса. Быть-можетъ, именно физическою и нервною изношенностью переброшенныхъ съ запада и уже битыхъ тамъ полковъ изъ арміи германскаго кронпринца объясняется отчасти и послѣдній разгромъ, понесенный нѣмцами при попыткѣ форсировать переправы черезъ Нѣманъ. Судя по телеграммѣ Главнаго Штаба, отмѣчавшей быстрое овладѣніе техникою боя вновь прибывшими войсковыми частями, такое постоянное частичное освѣженіе производится не только въ сѣверной, но также и въ нашей южной арміи. Теперь, когда австро-германскій фронтъ окончательно слился въ совмѣстной защитѣ Кракова, непріятель, изнемогающій отъ понесенныхъ неудачъ и пораженій и на юго-западѣ и на юго-востокѣ, встрѣтитъ противъ себя въ рѣшительный часъ послѣдней битвы грозные ряды бодрыхъ, полныхъ энтузіазма, русскихъ воиновъ. Одновременность рѣшительнаго натиска и съ западнаго и съ восточнаго фронта, о которой говоритъ одновременный выѣздъ въ армію Государя и президента Пуанкарэ, лишитъ возможности нѣмцевъ, перебрасывая корпуса съ одного театра военныхъ дѣйствій на другой, явиться поочередно и тамъ и здѣсь въ численно подавляющихъ массахъ.

Собственно стратегическое расположеніе австро-германской арміи на фронтѣ Краковъ—Ченстоховъ представляется далеко не блестящимъ. Желаніе защитить австрійскій Краковъ, прикрывающій дорогу русской арміи черезъ Моравію и Чехію на Берлинъ, заставляетъ германцевъ усиленно держаться въ довольно узкомъ клинообразномъ пространствѣ по р. Вартѣ между южной и сѣверной русскими арміями. Отбитые отъ Нѣмана и прогнанные на германскую территорію на сѣверѣ, они въ то же время безпрепятственно продвигаются все впередъ и впередъ въ восточномъ направленіи на югѣ, безъ боя занимая Петроковъ, Лодзь, Андреевъ и пр., чѣмъ еще болѣе вытягиваютъ и заостряютъ клинообразность своего общаго расположенія. Расколотивъ и погнавъ ихъ назадъ на сѣверѣ, мы не мѣшаемъ имъ двигаться впередъ на югѣ.

На западномъ фронтѣ дѣла нѣмцевъ нисколько не поправляются. Съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія попрежнему продолжаютъ носить здѣсь характеръ затяжной осадной войны. Съ помощью постоянныхъ вылазокъ и взаимныхъ атакъ и нѣмцы и французы поочередно отнимаютъ другъ у друга взятыя кровавой цѣной позиціи, Перонну, форты въ промежуткѣ между Верденомъ и Лилемъ и т. д., но въ общемъ итогѣ все-таки нѣмцы постепенно отходятъ все больше и больше къ сѣверу. Самые ожесточенные бои сосредоточиваются на лѣвомъ французскомъ флангѣ противъ арміи генерала Клука. Давя на его флангъ, французы предпринимаютъ цѣлый рядъ попытокъ обхода его съ сѣвера и тѣмъ вынуждаютъ его къ безконечному растягиванію своего фронта. Чтобъ защититься, нѣмцы должны по мѣрѣ надобности перевозить на лѣвый, наиболѣе угрожаемый, флангъ войсковыя части съ праваго фланга и центра, ослабить линію обороны въ другихъ пунктахъ и по мѣрѣ возможности переходить въ атаку на болѣе южныхъ частяхъ непріятельскаго расположенія съ цѣлью замедлить сосредоточеніе атакующихъ колоннъ на юго-западѣ.

Такой, чисто демонстративный и тактически-оборонительный, характеръ имѣютъ всѣ нѣмецкія атаки. Онѣ даже въ рѣдкихъ случаяхъ успѣха не получаютъ никакого дальнѣйшаго развитія и поддержки, но въ большинствѣ случаевъ, несмотря на бѣшенство наступленія, обыкновенно съ огромными жертвами для нѣмцевъ, отражаются засѣвшими въ траншеи французами и англичанами. Отчаянность нѣмецкихъ фронтовыхъ атакъ всего больше свидѣтельствуетъ объ отчаянности стратегическаго положенія нѣмцевъ. Они, кажется, и сами признаютъ уже рискованнымъ задерживаться дальше на укрѣпленныхъ позиціяхъ по р. Энъ и приготовляются къ постепенному отступленію. Главный штабъ западной арміи уже переведенъ далеко вглубь тыла, раненые массами вывозятся изъ Брюсселя въ Германію, за ними должны слѣдовать обозы и тяжелая артиллерія. Съ единственною цѣлью обезпечить себѣ безпрепятственное отступленіе на германскую территорію нѣмцы предприняли энергичную осаду Антверпена, стараясь наглухо заперть въ крѣпостномъ районѣ слишкомъ активныхъ и безпокойныхъ бельгійцевъ, предпринимающихъ неожиданныя наступленія на комуникаціонныя линіи германцевъ. Теперь вопросъ сводится къ тому, успѣетъ ли нѣмецкая армія благополучно отступить во-свояси. Наступая обходными колоннами на лѣвый флангъ, все болѣе и болѣе удлиняя юго-западную линію обхвата, французы, по частнымъ свѣдѣніямъ, уже пришли въ соприкосновеніе съ бельгійской арміей и съ англійскимъ десантнымъ корпусомъ, идущимъ отъ Остендэ. Сосредоточеніе сколько-нибудь значительныхъ англо-франко-бельгійскихъ силъ въ этомъ районѣ грозитъ опаснымъ натискомъ на тыловыя части арміи Клука, можетъ привести къ лишенію германской арміи подвоза провіанта и боевыхъ запасовъ и окончиться для нихъ огромной катастрофой.

„Волчья яма".

Разсказъ раненаго офицера. **Граля Арельскаго.**

I.

День былъ пасмурный... На мутномъ небѣ неслись разорванные вѣтромъ клочья сѣрыхъ, безформенныхъ облаковъ, и свѣтъ солнца, струившійся сквозь ихъ прорывы, былъ слабый и расплывчатый и напоминалъ скорѣе вечерній сумракъ. Изрѣдка накрапывалъ дождь, и тогда необозримое пространство полей и дальній горизонтъ затягивались бѣлесоватой дрожащей сѣткой. Далеко справа синеватымъ силуэтомъ слабо вырисовывалась невысокая гора, вершина и склоны которой заросли густымъ смѣшаннымъ лѣсомъ, гдѣ преобладали въ большинствѣ кедровыя и каштановыя деревья. Еще дальше впереди длинными прямыми полосами выступали непріятельскіе окопы. Еще рано утромъ послѣ трехъ непрерывныхъ атакъ мы заняли гору, и теперь тамъ находились наши батареи. Часъ тому назадъ какъ непріятель, такъ и мы неожиданно, будто по уговору, прекратили орудійный огонь.

У насъ въ окопахъ было настороженно тихо. И эта странная тишина послѣ шума и грохота разрывающихся снарядовъ была такъ странно-необычна, что заставляла все время чего-то ждать. Хотя еще не было никакихъ приказаній, но всѣ были увѣрены, что сегодня будетъ атака. Мимо насъ непрерывно передвигали артиллерію для укрѣпленія горы, и она беззвучно скользила по глинистому, размытому, мягкому грунту и быстро стушевывалась за сѣткой сѣраго тумана. Къ вечеру стали передвигать пѣхоту. Густыя безконечныя колонны потянулись вдоль окоповъ къ траверсамъ. Безопаснаго цвѣта рубахи солдатъ сливались въ одну непрерывную массу двигающагося гигантскаго живого организма, и, куда хваталъ глазъ, эта инертная живая масса развертывалась, дробилась и строилась около траверсовъ въ почти геометрически точныя фигуры. И было странно видѣть эту точность и порядокъ, и невольно рождалось сознаніе

Польскій лазаретъ, открытый въ Петроградѣ. Среди учредителей—могилевскій епископъ-суффраганъ Цеплякъ и проф. С. І. Залѣсскій. Сестры милосердія — представительницы польскаго общества въ Петроградѣ.

Лазаретъ на 200 кроватей, устроенный въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ Петроградѣ. Группа присутствовавшихъ на открытіи лазарета: министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ съ супругой Е. Е. Рухловой, Н. И. Туганъ-Барановскій, директоръ канцеляріи министра и другіе чины министерства и Института.

5-й санитарный отрядъ, отправившійся на театръ военныхъ дѣйствій 3 сентября с. г.

Походная кухня для дѣйствующей арміи имени Принца Петра Георгіеаича Ольденбургскаго. Вагонъ-помѣщеніе кухни, отбывающій на театръ военныхъ дѣйствій. Среди присутствующихъ — Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Походная кухня для дѣйствующей арміи имени Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

однообразно сѣрыхъ, суровыхъ лицъ вѣяло слабымъ свѣтомъ умиленія и грусти и почти дѣтскаго восторга. Но молитва кончилась. Опять заколыхались ряды, и опять откуда-то пришло то грозное и зловѣщее, что исчезло во время молитвы. По всему безконечному ряду окоповъ изъ траверсовъ вправо и влѣво стали выливаться тихо и настороженно зеленоватыя массы и сейчасъ же разсыпались по полю. Атака началась. Нѣкоторое время шли въ глубокомъ напряженномъ молчаніи, и только непріятный хлюпающій звукъ уходящихъ въ мягкую глинистую почву сапогъ нарушалъ эту тишину. Но потомъ, когда линіи непріятельскихъ окоповъ заволоклись дымомъ, и началась орудійная стрѣльба какъ со стороны непріятеля, такъ и съ нашей батареи на горѣ, — напряженность исчезла, какъ нѣчто ненужное теперь и сковывающее. Массы забились порывистѣе и свободнѣе и ринулись впередъ. И вотъ начался ужасъ... Отвратительно и жалобно заухала картечь и затрещалъ, методически отбивая тактъ, огонь о какомъ-то колоссальномъ точномъ механизмѣ, управляемомъ твердой и умѣлой рукой. Черезъ полчаса нашъ полкъ тоже двинули въ самый конецъ окоповъ, къ послѣднему траверсу, и мы слились съ стоящей уже тамъ молчаливой и грозной массой. Было тихо кругомъ. Матово сверкали штыки, и хотя кругомъ царило безмолвіе, но чувствовалось, какъ дышала, порывисто билась и волновалась эта громадная масса людей, этотъ пущенный въ ходъ гигантскій механизмъ. Пришелъ священникъ и сталъ служить молебенъ. Молебенъ передъ атакой. Заколыхались длинные ряды, — всѣ одновременно обнажили головы и опустились на колѣни. Прежній зловѣщій и грозный видъ вдругъ заслонился торжественнымъ и грустнымъ. Набожно поднимались руки солдатъ, колыхались головы, глухо шелестѣли слова молитвы, и отъ

Офицеры 7-и автомобилькои роты.

Въ Москву вернулось съ театра военныхъ дѣйствій нѣсколько раненыхъ мотористовъ, которые сообщили много интересныхъ эпизодовъ изъ жизни автомобильныхъ ротъ на боевыхъ позиціяхъ. (См. «Отклики войны»).

пулеметовъ. Смерть занесла надъ нами свою косу и стала, широко и поспѣшно размахивая, косить направо и налѣво. Снаряды, какъ гигантскіе бичи, разрѣзали воздухъ и вырывали длинныя, стремящіяся впередъ, полосы, оставляя позади груды растерзанныхъ тѣлъ...

Я бѣжалъ впереди своей роты... Солдаты бѣжали за мной съ злобными, перекошенными лицами и почти безумными глазами. Когда разрывалась надъ головами шрапнель, нѣкоторые посылали ей площадную брань, а нѣкоторые призывали Бога. Были такъ нелѣпы, но зловѣщи и полны какого-то скрытаго ужаса эти сочетанія. Пробѣжавъ еще двѣсти саженъ, я со своей ротой неожиданно попалъ въ замаскированное колючее загражденіе. Саперы стали съ ожесточеніемъ перерубать и перестригать длинные, колючіе ряды переплетеной проволоки, которая обвивалась вокругъ ногъ и цѣплялась за одежду въ своемъ почти осмысленномъ стремленіи удержать рвущуюся впередъ ожесточенную массу. Наконецъ эта временная преграда рухнула, и мы опять ринулись впередъ, оставивъ позади себя груды труповъ. Мы бѣжали наискось къ виднѣющимся вдали непріятельскимъ окопамъ, стараясь попасть въ такъ называемую „мертвую полосу“ и быть внѣ обстрѣла батарей. Но вдругъ случилось нѣчто неожиданное,

Герои Гэленской битвы. Бельгійскіе самокатчики, вооруженные ручными митральезами Гочкиса.

Бельгійскіе карабинеры защищаютъ подступъ къ деревнѣ близъ Антверпена.

Военные трофеи. Орудія, отобранныя у германцевъ въ Верхнемъ Эльзасѣ въ бою подъ Дорнакомъ и выставленныя въ Бельфорѣ передъ памятникомъ Антонина Мерсье „Quand même!“ — Защитникамъ Бельфора — Тьеру и полковнику Данферъ Рошро (1870 г.).

Въ Брюсселѣ, захваченномъ нѣмцами. Отдыхъ германской пѣхоты на улицахъ бельгійской столицы.

что заставило на минуту остановиться сердце. Слѣва отъ меня взорвался фугасъ. Цѣлый фонтанъ жидкой грязи, мелкихъ камней, переломанныхъ мелкихъ кустовъ и человѣческихъ тѣлъ, разорванныхъ на куски, взметнулся вверхъ. Оставшіеся солдаты ринулись впередъ, въ отчаянномъ стремленіи уйти изъ этого фонтана смерти, и обогнали мевя... Но вдругъ почва задрожала, и я полетѣлъ куда-то внизъ... На меня валились въ безпорядкѣ солдаты и кричали и цѣплялись руками другъ за друга.

„Волчья яма", — мелькнуло у меня въ мозгу, но что-то темное и непомѣрно тяжелое навалилось на грудь и затемнило сознаніе.

II.

Я не знаю, долго ли лежалъ въ ямѣ.

Сознаніе вернулось не сразу. Сначала родилось инстинктивное чувство, что я живу, но мозгъ еще работалъ слабо, и я лежалъ неподвижно, прислушиваясь, какъ оживало мое тѣло. Прошло очень много времени, когда я припомнилъ все происшедшее. Я понялъ, что лежу въ „волчьей ямѣ" на холодныхъ трупахъ солдатъ, и что я какимъ-то чудеснымъ образомъ живъ, — какимъ — я не могъ еще сообразить. Съ возвратомъ сознанія пробудилась жажда жизни. Лѣвая нога мучительно ныла, и малѣйшее движеніе ею вызывало страшную боль. Я протянулъ руку и ощупалъ ее. Она была сломана ниже колѣна и страшно распухла. Я протянулъ руки вверхъ, но онѣ встрѣтили пустое, темное пространство. Вспомнивъ, что въ карманѣ есть спички, я повернулся на правый бокъ

Австралійская кавалерія, прибывшая на помощь англійской арміи на европейскій театръ военныхъ дѣйствій.

Русскіе добровольцы со знаменемъ передъ отправной въ дѣйствующую союзную армію.

14 сентября въ Петроградъ прибыло изъ Бельгіи нѣсколько русскихъ студентовъ, которые принимали самое близкое участіе въ защитѣ Льежа. Русскій добровольческій отрядъ въ Бельгіи, въ составъ котораго вошли и славяне всѣхъ государствъ, былъ организованъ самими же студентами, при чемъ одинъ изъ нихъ, Арнольдъ Левинсонъ, отбывшій въ Россіи военную службу вольноопредѣляющимся, былъ назначенъ начальникомъ отряда. Русскіе добровольцы наравнѣ съ бельгійцами несли всю тяжесть осады Льежа и покинули его только тогда, когда послѣдній фортъ былъ взорванъ его защитниками. Изъ Бельгіи они выѣхали въ Лондонъ. Въ Лондонѣ и другихъ городахъ не только Англіи, но и Швеціи герои-добровольцы были привѣтствуемы всѣми слоями общества и властями.

Жизнь въ Парижѣ въ военное время. Жены призв[illegible] войну контролеровъ и кондукторовъ трамвая, исполняющ[illegible]ти.

и досталъ ихъ. Черезъ секунду мнѣ стало ясно, почему я живъ. Четыре винтовки, падая, скрестились между собой и образовали сводъ, на который упали бѣгущіе сзади меня солдаты. Я очутился такимъ образомъ въ пустомъ пространствѣ и случайно благодаря этому избѣжалъ участи быть раздавленнымъ. Хотя боль въ ногѣ была невыразимо сильна, но радость жизни была сильнѣе ея и заставляла меня искать способа выбраться отсюда. Спичка догорѣла, и я зажегъ новую. Стараясь не встрѣчаться съ мертвыми глазами солдатъ, я осмотрѣлся еще разъ и рѣшилъ раздвинуть трупы и выбраться наверхъ. Но прежде чѣмъ мнѣ удалось подняться на здоровую ногу, я три раза терялъ сознаніе отъ нестерпимой боли. Наконецъ я привыкъ къ ней, и она не вызывала больше обморока. Я поднялся и принялся за работу. Спичекъ не зажигалъ и работалъ въ темнотѣ. Прошло много времени, когда я увидѣлъ среди раздвинутыхъ труповъ темно-синее, звѣздное небо. Къ моему счастью, труповъ надо мной было только два ряда. Но и эта работа такъ истощила меня, что я долго лежалъ и отдыхалъ. Не отрываясь, смотрѣлъ я на узкую темно-синюю полоску звѣзднаго неба, гдѣ была жизнь. И вдругъ ужасъ сталъ сжимать сердце. Онъ подползъ неожиданно изъ темноты снизу, гдѣ лежали истерзанные воткнутыми въ дно ямы кольями трупы. Тѣло задрожало мелкой, непріятной дрожью. Я не могъ лежать и ничего не дѣлать. Сдѣлавъ усиліе, я всталъ и сталъ карабкаться вверхъ, скрипя зубами отъ боли въ ногѣ. Два раза я обрывался и падалъ внизъ, на холодные, твердые трупы... И снова отчаяніе и ужасъ овладѣвали мною, а за ними приходило вдругъ полное безразличіе. Хотѣлось закрыть глаза и лежать неподввжно...

Умереть... Такой сладостной и желанной казалась смерть. Только не нужно открывать глаза и смотрѣть на узкую полоску звѣзднаго неба, тамъ наверху, гдѣ была жизнь... Умереть... Но глаза открывались и почти съ ненавистью видѣли синеватыя, мерцающія звѣзды. На третій разъ мнѣ удалось выбраться изъ ямы... Я даже отползъ отъ нея въ сторону и легъ на траву.

Кругомъ было тихо. Высоко надо мною мерцали звѣзды, и вѣчнымъ покоемъ вѣяло изъ необъятной глубины темно-синяго неба. Я долго, не отрываясь, смотрѣлъ. Временами казалось, что ничего не случилось... Ничего не произошло... И такъ невыразимо сладостно было лежать и смотрѣть и вдыхать полной грудью бодрящій ночной воздухъ. Никогда еще мнѣ не казалось такимъ неизмѣримымъ наслажденіемъ дышать полной грудью. Но боль въ ногѣ давала себя чувствовать. Я отводилъ глаза въ сторону и видѣлъ безпредѣльное темное поле. Вѣтеръ шелестѣлъ травой... Впереди въ различныхъ направленіяхъ, въ одиночку и кучами, темнѣли трупы... Трупы и трупы... И вдругъ родилось въ мозгу такое ощущеніе, что въ этомъ безпредѣльномъ темномъ полѣ, безъ огней и безъ конца, съ нависшимъ надъ нимъ мертвымъ покоемъ, — только трупы.

Отдохнувъ, я поползъ дальше. Я не зналъ направленія и ползъ наобумъ. Въ темнотѣ я наткнулся на два трупа, лежавшихъ ничкомъ на землѣ.. Одинъ

Письмо на родину.

Французское военное министерство издало для облегченія корреспонденціи нижнихъ чиновъ бланки писемъ съ готовымъ печатнымъ текстомъ: «Здоровъ, не раненъ; все благополучно»; несоотвѣтствующее вычеркивается.

Вся Франція — на поля чести!

Остановка на станціи воинскаго поѣзда, перевозящаго алжирскихъ стрѣлковъ къ боевымъ позиціямъ.

держалъ въ рукахъ винтовку, а другой широко раскинулъ руки и лежалъ, зарывшись лицомъ въ траву. Я обшарилъ трупы и у одного изъ нихъ нашелъ флягу съ водой. У меня давно явилась жажда, но за работой я забылъ о ней, и теперь она пробудилась вновь. Я долго пилъ... Холодная вода освѣжила и дала силу. Я поползъ дальше... Изрѣдка я вставалъ на здоровую ногу и осматри-

Тяжелая артиллерія канадскаго войска, отправленная въ Европу на усиленіе англійской арміи.

лось, чтобы онъ не терялъ направленія... Но потомъ я сталъ говорить съ нимъ.

Онъ отвѣчалъ неохотно и безразлично. Два раза онъ падалъ на землю, натыкаясь на трупы... Я останавливался тогда и ждалъ, когда онъ поднимется... Впередъ мы подвигались медленно. Иногда онъ останавливался и бросалъ мнѣ упреки:

— Я не пойду дальше... Къ чему? Все равно мы умремъ... Только лишнее мученіе... Я усталъ... — Но я упрашивалъ его и умолялъ...

Въ этомъ безконечномъ темномъ полѣ смерти онъ былъ единственнымъ живымъ существомъ. Я умолялъ его потому, что его голосъ напоминалъ мнѣ о томъ, что гдѣ-то есть жизнь... Его го-

Офицеры бельгійской арміи въ походѣ.

Бельгійская деревня Гэленъ послѣ бомбардировки.

вался по сторонамъ... Нигдѣ не было огней... Мертвая тишина и мракъ царили попрежнему надъ полемъ... Съ отчаяніемъ я поползъ дальше... На этотъ разъ я ползъ долго, не останавливаясь. Съ трудомъ перебрался черезъ канаву, миновалъ рядъ низкорослыхъ кустовъ и вдругъ справа услышалъ тихій, протяжный стонъ. Этотъ слабый звукъ человѣческаго голоса наполнилъ почти радостью мое сердце. Въ этой безмолвной мертвой тишинѣ, гдѣ ничто не говорило о жизни, этотъ стонъ былъ такъ сладостенъ и ободряющъ. Онъ одинъ говорилъ о жизни... о жизни, къ которой я стремился... Я долго слушалъ... Стонъ повторился. Повернувъ къ кустамъ, я скоро выбрался на небольшое углубленное пространство рыхлой глинистой почвы. Недалеко впереди сидѣлъ какой-то человѣкъ. Онъ методически раскачивался и стоналъ. Я подобрался ближе. Человѣкъ не шелохнулся, хотя смотрѣлъ на меня въ упоръ... Я долго, въ свою очередь, смотрѣлъ на него и наконецъ понялъ, что онъ былъ слѣпъ. Шрапнель вырвала у него оба глаза и разворотила високъ. Я окликнулъ его. Онъ не вздрогнулъ и не измѣнилъ позы и не прекратилъ методическаго раскачиванья изъ стороны въ сторону, только чуть слышно сказалъ безразличнымъ, мертвымъ голосомъ:

— Вы тоже ранены?.. Насъ забыли... Мы все равно умремъ... Мы все равно умремъ...

Мертвая тишина темнаго поля и мертвый, безразличный голосъ... А гдѣ-то вдали была жизнь... Жизнь!.. Одно это слово давало невыразимое наслажденіе. И я шопотомъ повторилъ это слово...

Онъ поднялъ голову и вздрогнулъ... Губы его затрепетали, и я услышалъ:

— Жизнь... Почему?.. Мы все равно умремъ...

— Нѣтъ! — громко и вызывающе закричалъ я. — Нѣтъ! Мы не умремъ!

Отчетливо прозвучали мои слова. Мертвая тишина заколыхалась и вдругъ, испугавшись чего-то, замерла. А въ темной необозримости поля эхо повторило послѣднее слово... Мнѣ стало страшно и холодно...

— Слушайте! — дрожащимъ голосомъ повторилъ я. — Мы не умремъ... Не нужно отчаиваться... У меня переломлена только нога — я поползу впередъ и буду подавать вамъ голосъ... Идите за мной.

Онъ не измѣнилъ позы и почти враждебно добавилъ:

— Къ чему?.. Мы все равно умремъ...

— Но тамъ жизнь!.. Жизнь!.. Слышите!..

Онъ поднялся и пошелъ за мною. Я ползъ впереди... Сначала я ползъ молча, только изрѣдка подавая ему го-

Наборъ рекрутовъ въ Лондонѣ.

Островъ Гельголандъ, у котораго произошло морское сраженіе англійскаго флота съ германскимъ (потоплены три германскихъ крейсера, два истребителя миноносцевъ и два миноносца).

Звѣзды дѣлались туманнѣе и расплывчатѣе и начинали исчезать съ неба. У самаго горизонта надъ темнымъ полемъ отчетливо вырисовывалась узкая свѣтлая полоса. Близился разсвѣтъ. Мы долго подвигались впередъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ завоевывая каждый кусокъ земли.

Вдругъ онъ остановился и упалъ на землю. Я долго ждалъ, когда онъ поднимется. Но онъ продолжалъ лежать все въ той же неудобной

Транспорты, перевозящіе англійскія войска по Сенѣ къ Руану.

лосъ давалъ мнѣ силу, превозмогая боль въ ногѣ, стремиться впередъ. И я просилъ и умолялъ:

— Мы отдохнемъ, а потомъ двинемся впередъ. Мы скоро придемъ... Еще немного — и мы придемъ. — Онъ не отвѣчалъ мнѣ ничего и шелъ дальше.

Бой-скоуты (юные развѣдчики).

Въ дѣйствующихъ арміяхъ Англіи, Франціи и Германіи бой-скоуты несутъ не только развѣдочную и сторожевую службу, но и обслуживаютъ войска: разносятъ приказы и донесенія, подаютъ снаряды и патроны. Въ Англіи бой-скоуты наиболѣе организованы: ихъ насчитывается около 200.000; въ Германіи — 50.000, а во Франціи ихъ всего 8.000. У насъ, въ Россіи, организуются теперь также отряды юныхъ развѣдчиковъ. На рисункѣ изображенъ парадъ бой-скоутовъ въ присутствіи англійскаго короля Георга.

Привѣтъ союзникамъ! Французское населеніе встрѣчаетъ англійскихъ солдатъ.

позѣ. Я подползъ къ нему и наклонился... Губы были неподвижны... Я взялъ тогда его руку — она была холодна и плохо гнулась, пульса не было. Зловѣще смотрѣли темныя впадины вырванныхъ глазъ въ спокойное свѣтлѣющее небо. Блѣдное, точно каменное, лицо было спокойно и торжественно...

Онъ былъ мертвъ...

Я сѣлъ около него... Безразличное отчаяніе овладѣло мною. Я смотрѣлъ въ даль, въ безконечное поле, надъ которымъ начинала алѣть узкая полоса неба.

Звѣзды угасли. Съ востока началъ дуть сильный холодный вѣтеръ. Все отчетливѣе и отчетливѣе вырисовывались разбросанные повсюду трупы. И не было имъ конца...

Теперь мнѣ было все равно... Маленькой и ничтожной казалась боль въ ногѣ. Слегка кружилась голова, и мозгъ работалъ вяло и безразлично. А гдѣ-то тамъ, за полемъ, была жизнь...

Рельефная карта Кильскаго канала. (Канала Императора Вильгельма).

Германскій военный флотъ заперся въ своей базѣ, въ устьѣ Эльбы и Везера, подъ защитою укрѣпленій острова Гельголанда, и въ рѣшительный часъ оказался неспособнымъ выполнить свое назначеніе—разбить морское владычество Англіи.

Задача англійскаго флота—понудить къ бою усердно скрывающійся германскій линейный флотъ—чрезвычайно затрудняется нахожденіемъ въ рукахъ германцевъ превосходнаго стратегическаго воднаго пути, какимъ является знаменитый Кильскій каналъ, соединяющій кратчайшимъ путемъ Балтійское море съ Сѣвернымъ, разрѣзая Ютландскій полуостровъ. Нѣмцы великолѣпно учли стратегическое значеніе этой водной артеріи и напрягали всѣ усилія, чтобы къ началу военныхъ дѣйствій закончить углубленіе и расширеніе канала, приспособивъ его для прохода дредноутовъ. Характерно, что 15-го іюля с. г. были закончены работы по углубленію этой водной артеріи для прохода дредноутовъ, а черезъ четыре дня уже была объявлена Германіей война Россіи. Пользуясь Кильскимъ каналомъ, нѣмцы въ кратчайшій срокъ и съ полною безопасностью могутъ сосредоточивать всѣ свои морскія силы по желанію въ Сѣверномъ или Балтійскомъ морѣ.

Длина Кильскаго канала отъ Гольтенау до Брунсбютелля—61 миля.

Сооруженіе Кильскаго канала, который значительно длиннѣе Панамскаго, обошлось въ 100 милліоновъ марокъ.

На картѣ помѣщены портреты: вверху англійскаго адмирала сэра Джона Р. Джелико, командующаго англійскимъ флотомъ въ Сѣверномъ морѣ; внизу его противника—нѣмецкаго адмирала Альфреда фонъ-Тирпица, перваго въ германскомъ флотѣ адмирала послѣ принца Генриха, брата императора Вильгельма. (См. «Отклики войны»).

Калишъ.

(Изъ дневника военнаго корреспондента).

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

Президентъ калишскаго магистрата Брониславъ Буковинскій съ супругою.

...— Вотъ печать всего міра съ негодованіемъ клеймитъ вандализмъ нѣмцевъ, разрушившихъ и уничтожившихъ въ Бельгіи старинный Лувенъ, а у насъ, напримѣръ, они продѣлали то же самое съ Калишемъ. Я, конечно, далекъ отъ мысли сравнивать въ смыслѣ художественно-историческомъ и архитектурномъ Калишъ съ Лувеномъ. Слишкомъ велика разница. Однакоже, какъ бы то ни было, Калишъ такой красивый, живописный, болѣе родной намъ и близкій...

Это говорилъ президентъ калишскаго магистрата Брониславъ Буковинскій, вырвавшійся изъ нѣмецкаго плѣна и бѣжавшій, это ему удалось наконецъ послѣ долгихъ мытарствъ,—въ Варшаву.

Буковинскій былъ свидѣтелемъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ всей тяжелой калишской драмы. Съ необычайнымн благородствомъ и гордостью держался онъ по отношенію къ насильникамъ и захватчикамъ нѣмцамъ... И хотя тернистъ былъ его путь, но онъ высоко держалъ русское знамя,—этотъ полякъ, вѣрный присягѣ и долгу.

Буковинскій еще не старъ. Ему около шестидесяти лѣтъ. Отъ всей его сухощавой, стройной фигуры вѣетъ силой, энергіей, бодростью. Но эти нѣсколько недѣль, выстраданныхъ сначала въ Калишѣ съ момента появленія пруссаковъ, затѣмъ въ познанской тюрьмѣ и наконецъ опять въ Калишѣ,—всѣ эти мучительныя переживанія, всѣ эти пытки, какъ духа, такъ и тѣла, не могли не отразиться на Буковинскомъ и не надломить его организма, такого выносливаго, казалось бы, несокрушимаго.

Въ устахъ самого Буковинскаго вся скорбная эпопея Калиша пріобрѣтаетъ исключительный интересъ. Вотъ что разсказываетъ онъ, вотъ какъ описываетъ всѣ нѣмецкія звѣрства и гнусности, начиная съ появленія въ Калишѣ пруссаковъ.

— Мы уже были освѣдомлены о движеніи на Калишъ нѣмецкаго отряда. Губернскія власти получили предписаніе оставить городъ. Этимъ законнымъ правомъ могъ бы и я воспользоваться, но сознаніе, что въ тяжелую годину непріятельскаго нашествія бургомистръ долженъ быть на своемъ посту, продиктовало мнѣ остаться. Но странное дѣло, хотя нѣмцы должны были войти въ городъ съ минуты на минуту, я спокойно сидѣлъ у себя въ магистратѣ и занимался. Ни малѣйшаго волненія! Главная причина такого спокойствія:—мнѣ хотѣлось вѣрить въ культурность нѣмцевъ, которые, по всей вѣроятности, отнесутся гуманно и корректно къ мирному, беззащитному и безоружному, населенію. Я былъ убѣжденъ въ этомъ. Но съ первыхъ же шаговъ пришлось мнѣ, да и не одному только мнѣ—всѣмъ намъ—съ ужасомъ разочароваться въ воображаемой культурности пруссаковъ, да и вообще германцевъ, потому что, кромѣ пруссаковъ, къ намъ пожаловали еще и саксонцы.

„Когда передовой кавалерійскій отрядъ нѣмцевъ вступалъ въ Калишъ, обыватели-нѣмцы бросились ко мнѣ, настойчиво предлагая непремѣнно встрѣтить „завоевателей“ привѣтственной рѣчью, хлѣбомъ-солью и поднесеніемъ на блюдѣ городскихъ ключей, хранившихся въ одной изъ магистратскихъ башенъ. „Вы—президентъ, вы—бюргермейстеръ,—это ваша прямая обязанность“. Я съ негодованіемъ отклонилъ всѣ эти „совѣты“, находя такую встрѣчу безтактной и глубоко непатріотичной.

„Офицеръ-пруссакъ, явившійся съ кавалерійскимъ отрядомъ, самоувѣренный бѣлобрысый хлыщъ, держа наготовѣ револьверъ, влетѣлъ, звеня шпорами, громыхая саблей, въ зданіе магистрата. И хотя видъ у меня и моихъ сослуживцевъ былъ самый миролюбивый, самый „штатскій“: перья да карандаши—все оружіе,—онъ всѣмъ намъ поочередно прямо въ физіономію совалъ свой револьверъ съ оскорбительной наглостью. Мнѣ пришлось ему замѣтить, и моя дерзость ужаснула толпившихся кругомъ туземныхъ нѣмцевъ:

— „Оставьте ваше оружіе, господинъ лейтенантъ. Какъ видите, прибѣгать къ нему нѣтъ никакой надобности.

— „Черезъ нѣсколько часовъ сюда придетъ батальонъ подъ командой майора фонъ-Прейскера, — началъ офицеръ, пропустивъ мимо ушей мое замѣчаніе. — Вы должны приготовить тысячу обѣдовъ, сорокъ пудовъ кофе, пятьсотъ пудовъ хлѣба, семьдесятъ пудовъ сахару!.. Здѣсь, кажется, поблизости сахарный заводъ?.. Запишите все это, чтобы не забыть!

„Я сказалъ, что такихъ крупныхъ запасовъ мы не имѣемъ, и приготовить требуемое въ короткій срокъ невозможно... Обѣды—еще возможно, но все остальное требуетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ дней...

— „Не совѣтую вамъ противиться! Повинуйтесь безпрекословно моимъ требованіямъ! Вы не знаете майора фонъ-Прейскера! Онъ славится въ арміи своей строгостью. Для побѣжденныхъ, какъ и для побѣдителей, нѣтъ ничего невозможнаго! Зарубите себѣ! Кстати, это мой афоризмъ. Повинуйтесь безпрекословно всему, что вамъ будутъ приказывать. Въ повиновеніи залогъ вашего... вашей безопасности!..

„И съ этими словами офицеръ, сочиняющій собственные афоризмы, выпятивъ грудь, звеня шпорами и ни на кого не глядя, покинулъ магистратъ журавлинымъ шагомъ въ три пріема...

„Спустя нѣсколько часовъ, я имѣлъ честь и удовольствіе принимать у себя майора Прейскера. Это человѣкъ съ отталкивающей внѣшностью. Въ жизни своей не встрѣчалъ я такой гнусной физіономіи! Красная, налитая пивомъ, рожа, грубая, нескладная фигура, подстриженные усы и монокль. Низкіе, темные пороки такъ и отпечатаны на всемъ его обликѣ. На видъ ему лѣтъ подъ пятьдесятъ. Явился онъ раздосадованный, что не было ему подобающей встрѣчи съ хлѣбомъ-солью и городскими ключами. Онъ повторилъ всѣ требованія кавалерійскаго офицера, присовокупивъ къ съѣстнымъ припасамъ еще фуражу для лошадей—овса и сѣна. И тоже въ какомъ-то невѣроятномъ количествѣ.

„Первый день прошелъ въ относительномъ спокойствіи. Впрочемъ, какое спокойствіе! Несчастный казначей Соколовъ былъ разстрѣлянъ. Разумѣется, настроеніе всѣхъ горожанъ было подавленное, гнетущее. Нѣмцы, расположившіеся въ Калишѣ, не успѣли еще проявить себя, хотя, видимо, большого труда стоило имъ сдерживаться. Но кутежи, разгулъ и пьянство уже начались. Солдаты не отставали въ этомъ отношеніи отъ офицеровъ. Въ ресторанахъ и трактирахъ—обѣды, ужины, попойки, но никто не платилъ ни гроша. „Завоеватели“!..

„Прейскеръ, видимо, тяготился такимъ „бездѣйствіемъ“, ему хотѣлось терроризировать населеніе, а калишане, какъ на зло, не давали рѣшительно никакого повода, сидя у себя по домамъ тише воды, ниже травы. Прейскеръ заявилъ мнѣ, облизывая подстриженные усы:

— „Пока все идетъ хорошо, но знайте: одинъ единственный выстрѣлъ по нашимъ войскамъ, хотя бы и не достигшій цѣли, и я велю разстрѣлять все мужское населеніе города черезъ десятаго! Что же касается города—камня на камнѣ не оставлю! Это говорю вамъ я, майоръ фонъ-Прейскеръ, слово котораго—законъ!..

„Я читалъ на его налитомъ кровью и пивомъ, вздутомъ, какъ фонарь, лицѣ, что ему до смерти хочется этого хотя бы не достигшаго цѣли выстрѣла, и онъ не прочь самъ создать его, спровоцировать. Но создать не пришлось. Прейскеру благопріятствовалъ случай.

„Жителямъ строго настрого запрещено было появляться на улицахъ послѣ захода солнца. На всѣхъ углахъ и перекресткахъ были разставлены нѣмецкіе патрули. Во избѣжаніе внезапнаго вторженія откуда-нибудь русскаго отряда, нѣмцы во многихъ мѣстахъ нагромоздили баррикады. Былъ у насъ дурачокъ-нищій, бездомный бродяга. Ночью вышелъ онъ со своей торбой, остановился посрединѣ площади, осматривается. Нѣмецкій часовой крикнулъ ему „halt!“ Нищій, думая, что тотъ зоветъ его, пошелъ къ нему навстрѣчу. Солдатъ уложилъ его двумя выстрѣлами. Пере-

Калишъ. Ставишинское предмѣстье.

полохъ получился страшный. Нѣмцамъ, большинство которыхъ было пьяно, померещилось нападеніе русскихъ. Они открыли безпорядочный огонь и свою же роту, спѣшившую на площадь, приняли за русскихъ и такъ усердно обстрѣляли ее, что въ одну минуту выбыло изъ строя около тридцати пяти человѣкъ. Словомъ, вышелъ скандалъ. Прейскеру могло сильно влетѣть отъ его высшаго начальства. Онъ тотчасъ же рѣшилъ свалить все на калишанъ. Калишане-де подали сигналъ къ возмущенію первыми двумя выстрѣлами. Калишане-де изъ оконъ охотились на нѣмцевъ, причинивъ имъ такой замѣтный уронъ. Словомъ, Прейскеръ пожелалъ наказать городъ. Онъ принялъ карательныя мѣры. Полупьяные солдаты стрѣляли въ окна, прикладами выбивали двери, врывались въ дома и тамъ кололи штыками всѣхъ, кто не успѣвалъ спрятаться отъ разсвирѣпѣвшихъ варваровъ. Мало того, среди ночи полураздѣтыхъ мужчинъ и женщинъ вытаскивали на улицу и тутъ же ихъ приканчивали. Все это сопровождалось неистовымъ грабежомъ. Разбивались комоды, шкапы, нѣмцы тащили утварь, деньги, драгоцѣнности, взламывались кассы въ магазинахъ и конторахъ.

„Торжествующій Прейскеръ всюду самъ лично руководилъ этими кровавыми неистовствами, предупреждая солдатъ, что малѣйшее послабленіе будетъ наказываться разстрѣломъ. „Въ карательныхъ дѣйствіяхъ своихъ войска должны быть неумолимы“.

„На другой день—то же самое, но только въ крупнѣйшемъ, болѣе безобразномъ масштабѣ. Вдребезги и со звономъ разбивались зеркальныя окна магазиновъ. Солдаты расхищали все, что можно, а въ колоніальныхъ и фруктовыхъ лавкахъ прямо изъ горлышка напивались ликерами, шампанскимъ, дорогимъ коньякомъ. И всюду и вездѣ—кровь и насилія. Я могу указать нѣсколько примѣровъ, когда вырѣзывали поголовно до послѣдняго человѣка цѣлыя семьи. Нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы описать всѣ злодѣйства, совершенныя Прейскеромъ и его разбойниками.

„Наступила ночь...

„Всѣхъ уцѣлѣвшихъ обывателей, самыхъ видныхъ, приказано было согнать на площадь. Сюда согнали около шестисотъ человѣкъ, растерзанныхъ, полуодѣтыхъ, а то и въ одномъ бѣльѣ, стащенныхъ съ постелей. Къ этой, сбившейся, какъ стадо передъ грозой, толпѣ Прейскеръ держалъ грозную рѣчь... „Онъ явился въ Калишъ съ самыми миролюбивыми намѣреніями, но калишане своимъ вѣроломствомъ сами заставили его принять такія суровыя мѣры. Онъ предупреждалъ, что малѣйшій выстрѣлъ по войскамъ вызоветъ строгія карательныя мѣры, его не послушались, и вотъ результатъ!“

„Многіе, въ томъ числѣ и я, дрожали отъ безсильной ярости, слушая эту наглую вопіющую ложь. Но что могли мы подѣлать, жалкіе, безпомощные, съ голыми руками передъ щетиною направленныхъ на насъ отовсюду винтовокъ. Прейскеръ закончилъ свою рѣчь наложеніемъ на городъ пятидесятитысячной контрибуціи.

„Слѣдующимъ утромъ я пошелъ въ госпиталь, гдѣ лежали наши и нѣмецкіе раненые. Главный врачъ, по моей просьбѣ, далъ мнѣ шесть пуль, извлеченныхъ изъ тѣлъ нѣмецкихъ солдатъ. Я отправился съ ними къ Прейскеру и показалъ ему ихъ со словами:

— „Всѣ эти пули—нѣмецкаго происхожденія, и не калишане, а ваши собственные солдаты разстрѣливали своихъ же...

„Прейскеръ и слушать не хотѣлъ, затопалъ на меня ногами, требуя скорѣйшаго взноса контрибуціи. Съ трудомъ удалось мнѣ собрать по частямъ эти пятьдесятъ тысячъ, и я внесъ ихъ извергу къ назначенному сроку.

„Но и этого ему было мало. Онъ объявилъ, что, во избѣжаніе повторенія выстрѣловъ по нѣмецкимъ солдатамъ, онъ беретъ двадцать заложниковъ, которые будутъ отосланы въ Пруссію. За каждый новый выстрѣлъ по германскимъ войскамъ они отвѣтятъ своими головами. Выбиралъ заложниковъ самъ Прейскеръ. Въ составъ этихъ двадцати вошли: предсѣдатель окружнаго суда тайный совѣтникъ Зеландъ, чиновники, духовенство православное, католическое и еврейское, банкиры, фабриканты и я, Буковинскій... Долго было бы разсказывать во всѣхъ подробностяхъ, какимъ униженіямъ и издѣвательствамъ онъ подвергалъ насъ. О мукахъ физическихъ я и не говорю:—мы ко всему притерпѣлись. Насъ били прикладами, кулаками, нагайками, мы всѣ были въ синякахъ и кровоподтекахъ... Насъ заставляли смотрѣть, какъ рушились отъ артиллерійскаго огня бомбардируемые дома наши, гдѣ находились въ это время отцы, жены и дѣти заложниковъ. Насъ держали подъ угрозой разстрѣла, по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ повторялся омерзительный маскарадъ полевой казни... Насъ разставляли вдоль забора, приказывали завязать глаза, а въ нѣсколькихъ шагахъ выстраивался взводъ солдатъ съ ружьями наизготовѣ. Кто молился, кто исповѣдывался, кто плакалъ. Отъ однихъ этихъ подготовленій можно было съ ума сойти... Насъ заперли въ мельницѣ, гдѣ въ продолженіи шестидесяти часовъ намъ не давали ни пить ни ѣсть, а въ это время дрожали стекла отъ непрерывной бомбардировки—это нѣмцы громили Калишъ. Прейскеръ посылалъ телеграммы, что лишь послѣ ожесточеннаго сопротивленія была взята крѣпость Калишъ. Наконецъ всѣхъ насъ отправили въ Познань. Я всю дорогу томился невѣдѣніемъ, какая участь постигла мою семью. Тѣмъ болѣе, что послѣднимъ впечатлѣніемъ было: я видѣлъ изъ окна мельницы, которое наши тюремщики предусмотрительно распахнули, какъ разсыпались, зашатавшись, царившіе надъ всѣмъ Калишемъ купола магистрата, гдѣ находилась моя квартира...

„Тернистъ былъ нашъ путь въ Познань. Везли насъ въ скотскомъ вагонѣ. Душно, тѣсно, спертый воздухъ... Присѣсть не было физической возможности ни на минуту, и во весь долгій двадцативосьмичасовой путь ни крошки хлѣба ни глотка воды. На каждой станціи насъ подъ конвоемъ выводили изъ вагона, какъ дикихъ звѣрей, на показъ сходившейся публикѣ. Нѣмецкая толпа гоготала, злорадствуя:

— „А, наконецъ вы получили заслуженное, русскія собаки,

Калишъ. Каменный мостъ.

польскія и жидовскія свиньи! Будете противъ насъ воевать!.. Сами затѣяли,—теперь получайте должное!..

„Намъ плевали въ лицо, женщины били насъ зонтиками, мужчины раздавали намъ оплеухи: какой-то негодяй вырвалъ у еврейскаго раввина Мозеса клокъ бороды, на священникѣ разорвали подрясникъ, на ксендзахъ вмѣсто черныхъ сутанъ уныло висѣли какія-то лохмотья. Полумертвыхъ, избитыхъ, падавшихъ отъ изнеможенія, привезли насъ въ Познань и бросили въ каторжную одиночную тюрьму. Къ довершенію всего, меня терзалъ еще прокуроръ своими глупѣйшими тенденціозными допросами:

— „Кто изъ калишанъ стрѣлялъ въ германскія войска? Не были ли это переодѣтые казаки? Или, быть-можетъ, бандиты, которыми наводнена Россія?.. Сознайтесь... Имѣйте мужество сказать правду!..

„Что я могъ отвѣчать на весь этотъ вздоръ? Единственнымъ моимъ отвѣтомъ было указаніе на нѣмецкія пули, вынутыя у раненыхъ.

Въ заключеніе рѣшено было меня отпустить, единственнаго изъ всѣхъ заложниковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что присутствіе мое, какъ бургомистра, необходимо въ Калишѣ. Спохватились!.. Познанскій генералъ-губернаторъ генералъ-отъ-инфантеріи фонъ-Бернарди сказалъ мнѣ въ напутствіе:

— „Напрасно вы такъ враждебно встрѣчаете нашу армію. Мы, нѣмцы, по-братски идемъ къ вамъ, неся всѣ блага цивилизаціи и культуры.

„Я не выдержалъ и,—будь, что будетъ,—отвѣтилъ генералу:

— „Я не знаю, что несетъ намъ Германія, но плоды вашей культуры и цивилизаціи очень горьки. Весь Калишъ сожженъ, половина населенія вырѣзана, а у меня, бургомистра, вся голова разбита, пуля задѣла щеку, и весь я въ синякахъ... Если не вѣрите—могу показать...

„Генералъ усмѣхнулся, дымя сигарой:

— „Во всякомъ большомъ дѣлѣ неизбѣжны маленькія недоразумѣнія...

„Это называлъ онъ „маленькими недоразумѣніями“! Животное!..

„Такъ я вернулся въ Калишъ, вѣрнѣе—на мѣсто, еще недавно бывшее Калишемъ, цвѣтущимъ Калишемъ.

„За двѣнадцать дней моего отсутствія городъ превратился въ груду развалинъ. Семья исчезла, я не имѣлъ понятія, гдѣ она и что съ нею. Красивое, въ стилѣ Возрожденія, зданіе магистрата представляло собою груды обуглившихся кирпичей и камней. Населеніе Калиша зловѣще уменьшилось. Движеніе прекратилось, замерло. На улицахъ, вѣрнѣе—тамъ, гдѣ раньше проходили улицы, разбросаны были обглоданные собаками трупы. Количество бездомныхъ собакъ до страшнаго увеличилось... Прейскера не было. Его вызвали въ главную квартиру: замѣнялъ его другой „комендантъ“. Только теперь, уже здѣсь, въ Варшавѣ, я узналъ, что Прейскеръ потомъ вернулся и опять вступилъ въ „управленіе“ Калишемъ. Императоръ Вильгельмъ вызывалъ его въ главную квартиру за тѣмъ, чтобы лично выразить ему свое благоволеніе. Онъ ставилъ его въ примѣръ другимъ офицерамъ, совѣтуя носить прусскій мундиръ такъ же честно и доблестно, какъ носитъ его майоръ Прейскеръ!

„Единственнымъ моимъ желаніемъ было спастись какой угодно цѣною изъ этого ада. Все мужское населеніе Калиша, оставшееся въ живыхъ, согнано было укрѣплявшимися нѣмцами на фортификаціонныя работы. Солдаты-надсмотрщики, помимо своихъ винтовокъ, снабжены были отъ начальства плетьми изъ гиппопотамовой кожи. Они били нещадно всякаго заподозрѣннаго въ лѣности и нерадѣніи. Сначала били, а потомъ разбивали черепъ прикладомъ... Чтобы пресѣчь малѣйшую попытку къ бѣгству, съ этихъ подневольныхъ рабочихъ снимали одинъ сапогъ. Кромѣ того, цѣлыя группы несчастныхъ рабовъ связывались веревками“.

Буковинскій умолкъ подъ наплывомъ чудовищныхъ воспоминаній объ ужасахъ, какіе перенесъ онъ, о страданіяхъ его семьи, чудомъ спасшейся отъ гибели.

Прейскеръ велѣлъ сжечь въ зданіи бомбардируемаго магистрата семью Буковинскаго. Всѣ ходы и выходы по приказанію майора были наглухо и накрѣпко закрыты. Если Буковинскій увидѣлся съ женою и дочерью уже въ Варшавѣ послѣ всѣхъ испытаній своихъ, это лишь съ подлиннымъ чудомъ граничащая слѣпая случайность. Этимъ обреченные обязаны всецѣло нѣмецкому солдату изъ поляковъ. Сжалившись надъ ними, онъ уже на свой рискъ и страхъ вывелъ ихъ чернымъ ходомъ изъ оцѣпленнаго и подожженнаго магистрата...

Такъ Буковинскій томился въ Калишѣ. Еще недавно богатый человѣкъ, онъ теперь—круглый бѣднякъ. Все его имущество частью разграблено, частью погибло въ пламени. На немъ все его имущество—единственный пиджачный костюмъ, въ которомъ онъ пропутешествовалъ въ Познань и вернулся въ Калишъ и Варшаву, куда ему удалось бѣжать.

Только въ Варшавѣ пришелъ Буковинскій въ себя и вздохнулъ свободно отъ этихъ кровавыхъ кошмаровъ, не дававшихъ ему ни минуты покоя въ теченіе безъ малаго двухъ мѣсяцевъ.

Генрикъ Сенкевичъ.

Изъ приведеннаго нами разсказа Буковинскаго ярко вырисовывается цѣльная, мощная фигура этого поляка по происхожденію и русскаго гражданина и общественнаго дѣятеля по убѣжденіямъ. Буковинскій, слава Богу, не одинокъ. Онъ только лишь выпукло подчеркиваетъ собою единодушное настроеніе всего польскаго общества. Окрыленные воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, поляки проявили себя настоящими русскими патріотами. Ненависть къ Германіи и всему германскому у поляковъ—единодушная, у всѣхъ безъ исключенія. И аристократы, и средніе круги, и народъ—всѣ одинаково мыслятъ, какъ одинъ человѣкъ.

Генрихъ Сенкевичъ, зная, что австрійскіе сородичи, отъ которыхъ нѣмцы скрывали воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, подстрекаемые швабами, рисовавшими имъ русскую дѣйствительность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, могутъ выступить противъ Россіи, обратился къ нимъ съ пламеннымъ призывомъ не вѣрить нѣмецкимъ лжецамъ и не итти противъ великой Россіи, освободительницы славянства, уже намѣтившей возсозданіе единой и недѣлимой Польши.

Но еще не успѣлъ дойти этотъ прекрасный зовущій призывъ по адресу, какъ австрійцы, затуманивая своихъ поляковъ, принудили ихъ выставить небольшой легіонъ, сформированный изъ юношей, почти мальчиковъ. Это выступленіе искренно огорчило и ужаснуло русскихъ поляковъ. Чтобы положить разъ навсегда конецъ всѣмъ этимъ гибельнымъ заблужденіямъ зарубежныхъ братьевъ, Генрихъ Сенкевичъ самъ поѣхалъ въ Галицію. Тамъ, на мѣстѣ, обаяніе великаго писателя сдѣлало свое дѣло, и галиційскіе поляки узнали настоящую правду изъ устъ автора многочисленныхъ романовъ, которыми зачитывается уже второе поколѣніе поляковъ.

Прошелъ тревожный слухъ, что Сенкевичъ, обвиненный въ антигерманской пропагандѣ, схваченъ австрійцами и посаженъ въ краковскую тюрьму. Но слухъ этотъ оказался, по счастью, невѣрнымъ. Австрійцы не посмѣли его арестовать. Не посмѣли при всемъ желаніи. Ихъ тюрьмы оказались бы слишкомъ тѣсными для человѣка съ такой міровой славой. Задержаніе Сенкевича отозвалось бы неслыханной стихійной бурей негодованія какъ среди русскихъ поляковъ, такъ и австрійскихъ и прусскихъ. Сенкевичъ для поляковъ, что для русскихъ Толстой. Учтя все это, швабы со скрежетомъ зубовнымъ не дерзнули посягнуть на свободу великаго славянскаго писателя, который уже въ концѣ седьмого десятка загорѣлся такимъ гражданско-политическимъ подъемомъ, обнаруживъ молодую и пылкую, увлекающуюся душу.

По своимъ взглядамъ Сенкевичъ всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ польско-русскаго сближенія и такимъ же убѣжденнымъ противникомъ порабощающаго славянство германизма. Но теперь, когда пробилъ часъ, эти взгляды автора „Огнемъ и мечомъ“ облеклись въ реальную форму негодующаго протеста.

Великая литургія.

Повѣсть **И. Н. Потапенко.**

(Окончаніе).

VI.

На заводѣ Осмоленко работа шла безпорядочно, и не было никакой возможности наладить ее.

Въ городъ пришли извѣстія о злоключеніяхъ русскихъ путешественниковъ въ Германіи и о совершенно необъяснимыхъ жестокостяхъ, чинимыхъ надъ ними тамъ. И тогда вдругъ въ толпѣ, непрерывно устраивавшей патріотическія шествія на улицахъ города, появилась новая нотка. Искали, на комъ выместить гнѣвъ. Полиціи пришлось напречь вниманіе и усиліе. Были даже враждебныя попытки по отношенію къ двумъ-тремъ магазинамъ. Прозвенѣли разбитыя стекла, но дальше этого не пошло.

И, понятно, городское настроеніе сейчасъ же отразилось и на заводѣ. Оставшаяся еще тамъ половина рабочихъ начала коситься на управляющаго.

Ливановъ сдѣлалъ ему конфиденціальное предостереженіе, и онъ пересталъ выходить во дворъ, а придерживался конторы.

Но произошло нѣчто гораздо худшее. Послѣ полудня, когда рабочіе обѣдали, на заводъ прибыла полиція въ лицѣ трехъ городовыхъ и околоточнаго и еще одного высшаго чина. Двое городовыхъ встали у дверей конторы, а остальные поднялись въ третій этажъ, гдѣ Оттонъ Оттоновичъ завтракалъ съ женой.

Въ квартирѣ у него произвели обыскъ, потомъ то же самое сдѣлали въ конторѣ и въ его кабинетѣ, а въ заключеніе арестовали и увезли въ городъ.

Амалія Өедоровна упала въ обморокъ, а когда очнулась, то въ квартирѣ не было уже ни полиціи ни мужа. Прибѣжалъ Ливановъ, все еще неизмѣнно остававшійся вѣрнымъ, и сообщилъ ей объ арестѣ Оттона Оттоновича и о томъ, что его увезли куда-то.

Смущеніе на фабрикѣ было огромное. Какъ ни старался Ливановъ удержать рабочихъ на мѣстѣ, увѣряя, что сейчасъ пріѣдетъ самъ хозяинъ, это ему не удалось. Всѣ бросили работу и разбѣжались—кто въ свои квартиры, кто въ городъ.

По просьбѣ Амаліи Өедоровны Ливановъ бросился къ телефону и сталъ трезвонить въ дачный домъ Осмоленко. Григорія Аѳанасьевича не оказалось на дачѣ. Подошла Марья Михайловна и восприняла ужасную вѣсть.

Послали въ городъ человѣка разыскать во что бы то ни стало Осмоленко, и тамъ послѣ долгихъ поисковъ наконецъ нашли Григорія Аѳанасьевича въ одномъ изъ банковъ.

Встревоженный Осмоленко позвонилъ по телефону на заводъ, и Ливановъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

Было уже часа три дня. Оставалось одно: кинуться къ губернатору. Но этого человѣка поймать было не легко. Онъ былъ всюду и нигдѣ. Куда ни пріѣзжалъ Григорій Аѳанасьевичъ, оказывалось, что губернаторъ только что былъ и уѣхалъ. Такъ ловилъ онъ губернатора цѣлый часъ и наконецъ поймалъ его на улицѣ во время переѣзда его изъ одного учрежденія въ другое.

Выслушавъ его и узнавъ, въ чемъ дѣло, губернаторъ нисколько не удивился, что̀ крайне смутило Григорія Аѳанасьевича.

— Да, да, это было необходимо. Мы получили изъ Петербурга совершенно опредѣленное распоряженіе. Впредь до выясненія обстоятельствъ каждаго подданнаго враждебной стороны, арестовать его. И вы, Григорій Аѳанасьевичъ, должны подчиниться общему положенію.

— Но я этого никакъ не ожидалъ. Опираясь на ваше доброе обѣщаніе...

— Мы живемъ въ такое время, почтеннѣйшій мой Григорій Аѳанасьевичъ, когда каждую минуту случается то, чего никто не ожидалъ. Свое обѣщаніе я держу. Получивъ прошеніе вашего управляющаго, я тотчасъ же экстренно съ самыми лучшими отзывами послалъ его по назначенію. Но тамъ такое множество подобныхъ прошеній, и такъ всѣ заняты большимъ всенароднымъ дѣломъ, что приходится терпѣть нѣкоторыя неудобства. Пусть и вашъ управляющій потерпитъ. Все-таки мы не виноваты въ томъ, что онъ нѣмецъ.

— Но неужели онъ въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,— всего только въ полицейскомъ участкѣ, а къ вечеру онъ будетъ переведенъ въ особое помѣщеніе, гдѣ будетъ у него и кровать и все необходимое и полная возможность за свой счетъ пользоваться столомъ изъ ресторана или изъ дому, а затѣмъ я надѣюсь, что его прошеніе будетъ уважено... Ахъ, да, вотъ еще что̀. У васъ имѣется въ Петербургѣ какое-нибудь вліятельное лицо, знающее о вашей благотворительной дѣятельности?

— Ну, какъ же, я лично знакомъ со многими.—Осмоленко назвалъ нѣсколько именъ.

— Ну, вотъ отлично. Телеграфируйте имъ всѣмъ, сошлитесь на меня, на мои отзывы, уже посланные туда, и, простите меня, я такъ дорожу каждой минутой

И онъ уѣхалъ, а Григорій Аѳанасьевичъ отправился на телеграфъ. Тутъ тоже было затрудненіе. Телеграфъ былъ заваленъ срочными депешами. Частныхъ почти не принимали. А если и брали, то съ предупрежденіемъ, что очередь можетъ наступить для нихъ только завтра.

Но онъ все-таки былъ Осмоленко. Его знали тутъ, только что прочитали въ мѣстной газетѣ о его крупномъ пожертвованіи. Двѣсти тысячъ—эта цифра еще звучала въ ушахъ, и его срочныя телеграммы приняли и сейчасъ же дали имъ ходъ.

Отсюда онъ отправился въ полицейскій участокъ, чтобы увидѣть и успокоить Оттона Оттоновича. Въ участкѣ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ было не мало. Ими были наполнены двѣ комнаты. Ихъ охраняли. Все это были почти сплошь давно обрусѣвшіе люди, хорошо извѣстные всѣмъ горожанамъ, какъ торговцы, коммиссіонеры, даже учителя.

Приставъ былъ хорошо знакомъ съ Григоріемъ Аѳанасьевичемъ. Онъ пригласилъ его въ служебный кабинетъ, внимательно выслушалъ и распорядился. И вотъ въ комнату подъ конвоемъ двухъ городовыхъ вошелъ Оттонъ Оттоновичъ Шлихенсонъ. Бѣдняга похудѣлъ и пожелтѣлъ. Увидѣвъ патрона, онъ, какъ ребенокъ, обрадовался ему. Приставъ пригласилъ его сѣсть.

И тутъ Григорій Аѳанасьевичъ разсказалъ ему о своемъ разговорѣ съ губернаторомъ, что̀, видимо, успокоило Шлихенсона.

Приставъ съ своей стороны тоже обѣщалъ Оттону Оттоновичу покровительство.

Уладивъ дѣло съ Оттономъ Оттоновичемъ, Григорій Аѳанасьевичъ поѣхалъ на дачу, чтобы отдохнуть отъ треволненій, но тамъ явилось нѣчто новое и ужъ совсѣмъ неожиданное.

На дачѣ онъ засталъ Андрея, который сидѣлъ на верандѣ съ Марьей Михайловной и разсказывалъ ей о событіяхъ послѣднихъ дней. Онъ былъ, конечно, въ военномъ мундирѣ, и Григорій Аѳанасьевичъ узналъ его издали, еще когда коляска въѣхала во дворъ.

Съ его мундиромъ въ семьѣ уже примирились.

Но едва успѣлъ Григорій Аѳанасьевичъ поздороваться съ старшимъ сыномъ и въ краткихъ словахъ разсказать о событіяхъ на заводѣ и злоключеніяхъ Шлихенсона, какъ въ воротахъ показался велосипедъ и быстро мчавшійся на немъ Василій.

Василій соскочилъ съ велосипеда, отшвырнулъ его въ сторону и въ нѣсколько прыжковъ очутился на верандѣ.

— А, хорошо, что всѣ въ сборѣ!—воскликнулъ онъ, здороваясь съ отцомъ, матерью и братомъ.—Поздравьте меня, я иду на войну!

Конечно, произошло всеобщее замѣшательство, разспросы, восклицанія. Василій стоялъ съ горящими вдохновенными глазами и разсказывалъ, какъ онъ вмѣстѣ съ десятью товарищами-студентами уже два дня хлопоталъ о пріемѣ ихъ на службу въ качествѣ охотниковъ. Ему было девятнадцать лѣтъ, а другимъ тоже не больше. И вотъ сейчасъ было получено какое-то разъясненіе изъ Петербурга, и они всѣ зачислены въ войска.

На этотъ разъ однако вѣсть была принята нѣсколько иначе, чѣмъ тогда, когда узнали о рѣшительномъ шагѣ Андрея. Такъ ли великъ былъ подъемъ у самого Василія, или наконецъ и старики прониклись общимъ воодушевленіемъ, но даже Марья Михайловна не собралась заплакать. Она и Григорій Аѳанасьевичъ обняли Василія и съ какимъ-то любовнымъ благоговѣніемъ крестили его.

— Ну, что̀ жъ, идите, дѣти,—говорилъ Григорій Аѳанасьевичъ:—видно, такова ужъ судьба. Надо, чтобы всѣ жертвовали самымъ дорогимъ, что̀ есть на свѣтѣ. Вотъ и мы съ вашей матерью жертвуемъ вами. Идите, защищайте родную землю! Жертвуйте жизнью, если надо. Жертвуя вами, мы отдаемъ больше, чѣмъ жизнь. Благословляемъ васъ... Идите и служите великую литургію!

Дней черезъ пять послѣ этого старики провожали обоихъ сыновей. Они уѣзжали въ одномъ вагонѣ куда-то на западъ. На вокзалѣ была тысячная толпа. Въ вагоны сыпались цвѣты, раздавались напутствія, пожеланія.

Марья Михайловна собрала всѣ силы и не пролила тутъ ни одной слезы, а когда пріѣхала домой, дала имъ волю и много пролила ихъ.

Шлихенсонъ еще съ недѣлю сидѣлъ подъ арестомъ, впрочемъ, не терпя никакихъ лишеній. Наконецъ былъ освобожденъ и вернулся на заводъ уже въ качествѣ настоящаго русскаго.

Заводъ стоялъ, въ немъ осталось всего два десятка рабочихъ. Пришлось набирать новыхъ и обучать ихъ дѣлу. И онъ принялся за работу, прилагая все свое искусство и всю энергію, такъ какъ хотѣлъ какъ можно лучше отблагодарить патрона за всѣ его неоцѣненныя услуги.

Редакторъ-изд. **Л. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 41 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 11 октября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе.

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи.

(Рис. и портр. на стр. 779, 780 и 781).

По офиціальному сообщенію министра Императорскаго Двора, во время Высочайшаго пребыванія въ районѣ военныхъ дѣйствій, Государь Императоръ изволилъ принимать доклады какъ въ штабѣ Верховнаго Главнокомандующаго, такъ и отъ главнокомандующихъ арміями генералъ-адъютанта Рузскаго и генералъ-адъютанта Иванова, и посѣтилъ, кромѣ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, города Ровну, Брестъ, Бѣлостокъ, крѣпость Осовецъ и Вильну.

Въ городахъ Ровнѣ и Вильнѣ Государь Императоръ посѣтилъ раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства и Краснаго Креста.

26 сентября Его Величество Государь Императоръ изволилъ возвратиться изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село.

Государь Императоръ въ ровненскомъ лазаретѣ.

По сообщенію „Кіевлянина", въ Кіевъ прибыли изъ Ровны лежавшіе въ госпиталѣ Евгеніинской общины имени Великой Княгини Ольги Александровны четверо раненыхъ, которые помѣщены теперь въ лазаретѣ при IV гимназіи. Они разсказали о завидномъ счастьѣ, какое выпало на ихъ долю: видѣть и бесѣдовать съ Государемъ:

„Когда прошелъ слухъ, что 23 сентября имѣетъ насъ удостоить посѣщеніемъ Императоръ, мы за каждый часъ, что̀ остаемся въ госпиталѣ, благодарили Господа.

Дожили и до 23-го, а Государя нѣтъ. И вдругъ... О Господи, какъ вспомню, такъ все во мнѣ задрожитъ! Вдругъ утромъ

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи. Его Величество изволитъ принимать докладъ главнокомандующаго арміей генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго. По фот. I. Опупа.

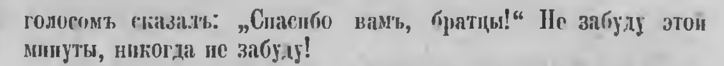
Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи. Его Величество, Августѣйшій Верховный Главнокомандующій, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго К. В. Янушкевичъ, генералъ-адъютантъ Н. П. Рузскій и командующій составъ офицеровъ. По фот. І. Оцупа.

24 сентября объявляютъ намъ, что скоро къ намъ прибудетъ Государь. Нога моя въ тотъ день страсть болѣла, но когда сказали намъ это, все забылъ, готовъ прыгать отъ радости. И наконецъ дождались... Какъ свѣтлое солнышко, вошелъ Государь въ палату, добрый, улыбающійся. Подошелъ къ каждому и милостиво бесѣдовалъ о томъ, какого полка, когда раненъ, какъ здоровье, есть ли какая просьба.

„А когда обошелъ всѣхъ, остановился посреди палаты, обвелъ всѣхъ глазами и взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „Спасибо вамъ, братцы!“ Не забуду этой минуты, никогда не забуду!

„Ужъ на что мы изболѣлись, а какъ гаркнули: „рады стараться, Ваше Императорское Величество“, такъ стекла зазвенѣли...

„Эхъ, жаль, что нога моя теперь никуда не годится, а то снова соколомъ бы полетѣлъ за Него сражаться съ врагомъ!“



Главнокомандующій арміей юго-западнаго фронта генералъ-адъютантъ Н. І. Ивановъ, Высочайше награжденный орденомъ Св. Великомученника и Побѣдоносца Георгія 2-й степени — высшаго военнаго отличія, котораго не имѣетъ никто въ Россіи. Единственный кавалеръ ордена Св. Георгія 2-й степени внѣ Россіи — доблестный вождь Черногоріи, Его Величество король Николай І.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Наиболѣе важнымъ событіемъ третьяго мѣсяца войны слѣдуетъ считать быстрое паденіе Антверпена. Оно можетъ служить показателемъ силы крупной нѣмецкой артиллеріи. Взятіе въ теченіе нѣсколькихъ дней артиллерійской атаки первоклассной крѣпости, это вѣдь не побѣда нѣмцевъ надъ бельгійцами, а побѣда необычной осадной артиллеріи надъ обычными способами крѣпостной защиты. Но значитъ ли это, что германская армія, располагающая 42-сантиметровыми мортирами, непобѣдима, и что всякое сопротивленіе ей безнадежно? Ничуть не бывало! Напротивъ, весь опытъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ нынѣшней войны краснорѣчиво говоритъ противное.

Отступленіе нѣмцевъ отъ Парижа и рядъ пораженій на ихъ восточной границѣ, начиная отъ Эйдкунена и кончая разгромомъ на Нѣманѣ, доказываютъ, что нѣмцевъ можно очень и очень бить.

Задача побѣды заключается въ данномъ случаѣ въ томъ, чтобы соотвѣтствующей боевой тактикой уравновѣсить преимущество тяжелой артиллеріи противника. Для того, чтобы парализовать дальнобойную артиллерію, необходимо право выбора дистанціи боя не предоставлять противнику, а оставлять за собою, т.-е. всегда и вездѣ, когда и гдѣ возможно захватывать иниціативу дѣйствій въ свои руки. Умѣлое наступленіе при такихъ условіяхъ будетъ несравненно менѣе опаснымъ, чѣмъ пассивная оборона. Въ полевомъ наступательномъ бою смѣло атакующая легкая артиллерія, напротивъ, представляетъ собой для 42-сантиметровыхъ мортиръ слишкомъ маленькую и слишкомъ подвижную цѣль. Это даетъ ей возможность приблизиться къ огнедышащимъ чудовищамъ на болѣе близкое разстояніе и тѣмъ самымъ нѣсколько уравновѣсить шансы борьбы. Умѣлое пользованіе пересѣченной мѣстностью затрудняетъ дальнобойную стрѣльбу, сокрытіе батарей въ лѣсахъ и оврагахъ, возможность быстро мѣнять позиціи, въ то время какъ тяжеловѣсный противникъ остается прикованнымъ къ одному мѣсту, которое къ тому же необходимо оборудовать бетонными неподвижными площадями, иногда задолго до войны, какъ это было сдѣлано въ Мобежѣ шпіонами-рабочими бетоннаго завода, пріобрѣтеннаго нѣмцами въ мирное время,—залогъ побѣды.

Появленіе сколько-нибудь значительной непріятельской части въ тылу тяжелой батареи грозитъ уже потерею послѣдней, такъ какъ перевозка тысячепудовыхъ стальныхъ титановъ требуетъ очень много времени и сложнѣйшихъ техническихъ приспособленій и матеріаловъ. Системою фланговыхъ обходовъ, замѣнившихъ фронтальныя атаки, генералиссимусъ Жоффръ парализуетъ преимущества крупной артиллеріи противника и, постепенно напирая, „вытискиваетъ нѣмецкую армію съ французской территоріи“. Немаловажнымъ орудіемъ являются также русское бездорожье и грунтовая защита. Образчикъ послѣдней мы видѣли подъ Осовцомъ. Нѣмцы подвезли къ нашей крѣпости крупные калибры, отказавшись отъ крупнѣйшихъ, и безславно отступили отъ Осовца, построеннаго на болотистой низменности. Въ этомъ случаѣ грунтовая защита, не позволившая подвести тяжелыя мортиры, оказалась наиболѣе дѣйствительной, но и крѣпостныя стѣны, три года тому назадъ заново сооруженныя изъ бетона, укрѣпленнаго желѣзомъ, выдержали невѣроятную силу непріятельскаго огня, буквально засыпавшаго Осовецъ своими тяжелыми снарядами. Талантливые полководцы должны использовать всѣ обстоятельства боя и принять его тамъ, гдѣ онъ всего выгоднѣе для нихъ и всего тяжелѣе для непріятеля.

Овладѣніе Антверпеномъ и вторженіе въ русскую территорію въ южныхъ районахъ Вислы нѣмцы не могутъ разсматривать, какъ свое торжество, потому что удаленіе англо-бельгійской арміи изъ крѣпостныхъ верковъ къ Остенде и отходъ русскихъ войскъ противъ Лодзи и Петрокова вглубь страны есть только тактическій пріемъ боя. И та и другая стороны не утратили силы сопротивленія, но разсчитываютъ принять рѣшительный бой тамъ, гдѣ это будетъ удобнѣе и выгоднѣе для нихъ. Такъ какъ переѣздъ бельгійскаго правительства былъ совершенъ еще до начала бомбардировки, то очевидно, что оставленіе Антверпена входило въ планъ кампаніи союзниковъ, сосредоточившихъ всѣ свои силы на правомъ флангѣ германской арміи.

Элементарныя тактическія соображенія обязывали короля Альберта не хоронить свои славные полки подъ развалинами обреченной на разрушеніе крѣпости, а вывести ихъ для дальнѣйшаго продолженія героической борьбы съ врагомъ. Вообще не только тактика боя, но также и общій стратегическій планъ военныхъ дѣйствій въ нынѣшней войнѣ долженъ сообразоваться съ особенностями современнаго германскаго оружія. Съ этой точки зрѣнія получаютъ неожиданное освѣщеніе многія загадочныя дѣйствія и движенія союзныхъ армій. Преимущество дальнобойнаго германскаго огня парализуется благодаря малой подвижности тяжелой артиллеріи напряженнымъ и крайне дѣятельнымъ маневрированіемъ непріятельскихъ армій. Чѣмъ чаще лихое наступленіе смѣняется тактическимъ отступленіемъ, чѣмъ подвижнѣе противникъ, тѣмъ меньшее значеніе пріобрѣтаютъ неподвижныя чудовища. Быть-можетъ, здѣсь мы найдемъ и разгадку послѣднихъ перемѣнъ на нашемъ прусско-австрійскомъ фронтѣ. Многіе не могутъ понять, почему мы, побѣдоносно наступая на сѣверной части фронта, вторгаясь въ Восточную Пруссію по слѣ

Верховный Главнокомандующій Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ изволитъ бесѣдовать съ дворцовымъ комендантомъ Свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Е. В. Воейковымъ. По фот. І. Оцупа.

Открытіе эвакуаціоннаго и питательнаго пункта на Варшавскомъ вокзалѣ въ Петроградѣ. Группа присутствовавшихъ на торжествѣ: 1—Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна. 2—Петроградскій градоначальникъ князь А. Н. Оболенскій. 3—Петроградскій городской голова графъ И. И. Толстой. 4—Генералъ-лейтенантъ Н. К. Шведовъ. 5—Начальникъ Сѣв.-Зап. дор. гофмейстеръ Ф. М. Валуевъ. По фот. Я. Штейнберга.

дамъ разбитыхъ у Нѣмана и Осовца германскихъ корпусовъ и продолжая побѣдоносно продвигаться впередъ на южно-галиційскомъ фронтѣ, въ то же время почти безъ сопротивленія отступаемъ въ центрѣ своего расположенія передъ арміей генерала Гинденбурга, идущей по направленію къ Сандоміру, Ново-Георгіевску, Ивангороду и Варшавѣ?

Но именно тактика борьбы, необходимость утомить громоздкаго непріятеля изнурительными передвиженіями заставляетъ насъ не задерживать его на берегахъ сравнительно маленькой рѣчки Варты и свободно пропустить къ многоводной Вислѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ гнать его оттуда обратно, какъ уже гнали тѣхъ же нѣмцевъ отъ береговъ Нѣмана и австрійцевъ отъ Люблина.

Насколько форсированіе Вислы неизмѣримо труднѣе форсированія Варты, настолько генеральное сраженіе, данное въ глубинѣ страны, дороги которой затрудняютъ пользованіе тяжелой артиллеріей, будетъ сопровождаться для насъ удвоенными шансами на побѣду. Были же основанія у генерала Рузскаго разыграть рѣшительный бой не около Сувалокъ при нѣмецкомъ наступленіи, а у самаго Нѣмана, и конечными результатами его гостепріимства можемъ быть недовольны не мы, а только нѣмцы, потерявшіе во время своей прогулки свыше сорока орудій (въ томъ числѣ 16 осадныхъ), около 20.000 плѣнныхъ и огромное количество убитыхъ и раненыхъ. Точно такъ же намъ нечего смущаться и новой прогулкой, предпринятой тѣмъ же генераломъ Гинденбургомъ къ Вислѣ по всему фронту отъ Сандоміра до Варшавы.

Послѣ опыта первыхъ двухъ мѣсяцевъ войны русскому обществу пора наконецъ отрѣшиться отъ стараго взгляда на временную утрату захваченныхъ городовъ и территорій. Задача войны — не удержаніе пограничныхъ уѣздовъ въ своемъ обладаніи, а уничтоженіе и ослабленіе враждебныхъ армій, и если послѣдняя цѣль лучше достигается вдали отъ непріятельской границы, то для окончательнаго разгрома врага не жалко подпустить его не только къ Варшавѣ, но, если нужно, и дальше. Многіе погра-

† Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ.

29 сентября с. г. вся Россія прочла телеграмму изъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго о геройскомъ подвигѣ одного изъ Царственныхъ защитниковъ нашей родины—Его Высочества Князя Олега Константиновича: „при слѣдованіи заставъ нашей передовой кавалеріи были атакованы и уничтожены германскіе разъѣзды. Частью нѣмцы были изрублены, частью взяты въ плѣнъ: первымъ доскакалъ до непріятеля и врубился въ него корнетъ Его Высочество Олегъ Константиновичъ“. Телеграмма заканчивалась скорбною вѣстью о томъ, что Его Высочество раненъ. Рана оказалась смертельной. 29 сентября въ витебскомъ военномъ лазаретѣ на рукахъ Августѣйшихъ родителей доблестный юноша въ Бозѣ почилъ.

Свѣтлая память героя отличена посмертнымъ сопричисленіемъ его къ ордену св. Георгія. Свято памятуя незабвенныя слова Высочайшаго манифеста: „съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“, доблестно раздѣлилъ почившій герой великую судьбу своихъ боевыхъ сподвижниковъ, отдавшихъ жизнь за Царя и родину. Предъ лицомъ Вседержителя въ искупительномъ жертвенномъ сосудѣ слилась кровь потомка Царской Семьи и невѣдомаго пахаря, и воедино слились за нихъ молитвы всей Россіи предъ Престоломъ Всевышняго. Русское воинство въ безмолвномъ восхищеніи склонилось предъ памятью героя, русскія матери благоговѣйно склонились передъ Августѣйшими родителями почившаго, пославшими на бранное поле всѣхъ своихъ пять сыновей, отдавшими на защиту родины все самое дорогое въ жизни.

Его Высочество Олегъ Константиновичъ, четвертый сынъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, родился 15 ноября 1892 года и десяти лѣтъ былъ зачисленъ въ кадеты Полоцкаго кадетскаго корпуса. Прилежный ученикъ, Его Высочество выдѣлялся среди другихъ кадетъ своей начитанностью и способностями. Каждый годъ онъ сдавалъ переходные экзамены, а въ 1910 году, по окончаніи корпуса, поступилъ въ Императорскій Александровскій лицей. Унаслѣдовавъ литературное дарованіе Августѣйшаго отца, Его Высочество съ юныхъ лѣтъ увлекался родными классиками, и въ лицеѣ онъ всецѣло предался изученію любимыхъ авторовъ. Боготворя Пушкина, еще будучи воспитанникомъ лицея, Его Высочество немало работалъ въ лицейскомъ музеѣ. Въ 1911 году Его Высочествомъ былъ изданъ печатный трудъ подъ названіемъ „Рукописи Пушкина“. Немало занимался также князь Олегъ Константиновичъ исторіей. Имъ было задумано нѣсколько очень интересныхъ по замыслу литературныхъ трудовъ, которые не удалось осуществить изъ-за болѣзни Его Высочества. Осенью 1913 года Князь Олегъ Константиновичъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, былъ отправленъ въ Крымъ, а зиму провелъ въ имѣніи „Осташево“ въ Московской губерніи. По окончаніи курса Императорскаго Александровскаго лицея съ золотою медалью, Его Высочество былъ зачисленъ въ л.-гв. Гусарскій Его Императорскаго Величества полкъ, а въ 1912 г. былъ произведенъ въ корнеты.

Его Высочество князь Олегъ Константиновичъ, скончавшійся отъ ранъ, полученныхъ въ бою 28 сентября с. г.

Флаги—нормовой, стеньговый, гюйсъ—съ германскаго крейсера „Магдебургъ“, наскочившаго на мель въ Балтійскомъ морѣ и разстрѣляннаго нашими крейсерами. Командиръ и часть офицеровъ и команда крейсера взяты были нами въ плѣнъ. „Магдебургъ“—одинъ изъ новѣйшихъ германсихъ крейсеровъ и вступилъ въ строй въ 1912 г. Водоизмѣщеніе крейсера—4.550 тоннъ.

Крейсеръ „Паллада“, погибшій отъ мины германской подводной лодки 28 сентября с. г.

Гибель крейсера „Паллада“.

По сообщенію Морского Генеральнаго Штаба, 27 сентября въ Балтійскомъ морѣ было обнаружено появленіе непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Утромъ означеннаго дня подводной лодкой былъ атакованъ крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ», остановившійся для осмотра подозрительнаго парусного барка, шедшаго подъ коммерческимъ нидерландскимъ флагомъ. Лодка выпустила по крейсеру нѣсколько минъ, которыя всѣ, къ счастью, прошли мимо, не причинивъ «Адмиралу Макарову» никакого вреда.

28 сентября, во второмъ часу дня, непріятельскими подводными лодками были вновь атакованы наши крейсера «Баянъ» и «Паллада», бывшіе въ дозорной службѣ въ Балтійскомъ морѣ. Несмотря на то, что крейсера своевременно открыли сильный артиллерійскій огонь, одной непріятельской лодкѣ все-таки удалось выпустить мины въ крейсеръ «Паллада», на которомъ произошелъ взрывъ, и крейсеръ стремительно затонулъ со всѣмъ своимъ личнымъ составомъ. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ Морского Генеральнаго Штаба, двѣ германскія подводныя лодки были въ бою потоплены артиллерійскимъ огнемъ нашихъ крейсеровъ.

Крейсеръ «Паллада» построенъ Адмиралтейскимъ судостроительнымъ заводомъ въ 1906 году. Водоизмѣщеніе его было—7.775 тоннъ, размѣры корпуса: длина 442 фута, ширина 57,5 фута и осадка 21,3 фута.

Погибшіе въ бою—офицеры: Командиръ крейсера «Паллада», капитанъ 1-го ранга Сергѣй Романовичъ Магнусъ, капитанъ 2-го ранга Анатолій Михайловичъ Романовъ; лейтенанты: Андрей Арсеньевичъ Измайловъ, Григорій Петровичъ Коринфскій, Леонидъ Андреевичъ Гавриловъ 2-й, Юрій Константиновичъ Быковъ 3-й, Владиміръ Константиновичъ Гутъ, Александръ Ипполитовичъ Студницкій, Михаилъ Ниловичъ Штиръ, Константинъ Сергѣевичъ Бутомо, Георгій Александровичъ фонъ-Петцъ; мичманы: Иванъ Борисовичъ Амантовъ, Николай Александровичъ Баулинъ, Леонидъ Вячеславовичъ Воскресенскій, Георгій Генриховичъ Цывинскій, Людомиръ Маріановичъ Издебскій, Сергѣй Сергѣевичъ Полтановъ; кор. гардемарины: Іосифъ Вячеславовичъ Здановскій, Николай Евгеньевичъ Сѣнниковъ; инж.-механики: кап. 1-го ранга Александръ Александровичъ Дешевовъ; мичманы: Бернгардъ Андреевичъ Рейсонъ, Генрихъ Петровичъ Голнявскій, Николай Андреевичъ Коленда, Александръ Генриховичъ Вольфъ; надворные совѣтники, врачи: Александръ Михайловичъ Чмыховъ, Георгій Павловичъ Сильверсванъ; штатный судовой священникъ Николай Антоновичъ Сысоевъ; подполковникъ в.-м. суд. вѣд. Сергѣй Ивановичъ Сикорскій; кондуктора флота на крейсерѣ «Палада»: старшій боцманъ Степанъ Ивановъ Шабашовъ (кр. Тамбовской губ.), старшій машинный содержатель Венедиктъ Ивановъ Іодковскій (мѣщ. гор. Гродны), старшій артиллерійскій содержатель Өедоръ Савельевъ Тюкинъ (кр. Астраханской губ.), старшій баталеръ Яковъ Антоновъ Сидорчукъ).

Автомобильный отрядъ, оборудованный на средства Русскаго Общества Пароходства и Торговли и предназначенный для перевозки раненыхъ изъ линіи огня въ ближайшіе лазареты.

Миссъ Бьюкененъ
Лэди Бьюкененъ. Сэръ Бьюкененъ.

Открытіе англійскаго лазарета въ Покровской общинѣ. Врачебный персоналъ лазарета и его учредители, во главѣ съ англійскимъ посломъ сэромъ Бьюкененомъ и его семьей.

ничные прусскіе и русскіе города и мѣстечки уже неоднократно, по три, по четыре раза переходили то въ наши, то въ германскія руки, но въ концѣ концовъ споръ идетъ не о судьбѣ Инстербурга или Сувалокъ, а о судьбѣ Россіи и Германіи. О томъ, какъ похозяйничали нѣмцы въ Друскеникахъ, скоро забудутъ и сами друскеничане, а рѣшительный разгромъ, нанесенный непрошеннымъ гостямъ въ Августовскихъ лѣсахъ, скажется на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Какими непріятными и обидными для патріотическаго чувства вторженіями ни сопровождалась бы война, русскіе граждане должны стать выше обывательской точки зрѣнія и не утрачивать вѣру въ грядущую побѣду своего отечества только изъ-за того, что тѣ или другіе, микроскопическіе по сравненію съ государственной территоріей, кусочки пограничныхъ владѣній по чисто тактическимъ соображеніямъ обречены на гибель непріятельскимъ арміямъ. Торжествуетъ тотъ, кто торжествуетъ послѣднимъ.

Молодая Румынія.

(Политическое обозрѣніе).

Сердце, угнетенное разладомъ между династической вѣрностью Гогенцоллернамъ и повелительными требованіями нравственнаго долга передъ управляемой страной, перестало биться, и престарѣлый румынскій монархъ отошелъ въ вѣчность. Національные интересы Румыніи требуютъ активнаго выступленія ея противъ Австріи и Германіи для присоединенія 3.000.000 трансильванскихъ румынъ, но родственныя чувства покойнаго короля толкали его политику въ противоположномъ направленіи. Онъ не могъ измѣнить своимъ фамильнымъ традиціямъ. Германскій принцъ восторжествовалъ въ его сердцѣ надъ румынскимъ королемъ. Смерть явилась, быть-можетъ, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ изъ безвыходнаго положенія.

Преемникомъ и замѣстителемъ почившаго короля является его племянникъ, сынъ его старшаго брата, принца Прусскаго Фердинанда, принцъ Фердинандъ. Новый король Фердинандъ I не связанъ никакими обязательствами и потому можетъ свободно и безпрепятственно повести политику своего государства въ томъ направленіи, въ какомъ желаетъ его народъ.

Новый король присягнулъ конституціи и торжественно обѣщалъ быть ей вѣрнымъ. Но вѣрность конституціи прежде всего обязываетъ править въ согласіи съ народомъ и вести политику сообразно съ его національными интересами, а не наперекоръ имъ. Вѣрность конституціи, — слѣдуетъ надѣяться, — обяжетъ молодого правителя, согласно настоятельному требованію румынскаго общественнаго мнѣнія, открыто присоединиться къ державамъ тройственнаго согласія и занять своими войсками Трансильванію, гдѣ милліоны единоплеменниковъ томятся подъ австрійскимъ игомъ. Взгляды румынскаго общества по трансильванскому вопросу до такой степени опредѣленны и категоричны, что не оставляютъ мѣста ни для сомнѣній ни для колебаній. Правительство можетъ или открыто попирать ихъ, или покорно подчиняться имъ. Третьяго выхода нѣтъ. Событія идутъ такъ быстро, что для Румыніи создается большой рискъ утерять благопріятный моментъ для расширенія своихъ границъ на западѣ. Такой ошибки страна никогда не простила бы своему правителю. Если борьба съ общественнымъ мнѣніемъ въ концѣ концовъ оказалась непосильной даже для популярнаго престарѣлаго короля, имѣвшаго за спиною столько великихъ историческихъ заслугъ передъ народомъ, то еще невозможнѣе будетъ она для его молодого преемника, всѣ патріотическія заслуги котораго еще въ будущемъ. Вотъ почему его вступленіе на престолъ заставляетъ ожидать рѣзкаго поворота внѣшней и внутренней политики Румыніи и рѣшительнаго вступленія румынской арміи въ австрійскую Трансильванію.

Отрядъ американскаго Краснаго Креста, состоящій изъ шести врачей, во главѣ съ д-ромъ Меджилемъ, и 26 сестеръ милосердія. Отрядъ прибылъ изъ Нью-Іорка въ Петроградъ и отправился 29 сентября на театръ военныхъ дѣйствій. (См. «Отклики войны»).

Его Величество король Румыніи Карлъ I, скончавшійся 27 сентября с. г.

Ея Величество королева румынская Марія, внучка Императора Александра II и дочь Великой Княгини Маріи Александровны герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской.

Вступившій на престолъ Румыніи Его Величество король Фердинандъ I, племянникъ почившаго короля Карла I, не оставившаго отъ брака съ королевой Елисаветой потомства.

Amtlicher Teil.

Bekanntmachung.

Es wird hierdurch zur öffentlichen Kenntnis gebracht, daß jede Begünstigung der hier anwesenden Russen mit den schärfsten Strafen bedroht ist. Gegen Zuwiderhandelnde wird unnachsichtlich vorgegangen.

Friedberg, den 21. September 1914.

Großherzogliches Kreisamt.
Herberg.

Возмутительный нѣмецкій документъ. Документъ этотъ, доставленный вернувшимся недавно въ Петроградъ изъ германскаго плѣна членомъ Государственнаго Совѣта Ф. А. Ивановымъ,—нумеръ нѣмецкой газетки «Бадъ-Наухеймеръ Цейтунгъ», отъ 21 сентября н. с., въ которомъ помѣщено объявленіе отъ мѣстныхъ властей. Воспроизводимъ здѣсь фотографическій снимокъ съ этого удивительнаго объявленія. Въ немъ сказано: «Доводится до свѣдѣнія, что за всякое вниманіе, оказываемое проживающимъ здѣсь русскимъ, грозитъ штрафъ. Съ нарушителями сего будетъ поступлено безъ пощады». Такимъ образомъ нѣмецкія власти ставятъ застрявшихъ въ Германіи русскихъ какъ бы внѣ закона.

Первый кавалеръ Почетнаго Легіона, лейтенантъ Брюянъ, награжденный за боевыя отличія въ настоящую франко-германскую войну. Лейтенантъ Брюянъ обратилъ въ бѣгство 30 германскихъ уланъ, зарубивъ предварительно ихъ командира-офицера.

Французскій дивизіонный генералъ де-Кюльеръ-де-Кастельно, за боевыя отличія записанный на особую доску кавалеровъ Почетнаго Легіона. (См. „Отклики войны“ въ № 39 „Нивы“).

Англійскій летчикъ лейтенантъ Коллетъ, произведшій во главѣ цѣлой эскадры гидроплановъ нападеніе на ангаръ цеппелиновъ въ Дюссельдорфѣ. Сбросивъ три бомбы съ высоты 400 футовъ, Коллетъ повредилъ одинъ изъ цеппелиновъ и причинилъ пожаръ ангара. Несмотря на то, что въ аппаратъ Коллета попалъ одинъ снарядъ изъ стрѣлявшихъ по нему германскихъ орудій, отважный летчикъ долетѣлъ невредимымъ въ пунктъ отправленія, на суда англійской эскадры, крейсировавшей у береговъ Бельгіи на разстояніи 250—300 верстъ. Это нападеніе гидроплановъ вызвало панику во всей Германіи, трепещущей за участь цеппелиновъ.

Ангаръ цеппелиновъ въ Дюссельдорфѣ, на который бросилъ три бомбы съ аэроплана англійскій летчикъ лейтенантъ Коллетъ. Кромѣ Дюссельдорфа, выстроены въ Германіи вдоль границъ Франціи и Бельгіи ангары для дирижаблей: въ Биккендорфѣ (на него было одновременно совершено нападеніе другихъ англійскихъ летчиковъ), Кёльнѣ, Мецѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Ваннѣ, Лейхлингенѣ, Рейнау, Оосѣ, Страсбургѣ, Мантелѣ и Фридрихсгафенѣ.

Нѣмые свидѣтели германскаго варварства. Разбитые колокола Реймс… ге.

Храбрѣйшій изъ храбрыхъ. Бельгійскій король Альбертъ I.

Антверпенъ.

Надъ павшимъ городомъ лежала ночь устало.
По мертвымъ улицамъ куда-то шли враги...
И въ жуткой тишинѣ стариннаго квартала
Звучали мѣрные, тяжелые шаги...

Ползли, какъ призраки, орудій вереницы.
Темнѣли въ сумракѣ ряды чужихъ солдатъ,
И молча шли войска по улицамъ столицы,—
Шли за своей судьбой, чтобъ не притти назадъ...

И конница, звеня по плитамъ тротуара,
Безмолвно двигалась куда-то на востокъ,—
Туда, гдѣ ждетъ ихъ смерть, невѣдомая кара,
И местью сторожитъ невѣдомый имъ Рокъ...

Кругомъ нѣмая ночь стояла тьмой упорной,
Кралася всюду смерть, вперивъ тяжелый взоръ...
И шли войска впередъ, колеблясь массой черной.—
Шли за своей судьбой на гибель и позоръ...

Вл. Краковецкій.

Антверпена не стало.

Болѣе трехъ четвертей Бельгіи занято безпощаднымъ врагомъ, около полумилліона бельгійцевъ бѣжало со своей родины, а оставшееся подъ властью нѣмцевъ населеніе влачитъ жалкое существованіе, впроголодь, ежеминутно

Въ Антверпенѣ. Обстрѣлъ цеппелина, обнаруженнаго прожекторами. Рис. Л. Шафера.

Бельгіи.

Уноситъ все потокъ временъ и смерти,
Но не исчезнетъ память на землѣ
О маленькомъ народѣ и Альбертѣ,
Геройскаго народа королѣ.

Покой и трудъ въ отчизнѣ процвѣтали,
Но грянулъ громъ губительной войны—
И предъ лицомъ ея бельгійцы встали
Всѣ, какъ одинъ, за честь родной страны.

И наглецовъ остановилась лава,
Уронъ непоправимый получа...
Хвала бельгійцамъ и Альберту слава!
Поднявшій мечъ—да сгинетъ отъ меча!

Георгій Ивановъ.

Король Альбертъ императору Вильгельму.

Задумавъ нарушить „вѣчный“ нейтралитетъ Бельгіи и занять ее своими войсками для нападенія на Францію, императоръ Вильгельмъ началъ съ обмана. Какъ сообщаетъ „Новое Время“, за два дня до осуществленія намѣренія императора Вильгельма германскій посланникъ въ Брюсселѣ явился къ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ и заявилъ главѣ дипломатическаго вѣдомства, что Германія не нарушитъ нейтралитета Бельгіи. Но зато самъ императоръ Вильгельмъ отправилъ королю Альберту телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Если ты воспротивишься проходу моихъ войскъ черезъ Бельгію, я буду считать тебя моимъ личнымъ врагомъ и разорю твою страну.“ („Si tu t'opposes au passage de mes troupes par la Belgique je te considérerai comme mon ennemi personnel, et je dévasterai ton pays“).

Король Альбертъ тотчасъ же отвѣтилъ слѣдующей телеграммой: „Я сожалѣю лишь объ одномъ, что королямъ не разрѣшено носить ружье: моя первая пуля была бы предназначена тебѣ.“ („Je regrette seulement qu'il ne soit pas permis aux rois de porter un fusil: ma première balle aurait été pour toi“).

Въ странѣ героевъ. Бельгiйскiе города, разрушенные германцами.

Антверпенъ. Соборъ.

Антверпенъ. Королевскiй дворецъ.

опасаясь за свою жизнь. Богатѣйшая въ мiрѣ страна превращена въ пустыню.

Весь мiръ знаетъ о неоднократныхъ отказахъ бельгiйскаго короля принять „мирныя“ предложенiя германцевъ и прекратить военныя дѣйствiя противъ нихъ. Доблестный вождь геройскаго народа отказался отъ всякихъ переговоровъ съ безчестнымъ врагомъ, нарушившимъ всѣ права божескiя и человѣческiя. Мы знаемъ теперь достойный отвѣтъ короля Альберта, данный императору Вильгельму.

Бельгiйцы предпочли смерть позору соглашенiя съ Германiей. И смерть постигла Бельгiю.

Человѣческое сердце отказывается вмѣстить все величiе этого подвига, равнаго которому не знаетъ всемiрная исторiя. Бельгiйскiй народъ добровольно принесъ себя въ жертву во имя не только свободы, независимости и нацiональнаго достоинства, но и ради спасенiя Францiи и высшихъ идеаловъ человѣчества.

Могущественный врагъ окружилъ батареями осадныхъ орудiй вторую столицу Бельгiи—Антверпенъ. Тысячи тяжелыхъ снарядовъ засыпали улицы и площади, превращая все въ дымящiяся развалины. Доблестно защищавшiй городъ, король, во главѣ героевъ-защитниковъ Льежа и Намюра, два дня боролся съ врагами, но когда городъ запылалъ со всѣхъ сторонъ, король призналъ борьбу непосильной и безполезной. Пусть сильные форты еще могли бы устоять нѣсколько дней противъ чудовищныхъ орудiй германцевъ, но на борьбу съ ними пришлось бы уложить подъ развалинами Антверпена лучшую часть армiи. И Антверпенъ былъ очищенъ бельгiйскими войсками, ушедшими по направленiю къ Остендэ и увезшими съ собою все наиболѣе цѣнное.

Антверпенъ. Музей Яна Стеена.

Пока существуетъ бельгiйская армiя, до тѣхъ поръ существуетъ Бельгiя!

Антверпенъ. Ратуша.

Антверпенъ. Разрушенiя, причиненныя взрывомъ бомбы, брошенной съ цеппелина. Солдаты антверпенскаго гарнизона.

Малинъ. Домъ, разрушенный германскимъ снарядомъ.

Льежъ. Церковь, разрушенная бомбардировкой

На помощь и въ честь Бельгiи.

Прекрасная Бельгiя, что̀ осталось теперь отъ твоихъ красотъ? Гдѣ твои рѣдкiя сокровища наукъ и искусствъ? Во что обратилась нынѣ твоя мирная агрикультурная жизнь, полная задушевной настроенности!

То, что̀ передаетъ со слезами на глазахъ прибывшiй въ Петроградъ бельгiйскiй инженеръ Лео Бальѐ, не поддается описанiю.

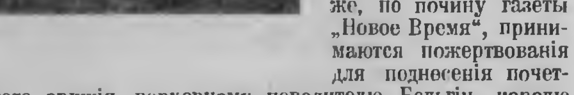
— Нѣтъ больше прекрасной Бельгiи, — говоритъ инженеръ. — Тевтонская орда на своемъ пути въ конецъ разорила эту цвѣтущую страну. На этомъ пути безжалостные варвары уничтожали фермы, сжигали деревни, съ корнями вырывали плодовыя деревья. Вся наша цвѣтущая страна, словно послѣ жестокаго урагана, превратилась въ сплошную пустыню.—Такъ, вспоминая о разоренномъ своемъ отечествѣ, продолжалъ грустную повѣсть бельгiецъ. — Этого мало. Всѣ фабричныя и заводскiя зданiя, съ ихъ дорогими машинами, разрушены германскими бомбами. Для того, чтобы хоть отчасти привести въ должный видъ все разрушенное, потребуется не одинъ и не два года. Отъ цвѣтущаго Льежа остались однѣ развалины. Намюра больше не существуетъ. Очередь раз-

Улица въ Термонѣ.

рушенія дошла до Брюсселя и Антверпена. Когда-то вся мѣстность, окружающая эти города, была покрыта культурными полями, садами и огородами. Все это потопталн безжалостный нѣмецкій сапогъ и копыта германской кавалеріи.

Бѣдный Лувенъ! Сколько въ немъ было книжныхъ сокровищъ. Ни одно въ мірѣ книгохранилище не могло сравниться съ лувенскимъ. Университетъ Лувена, одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, представлялъ собою неисчислимое количество всевозможныхъ лабораторій. Все это разрушили нѣмцы, надо всѣмъ надругались. Библіотеку они сожгли, а университетъ разрушили. Дымъ отъ сжигаемыхъ нѣмцами книгъ и рукописей опьянилъ этихъ дикарей,— продолжалъ г. Бальё.— Мало того, нѣмцы разстрѣливали стариковъ и дѣтей, надругались надъ женщинами. Какой-то особый садизмъ вселился въ нѣмецкихъ офицеровъ: они совершали насилія надъ дѣвушками непремѣнно въ присутствіи ихъ родителей, заставляя солдатъ держать отца и мать своей жертвы за руки въ той же комнатѣ, гдѣ производили свои неистовства. Вырывая изъ рукъ матерей младенцевъ, они тутъ же разрубали невинныхъ дѣтей на части и, насытившись горемъ матери, убивали здѣсь же и ее.

Страна героевъ—Бельгія. Развалины Лувена.



Англія. Велосипедно-пулеметный отрядъ въ бою.

Положительно кровь стынетъ въ жилахъ, когда слышишь про подобные ужасы. Нѣтъ словъ, чтобы заклеймить этихъ извергoвъ рода человѣческаго по достоинству. И вотъ за такія нечеловѣческія страданія, соединенныя съ рѣдкимъ героизмомъ, Бельгія окружена сейчасъ ореоломъ величія.

Ея народъ достоинъ того, чтобы лучшіе плоды побѣдъ союзниковъ на западномъ фронтѣ были отданы ему, какъ первому, наиболѣе разоренному и пострадавшему въ столь самоотверженной защитѣ общеевропейской цивилизаціи. Отнынѣ Бельгія должна стать предметомъ особыхъ заботъ со стороны великихъ державъ, сводящихъ успѣшно счеты съ зазнавшимся германцемъ.

Поэтому нельзя не привѣтствовать отъ всей души торжественное заявленіе въ англійской палатѣ лордовъ лорда Китченера, нынѣшняго военнаго министра, опредѣленно сообщившаго, что Великобританія твердо рѣшилась добиться, чтобы жертвы Бельгіи не были безплодны.

И мы знаемъ, что если англійскій лордъ что-либо обѣщаетъ, то онъ исполнитъ. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія мы также должны отмѣтить, что и среди русскаго общества собираются обильныя пожертвованія въ пользу безстрашныхъ героевъ Бельгіи, а также, по почину газеты „Новое Время“, принимаются пожертвованія для поднесенія почетнаго золотого оружія верховному повелителю Бельгіи, королю Альберту, героическая дѣятельность коего была по достоинству оцѣнена и съ Высоты Россійскаго Престола. Какъ извѣстно, король Альбертъ за проявленную имъ храбрость Высочайше награжденъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

С. Н.

Англія. Велосипедно-пулеметный отрядъ на походѣ

Генералъ.

Разсказъ Владиміра Воинова.

I.

У начальника отряда было три привычки: теребить большимъ пальцемъ правой руки Владимірскій крестъ на шеѣ, говорить, заикаясь, въ минуты волненія „такъ я ничего не понимаю“ и наконецъ — прекрасно понимать все, вопреки собственному заявленію.

Все это и было продѣлано въ обычной послѣдовательности.

Прежде всего онъ принялъ пакетъ отъ запыленнаго, потнаго казака, пробѣжалъ его прищуренными умными глазами, потомъ шевельнулъ крестикъ перстомъ и, глядя поверхъ казака, заявилъ:

— Такъ я ничего не понимаю!

— Точно такъ! — ввернулъ бойкій донецъ, въѣвшись въ лицо генерала плутоватыми сѣрыми глазками.

— Что точно такъ?— улыбнулся разсѣянный генералъ.

— Енто самое...

— Какое самое?

— А не могёмь знать, ваше превосходительство!— опредѣленно закончилъ казакъ, и только глаза его заходили совсѣмъ уже весело подъ щетиною мокрыхъ бровей.

Генералъ поглядѣлъ на него проницательнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ступай! Скажи, пусть накормятъ!

Казакъ повернулся на каблукахъ и вышелъ, а начальникъ отряда еще разъ прочелъ полученную бумагу и быстро раскинулъ во всю ширину стола карту.

— М-да-съ! М-да-съ!—мычалъ онъ время отъ времени, водя указательнымъ пальцемъ по сѣрому полю, и лохматыя сивыя брови опускались все больше и все плотнѣе сходились надъ острыми маленькими глазами.

Карта была еще въ мирное время сработана офицерами генеральнаго штаба, и не вѣрить ей не было никакого повода, а если вѣрить, то поле, лежавшее впереди нашихъ войскъ, было значительно уже, чѣмъ этого требовала необходимость развертки дѣятельнаго фронта. Правый флангъ упирался въ лѣсныя болота, показанныя непроходимыми для кавалеріи, а лѣвый—граничилъ съ высотами, которыя частью сходили на нѣтъ у открытой равнины, а частью терялись въ глубокомъ лѣсу, разрѣзанномъ прямою шоссейною дорогою, далеко впереди, за полемъ, неровно вилила рѣчонка съ пологими, топкими берегами, и тамъ показаны мелкіе густые кустарники.

Все это было на картѣ, все это вполнѣ совпадало съ наблюденіями казачьихъ разъѣздовъ, нащупавшихъ широкій раіонъ по бокамъ до предѣловъ возможности.

Конечно, шоссе могло оказаться испорченнымъ отступающими пруссаками; конечно, лѣса могли быть снесенными въ цѣляхъ дать болѣе широкую фазу обстрѣла,—но это уже были частности и на общее развитіе операцій вліянія имѣть не могли.

Важно было знать общую, неизмѣняемую структуру мѣстности, въ которой должны будутъ пройти послѣдующія событія, а въ этомъ смыслѣ отъ карты нельзя было бо́льшаго требовать.

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Взрывъ шрапнели надъ Суассономъ. Рѣдкая фотографія, снятая съ опасностью для жизни англійскимъ фотографомъ.

Оставалось только выяснить расположеніе отдѣльныхъ частей непріятеля и связать это все въ одно цѣлое съ мѣстностью, а тамъ уже опытъ и умъ подскажутъ, что̀ дѣлать.

Генералъ опустилъ на глаза покраснѣвшія, вздрагивающія вѣки и тихо задумался:

„Ну что̀ жъ! Выбивать, такъ выби[illegible]! Вотъ только сфера-то узкая!“

Генералъ постучалъ чайной ложкой о тяжелое преспапье и повернулся къ двери.

— Позвать Олехновича!—приказалъ онъ вошедшему вѣстовому, потомъ заложилъ обѣ руки въ карманы тужурки и принялся ходить изъ угла въ уголъ, мягко позвякивая шпорами.

II.

Олехновичъ пришелъ очень скоро.

Стянулъ съ головы шлемъ и застѣнчиво улыбнулся.

Генералъ подошелъ къ нему быстрыми, взволнованными шагами, обнялъ за талію и потащилъ къ столу.

— Вотъ, дорогой мой, глядите! Это—мы... Это—лѣсъ съ болотами... Это — лѣсъ безъ болотъ и даже съ возвышенностями.. Вонъ туда побѣжало шоссе... А вонъ тамъ—это рѣчка съ кустарниками...

Генералъ дышалъ Олехновичу въ ухо и сердито топорщилъ усы, опираясь рукой на крѣпкую спину поручика.

Потомъ отшатнулся отъ карты, дернулъ рукой крестъ и въ упоръ заявилъ:

— Такъ я ничего не понимаю! Гдѣ лѣсъ—понимаю! Гдѣ болота — понимаю! Гдѣ мы — понимаю! А гдѣ „они“— ничего не понимаю.

Олехновичъ глядѣлъ на начальника отряда и чувствовалъ, что въ кожаной курткѣ становится тѣсно дышать.

Кровь прилила къ головѣ, а ладони рукъ стали мокрыми.

Онъ вынулъ платокъ, помялъ его въ лѣвой рукѣ, потомъ переложилъ въ правую и тихо сказалъ:

— Когда прикажете?

— Сегодня, родной! Сейчасъ, дорогой! Сію же минуту, мой милый!

Олехновичъ свелъ каблуки и коротко поклонился.

Генералъ подошелъ къ нему снова, обнялъ за плечи, и оба они принялись тихо ходить изъ угла въ уголъ.

На поворотахъ начальникъ топтался на мѣстѣ, поворачивая поручика вокругъ себя, окидывая его печальными, ласковыми глазами, и нервно потрогивалъ свободной рукой шейный крестъ.

Франція. На походѣ. Полковой священникъ читаетъ отходную надъ могилой умершаго отъ ранъ офицера.

Индійскія войска, отправленныя въ Европу, на помощь метрополіи—Англіи. Отрядъ на верблюдахъ.

— Лѣсъ—наплевать,— говорилъ онъ, перебирая пальцами на плечѣ у поручика:—болота—тоже! А вотъ—рѣчка, голубчикъ мой... То, что за рѣчкой, и что по сю сторону... „Они“, однимъ словомъ... Это намъ важно! Задача, не скрою отъ васъ, предстоитъ намъ серьезная, и отъ успѣшности вашей развѣдки будетъ зависѣть очень и очень многое. Вы—наши очи... какъ это тамъ сказано?

Генералъ засмѣялся короткимъ смѣшкомъ, потомъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, сталъ снова серьезенъ и продолжалъ говорить попрежнему тихо, сосредоточенно.

— Вотъ и все, дорогой, что мы отъ васъ потребуемъ,—кончилъ онъ, останавливаясь у стола:—а теперь съ Богомъ! Идите готовиться! Когда все наладите—пришлите сказать. Я выйду благословить на дорогу! Постойте, голубчикъ. Вы головной вашъ уборецъ забыли. Вотъ такъ. До свиданія.

Олехновичъ торопливо забралъ шлемъ и, когда надѣвалъ его, оправляя торчавшіе наушники, чувствовалъ, что щеки горятъ отъ смѣшного ребяческаго смущенія.

III.

Солдаты стояли плотной толпой. Всѣ жарко дышали и нудились.

— Вядуть! -сказалъ наконецъ конный казакъ и привсталъ на стременахъ, сдѣлавъ ладонью щитокъ надъ веселымъ расплывшимся лицомъ.

Солдаты завистливо поглядѣли на коннаго казака и полѣзли одинъ на другого.

— Эхъ, и конь жа! — не унимался казакъ. — Небось, усякаю препятствію пронзойтить могѣть!

— А ты думалъ что? Ему это плюнуть раза.

— А чѣмъ яго въ пищію производять?

Солдаты не поняли казака и скромно смолчали.

— Чяво вонъ исть? Чи правда, чи нѣтъ—минѣ одинъ гутарилъ, что яво фитаженомъ ублаготворяють.

— Бензиномъ,—поправилъ солдатъ.

— Бянзиномъ? А ходя съ чяво?

— Винтомъ ходитъ! Винтъ у него напереди придѣланный!

Казакъ поглядѣлъ на солдата и крѣпко задумался. Потомъ покачалъ головой и коротко бросилъ съ коня:

— Будя табѣ астрелябію наводить! Штобъ съ винта имѣлъ дѣйствію? Не иначе—въ крылахъ трепыханіе должонъ содержать.

Солдаты дружно и весело разсмѣялись, а казакъ солоно выругался и отъѣхалъ въ сторонку.

Толпа зашумѣла.

Съ опушки на свѣжую зеленую лужайку свели аппаратъ, и теперь уже всѣмъ было видно, какъ плавно покачивались широкія, легкія крылья.

Впереди шелъ летчикъ, торопливо докуривая папиросу, а въ хвостѣ аппарата брели любопытные офицеры.

— Вотъ здѣсь, — указалъ Олехновичъ рукою и сталъ обходить аппаратъ, оглядывая его внимательными глазами.

Это былъ боевой аэропланъ.

Олехновичъ съ нимъ сжился давно и зналъ хорошо его высокія качества.

Въ мирное время полеты на немъ давали не мало тревоги и радости, а теперь обычное чувство углубилось еще сознаніемъ важной отвѣтственности, а возможность большой посторонней опасности придавала полету совсѣмъ небывалое, особенное значеніе и дѣлала его красивымъ и трогательнымъ.

Въ разговорахъ товарищей, во взглядахъ солдатъ, во всемъ обращеніи съ нимъ Олехновичъ почувствовалъ особую бережность, особую грустную теплоту и большое сердечное участіе. Отъ этого было тепло на душѣ, и вставали печальныя свѣтлыя думы.

„Какія они всѣ хорошіе... Вотъ пришли проводить... Спасибо имъ...“ — растроганно думалъ Олехновичъ и пробовалъ руками тяжи, шевелилъ по очереди рулями, покачивалъ легонько крылья.

Онъ зналъ, что всѣ смотрятъ теперь на него, и боялся съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться глазами.

Неожиданно въ толпѣ пробѣжало смятеніе, офицеры раздвинулись въ стороны, и все замолчало.

Пріѣхалъ начальникъ отряда и бодро сошелъ съ лошади на землю.

Не глядя ни на кого, онъ прошелъ къ аппарату и сталъ рядомъ съ поручикомъ.

— Ну, что? Полетимъ?—улыбнулся онъ Олехновичу.

— Я готовъ!—сказалъ Олехновичъ, забираясь на мѣсто.

Генералъ пожалъ ему руку и, опустивъ низко голову, отошелъ къ сторонѣ.

Механикъ пробрался впередъ и взялся за лопасть пропеллера.

Олехновичъ окинулъ глазами товарищей, опустилъ забрало и поднялъ вверхъ руку.

— Ну, съ Богомъ!—сказалъ генералъ.

— Счастливо!—раздалось у опушки, гдѣ стояли нѣмою толпой солдаты.

Механикъ качнулъ лопасть.

Щелкнуло четко и коротко.

Еще и еще...

Вздрогнули крылья ожившаго аппарата, и онъ загудѣлъ напряженно и весело.

Олехновичъ махнулъ рукой и поплылъ по лужайкѣ, мягко подскакивая на кочкахъ.

Вотъ онъ повисъ надъ землей, бросивъ опору, и круто забралъ сразу вверхъ, оставивъ внизу, на зеленой травѣ, только мутное облачко отработаннаго бензина.

Казакъ у опушки сдержалъ рванувшагося-было коня, задралъ голову кверху и раскрылъ ротъ.

— Новая дѣла!—промычалъ онъ обиженно. — Движенію имѣя увполнѣ, а въ крылахъ спокойствію соблюдая! Кубыть и впрямь съ винта ходя!

Милосердный врагъ. Французскіе солдаты угощаютъ нѣм пдѣнныхъ.

Солдаты прикрыли глаза безкозырками и жадно слѣдили за взлетомъ.

А аэропланъ все выше и выше всплывалъ въ голубое, спокойное небо, и гулъ отъ мотора тревожно и бодро сливался въ густыя, округлыя волны надъ притихнувшимъ лѣсомъ, залитымъ лучами веселаго свѣта.

Скоро на небѣ осталось одно только сѣрое пятно, да и то пропадало изъ виду, стоило только сморгнуть или отвести на минуту глаза въ сторону. И странно было подумать, глядя на мирно дымящуюся въ зеленой травѣ папиросу, что ее минуту тому назадъ держалъ въ рукѣ улетѣвшій поручикъ.

Генералъ сѣлъ на коня и отъѣхалъ тихонько къ опушкѣ, офицеры гуськомъ потянулись за нимъ, а солдаты разбились на кучки и тихо гудѣли, провожая глазами начальство.

Одинъ только казакъ на конѣ все стоялъ, словно вылитый, и его степные глаза слѣдили еще за далекой точкой, давно уже всѣми потерянной.

IV.

Уже двадцать минутъ офицеры безплодно глядѣли въ бинокли въ ту сторону, куда улетѣлъ Олехновичъ.

Всѣ знали, что эта развѣдка должна будетъ выяснить многое, о чемъ теперь только догадывались, и каждая лишняя минута казалась томительно-долгой. До сихъ поръ, день за днемъ, часъ за часомъ, продвигались впередъ опаслнво, ощупью, натыкаясь то тамъ, то здѣсь на одинокіе разъѣзды прусскихъ драгунъ; иногда наши головные отряды попадали подъ выстрѣлы нѣмецкой пѣхоты, отходили назадъ и снова пытались прорваться въ незнакомыя, чужія мѣста; порой удавалось поймать языка или снять небольшой зазѣвавшійся пикетъ,—но все это только указывало на непосредственную близость враждебнаго лагеря, и по обрывкамъ туманныхъ, порою разнорѣчивыхъ, несвязанныхъ свѣдѣній не было силъ выяснить размѣры и истинное положеніе частей непріятельской арміи. Такія частичныя соприкосновенія въ одной плоскости, укрытой лѣсами, изрѣзанной оврагами, богатой болотами и наполненной дѣятельнымъ, осторожнымъ противникомъ, могли повести къ ошибочнымъ выводамъ и во всякомъ случаѣ лишали увѣренности въ цѣлесообразности принятыхъ мѣръ. Возможность же воздушной развѣдки надъ лагеремъ близкаго непріятеля съ широкимъ, открытымъ кругозоромъ вносила опредѣленность въ дальнѣйшія дѣйствія, позволяла однимъ острымъ взглядомъ окинуть всю сложность чужихъ, ревниво скрываемыхъ, построеній и сдѣлать прямые и точные выводы.

Начальникъ отряда многаго ждалъ отъ этой развѣдки и не меньше другихъ волновался, щуря усталые, выцвѣтшіе глаза на пустое, бездонное небо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бой съ германскимъ бронированнымъ пулеметомъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Съ поля битвы.

Разсказъ **Л. Григорова.**

Въ домѣ Полуниныхъ невѣроятный переполохъ: изъ маленькаго городка П., завоеваннаго русскими войсками въ Галиціи, получена телеграмма:

„Раненъ но живъ здоровъ ѣду домой Петя“.

Телеграмма помѣчена шестымъ числомъ, а уже одиннадцатое, съ часу на часъ можетъ подкатить поѣздъ, и милый, славный Петя будетъ въ семейномъ кругу, всѣ услышатъ его голосъ, увидятъ его лицо... Боже мой, онъ живъ-здоровъ, его только ранили!..

Глава семьи, отставной полковникъ Владиміръ Сергѣевичъ, волнуется больше всѣхъ: онъ все потряхиваетъ сѣдой, какъ у кудесника, бородой и въ сотый разъ повторяетъ одни и тѣ же слова:

— Надо принять воина, надо принять... Господи, защитникъ отечества... Бился за честь и славу... Неустрашимо сражался съ врагомъ... Надо принять съ великими почестями поручика великой русской арміи Петра Полунина!..

— Да перестань ты, — перебиваетъ его жена Анна Николаевна.—Кто же говоритъ, что не надо принимать? Какой ты смѣшной, Володя... Какой ты... Ахъ, Петя, нашъ Петя!..

Она смѣется и плачетъ, бросается на грудь стараго полковника, заливаетъ его радостными слезами, бормочетъ что-то совсѣмъ непонятное. Полковникъ волнуется еще больше, но старается утѣшить старую подругу:

— Ну, зачѣмъ плакать? Что за вздоръ... Ахъ, что такое... Перестань...

Но у него у самого глаза покрываются влагой... Когда это съ нимъ бывало...

— Тьфу, ты, безобразіе!..

Слезы сверкаютъ и на глазахъ дочери Лиды, не помнитъ себя

отъ радости и пожилая кухарка Степанида. Только одинъ гимназистъ Степа не можетъ понять, что̀ такое особенное случилось, что въ домѣ все пошло кувыркомъ, все переполошилось... Онъ косится на всѣхъ и говоритъ, ни къ кому не обращаясь:

— Вотъ удивительные люди... Петя вамъ задастъ, когда пріѣдетъ. Онъ не любитъ, когда такое дѣлаютъ. Онъ настоящій вояка.

И Степа сохраняетъ на лицѣ серьезную мину. Въ глубинѣ души онъ страшно завидуетъ брату своему Петѣ, что вотъ тому удалось повоевать съ австрійцами и получить рану; въ городѣ теперь будутъ считать его героемъ... Всѣ будутъ смотрѣть на него съ уваженіемъ и со страхомъ. Онъ знаетъ, что̀ такое бомбы и пули, что̀ такое атака и штурмъ... Какъ это хорошо биться съ врагомъ, побѣдить его и возвратиться съ войны домой! Лицо обожжено порохомъ, грудь прострѣлена, голова забинтована, видны одни только глаза... Степѣ въ минуты такого раздумья была ненавистна его гимназическая курточка, но еще противнѣе было это возмутительное, ни на что негодное дѣтство... Приходилось только слышать, какъ бьются и отличаются другіе, приходилось только завидовать имъ...

Восторги, поливаемые слезами, длились въ домѣ очень долго, и никакихъ мѣръ къ принятію милаго Пети не принималось. Наконецъ старый полковникъ взялъ себя въ руки, принялъ позу начальствующаго, и по всему дому понеслись его приказы:

— Очистить совершенно Петину комнату отъ женскаго хлама! Приготовить постель, покрыть ее чистымъ, бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ! Все время провѣтривать комнату! Чтобы ни одной пылинки! Сколотить на всякій случай носилки, если въ автомобилѣ будетъ неудобно! Сообщить Михайлѣ Иванычу, чтобы онъ присутствовалъ при прибытіи поѣзда даже и тогда, если поѣздъ придетъ въ три часа ночи!

Приказы сыпались одинъ за другимъ, но самаго главнаго полковникъ не отдавалъ или считалъ его не столь важнымъ: въ сосѣднемъ городѣ К. въ лазаретѣ для раненыхъ воиновъ въ качествѣ сестры милосердія работала невѣста Пети, Наташа—и кого, какъ не ее, слѣдовало бы извѣстить о радостномъ событіи,—и объ этомъ позаботилась Лида. Она послала по телеграфу краткое сообщеніе:

„Пріѣзжай. Петя возвращается".

Поѣздъ съ раненымъ поручикомъ прибылъ утромъ. Докторъ Михайло Иванычъ едва поспѣлъ къ его приходу. Семейство Полуниныхъ въ сильномъ волненіи стояло на перронѣ. Степа съ отвращеніемъ поглядывалъ на носилки, застывшія въ четырехъ

Кощунство германцевъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Плѣнные германскіе офицеры и солдаты. Рисунокъ И. А. Владимірова.

крѣпкихъ рукахъ внезапно появившихся санитаровъ-добровольцевъ. За станціоннымъ зданіемъ величаво замеръ громадный новый автомобиль, взятый на прокатъ.

На площадкѣ вагона, опираясь на палку, показался блѣдный отъ волненія офицеръ. Онъ сразу увидѣлъ свою семью и улыбнулся широкой радостной улыбкой...

— Петя! Петечка! Милый!..

Докторъ Михайло Иванычъ съ серьезнымъ до чрезвычайности лицомъ рѣшительно приблизился къ вагону, вскочилъ на ступеньку, пожалъ поручику руку, внезапно обхватилъ его за талію и поставилъ на каменныя плиты перрона.

— Что̀ вы, что̀ вы, Михайло Иванычъ... Я могу самъ...—слабо проговорилъ раненый.

Мать первая бросилась къ нему на шею, пробормотавъ что-то никому непонятное. Лида въ одно мгновеніе прижалась къ его плечу, стала цѣловать помятую, сильно загрязненную, солдатскую шинель... Старый полковникъ стоялъ нѣсколько поодаль и ежесекундно кряхкалъ, кашлялъ, но въ концѣ концовъ не смогъ совладать съ собой, глаза его застлало словно туманомъ, и вдругъ онъ сорвался съ мѣста:

— Петрусь!.. Родной!.. Защитникъ!.. Честь и слава!.. Петя, Пе...!

А за отцомъ не выдержалъ и Степа. Онъ удивился только тому, что на братѣ не было ни единой повязки, и на лицѣ не замѣчалось и слѣдовъ вражескаго пороха...

Старый полковникъ первымъ пришелъ въ себя и посыпались его приказы:

— Носилки! Живо носилки! Михайло Иванычъ, сюда! Помочь надо!

Но Михайло Иванычъ былъ тутъ какъ тутъ, и носилки съ санитарами находились въ двухъ шагахъ. Все было готово. За станціоннымъ зданіемъ свирѣпо зачухкалъ, точно разсердился на всѣхъ, автомобиль.

— Папа, что̀ съ тобой?—слабо сказалъ раненый.—Какія тамъ носилки... Я пѣшкомъ могу дойти.

— Автомобиль!—скомандовалъ полковникъ.

— Ну, это другое дѣло,—согласился поручикъ.

Поддерживаемый отцомъ и Михайлой Иванычемъ, онъ тихо пошелъ къ выходу. Позади шли мать и сестра, а Степа заскочилъ впередъ и, быстро очутившись около автомобиля, съ большимъ интересомъ сталъ разглядывать переднюю часть его.

— Въ ногу, въ одну ногу раненъ?—спросилъ у сына старый полковникъ.—Въ одну ногу? Шрапнелью или пулей? А?

— Да, да, папа, въ одну ногу. Въ правую. Глупая пуля разо-

рвала какую-то тамъ жилку. Совсѣмъ чепуховая рана. Вздоръ. Ты, папа, и не спрашивай. Я такъ злюсь, что не могу ступать прямо. Не могу вотъ ногу эту выравнять... Чуть захочу, такъ больно дѣлается.

— Ничего, ничего, заживетъ, скоро заживетъ. У Евграфа Евграфыча въ японскую кампанію всѣ жилки подъ колѣнкой перервало—и ничего, ходитъ и будетъ ходить... молодцомъ!

— Ну, конечно, все пустяки, папа, я тоже буду еще молодцомъ.

Подошли къ автомобилю. Старый полковникъ засуетился, но раненый обернулся къ дамамъ и, слабо улыбаясь, сказалъ:

— Пусть, папа, раньше дамы сядутъ.

— Что ты, что ты, Петенька!—воскликнула Анна Николаевна.—Какія тамъ дамы... Садись прежде самъ, какъ тебѣ будетъ поудобнѣе. Да, что жъ ты смотришь, Володя!.. Ну, сажай его, голубчика. Михайло Иванычъ, да помогите же...

Михайло Иванычъ, ни слова не говоря, поднялъ поручика крѣпкими руками и бережно усадилъ на мягкое сидѣнье.

— Мамочка, садись рядомъ со мной.

Михайло Иванычъ помогъ и Аннѣ Николаевнѣ, усадилъ и Лиду. Вскочилъ въ автомобиль и Степа. Лицо его горѣло восторгомъ,— онъ страшно любилъ ѣзду на автомобилѣ.

— Ну, и поѣзжайте,— сказалъ полковникъ.—А мы съ Михайлой Иванычемъ на извозчикѣ доберемся.

Еще свирѣпѣе зачухкалъ автомобиль („какъ пропеллеръ". — пронеслось въ головѣ Степы), подергался сначала на мѣстѣ, потомъ двинулся и скоро исчезъ, повернувъ за уголъ улицы.

— Заживетъ... Жилка заживетъ... бормоталъ старый полковникъ, садясь съ докторомъ въ экипажъ.—Надо благодарить Бога... Помиловалъ... Господь-Вседержитель... На васъ всѣ надежды, Михайло Иванычъ. Вы должны привести ногу въ соотвѣтствующее положеніе. Должны приложить всѣ свои знанія. Насталъ и вашъ черёдъ.

Михайло Иванычъ послѣ каждой фразы полковника кивалъ головой и, когда тотъ умолкъ, серьезно и убѣжденно проговорилъ:

— Непремѣнно вылѣчимъ. Непремѣнно.

— Ну, разсказывай, расказывай, какъ ты былъ раненъ,—сказалъ старый полковникъ, когда всѣ очутились въ столовой за завтракомъ.

Тутъ былъ и Михайло Иванычъ. Онъ уже внимательно освидѣтельствовалъ раненую ногу поручика и нашелъ, что „все пустяки, и черезъ недѣлю или двѣ нога будетъ здоровой". Нѣсколько паръ глазъ жадно впилось въ воина, а онъ сидѣлъ смущенный, недоумѣвающій. То, что приключилось, казалось ему пустякомъ, не заслуживающимъ никакого вниманія, говорить даже объ этомъ не хотѣлось,—но семья насторожилась и ждала интересныхъ подробностей, и нужно было разсказывать.

— Это сущіе пустяки, папа... началъ онъ и оборвалъ.

— Ну, не скромничай, Петрусь, не прикидывайся ужъ такимъ неслыханнымъ героемъ. Разскажи все по порядку, а мы послушаемъ. Налей-ка, Анна, ему еще чайку.

— Цеппелинъ въ васъ бомбы бросалъ? вдругъ спросилъ Степа.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бросалъ,—улыбнулся поручикъ.—У австрійцевъ, кажется, нѣтъ цеппелиновъ.

— А аэропланы летали?

— Аэроплановъ сколько хочешь было.

— А не страшно?

— Ничуть. Напротивъ, даже интересно смотрѣть было. Два аэроплана мы, какъ птицъ, подстрѣлили, такъ и брякнулись на землю.

— И разбились?

— Конечно. И съ нашей стороны тоже летали. Всѣ благополучно возвращались. Я самъ одинъ разъ поднимался, развѣдку дѣлалъ. Ахъ, какъ чудно глядѣть сверху, а какъ посмотришь еще въ бинокль, то все видно, какъ на ладони. Каждаго солдата въ отдѣльности видишь, каждое движеніе видишь,—только ничего не слышно: пропеллеръ шумитъ, какъ бѣшеный. Мнѣ запомнился паръ, который валилъ отъ полевой кухни, и солдатъ, усердно мѣшавшій что-то въ котлѣ, должно-быть, кашу. Аэропланъ мчится, какъ угорѣлый, а ты сидишь и наблюдаешь, силы непріятельскія считаешь. И вдругъ—какъ тряхнетъ, какъ рванетъ, какъ шарахнетъ... Это, значитъ, бомба вражеская пролетѣла близко, дала промахъ. Аэропланъ получилъ легкую контузію. Чуть не перекувырнулся.

— Страшно?—замирающимъ голосомъ спросилъ Степа.

— Не страшно, а крайне непріятно. Хуже всякаго землетрясенія. А потомъ, когда еще нѣсколько разъ рвануло, то будто и ничего, привыкаешь какъ будто и къ этому. Ахъ, на войнѣ очень быстро ко всему привыкаешь. Въ началѣ битвы, первой битвы, какъ-то не по себѣ. Пока еще нѣтъ выстрѣловъ, то жутко, такъ жутко, что кажется, не выдержишь. А только началось... упалъ одинъ, другой, третій—все проходитъ. На убитыхъ смотришь вотъ точно такъ, какъ на листья, упавшіе съ дерева. Послѣ одного боя я бродилъ среди труповъ, смотрѣлъ и совсѣмъ не думалъ о нихъ, а думалъ о томъ, что у васъ тутъ дѣлается, какъ вы тутъ поживаете, что подѣлываете. Вотъ такъ чайку хотѣлось попить съ вами, поболтать... И къ грохоту орудій скоро привыкаешь. Бывало такъ: непріятель палитъ въ насъ издалека, а ты усталъ, ну, сорокъ восемь часовъ былъ на ногахъ, нужно хоть немного отдохнуть,—спрячешься за какой-нибудь холмикъ и прикурнешь какъ ни въ чемъ не бывало и спишь, какъ убитый, подъ выстрѣлы.

— А если бъ австрійская бомба прилетѣла? — встревоженно спросилъ Степа.

— Богъ миловалъ...—тихо проговорила Анна Николаевна.

— Ну, поспалъ часъ-другой, — продолжалъ поручикъ: — проснулся, и опять за работу. Долго мы не застаивались на одномъ мѣстѣ, все наступали и наступали. Передвигались очень быстро, и австрійцамъ отъ насъ не было отдыха. Атакъ на нихъ мы устраивали безчисленное множество, и вотъ въ одной схваткѣ они и подстрѣлили меня. Я не упалъ сразу, а еще минутъ двадцать бѣжалъ съ подстрѣленной ногой. Подъемъ былъ необыкновенный,—и оторви они мнѣ совсѣмъ ногу, я поскакалъ бы впередъ, кажется, на одной ногѣ. Совершенно забываешь объ опасности и къ пулямъ испытываешь такое же чувство, какъ къ мухамъ... Потомъ, когда меня привезли въ лазаретъ, я пережилъ что-то очень непріятное. Напала такая меланхолія, что радъ себѣ не былъ. И странно: стало страшно, и начали мерещиться передъ глазами видѣнныя картины. То одна рука, сжатая въ кулакъ, то оторванный палецъ будто грозитъ тебѣ, то въ ушахъ загудитъ такъ, словно стонетъ надъ головой тысяча безумныхъ. Ты слышишь свирѣпый грохотъ или трескъ пулеметовъ, и хочется вскочить на ноги и мчаться куда-то... Или еще такое покажется, чего на самомъ дѣлѣ и не было, а можетъ, и было, но не помнишь. И страшно, очень страшно...

Поручикъ умолкъ. И всѣ молчали. Степа горящими глазами пожиралъ брата. Сердце его колотилось и замирало. Лицо поблѣднѣло, и чуть шевелились губы.

— А въ лазаретъ не стрѣляли? глухо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не стрѣляли,—отвѣтилъ поручикъ.—Если бъ стрѣляли, то, быть-можетъ, ничего и не мерещилось бы. Тишина была въ лазаретѣ, кто-нибудь постонетъ, постонетъ— и тишина. Сестры въ свѣтломъ, какъ ангелы, ухаживаютъ, и эти сестры послѣ пушекъ тоже какъ-то пугаютъ, одолѣваетъ какой-то мистическій страхъ, точно на тотъ свѣтъ попалъ. Видишь нѣжныя руки, добрыя лица, ласковые глаза, чувствуешь тепло, уютъ—и не вѣришь, что это на землѣ, что это все живое, настоящее... Смертная тоска охватываетъ, хочется убѣжать на поле битвы, хочется грохота, криковъ, треска... Это, вѣроятно, оттого, что я цѣлый мѣсяцъ провелъ на поляхъ, цѣлый мѣсяцъ слышалъ грохотъ, вой ядеръ, визжаніе пуль. И меня долго поражала тишина, свѣтлыя, ласковыя лица сестеръ. А однажды я не выдержалъ... сорвался съ койки, бросился къ выходу... Меня схватили и опять уложили. Повредилъ что-то въ ногѣ. А потомъ... ничего, прошло. Привыкъ къ тишинѣ, съ радостью по утрамъ встрѣчалъ свою сестру, цѣловалъ ея руку и, странно—думалъ о томъ, что...

Поручикъ не договорилъ. Рѣзкій электрическій звонокъ прервалъ его.

— Это—Наташа! Я чувствую! воскликнула Лида и бросилась къ дверямъ.

— Наташа...—тихо пробормоталъ раненый.

Черезъ нѣсколько мгновеній въ столовую вошла стройная дѣвушка съ симпатичнымъ лицомъ въ формѣ сестры милосердія. Она окинула взглядомъ комнату и остановила глаза на поручикѣ. Онъ поднялся, но она быстро обошла столъ и приблизилась къ нему:

— Петя!..

— Наташа!..

Они поцѣловались. Мать не могла не всплакнуть, глядя на эту встрѣчу, старый полковникъ сталъ кряхкать, Лида полѣзла въ карманъ за платочкомъ, а Степа былъ безучастенъ. Онъ задумался о томъ, почему это на самой войнѣ не страшно, а послѣ войны, въ лазаретѣ, нападаетъ страхъ?.. Это что-то совсѣмъ непонятное. Вѣдь и на войну ему хочется пойти только потому, что тамъ страшно, что каждую минуту придется замирать отъ ужаса и приводить въ еще большій ужасъ непріятеля, чтобы волосы у него постоянно стояли дыбомъ, глаза были навыкатѣ, какъ дурные, ноги коченѣли и дѣлались, какъ чурбаны... А въ лазаретѣ... Вотъ ерунда...

Бесѣда въ столовой продолжалась еще очень долго... Много интереснаго услышала семья...

Раненый поручикъ потомъ часто прогуливался по улицамъ города. Опираясь на палку, онъ тихо шагалъ по тротуарамъ въ сопровожденіи маленькаго гимназиста.

— Мнѣ больно ходить, — говорилъ поручикъ гимназисту: — но мнѣ хочется выпрямить понемногу свою ногу. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы она застыла въ согнутомъ положеніи.

Встрѣчавшіеся обыватели съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли на раненаго воина. Нѣкоторые снимали передъ нимъ свои шляпы. А одинъ, загородивъ дорогу, попросилъ у поручика позволенія пожать ему руку.

— Вы за всѣхъ насъ бились...—проговорилъ еще этотъ обыватель.—За всѣхъ...

Раненый сильно смутился, покраснѣлъ, но горячо пожалъ протянутую руку. Боже мой, онъ ровно ничего не сдѣлалъ! Онъ не знаетъ, за что его благодарятъ...

Степа замиралъ, глядя на брата...

Лодзь.

(Изъ дневника военнаго корреспондента).

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

Тяжкую участь жизнерадостнаго, чистенькаго, нарядалго Калиша, превращеннаго въ жалкія руины, раздѣлили и нѣкоторые уѣздные города, въ томъ числѣ и Ченстоховъ, нѣмецкій гарнизонъ котораго словно соперничалъ въ грабежахъ, безобразіяхъ и жестокостяхъ съ вторгнувшейся въ Калишъ ордою майора Прейскера.

Приближеніе русскаго отряда обратило храбрыхъ завоевателей въ постыдное бѣгство. И это, вѣрнѣе сказать, было даже не приближеніе нашего отряда, а скорѣе его призракъ, уже дополненный и расцвѣченный пугливой фантазіей нѣмцевъ. Но объ этомъ мы скажемъ потомъ.

Деньги въ Лодзи. Банковый «бонъ» въ 50 копеекъ, по которому сумма будетъ уплачена «черезъ три мѣсяца послѣ подписанія договора о мирѣ». Боны эти были выпущены мѣстными банками на милліонъ рублей на мелкія суммы въ 1 р., 50 к. и 20 к., въ виду отсутствія размѣнной монеты въ городѣ, подвергшемся захвату нѣмцевъ.

Сидя въ Варшавѣ, я зналъ, что пруссаки не оставили въ Лодзи никакихъ вещественныхъ воспоминаній о своемъ посѣщеніи. Но все же меня потянуло въ Лодзь. Меня интересовало другое, Интересовало отношеніе лодзинскихъ нѣмцевъ-фабрикантовъ къ своимъ воюющимъ сородичамъ. Любопытно было провѣрить всѣ эти разсказы на мѣстѣ.

И вотъ я поѣхалъ въ Лодзь, находящуюся отъ Варшавы въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды.

Этотъ громадный, съ полумилліоннымъ населеніемъ, фабричный центръ въ силу событій оказался на нѣкоторое время отрѣзаннымъ отъ имперіи въ смыслѣ телеграфнаго и почтоваго сообщенія. По распоряженію высшихъ властей, покинувшимъ Лодзь чинамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства передъ вступленіемъ пруссаковъ было велѣно испортить всѣ аппараты и закрыть почту.

Лодзь — городъ чисто-американскаго типа; не развивавшійся медленно, постепенно, исторически, а создавшійся скоро и спѣшно по причинамъ характера экономическаго. Онъ застраивался лихорадочно быстро, и не успѣли еще прорѣзаться ровные правильные кварталы и длинныя улицы, прямыя, словно по линейкѣ, какъ уже повсюду выростали изъ-подъ земли многоэтажные дома.

И еще стремительнѣе, опережая дома, выростали громадные фабрики и заводы. Все это по преимуществу нѣмецкое. Среди сотенъ лодзинскихъ фабрикъ польскія и еврейскія являются лишь исключеніемъ. Вся промышленность, по крайней мѣрѣ созидательная, обрабатывающая, въ рукахъ нѣмцевъ, частью русскихъ подданныхъ, частью же германскихъ. Но и тѣ и другіе одинаково обращаютъ свои взоры на западъ, одинаково радѣютъ своему фатерланду.

Взаимоотношеніе между этими фабрикантами и германскимъ правительствомъ — самое тѣсное. Дѣйствительность показала совершенно противоположное. Ни смутъ, ни броженій, ни революцій, а наоборотъ—общее единодушіе, спаянное искреннимъ, дружнымъ и горячимъ желаніемъ бороться всѣми силами противъ нашествія германскихъ варваровъ.

Поляки совсѣмъ не оправдали надеждъ. Они успѣли проявить и проявляютъ съ каждымъ днемъ преданность Россіи и своему Государю, а нѣмецкое нашествіе встрѣчаютъ съ поголовной ненавистью.

Достойно вниманія возникновеніе въ Лодзи многихъ нѣмецкихъ предпріятій. Всѣ они создались на средства государственнаго казначейства въ Берлинѣ. Правительство намѣчало среди своихъ нѣмцевъ наиболѣе способныхъ и смышленыхъ піонеровъ, имъ отпускали ту или другую кругленькую сумму съ напутствіемъ:

— Идите, селитесь, размножайтесь, богатѣйте и оповѣщайте насъ обо всемъ, что будете видѣть, слышать и узнавать!..

Такимъ образомъ въ гигантскихъ фабрикахъ, кирпично-краснымъ каменнымъ кольцомъ окружившихъ Лодзь, создавались цѣлые планы и заговоры.

Поучителенъ въ данномъ случаѣ примѣръ бельгійскаго Антверпена. Въ одномъ изъ большихъ домовъ наканунѣ объявленія войны обнаруженъ былъ мѣстной жандармеріей цѣлый секретный вещевой складъ. Нашли полное нѣмецкое обмундированіе для двухъ тысячъ солдатъ. Каски, шинели, мундиры, винтовки. Въ Антверпенѣ проживало нѣсколько тысячъ германскихъ запасныхъ солдатъ и офицеровъ. Было рѣшено между ними, что въ моментъ подхода германскихъ войскъ къ Антверпену всѣ нѣмцы со скоростью трансформаторовъ переодѣнутся въ военное и займутъ городъ изнутри. Довольно вѣренъ былъ психологическій расчетъ на панику среди антверпенцевъ, но коварный замыселъ не удался, къ счастью, для нашихъ союзниковъ. Всѣ запасные были предусмотрительно арестованы, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ жандармы нашли заботливо приготовленную и спрятанную обмундировку.

Но не будемъ гадать о томъ, что могло бы случиться, а взглянемъ на то, что уже имѣется подъ руками въ качествѣ обвинительнаго матеріала. Еще до появленія въ городѣ пруссаковъ лодзинскіе нѣмцы занялись подготовленіемъ почвы.

Слишкомъ осторожные для личныхъ выступленій, фабриканты дѣйствовали черезъ своихъ агентовъ—комми-вояжеровъ, механиковъ, старшихъ мастеровъ и служащихъ въ конторахъ.

Агенты, оглядываясь съ опаскою, говорили на улицахъ, въ кинематографахъ, парикмахерскихъ, въ уголкахъ ресторановъ:

„Бронированный нѣмецкій кулакъ разгромитъ Россію,—въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Всякое сопротивленіе безполезно и только ухудшитъ положеніе побѣжденныхъ. Нѣмцы несутъ съ собою всѣ блага культуры, государственности, просвѣщенія и свободы. Одна изъ главныхъ задачъ Германіи — возродить былую Польшу. Насколько правительство озабочено польскимъ вопросомъ, это видно изъ того, что въ Берлинѣ уже поднимался вопросъ о будущей коронѣ. По всей вѣроятности, возложитъ на себя польскую корону сынъ императора Вильгельма принцъ Іоахимъ... Вотъ почему надо встрѣтить нѣмцевъ съ покорностью и окружить ихъ заботливымъ вниманіемъ..."

Лодзь. „Старый рынокъ", гдѣ была продажа конфискованныхъ у нѣмцевъ каретъ, экипажей и фургоновъ.

Такъ сладко пѣли нѣмецкіе агенты. Но имъ никто не вѣрилъ, ни одному слову. Во-первыхъ, отношеніе Вильгельма къ полякамъ было хорошо извѣстно по неслыханнымъ притѣсненіямъ, жестокостямъ и репрессіямъ въ Познани, а во-вторыхъ, медовыя рѣчи шпіоновъ запоздали. Во время этихъ агитаціонныхъ соблазновъ Прейскеръ въ Калишѣ уже успѣлъ сверкнуть всѣми цвѣтами радуги „нѣмецкой культуры и государственности". Уже Ка-

Лодзь. Фабричный пейзажъ

лишь пылалъ весь въ пламени, уже грохотали орудія, разстрѣливавшія мирные дома обывателей, а улицы были покрыты изуродованными трупами несчастныхъ жертвъ.

И когда нѣмцы вступили въ Лодзь, весь городъ встрѣтилъ ихъ со сдержанной молчаливой враждебностью.

Къ вечеру улица на большомъ пространствѣ усѣяна была хранѣвшими нѣмцами, и получилось впечатлѣніе не регулярнаго отряда, занявшаго непріятельскій городъ, а пьяной орды голодныхъ дикарей, которые нѣсколько дней ничего не ѣли и дорвались наконецъ до мяса и безплатнаго пива, которымъ насасываться можно было до потери образа человѣческаго...

А польское населеніе мрачно, запершись у себя по домамъ, съ тревогою думало, что-то будетъ дальше? На основаніи поучительнаго калишскаго примѣра, оно могло ожидать послѣ этого относительно спокойнаго пролога болѣе энергичныхъ дѣйствій, а именно грабежей и убійствъ.

Но ни грабить ни убивать, по крайней мѣрѣ здѣсь и сейчасъ, нѣмцы не имѣли времени, преслѣдуя какую-то, имъ однимъ извѣстную, стратегическую задачу. На слѣдующій день проспавшіеся и съ опухшими отъ пьянства физіономіями двинулись они къ востоку отъ Лодзи въ составѣ эскадрона конницы и батальона пѣхоты.

За Лодзью кавалерія и пѣхота отдѣлились другъ отъ друга, направившись разными путями.

По дорогѣ батальонъ всячески старался вывѣдать у сельскихъ жителей, нѣтъ ли поблизости русскихъ войскъ. Смѣшное недоразумѣніе явилось поводомъ къ тому, что нѣмцы поспѣшно отступили изъ Лодзи. Вѣрнѣе, это было трусливое, безпорядочное бѣгство.

Въ своемъ наступательномъ движеніи они встрѣтили старыхъ бабъ. И обратились къ нимъ съ тѣмъ же вопросомъ, съ которымъ обращались ко всякому прохожему:

— Нѣтъ ли поблизости казаковъ?

Бабы поняли это по-своему. Онѣ менѣе всего думали о казакахъ, наводящихъ на нѣмцевъ такую панику. Польское простонародье называетъ „казаками" бѣлые грибы. И бабы отвѣтили съ полной добросовѣстностью:

— Казаковъ много—вотъ въ этомъ сосѣднемъ лѣсу. И все такіе крупные, красноголовые. У каждаго дерева чуть ли не сотня!..

Можно представить себѣ испугъ нѣмцевъ:

„Мало того, что много казаковъ, но ко всему этому еще отборный народъ, человѣкъ къ человѣку, очевидно, гвардія, и у нихъ красноверхія шапки"...

Нѣмцы давай Богъ ноги. Бросились назадъ въ село, которое только-что миновали. Торопя угрозами и побоями, они выгнали изъ хатъ все мужское населеніе, требовали скорѣе запрягать возы. Кое-какъ, разсѣвшись вповалку вмѣстѣ съ офицерами, пруссаки велѣли гнать что есть духу.

Батальонъ превратился въ „ѣздящую пѣхоту". Но ѣздившую не для того, чтобы скорѣе попасть на позиціи, а чтобы унести свои головы отъ страшныхъ казаковъ въ красныхъ шапкахъ.

Вся эта кавалькада на возахъ съ грохотомъ промчалась по лодзинскимъ улицамъ, на которыхъ они два дня назадъ такъ весело пировали.

Крайне характеренъ для нѣмцевъ финалъ этого бѣгства. Они оказались не только трусами, но и гнусными грабителями.

Когда призракъ опасности очутиться въ страшныхъ казацкихъ лапахъ разсѣялся, и они докатились на мужицкихъ возахъ подъ защиту своего главнаго отряда, стоявшаго на границѣ, нѣмцы поспѣшили „конфисковать" у своихъ спасителей и лошадей и возы. А когда „спасители" пытались вступиться за свою собственность, ихъ безпощадно избивали. И вернулись мужики въ свое село съ пустыми руками и, въ довершеніе всего, въ синякахъ и въ крови...

Такова картина кратковременнаго пребыванія нѣмцевъ въ Лодзи и ея окрестностяхъ.

Картина, что и говорить, въ достаточной степени отвратительная, но въ сравненіи съ калишскими и ченстоховскими „дѣйствами" пруссаковъ она производитъ впечатлѣніе положительной пасторали.

Изъ этого вовсе однако не слѣдуетъ, что нѣмцы, посѣтившіе Лодзь, гуманнѣе и человѣчнѣе своихъ товарищей, засѣвшихъ въ двухъ упомянутыхъ городахъ. А просто имъ не было времени какъ слѣдуетъ развернуться. И если бы не бабы, сообщившія о казакахъ въ сосѣднемъ лѣсу, неизвѣстно, во что превратили бы нѣмцы и всю богатую Лодзь и весь уѣздъ.

Лодзинскій полицмейстеръ, капитанъ Чесноковъ, отмѣчая безупречное поведеніе мѣстныхъ поляковъ, въ бесѣдѣ со мною дополнилъ и безъ того опредѣленно сложившуюся характеристику нѣмецкихъ фабрикантовъ.

Какъ мы уже говорили, среди фабрикантовъ имѣлись и германскіе подданные. Одни задержаны и отправлены вглубь страны, другіе, болѣе ловкіе и дальновидные, успѣли уѣхать на родину въ самомъ началѣ мобилизаціи. Самый крупный суконщикъ Леонардъ, по словамъ капитана Чеснокова, исчезъ при условіяхъ, довольно загадочныхъ. Фабрика Леонарда этотъ цѣлый городъ главныхъ корпусовъ, флигелей и особнячковъ, разбросанныхъ въ паркѣ, обнесенномъ высокой каменной стѣной, бездѣйствуетъ. Тихо, пустынно, не дымится трубы.

Впрочемъ, теперь всѣ лодзинскія фабрики бездѣйствуютъ.

Споконъ вѣку сотни лодзинскихъ заводовъ и фабрикъ снабжались каменнымъ углемъ изъ сосѣдняго Домбровскаго округа. Но весь запасъ этого угля частью вывезенъ нѣмцами въ Пруссію, частью охраняется до поры до времени сидящими тамъ непріятельскими отрядами.

Лодзи съ ея двухсоттысячной арміей рабочихъ грозилъ настоящій физическій голодъ. Тогда группа мѣстныхъ банкировъ выпустила „собственныя" бумажныя деньги, такъ называемые „боны", въ 20 к., 50 к. и 1 рубль (см. стр. 793).

Въ этомъ краѣ боны выпущены были единственный разъ въ 1863 году, во время польскаго возстанія. Боны дѣйствительны какъ въ самой Лодзи, такъ и во всемъ уѣздѣ. Въ ресторанахъ и магазинахъ я получалъ бонами сдачу и самъ расплачивался бонами.

Повсемѣстная конфискація въ Россіи „средствъ передвиженія" у германскихъ и австрійскихъ подданныхъ не могла не коснуться и Лодзи, гдѣ такъ много подданныхъ этихъ обѣихъ воюющихъ съ нами странъ. Я видѣлъ на площади „Стараго рынка" множество экипажей, каретъ, колясокъ, фургоновъ и бричекъ, выставленныхъ для продажи съ публичныхъ торговъ. Все это — бывшая собственность лодзинскихъ фабрикантовъ, представляющая въ общемъ полумилліонную стоимость.

Лодзь — классическій городъ бандитовъ. Не проходитъ ночи и даже дня безъ нѣсколькихъ убійствъ и крупныхъ грабежей. Мѣстная полиція при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу по малочисленности своего штата не можетъ справиться съ этой чудовищной арміей убійцъ, мошенниковъ и воровъ, приблизительно равняющейся сорока тысячамъ. Нѣкоторые лодзинскіе бандиты прославились на всю Россію, соперничая кровавой популярностью своей со знаменитою въ свое время въ Парижѣ шайкою Гарро. Особенно отличался нѣкій Рихардъ Вильгельмъ Фремель. Даже среди лодзинскихъ бандитовъ этотъ негодяй, провокаторъ, убійца и подкалыватель былъ на дурномъ счету. Водиться съ нимъ бандиты считали для себя дурнымъ тономъ. Преслѣдуемый полиціей, онъ вынужденъ былъ покинуть Лодзь, уѣхалъ на родину и жилъ подъ Берлиномъ въ Шарлоттенбургѣ.

Вспыхнула война, и этотъ разбойникъ и поджигатель поступилъ волонтеромъ въ прусскую армію и вмѣстѣ съ нею двинулся въ Россію за „воинскими лаврами".

Многіе калишане, которымъ часто приходилось ѣздить по дѣламъ въ сосѣднюю Лодзь, знали хорошо Фремеля. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли этого гонимаго русской полиціей преступника уже въ военной формѣ и бокъ-о-бокъ съ майоромъ Прейскеромъ. Всюду въ Калишѣ эти двѣ темныя личности появлялись вмѣстѣ, и, видимо, связывала ихъ самая тѣсная дружба. Есть основаніе думать, что на многія жестокости и звѣрства Прейскера вдохновлялъ Фремель, этотъ профессіональный палачъ и злодѣй-мучитель.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В ... чо

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 42 г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Соорняка", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 18 октября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 20.

Вѣсти съ войны. Рисунокъ Н. Богданова-Бѣльскаго.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 20".

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Германскія войска, находившіяся на путяхъ къ Варшавѣ, въ районѣ къ сѣверу отъ рѣки Пилицы, отброшены и находятся въ полномъ отступленіи. Раненые ихъ оставлены на мѣстахъ боевъ. Заранѣе подготовленныя укрѣпленныя позиціи брошены. Наши войска энергично наступаютъ по всему фронту. На лѣвомъ берегу Вислы, южнѣе Пилицы, въ районѣ до Сандоміра, противникъ еще держится. Наши войска, доблестно удерживавшія въ теченіе 8 дней районъ у Козеницъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности, подъ огнемъ тяжелой артиллеріи, 7 октября одержали значительные успѣхи, и положеніе ихъ на лѣвомъ берегу Вислы въ настоящее время закрѣплено.

На Санѣ, ниже Перемышля, попытки австрійцевъ перейти рѣку остановлены, и мы переходимъ въ наступленіе. Въ районѣ къ югу отъ Перемышля обнаружены части почти всѣхъ уже разбитыхъ въ галицкихъ бояхъ австрійскихъ корпусовъ. Здѣсь наши закаленныя въ побѣдахъ войска энергичными ударами рушатъ натискъ непріятельскихъ массъ.

Въ Восточной Пруссіи безъ значительныхъ перемѣнъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время мы находимся въ соприкосновеніи съ непріятелемъ на фронтѣ свыше 400 верстъ, отъ нижней Бзуры до предгорій Карпатъ. Это положеніе является результатомъ маневра, предпринятаго нами послѣ галицкихъ боевъ. Разбивъ австро-венгерскія Австріи и такимъ образомъ обезпечивъ со стороны Галиціи основную нашу операцію, направленную противъ германцевъ, мы имѣли въ виду соотвѣтственнымъ образомъ сосредоточить наши арміи для развитія нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Вислы. Это рѣшеніе совпало по времени съ полученіемъ опредѣленныхъ данныхъ о развертываніи большихъ германскихъ силъ на фронтѣ Калишъ—Ченстоховъ—Олькушъ и о переходѣ ихъ въ наступленіе. Наступленіе германцевъ было начато съ большой стремительностью, поэтому въ интересахъ безопасности операціи нами рѣшено было развернуть намѣченныя силы на правомъ берегу Вислы, прикрывая это сложное движеніе со стороны противника кавалерійскими массами, поддержанными пѣхотными отрядами.

Генералъ-отъ-инфантеріи П. А. Лечицкій, Высочайше награжденный Георгіевскимъ оружіемъ, брильянтами украшеннымъ, за бои съ 21 августа по 10 сентября с. г.

При выполненіи этого сложнаго маневра отъ нѣкоторыхъ корпусовъ потребовалось прохожденіе до 200 верстъ. Марши пришлось совершать подъ непрерывнымъ дождемъ въ осеннюю распутицу, когда вода въ рѣкахъ сильно поднялась, а долины ихъ превратились въ болота. Проявивъ обычную выносливость и энергію, наши войска къ началу октября заняли новое исходное положеніе. Къ этому времени нѣмцы, продолжая свое наступленіе, успѣли подойти къ средней Вислѣ и, увлекая за собой къ сѣверу часть австрійцевъ, прочно заняли ея лѣвый берегъ и приблизились къ району укрѣпленій Варшавы. Въ занятомъ расположеніи нашъ противникъ укрѣпился и выставилъ многочисленную артиллерію.

Съ 30 сентября наши войска перешли въ наступленіе въ районѣ Варшавы и Козеницъ, стремясь постепенно расширить плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы и вводя въ бой новыя силы, прибывавшія по желѣзнымъ дорогамъ. Главное сопротивленіе германцы оказали на линіи Блоне—Пясечно, откуда 4 и 5 октября переходили въ энергичныя, но безуспѣшныя контръ-атаки.

Обойденная конницей въ направленіи Сохачевъ—Ловичъ, охваченная съ лѣваго фланга отъ Новогеоргіевска и нижней Бзуры, угрожаемая съ праваго фланга переправой нашихъ войскъ черезъ Вислу въ районѣ Гура—Кальварія, германская армія, послѣ семидневныхъ боевъ подъ Варшавой, въ ночь на 7-е октября начала очищать свои позиціи, укрѣпленныя чрезвычайно тщательно.

Наши войска, какъ уже отмѣчено, нынѣ наступаютъ на широкомъ фронтѣ, преодолѣвая сопротивленіе германскихъ арьергардовъ, выбивая ихъ штыками изъ лѣсовъ и селеній и забирая плѣнныхъ.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Россія пережила тяжелую недѣлю напряженныхъ ожиданій. И по частнымъ слухамъ, расходящимся невѣдомыми путями, какъ безпроволочныя телеграммы, и по краткимъ извѣщеніямъ Штаба Верховнаго Главнокодандующаго всѣ знали, что австро-германскія войска начали наступленіе по всему фронту, отъ Карпатъ до Сандоміра и отъ Сандоміра до Варшавы и Ивангорода. И Галиція, и юго-западная Польша, и Восточная Пруссія представляютъ собою одинъ грандіозный театръ военныхъ дѣйствій. На необозримомъ полѣ брани сошлись милліонныя арміи, чтобы помѣряться силами въ рѣшительной битвѣ. Въ чью сторону повернется капризное военное счастье? Кто одолѣетъ въ послѣднемъ бою?—эти вопросы не могли не волновать милліоны трепетныхъ русскихъ сердецъ. Мы вѣрили въ свою побѣду и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ожидали офиціальнаго увѣдомленія, что мы дѣйствительно побѣждаемъ.

Мы по опыту знаемъ, что Верховный Главнокомандующій радуетъ Россію не словами, а дѣлами. Его сообщенія, въ отличіе отъ германскихъ хвастливыхъ реляцій о несуществующихъ побѣдахъ, отличаются удивительной скромностью и спартанскимъ лаконизмомъ. И вотъ теперь мы знаемъ, что какъ наступленіе на Нѣманъ и Осовецъ, такъ и грандіозное наступленіе на Варшаву, Ивангородъ, среднюю Вислу и р. Санъ оказались отбитыми, притомъ съ огромными потерями для наступающихъ. При прогулкѣ къ Нѣману 250-тысячная нѣмецкая армія потеряла 40% своего состава, т.-е. около 100.000 человѣкъ. Во что обошлась прогулка полуторамилліонной австро-германской арміи къ Вислѣ и Сану—подсчитаютъ нѣмцы въ томъ счетѣ, который они подадутъ Вильгельму при окончательной ликвидаціи затѣяннаго имъ обще-европейскаго кровопролитія. Во всякомъ случаѣ привислинское кровопусканіе ослабляетъ силу австро-германской арміи и подрываетъ шансы на какой-либо крупный успѣхъ въ будущемъ. Ослабленные полки, подавленные неудачами и потерями, переходя отъ наступленія къ оборонѣ, утрачиваютъ уже способность къ активнымъ дѣйствіямъ.

Привислинскіе бои окончательно выяснили перевѣсъ русскихъ силъ надъ нѣмецкими. Непосвященное въ тайны военнаго искусства общество часто выражаетъ недоумѣніе: почему мы, располагая крупнымъ преимуществомъ въ полевой борьбѣ, все-таки отступали передъ непріятелемъ до самой Вислы, дали ему возможность разорить пройденный край и не уничтожили врага на самой границѣ при первой же попыткѣ вступить на русскую землю? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ высшей степени простъ: генеральное сраженіе всегда нужно принимать въ условіяхъ, наиболѣе не-

благопріятныхъ для противника. При сраженіи на границахъ онъ имѣлъ бы позади себя прекрасно оборудованную сѣть шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, которая помогала бы ему перебрасывать войска въ пункты наибольшаго тактическаго сосредоточенія, тогда какъ мы вынуждены были бы опираться на сравнительно бездорожный тылъ. Подойдя же къ Варшавѣ, наоборотъ, непріятель очутился съ бездорожнымъ тыломъ, мы же опирались на сравнительно болѣе лучшую сѣть стратегическихъ линій, соединяющихъ Вислу съ центромъ Россіи. Вотъ почему главныя наши силы были заранѣе сосредоточены на Вислѣ, и только слабыя, болѣе подвижныя, преимущественно кавалерійскія, части были выдвинуты къ границѣ. Это дало намъ возможность нанести истощеннымъ походомъ нѣмецкимъ полчищамъ рѣшительный ударъ заранѣе сосредоточенными за линіи свѣжими полками и отбросить непріятеля назадъ. Всю глубину стратегическаго маневра нашего Верховнаго Главнокомандующаго оцѣнятъ только при полномъ развитіи задуманныхъ операцій. Конечно, кровавые бои повторятся и на границѣ и на германской территоріи, но теперь русскимъ войскамъ придется сражаться уже съ обезсиленной и наполовину разстроенной нѣмецкой арміей, духовно надломленной, утратившей вѣру въ себя, потерявшей надежду на побѣду.

Въ конечномъ итогѣ всѣхъ своихъ расчетовъ высшая стратегія, въ сущности, сводится къ массовой психологіи: побѣждена не та армія, которая истреблена, а та, которая утратила вѣру въ побѣду и признала себя побѣжденной. Ружья и пушки, пулеметы и 42 с/м. чудовища важны на войнѣ не столько даже какъ орудія истребленія, сколько какъ средства устрашенія врага. Рѣшивъ принять первое сраженіе въ наиболѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ, давшихъ намъ возможность отбросить нѣмцевъ отъ Варшавы, нашъ Верховный Главнокомандующій первою побѣдою заложилъ на берегахъ Нѣмана и Вислы прочный фундаментъ для окончательнаго торжества надъ легкомысленно вторгнувшимся въ русскую землю противникомъ.

Съ германской арміей подъ Варшавой повторилось то же, что произошло съ австрійской арміей подъ Люблиномъ: путемъ прекрасно выполненнаго маневра русскія войска подъ видомъ вынужденнаго отступленія передъ превосходными силами постепенно завлекли непріятеля вглубь страны къ наиболѣе сильнымъ, заранѣе укрѣпленнымъ, позиціямъ, героически выдержали атаки и, перейдя неожиданно въ наступленіе, обрушились на него неудержимымъ потокомъ. Положеніе германской арміи значительно тяжелѣе положенія австрійской уже по одному тому, что австрійцы отступили въ концѣ лѣта, когда дороги были еще болѣе или менѣе сносны, а нѣмцамъ съ ихъ тяжелой артиллеріей и тяжелыми обозами приходится отступать среди убійственной осенней распутицы. При такихъ условіяхъ вывезти артиллерію имъ будетъ чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что ихъ армія, подступавшая къ Варшавѣ, не только отброшена съ фронта, но въ то же время подверглась почти одновременному обходу кавалерійскими массами отъ нижней Бзуры и Новогеоргіевска.

На западномъ фронтѣ взятіе нѣмцами Антверпена парализовалось значительными успѣхами болѣе быстраго наступательнаго движенія союзниковъ. Несмотря ни на какія усилія, нѣмцамъ не удалось отрѣзать отступленіе бельгійской арміи. Повидимому, всего больше помѣшалъ имъ въ этомъ сильный англійскій отрядъ, успѣвшій высадиться въ Остендэ, отчасти же встрѣчное движеніе генералиссимуса Жоффра, лѣвый флангъ котораго, отбросивъ нѣмцевъ отъ города Ипра, соединился здѣсь съ отступающими бельгійцами. Усиленіе этого фланга новыми англо-бельгійскими отрядами создало значительный перевѣсъ союзниковъ надъ арміей генерала Клука и тотчасъ же выразилось въ удачномъ наступленіи по направленію къ Лиллю и Армантьеру. Всѣ германскія атаки были побѣдоносно отбиты, цѣлый рядъ германскихъ позицій у Армантьера, Ипра, Лабассэ и Лана взятъ, въ теченіе двухъ дней союзники продвинулись впередъ на 30 километровъ, и расположеніе ихъ лѣво-фланговыхъ линій, имѣющихъ задачей обходъ арміи Клука, достигло моря, которымъ владѣетъ англійскій флотъ, уже обстрѣливающій германскую армію съ ея праваго фланга.

Такимъ образомъ питающія коммуникаціонныя линіи германской арміи обнажились для ударовъ противника съ моря и съ суши. Въ теченіе полутора мѣсяцевъ велась напряженная борьба за пути сообщенія германской арміи съ фатерландомъ, и теперь, повидимому, она кончается новой большой стратегической побѣдой французовъ, сводящей на нѣтъ тактическую побѣду нѣмцевъ надъ Антверпеномъ. Логически неизбѣжнымъ результатомъ исполненныхъ передвиженій должно явиться отступленіе германской арміи. По всѣмъ признакамъ, побѣдители Антверпена быстро и скоро перенесутъ свою оборонительную линію на Маасъ, отойдутъ на фронтъ Мецъ—Намюръ, очистивъ большую часть бельгійской и французской территорій. Судя по тому, что теперь уже заблаговременно въ тылу Намюра подготовляется другая оборонительная линія у Ахена, война и съ запада будетъ перенесена на германскую территорію.

Его Императорское Высочество Великій Князь Дмитрій Павловичъ, Высочайше награжденный за боевыя отличія орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Итоги первыхъ мѣсяцевъ войны складываются для нашихъ противниковъ очень неблагопріятно. На всѣхъ путяхъ ихъ сторожили неудачи. Какъ на Нѣманѣ, такъ и на Вислѣ, какъ подъ Парижемъ, такъ и подъ Варшавой нѣмцы почувствовали свое безсиліе опрокинуть ставшую имъ поперекъ дороги желѣзную преграду полевыхъ армій. Но при безсиліи къ наступленію можно ли продолжать завоевательную войну? Послѣ всѣхъ содѣянныхъ ужасовъ и насилій крушеніе завоевательныхъ миражей Вильгельма не превратится ли въ крушеніе всей Германской имперіи, сорокъ пять лѣтъ висѣвшей надъ всѣми европейскими народами, какъ кровавый миражъ?

Германская имперія родилась въ дыму пожаровъ и кровопролитій и разсыплется прахомъ въ кровавомъ заревѣ общеевропейскаго пожарища.

Страничка нѣмецкаго варварства.

А. М. Ѳедорова. (Рис. на стр. 798).

Есть войны, въ которыхъ народы теряютъ свою воинскую славу. Еще тяжелѣе, когда въ войнѣ погибаетъ народная честь. Это уже не несчастье, не пораженіе, а позоръ для народа, и этотъ позоръ тѣмъ страшнѣе, что онъ приносится арміей, которая должна быть охранительницей народнаго имени, его рыцаремъ-защитникомъ.

Въ такое унизительное положеніе поставила себя и свой народъ въ нынѣшнюю войну прусская армія.

Разгромъ Бельгіи, варварское отношеніе къ сокровищамъ Лувена и Реймсу, бомбы, бросаемыя съ цеппелиновъ на Парижъ, разрушеніе Калиша и десятки, сотни мелкихъ сравнительно съ этими, но гнусныхъ внѣ всякаго сравненія звѣрствъ и варварствъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто должно занять поведеніе нѣмцевъ въ Радомѣ.

Я былъ въ Радомѣ въ то самое время, какъ оттуда уже прекратили движеніе пассажирскіе поѣзда на Варшаву и Кѣльцы.

Радомъ опять сталъ взволнованно ожидать вражескаго нашествія, хотя не могъ еще опомниться отъ того, что было. Правда, не длительно было первое господство нѣмцевъ въ Радомѣ. Всего пять дней продолжалось оно, но этихъ пяти дней было совершенно достаточно, чтобъ пруссаки оставили на себѣ презрѣніе и проклятіе жителей.

Не за то, что нѣмцы грабили лавки и дома, не за то, что они наложили на городъ контрибуцію въ видѣ доставки провіанта для скота и войскъ, повозокъ и лошадей, грозя разгромомъ города и смертью взятыхъ заложниковъ, если этотъ приказъ не будетъ исполненъ; даже не за то, что все доставленное имъ жителями Радома они потомъ, уходя, продали городу же за четыре слишкомъ тысячи, какъ жалкіе лавочники, — а за безчинства, творимыя ими, за безчинства, непростительныя ни при какихъ обстоятельствахъ, даже въ видѣ мести!

Было ли, за что мстить?

А вотъ судите.

Жилъ въ Радомѣ стражникъ-старикъ. Вѣроятно, у него было

Страничка нѣмецкаго варварства. Кабинетъ директора гимназіи въ Радомѣ послѣ посѣщенія „культурныхъ“ германцевъ.

достаточно основаній ненавидѣть нѣмцевъ не только какъ націю, съ которой мы воюемъ.

Онъ поклялся во что бы то ни стало убить хоть одного нѣмца, прежде чѣмъ покинуть Радомъ.

Прослышавшее объ этомъ начальство стражника употребляло всѣ средства, чтобы отговорить его отъ этого безумнаго поступка. Наконецъ прямо-таки силой увели его изъ Радома, когда вся администрація покидала городъ.

Но у стражника нашелся уважительный предлогъ, чтобы вернуться въ Радомъ, когда тамъ уже было 8.000 пруссаковъ.

Онъ объявилъ тамъ первому встрѣчному прусскому солдату, что хочетъ сдѣлать важное сообщеніе прусскому начальству.

Его повели въ штабъ. Тамъ стражникъ былъ позванъ къ допросу. Но едва допрашивавшій его офицеръ выпятилъ передъ нимъ надутую чванствомъ грудь, какъ стражникъ всадилъ въ эту грудь смертельную пулю.

Конечно, его тутъ же убили самымъ звѣрскимъ образомъ. Кровь за кровь. Кажется, этого было бы довольно. Во всякомъ случаѣ эго героическое безуміе не имѣло никакого отношенія къ остальнымъ жителямъ Радома, особенно же къ тому культурному достоянію, на которое обрушились послѣ этого такъ тупо и злобно пруссаки.

Приказавъ жителямъ снести все оружіе въ магистратъ, они утащили вмѣстѣ съ этимъ оружіемъ и дорогую древнюю рѣдкую коллекцію оружія, принадлежавшую частному лицу, хотя, конечно, это оружіе имѣло лишь историческое значеніе.

Радомъ не богатъ ни художественными ни музейными сокровищами. Два древнихъ костела его обращены въ тюрьмы. Кажется, это единственныя историческія достопримѣчательности Радома.

Но въ Радомѣ при гимназіи былъ рѣдкій естественный и физическій кабинетъ.

Нѣмцы, ограбивъ и разгромивъ квартиру директора гимназіи, безсмысленно разбили вдребезги, истоптали и уничтожили всѣ рѣдкіе коллекціи и приборы, эти научныя сокровища, которыми Радомъ гордился. Но этимъ пруссаки не ограничились: мало было вандализма, они прибѣгли къ кощунству.

Въ гимназической и полковой церквяхъ они устроили казарму, навалили туда соломы, спали тамъ, не щадя даже алтаря, и пьянствовали, какъ въ кабакѣ.

2 сентября по новому стилю корнетъ Батюшковъ съ героемъ Соколовскимъ и десятью развѣдчиками своимъ отважнымъ до безумія набѣгомъ на Радомъ произвели отчаянный переполохъ въ восьмитысячномъ прусскомъ войскѣ. Соколовскій былъ раненъ, его денщикъ убитъ.

Но 3 сентября пришли русскія войска, и пруссаки отступили отъ Радома.

Незавидную славу оставили они по себѣ въ Радомѣ, и врядъ ли со временемъ, когда исторія будетъ судить не только побѣды и пораженія, но и характеръ дѣяній,—нѣмецкій народъ будетъ благодаренъ своимъ защитникамъ за эти безсмысленныя, позорящія его, гнусности.

Миръ павшимъ...

Луна всходила надъ полемъ битвы,
Туманы никли къ сырой землѣ,
И Ангелъ Смерти творилъ молитвы,
И плакалъ кто-то въ осенней мглѣ.

Въ траншеяхъ трупы лежали всюду,
Вдали, темнѣя, молчалъ курганъ,
И поле труповъ и мертвыхъ груду
Окуталъ тихо ночной туманъ...

— Миръ павшимъ въ битвѣ! - шептали травы...
Звучалъ невнятно далекій звонъ...
— Миръ павшимъ людямъ—героямъ славы!..
Пошли, Спаситель, имъ тихій сонъ!..

Кругомъ безмолвно ложились тѣни.
Блѣднѣли трупы родныхъ солдатъ.
И Ангелъ тихо, склонивъ колѣни,
Ласкалъ ихъ лица, какъ нѣжный братъ...

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
Роса роняла алмазовъ пыль.
Кругомъ молились ночныя дали,
И плакалъ нѣжно сухой ковыль...

— Миръ павшимъ братьямъ... Васъ много пало!..
И Ангелъ тихо ронялъ слезу.
Молитвѣ небо вверху внимало,
Безъ словъ молилась земля внизу...

Вл. Краковецкій.

Лазаретъ въ г. Смоленскѣ, устроенный кн. М. К. Тенишевой. 1—княгиня Тенишева читаетъ раненымъ вѣсти съ войны. 2—Ю. А. Пестичъ (вдова генерала Пестича, павшаго въ бою въ Восточной Пруссіи).

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА

Подполковникъ В. В. Атамановъ.

Корнетъ С. Н. Воеводскій.

Корнетъ Д. С. Курченинновъ.

Подпоручикъ А. Пенхоржевскій.

Корнетъ Г. А. Зиновьевъ.

Полковникъ Н. А. Герцыкъ.

Поручикъ А. Н. Шкилевъ.

Вольноопредѣляющійся М. Г. Бобриковъ.

Капитанъ М. Н. Мѣреновъ.

Корнетъ В. И. Быховецъ.

Ротмистръ В. А. Каульбарсъ.

Капитанъ I. А. Эйсымонтъ.

Штабъ-ротмистръ А. П. Корвинъ.

Полковникъ К. П. Линда.

Подпоручикъ П. С. Терне.

Капитанъ А. Л. Орлицкій.

Австрійскіе мониторы на Дунаѣ. Мониторы эти крейсируютъ вдоль сербскихъ береговъ и участвуютъ въ бомбардировкѣ Бѣлграда, длящейся уже три мѣсяца. Когда сербы овладѣли австрійскимъ берегомъ Дуная и заняли Землинъ, австрійскіе мониторы обстрѣливали Землинъ.

Энверъ-паша, турецкій военный министръ.

Германское засилье въ Турціи. Германскій дреднаутъ „Гебенъ“ входитъ въ Босфоръ, привѣтствуемый германскими моряками съ „Бреслау“. Оба эти судна проданы германцами туркамъ, замѣнившимъ часть экипажа судовъ турецкими матросами, но оставившимъ командованіе ими и вообще всѣмъ своимъ флотомъ въ рукахъ германцевъ.

Галицкая Русь въ борьбѣ за вѣру и народность.

Очеркъ **А. Бѣлгородскаго.**

I.

Въ 1772 году по первому раздѣлу Польши Галицкая Русь была присоединена къ Австріи, за исключеніемъ двухъ уѣздовъ, отошедшихъ къ Россіи. Въ 1815 году и эти уѣзды были переданы Австріи, согласно постановленіямъ Вѣнскаго конгресса.

Свыше четырехсотлѣтнее владычество Польши (1340—1772) оставило въ жизни населенія Галицкой Руси тяжелые, трудно изгладимые, слѣды. Народъ находился въ состояніи полнаго порабощенія, крайней бѣдности и забитости. Русское дворянство давно уже было здѣсь ополячено, хотя въ домашнемъ быту иногда и употребляло еще родной языкъ. Постепенно подчинились польской культурѣ и русское купечество и высшее духовенство. Только мелкіе ремесленники, низшее духовенство и простой народъ („попъ да хлопъ“,— по пословицѣ галичанъ) оставались еще вѣрны своей народности и православной вѣрѣ.

Австрійское правительство на первыхъ порахъ принимало нѣкоторыя мѣры къ улучшенію матеріальнаго состоянія разореннаго галицко-русскаго народа. Въ 1782 г. крестьяне получили личную свободу, а въ 1786 г. были значительно облегчены ихъ прежнія тяжелыя повинности въ отношеніи польскихъ помѣщиковъ-пановъ. Русскій языкъ также получилъ нѣкоторыя права гражданства. По мѣстамъ были открыты народныя школы, учреждена Львовская духовная семинарія и въ 1784 г. — Львовскій университетъ, въ которомъ студенты богословскаго и философскаго факультетовъ имѣли возможность слушать лекціи на русскомъ языкѣ.

Но эта заря возрожденія скоро погасла, и для многострадальнаго народа Галицкой Руси началась новая тяжелая эпоха упорной борьбы за свою вѣру и народность. Край началъ усиленно заселяться нѣмецкими колонистами, вносившими всюду свою культуру. Поляки также начинаютъ возвращать свое прежнее господство надъ русскимъ населеніемъ. Католическое духовенство, вдохновляемое изъ Рима, забираетъ въ руки устройство всей духовной жизни народа и при помощи іезуитовъ ведетъ усиленную пропаганду латинства и уніатства. Съ этой цѣлью во Львовѣ учреждается уніатская митрополія, находившаяся всецѣло въ рукахъ католиковъ и іезуитовъ.

Австрійское правительство начинаетъ систематически преслѣдовать въ Галиціи русскую народность, не признавая за нею никакихъ правъ. Къ этому побуждала его опасность, на которую указывали нѣкоторые нѣмецкіе ученые (Энгель и Гоппе), спеціально изучившіе исторію новоприсоединенныхъ земель. Они обратили вниманіе правительства на то, что Галиція нѣкогда входила въ составъ Кіевскаго государства, а потому Россія всегда можетъ предъявить на нее свои притязанія. Вотъ почему не поддержаніе и развитіе, а систематическое истребленіе русской народности и связаннаго тѣсно съ нею православія составляетъ съ этихъ поръ главнѣйшую задачу австрійской политики въ отношеніи къ Галиціи до самыхъ послѣднихъ дней.

Начинаются прежде всего преслѣдованія русскаго языка, вмѣсто котораго всюду насаждается польскій. Уже въ 1816 г. львовскій губернаторъ доносилъ въ Вѣну, что „политическія соображенія не велятъ вмѣсто польскаго распространять здѣсь малорусскій языкъ, который составляетъ только нарѣчіе россійскаго языка“. Первымъ защитникомъ русской народности въ Галиціи явился въ г. Перемышлѣ каноникъ Иванъ Могильницкій, ревностно заботившійся о народномъ образованіи. Онъ, между прочимъ, желалъ учредить особое просвѣтительное общество для изданія и распространенія въ народѣ популярныхъ книгъ. Сочиненный имъ уставъ общества хотя и былъ утвержденъ императоромъ, но не получилъ санкціи въ Римѣ.

Нѣсколько позже въ защиту русскаго языка выступаютъ питомцы Львовской духовной семинаріи — Яковъ Головацкій, Маркіанъ Шашкевичъ и Иванъ Вагилевичъ, извѣстные подъ именемъ „русской троицы“. Они стояли во главѣ тайнаго кружка, поставившаго себѣ цѣлью: возрожденіе въ Галиціи русской народности, борьбу противъ полонизаціи и изданіе литературы на родномъ языкѣ. Въ 1837 г. они издали на русскомъ языкѣ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Русалка Днѣстрова“. Католическое духовенство усмотрѣло въ этой невинной затѣѣ чуть ли не государственное преступленіе. По его проискамъ, правительство подвергло „Русалку“ конфискаціи, а ея авторовъ — строгому преслѣдованію. Кружокъ былъ разгромленъ.

Реймскій соборъ въ огнѣ.

II.

Наступилъ 1848 годъ. Происшедшая въ этомъ году февральская революція во Франціи вызвала возстаніе и въ Австріи, среди нѣмцевъ, венгровъ, поляковъ и итальянцевъ. Помощь русскаго императора Николая Павловича спасла Австрію отъ гибели. Русскіе галичане остались въ это критическое для монархіи время вѣрны императору и оказали ему большія услуги. Въ благодарность правительство дало русскимъ галичанамъ нѣкоторыя льготы: крѣпостное право было совершенно уничтожено, для защиты правъ русской народности было основано общество „Головная Русская Рада“, для народнаго просвѣщенія учреждена „Галицко-русская матица“. Появилась и первая газета: „Зоря Галицкая“. По образцу „Головной Рады“ во Львовѣ были открыты подобныя же общества и въ другихъ городахъ (Стріѣ, Коломнѣ и др.). Въ 1849 году послѣдовало основаніе знаменитаго Львовскаго „Народнаго дома“, который явился центральнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ для всей Галицкой Руси. Весь народъ участвовалъ въ пожертвованіяхъ на его созданіе и дальнѣйшее содержаніе. Въ Львовскомъ университетѣ

Францисканскія монахини—„миссіонерки Дѣвы Маріи“ на полевыхъ работахъ. Рисунокъ Ж. Симонъ.

Все работоспособное мужское населеніе Франціи ушло на поля чести, покинувъ поля жатвы. Его замѣнили эти святыя женщины, девизомъ которыхъ въ счастливыя времена Франціи было: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Теперь онѣ заботятся объ этомъ хлѣбѣ, чтобы поддержать жизнь стариковъ и дѣтей, лишенныхъ жестокой войной своихъ кормильцевъ, защитниковъ отечества.

была учреждена особая каѳедра русскаго языка, которую занялъ упомянутый выше Я. Головацкій. Русскій языкъ получилъ также права гражданства какъ въ средней, такъ и низшей школѣ. Въ первомъ засѣданіи „Галицко-русской школьной матицы“ послѣ долгихъ преній было постановлено издавать для народа сочиненія не на малороссійскомъ нарѣчіи, а на обще-русскомъ литературномъ языкѣ. Знаменательны слова, сказанныя по поводу этого рѣшенія Головацкимъ: „Галичане этимъ постановленіемъ открыли себѣ храмъ народнаго развитія, который перестоитъ вѣка, и который никакая сила не сможетъ ни пошатнуть ни повалить“.

Въ это же время Галицкая Русь торжественно заявляла о своемъ единствѣ со всѣмъ русскимъ народомъ. Молодой ученый, священникъ А. С. Петрушевичъ въ изданной имъ на польскомъ языкѣ брошюрѣ открыто исповѣдывалъ, что „Галицкая Русь—малая часть общей матери—Руси Нестора, на ряду съ Кіевомъ, Новгородомъ, Суздальщиной, Сѣверщиной и т. д.“ Другой ученый, историкъ Зубрицкій, написалъ на литературномъ русскомъ языкѣ „Исторію Галичскаго княжества“ въ четырехъ томахъ. Между прочимъ, этимъ сочиненіемъ пользовался для своихъ научныхъ трудовъ нашъ историкъ М. Погодинъ.

Охватившее всю Галицкую Русь общее народное движеніе, казалось, предвѣщало скорое и полное возрожденіе русской народности. Но уже въ это время среди галицко-русской интеллигенціи начинается расколъ, окончившійся нѣсколько позднѣе образованіемъ партіи „украйнофиловъ“. Эта партія стоитъ за самостоятельность малорусскаго племени и полную отдѣленность его исторіи отъ Россіи. Происшедшій расколъ для послѣдующей жизни Галицкой Руси имѣетъ роковое значеніе. Австрійское правительство и покровительствуемые имъ поляки умѣло пользуются имъ для достиженія своей завѣтной цѣли—совершенно уничтожить въ Галиціи русскій языкъ и русскую народность. „Натравить русскаго на русскаго“ („Puscic rusina na rusina“),—вотъ лозунгъ всей дальнѣйшей политики Австріи и поляковъ въ Галиціи.

Обстоятельства не заставили себя долго ждать. Въ 1859 г. намѣстникъ Галиціи, графъ Голуховскій, назначилъ особую комиссію, предложивъ ей устранить письменный русскій языкъ и замѣнить его латинскимъ. Насколько откровенны были при этомъ цѣли правительства, хорошо свидѣтельствуютъ слова, сказанныя Голуховскимъ при открытіи этой комиссіи: „Галичане до сихъ поръ не сдѣлали ничего, чтобы надлежащимъ образомъ обособить свой языкъ отъ великорусскаго, а потому за это вынуждено взяться правительство“.

На этотъ разъ попытка Голуховскаго не удалась, такъ какъ Вѣна еще не рѣшилась встать открыто на сторону поляковъ и не поддержала своего намѣстника. Но это не помѣшало Голуховскому въ томъ же году запретить своей властью печатать что-либо въ Галиціи на русскомъ языкѣ, допуская въ типографіяхъ лишь церковно-славянскій шрифтъ. Для того, чтобы имѣть возможность отрицать самое существованіе русскихъ въ Австріи, правительство объявило галицкихъ русскихъ людей особымъ, не русскимъ племенемъ. Оно долго не могло придумать названія для этого новаго племени, называя русскихъ галичанъ „русинами“, „рутенами“ или „рутенцами“, позднѣе „украинцами“, „мазепинцами“, „руськими“ (черезъ „ь“) или „рускими“ (черезъ одно „с“).

Еще въ 1848 г. губернаторъ Галиціи Стадіонъ заявилъ русской депутаціи: „Вы можете разсчитывать на поддержку правительства только въ томъ случаѣ, если захотите быть самостоятельнымъ народомъ и откажетесь отъ національнаго единства съ народомъ внѣ государства, именно въ Россіи, т.-е. если захотите быть рутенами, не русскими“.

Опасность, угрожаемая русской народности, заставила тѣснѣе сплотиться борцовъ-патріотовъ Галиціи. Они смѣло и

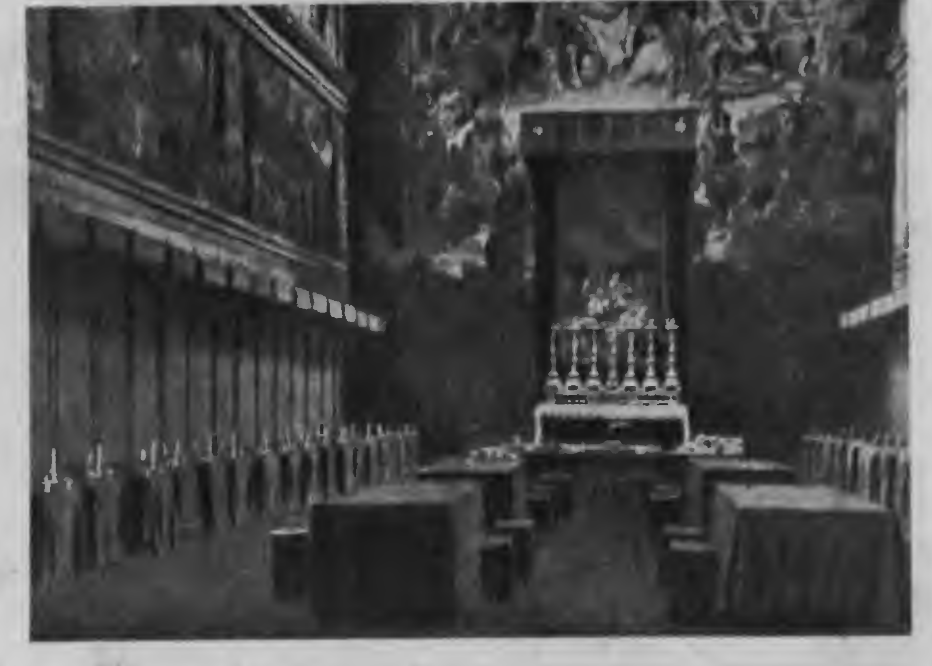
Новый Намѣстникъ св. Петра—вновь избранный на конклавѣ кардиналовъ папа римскій Бенедиктъ XV.

Папа римскій Бенедиктъ XV.

Новоизбранный на Святѣйшій Престолъ кардиналъ Джіакомо-делль-Кіеза, принявшій имя Бенедикта XV—самый молодой изъ кардиналовъ: онъ возведенъ былъ въ этотъ санъ 25 мая с. г., и ему идетъ 60-й годъ.

Джіакомо-делль-Кіеза происходитъ изъ старинной итальянской аристократической семьи, и его фамилія («кіеза» по-итальянски — церковный) отвѣчаетъ характеру первосвященника Римской церкви.

Выборный бюллетень, на которомъ кардиналы, члены конклава, пишутъ имя избранника на Святѣйшій Престолъ.



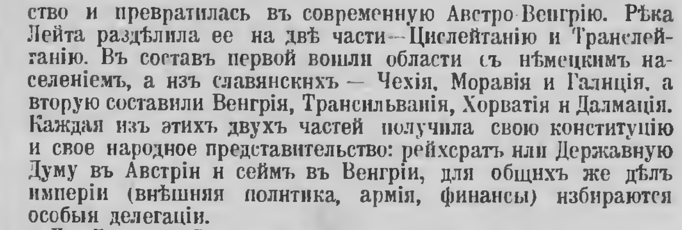
Избраніе папы римскаго. Сикстинская капелла во время конклава.

Папа Бенедиктъ XV — человѣкъ строгой, пылкой вѣры, большой церковникъ, склонный къ аскетизму. Папы Левъ XIII и Пій X высоко цѣнили его освѣдомленность въ вопросахъ внѣшней политики. Склоняющійся къ церковной политикѣ папы Льва XIII и его «правой руки» кардинала Рамполы—политикѣ ума и культурной вѣротерпимости, папа Бенедиктъ XV питалъ всегда, особенно на болонской архіепископской каѳедрѣ, глубокія симпатіи къ Франціи и неоднократно высказывался за желательность дружбы съ Россіей.

Подобно своему предшественнику папѣ Пію X, отказавшемуся на смертномъ одрѣ благословить оружіе Австріи, папа Бенедиктъ XV уже дважды выступилъ со словомъ политическаго протеста: пославъ Германіи протестъ противъ разрушенія Реймскаго собора и давъ благословеніе многострадальной Бельгіи въ лицѣ ея архіепископа.

неустрашимо продолжаютъ заявлять о своемъ національномъ единствѣ со всѣмъ русскимъ народомъ. Въ 1866 году львовская газета „Слово“, основанная М. Качковскимъ, громко провозглашала: „Наступило время перешагнуть Рубиконъ и сказать откровенно, во всеуслышаніе: мы не можемъ отдѣляться китайской стѣной отъ нашихъ братій, отъ языковой, литературной, церковной и народной связи со всѣмъ русскимъ міромъ; мы не рутены 1848 года, мы—настоящіе русскіе“. Еще болѣе знаменательны слова священника Іоанна Наумовича, знаменитаго печальника Галицкой Руси, сказанныя имъ въ Галичскомъ сеймѣ, въ Деножѣ 1866 г.: „Сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто на свѣтѣ: ни законы, ни сеймы, ни министръ!“

Франція. Взорванный мостъ въ Трильпорѣ.



Въ 1867 году, послѣ пораженія въ войнѣ съ Пруссіей, въ Австріи произошли большія перемѣны. Монархія получила дуалистическое устройство и превратилась въ современную Австро-Венгрію. Рѣка Лейта раздѣлила ее на двѣ части—Цислейтанію и Транслейтанію. Въ составъ первой вошли области съ нѣмецкимъ населеніемъ, а изъ славянскихъ — Чехія, Моравія и Галиція, а вторую составили Венгрія, Трансильванія, Хорватія и Далмація. Каждая изъ этихъ двухъ частей получила свою конституцію и свое народное представительство: рейхсратъ или Державную Думу въ Австріи и сеймъ въ Венгріи, для общихъ же дѣлъ имперіи (внѣшняя политика, армія, финансы) избираются особыя делегаціи.

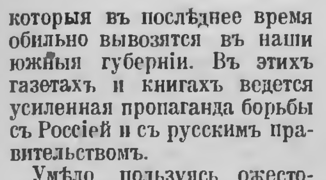
Для Галицкой Руси конституціонная жизнь не принесла никакой пользы. Поляки окончательно овладѣли краемъ, получивъ перевѣсъ и въ Львовскомъ сеймѣ и въ Вѣнскомъ парламентѣ. А русскіе галичане тратили, между тѣмъ, свои силы въ междоусобной внутренней борьбѣ. Въ 1868 году украйнофилы основали общество „Просвіта“, а въ 1873 году „Товарищество имени Шевченко“.

Франція. Городъ Сенлисъ, разрушенный германцами.

Франція. Трупы германскихъ автомобилистовъ, пытавшихся взорвать мостъ черезъ р. Энъ и убитыхъ часовымъ на площади города Суассона.

Оба эти общества, покровительствуемыя и матеріально поддерживаемыя австрійскимъ правительствомъ и поляками, носятъ явно враждебный характеръ для русскаго дѣла въ Галиціи. Украйнофилы мечтаютъ о созданіи особаго, „самостійнаго“ украинскаго государства, простирающагося „отъ Карпатъ до Кавказа“. Въ этомъ государствѣ должны поселиться всѣ малоруссы, причемъ Кіевъ будетъ объявленъ столицей. Свои идеи вожди этой партіи распространяютъ посредствомъ газетъ („Діло“, „Воля“, „Русланъ“, „Свобода“ и др.) и многочисленныхъ книгъ и брошюръ,

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Улица въ г. Суассонѣ послѣ бомбардировки германскими 42-сантиметровыми осадными орудіями.



которыя въ послѣднее время обильно вывозятся въ наши южныя губерніи. Въ этихъ газетахъ и книгахъ ведется усиленная пропаганда борьбы съ Россіей и съ русскимъ правительствомъ.

Умѣло пользуясь ожесточенной борьбой старо-русской и—украйнофильской партій, австрійское правительство и поляки стараются создать въ Галиціи анти-русскую Русь и раздуть пламя междоусобицы. При этомъ поляки часто вспоминаютъ завѣщаніе своего генерала Мѣрошевскаго, выраженное имъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ: „бросимъ огни и бомбы за Днѣпръ и Донъ въ самое сердце Руси; пусть разоряютъ, опустошаютъ и губятъ Русь; возбудимъ ссоры въ самомъ русскомъ народѣ, пусть онъ разрываетъ себя собственными когтями; по мѣрѣ того, какъ онъ ослабляется, мы крѣпнемъ и растемъ“.

Франція. Развалины вокзала маленькой желѣзнодорожной станціи, разрушенной германскими войсками.

Франція. Мостъ въ Ферте-су-Жуаръ, взорванный французами.

И дѣйствительно, поляки скоро получили новыя важныя льготы и преимущества. Въ 1869 г. польскій языкъ пріобрѣтаетъ въ Галиціи официальный характеръ въ управленіи, судопроизводствѣ и школѣ. Русскому языку была объявлена война не на жизнь, а на смерть, хотя ст. XIX основныхъ австрійскихъ законовъ и говоритъ о равноправіи всѣхъ языковъ монархіи. Въ Львовскомъ университетѣ, откуда за свои руссофильскія идеи еще въ 1866 году былъ удаленъ проф. Я. Головацкій, съ 1871 г. воцарился польскій языкъ. Наконецъ въ томъ же 1871 году австрійское правительство въ угоду полякамъ создаетъ въ Вѣнѣ особую должность министра Галиціи, съ предоставленіемъ ему права защиты и расширенія польскихъ интересовъ.

Надъ Галицкой Русью нависли новыя, еще болѣе грозныя, тучи... Къ великому благу, она имѣла въ это время не мало славныхъ защитниковъ, истинныхъ патріотовъ, которые самоотверженно вступаютъ въ неравную борьбу съ врагомъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Михаила Качковскаго (1802—1872) и о. Іоанна Наумовича (1826—1891). Первый всей своей жизнью и всѣмъ своимъ имуществомъ пожертвовалъ на защиту русской народности и православія въ Галиціи. Отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, Качковскій сберегъ значительный капиталъ, который завѣщалъ Народному Дому на дѣло просвѣщенія галицко-русскаго народа. Основанная имъ въ 1861 году во Львовѣ газета „Слово“ въ теченіе 27 лѣтъ неустрашимо боролась за права русскаго народа въ Галиціи, его

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Улица въ г. Суассонѣ послѣ германской бомбардировки.

исконную вѣру и народность. Отправившись въ 1872 г. въ Россію, Качковскій здѣсь скончался и былъ похороненъ въ Кронштадтѣ.

Но память о немъ живетъ и свято хранится въ Галицкой Руси. Въ 1875 г. о. Наумовичемъ было основано „Общество имени Качковскаго“, на знамени котораго были начертаны слѣдующія слова: „молись, учись, трудись и трезвись“. Широкая и плодотворная дѣятельность этого просвѣтительнаго общества распространилась по всей Галиціи. Она выразилась въ учрежденіи многочисленныхъ народныхъ читаленъ, число коихъ въ послѣднее время достигало 1.500, и въ изданіи, въ тысячахъ экземпляровъ, популярныхъ брошюръ и книгъ въ защиту вѣры и русской народности. Многочисленные члены этого общества, среди которыхъ не мало насчитывается и женщинъ, ежегодно собираются на торжественныя собранія. Со всѣхъ концовъ Галицкой Руси стекаются тысячами русскіе люди на эти собранія, какъ на національный праздникъ, объединяющій ихъ въ неравной борьбѣ съ врагомъ.

Личность о. Наумовича принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ въ Галиціи. Она всегда будетъ служить яркимъ примѣромъ энергичной и плодотворной патріотической работы для народа. Среди русскихъ галичанъ о. Наумовичъ чтится, какъ новый Моисей, выведшій народъ изъ рабства невѣжества. Съ его именемъ связано основаніе популярной газеты „Русская Рада“, популярнаго журнала „Наука“, учрежденіе цѣлаго ряда народныхъ читаленъ, изданіе многочисленныхъ полезныхъ книгъ и брошюръ, устройство ссудо-сберегательныхъ кассъ, братствъ трезвости, общественныхъ магазиновъ, пасѣкъ и многое другое. Лучшая изъ галицко-русскихъ газетъ, издающаяся во Львовѣ „Галицкая Русь“, такъ характеризуетъ его значеніе, какъ народнаго писателя: „Наумовичъ былъ творцомъ галицко-русской энциклопедической литературы, составляющей эпоху въ литературномъ и культурномъ развитіи галицко-русскаго народа. Онъ указалъ народу путь къ высшимъ идеаламъ, и галицко-русскій народъ всегда будетъ называть Наумовича своимъ просвѣтителемъ. Онъ научилъ народъ его исторіи, научилъ любить свою церковь, обрядъ, землю, вывелъ народъ изъ тьмы и указалъ путь къ достиженію цѣли, а своими основательными церковно-историческими статьями оживилъ церковную жизнь и твердо и неутомимо отстаивалъ независимость и достоинство церкви“.

Общественно-политическая дѣятельность о. Наумовича, какъ депутата Львовскаго сейма и Вѣнскаго парламента, была направлена къ защитѣ правъ русскаго народа. Въ 1882 г., по поводу присоединенія къ православію жителей прихода Гниличекъ, онъ былъ привлеченъ вмѣстѣ съ другими русскими патріотами къ судебной отвѣтственности и обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Отлученный папой Львомъ XIII отъ церкви, лишенный сана и прихода, преслѣдуемый іезуитами и поляками, о. Наумовичъ въ 1885 г. перешелъ въ православіе и послѣдніе годы своей жизни прожилъ въ Россіи, гдѣ былъ сначала епархіальнымъ миссіонеромъ въ г. Кіевѣ, а затѣмъ приходскимъ сельскимъ священникомъ. Его перу принадлежитъ громадное количество сочиненій. Нѣкоторые изъ его популярныхъ разсказовъ выдержали нѣсколько изданій. Таковы „Псалтырникъ“, „Завѣтные тополи“, „Христіанскія добродѣтели“, „Какъ въ простотѣ люди живутъ“ и др. Умеръ о. Наумовичъ 4 августа 1891 года въ г. Новороссійскѣ, куда онъ отправился съ цѣлью личнаго ознакомленія съ вопросомъ о галицко-русской колонизаціи на Кавказѣ. Прахъ его покоится въ Кіевѣ, на Аскольдовомъ кладбищѣ.

Изъ другихъ дѣятелей, ревностно защищавшихъ права галицко-русскаго народа, заслуживаютъ упоминанія Добрянскій, Дѣдицкій и Мончаловскій.

IV.

Вернемся къ послѣднимъ историческимъ судьбамъ Галицкой Руси. Въ 1890 году послѣдовало окончательное соглашеніе поляковъ и украинцевъ, положившее начало такъ называемой „новой эры“. Результатомъ этого союза былъ новый натискъ на русскій языкъ, введеніе въ 1892 г. фонетики и собраніе особаго украинскаго жаргона, представляющаго собой смѣсь польскаго, нѣмецкаго, малорусскаго и даже латинскаго языковъ. Прекрасный народный русскій языкъ былъ изуродованъ и обратился въ какое-то неудобоваримое мѣсиво. „Квестія“, „колумнія“ „денунціація“, „донація“, „субвенція“, „кавція“, „праця“, „квота“, „мова“—вотъ немногіе перлы этого новаго языка, который австрійское правительство старается насильственно, помимо желанія народа, ввести въ школѣ, судѣ и управленіи. Цѣль этого ясна, и она не скрывается авторами фонетики или кулишовки, какъ ее зовутъ въ Галиціи по имени выписаннаго изъ Россіи украйнофила Пантелеймона Кулиша. „Фонетика отдѣляетъ Галицкую Русь отъ остальной Руси“,—вотъ что̀ писалъ въ Вѣну польскій намѣстникъ Галиціи. Бобржинскій.

Началось сильнѣйшее гоненіе на все, что̀ считало и называло себя русскимъ. Но русская народная партія и при новыхъ тяжелыхъ условіяхъ не падала духомъ и не складывала своего оружія. Лишенная въ 1894 г. школы, откуда былъ совершенно изгнанъ русскій языкъ, она основываетъ общежитія—„бурсы“, въ которыхъ русскія дѣти изучаютъ по вечерамъ родной языкъ, русскую литературу и исторію и воспитываются въ русскомъ національномъ и церковномъ направленіи.

Въ 1899 года русская народная партія еще разъ торжественно исповѣдала, на основаніи науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣжденія, національное и культурное единство всего русскаго народа и признала своими плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа. Въ защиту русскаго языка и русской народности велась въ послѣдніе годы борьба и въ Вѣнскомъ парламентѣ, гдѣ нѣкоторые депутаты (Марковъ, Глѣбовицкій) требовали для русскаго языка правъ гражданства наравнѣ съ прочими языками монархіи.

Присланныя въ 1908 году въ Львовскій сеймъ и Вѣнскій парламентъ многочисленныя (около 70.000) петиціи отдѣльныхъ лицъ и обществъ о признаніи за русскимъ языкомъ въ Галиціи правъ гражданства въ школѣ, администраціи и судѣ, были оставлены австрійскимъ правительствомъ безъ всякаго вниманія и отвѣта. Напротивъ, правительство устами своихъ министровъ и намѣстниковъ въ Галиціи продолжало публично отрицать существованіе въ Австріи русской народности и принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы раздавить здѣсь русское національное движеніе, оживившееся особенно послѣ славянскаго съѣзда въ Прагѣ (въ 1908 г.).

Массовый переходъ уніатовъ въ православіе, наблюдавшійся въ Галиціи въ послѣдніе годы, вызывалъ жестокія религіозныя преслѣдованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Аресты, штрафы, всевозможныя обвиненія въ шпіонствѣ въ пользу Россіи, запечатаніе православныхъ храмовъ, насильственное, при помощи жандармовъ и войска, прекращеніе богослуженія, варварскія издѣвательства надъ православными — вотъ обычныя явленія въ жизни многострадальнаго народа Галиціи. Такъ много нашумѣвшій Львовскій процессъ, происходившій въ февралѣ настоящаго года, повѣдалъ всему міру о тяжеломъ, безправномъ положеніи русскихъ галичанъ. Вдохновителемъ и главнымъ виновникомъ религіозныхъ гоненій православнаго духовенства и населенія Галицкой Руси является львовскій уніатскій митрополитъ графъ Андрей Шептицкій, взятый нынѣ въ плѣнъ и привезенный въ Россію. Будучи послушнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, онъ ревностно вводилъ въ уніатское богослуженіе католическіе обряды и обычаи. Извѣстно, что унія всегда служила для католическаго духовенства удобнымъ переходнымъ мостомъ къ латинству. Болѣе сорока тысячъ уніатовъ-галичанъ, не выдержавъ религіознаго гнета, бѣжало изъ Галиціи и нашло себѣ пріютъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ они всѣ поголовно бросили унію и присоединились къ православію. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что унія была навязана имъ путемъ обмана и насилія католиками. Душой же они всегда были преданы православію, исконной вѣрѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ.

На ряду съ религіозными преслѣдованіями происходили въ послѣдніе годы гоненія на русскія школы, вышеупомянутыя бурсы, служившія послѣдними культурными очагами для русскаго населенія. Правительство посылала вооруженныя силы для ихъ закрытія, при чемъ находимыя при обыскахъ школьныхъ помѣщеній учебныя книги и пособія на русскомъ языкѣ конфисковывались, а портреты національныхъ русскихъ писателей (Гоголя, Пушкина, Толстого и др.) рвались въ клочки. Положеніе русскихъ дѣтей, вынужденныхъ, за неимѣніемъ своихъ, посѣщать польскія школы, было ужасно. Въ 1910 г. польскій учитель Грейсъ такъ избилъ кастетомъ русскаго мальчика Михаила Коханчика, что тотъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ отъ воспаленія мозга. И это за то, что онъ прочелъ „Отче нашъ“ по-славянски, какъ его выучила русская мать. Передъ этимъ тотъ же Грейсъ выбилъ кулакомъ глазъ сестрѣ Коханчика за то же самое. Оба преступленія остались безнаказанными. И такіе случаи не единичны. Издѣвательства и истязанія русскихъ дѣтей въ низшихъ и среднихъ школахъ Галиціи были въ 1910 г. предметомъ обсужденія въ нашей Государственной Думѣ. Между прочимъ, по поводу мученической кончины Михаила Коханчика въ Казанскомъ соборѣ была отслужена панихида, на которой присутствовали члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, представители Академіи Наукъ, различныхъ славянскихъ организацій и множество учащейся молодежи. Епископъ холмскій Евлогій сказалъ прочувствованное слово, тронувъ молящихся до слезъ.

Въ такомъ печальномъ и жалкомъ состояніи находилась Галицкая Русь въ послѣдніе годы. Украинская партія, напротивъ, пользовалась со стороны австрійскаго правительства, во главѣ съ убитымъ наслѣдникомъ престола Францемъ-Фердинандомъ, явнымъ покровительствомъ и поддержкой. Она получала для пропаганды своихъ идей значительныя субсидіи не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ, откуда шло главное вдохновеніе австрійской политики. Въ благодарность за это вожди украинской партіи не разъ заявляли, что Австріи не нужно держать жандармовъ въ Галиціи, такъ какъ они сами будутъ истреблять „москвофиловъ“ и указывать ихъ полиціи.

Все это ясно говоритъ о томъ, что гоненія на православную вѣру, русскій языкъ и русскую народность въ Галиціи представляютъ собой только одинъ изъ моментовъ вѣковой борьбы германскаго міра съ славянскимъ, всегдашняго натиска нѣмцевъ на Востокъ. Съ этой точки зрѣнія и украйнофильское движеніе необходимо разсматривать, какъ жертву тонко сплетенной дипломатіи Вѣны и Берлина. И теперь на полѣ брани рѣшается этотъ міровой, историческій вопросъ.

Германскіе аэропланы надъ Парижемъ. Публика на бульварахъ слѣдитъ за эволюціями германскаго летчика, ничуть не страшась вражескихъ бомбъ, направляемыхъ главнымъ образомъ на монументальныя сооруженія и на церкви.

Генералъ.

Разсказъ Владиміра Воинова.

(Продолженіе).

На опушкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли солдаты, офицеры замѣтили оживленіе.

Адъютантъ сѣлъ на коня и подъѣхалъ къ толпѣ.

— Что̀ тутъ у васъ? — спросилъ онъ рябого, безусаго солдатика, взобравшагося на спину товарищу.

— Такъ что казакъ говоритъ, бытто видно уже.

— Точно такъ,—отвѣтилъ казакъ, не поворачивая головы:—имѣя свою приближенію.

Адъютантъ поскакалъ къ генералу, и бинокли уставились въ небо.

— Летитъ! — Раздалось одновременно въ разныхъ концахъ, и толпа повалила опять на лужайку.

Генералъ долго ворочалъ винты полевого бинокля, наконецъ приспособилъ глаза и поймалъ въ синемъ небѣ далекую, четкую точку.

Аппаратъ шелъ на очень большой высотѣ прямо надъ лѣсомъ.

— Тамъ ихъ два! Я еще одинъ вижу! Правѣе и ниже!—услыхалъ генералъ за спиною и тотчасъ увидѣлъ другую, такую же, точку.

— Нѣмца ведетъ! Это здорово!—задрожалъ отъ сладкаго удовольствія молоденькій подпоручикъ и крѣпко потеръ руки.

Офицеры застыли въ тревожномъ волненіи. Теперь уже всѣмъ было видно, какъ за быстро плывущимъ аэропланомъ шелъ ровно и сильно чужой аппаратъ.

Защита Парижа. Баррикады изъ срубленныхъ деревьевъ у Венсенскихъ воротъ.

— Бипланъ! Типа Фарманъ! Здоровый, подлецъ!—срывались отдѣльныя замѣчанія, и у всѣхъ наростала тревога.

Аэропланъ значительно снизился, и надъ лѣсомъ поплылъ его ровный, увѣренный гулъ.

На минуту сверкнули на солнцѣ широкія лопасти, и красивый виражъ измѣнилъ направленіе аппарата.

И тотчасъ же второй аппаратъ повторилъ поворотъ Олеховича и пошелъ за нимъ, постепенно снижаясь.

Офицеры слѣдили за ними, не смѣя дышать, и у всѣхъ поднимался вопросъ: что̀ же будетъ?

— Ура, господа! — не выдержалъ молоденькій подпоручикъ.—Молодецъ Олеховичъ!

Милосердіе къ врагу. Французскія женщины кормятъ раненыхъ плѣнныхъ нѣмцевъ.

Смотрите, что̀ дѣлаетъ! Онъ ведетъ нѣмца на батарею!

Дѣйствительно, Олехновичъ забралъ сильно вправо и шелъ теперь метрахъ въ трехстахъ надъ лѣсными высотами.

Генералъ неожиданно бросилъ бинокль и знакомъ позвалъ адъютанта:

— Передайте сейчасъ въ батарею, чтобы не смѣли стрѣлять! Поняли?

— Слушаю!

Адъютантъ поскакалъ къ телефону, а офицеры переглянулись.

Молоденькій подпоручикъ даже пожалъ плечами. Онъ съ минуты на минуту ожидалъ, что вотъ-вотъ съ высоты сорвется веселое облачко, и въ летучаго нѣмца закатятъ свинцовымъ дождемъ.

Однако упитанный, толстый пѣхотный полковникъ затрясъ головой и жирнымъ баскомъ успокоилъ зеленаго подпоручика:

Франція. Колоніальныя войска Переноска раненыхъ марокканцевъ.

Франція. Битва на р. Энъ. Церковь въ деревнѣ Барей, разрушенная германской артиллеріей.

— А если промажутъ? Что̀ тогда? Нѣмецъ уйдетъ къ своимъ, и они будутъ знать, гдѣ наши орудія!

— Да! Это вѣрно...—сказалъ подпоручикъ, и ему стало стыдно за отсутствіе выдержки. Онъ строго насупился, кашлянулъ и, убѣдившись, что всѣ смотрятъ въ небо, уставился снова въ бинокль.

Теперь Олехновичъ свернулъ оченъ круто надъ лѣсомъ и поплылъ надъ лужайкой.

Нѣмецъ шелъ близко за нимъ и сворачивалъ тоже по кругу.

— Пусть обстрѣляютъ!—сказалъ генералъ, указывая головой на пѣхоту.

На опушкѣ сверкнули винтовки, и четко защелкали затворы.

И когда Олехновичъ проплылъ надъ опушкой, забирая опять на лужайку, перелѣсокъ занѣлъ, и веселая ружейная трескотня разбила густой гулкій воздухъ на звонкіе, ликующіе осколки.

Непріятельскій аппаратъ круто взмылъ въ небо и сталъ удаляться за Олехновичемъ.

— Ишь чортъ! Яво пуляютъ, а вонъ себѣ претъ почемъ зря!—разсердился казакъ и медленно вытянулъ изъ-за спины легкую казацкую винтовку.

Подождавъ, пока Олехновичъ, давъ кругъ на большой высотѣ, снова проплылъ у опушки, казакъ перекинулъ винтовку черезъ сгибъ лѣвой руки, не упустившей поводьевъ, и прижался щекою къ прикладу.

Съ минуту онъ ерзалъ на высокомъ сѣдлѣ, усаживаясь поглубже, потомъ запрокинулся кверху острымъ, худымъ кадыкомъ и прищурилъ глаза.

Адъютантъ осторожно притронулся къ локтю начальника и указалъ на казака.

Вздрогнула шапка на лохматомъ затылкѣ,

Франція. Лошади, отбитыя англійскими войсками у нѣмцевъ.

Франція. Парижскіе городскіе автобусы, несущіе интендантскую службу въ тылу арміи, направляются черезъ Компьенскій лѣсъ.

и винтовку откинуло въ сторону. И въ ту же минуту аппаратъ клюнулъ носомъ и, скользя на крыло, началъ падать въ болотную чащу.

Казакъ прослѣдилъ его медленнымъ взглядомъ и ринулся въ лѣсъ; толпа загудѣла и бросилась вслѣдъ.

И только начальникъ и группа офицеровъ остались на мѣстѣ, слѣдя, какъ по ясному небу, вертясь и сверкая, падалъ плоскій осколокъ чего-то, отколотый пулей отъ сбитаго на землю аппарата.

За спиной офицеровъ гулко и весело гудѣлъ моторъ Олехновича.

— А непріятно, когда надъ тобой летаетъ чужая машина,—сказалъ своимъ жирнымъ баскомъ упитанный пѣхотный полковникъ.—Словно ты въ банѣ раздѣлся, а кто-то нашелъ себѣ щель и смотритъ на твое грѣшное тѣло.

Потомъ неожиданно сдѣлалось тихо, и Олехновичъ, свистя пропеллеромъ, пошелъ безъ мотора на визъ, выбирая площадку для спуска.

V.

— Ну-съ, дорогой, сообщайте!—торопилъ генералъ Олехновича, сажая его передъ картой, потомъ поглядѣлъ на иззябшія, синія руки поручика и крикнулъ за дверь:—Чаю и рому!

Олехновичъ блаженно расправился, ощущая пріятную, сладкую теплоту, тронувшую иголками занѣмѣвшее тѣло, и нервная дрожь передернула его широкія плечи.

Стараясь быть краткимъ и дѣловито-послѣдовательнымъ, излагалъ онъ начальнику богатые результаты воздушной развѣдки; и когда говорилъ, то ловилъ себя на томъ, что за всѣмъ, что̀ сейчасъ происходитъ, лежитъ большая, еще не пробившаяся наружу, радость души, познавшей себя послѣ многихъ тревогъ опять въ обычной, родной обстановкѣ. Олехновичъ водилъ карандашомъ по картѣ, а въ глазахъ его плавалъ туманъ, и въ ногахъ ощущалась пріятная слабость.

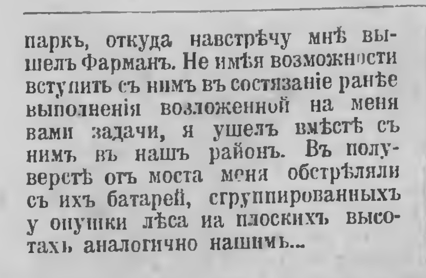
— Вотъ здѣсь,—говорилъ онъ начальнику, показывая то мѣсто на картѣ, гдѣ прорѣзавшее гущу лѣса шоссе упиралось въ рѣчную петлю:—мостъ... Къ этому пункту стремится ихъ главныя силы. Большіе отряды кавалеріи и пѣхоты уже переброшены на эту сторону и раскинулись лагеремъ у самой рѣки. Видѣлъ хвосты кавалерійскихъ частей, втянувшихся въ лѣсъ у шоссе; разъѣзды разбросаны всюду на всей широтѣ, доступной обзору; передовые отряды пѣхоты въ резервныхъ колоннахъ вступили въ открытое поле, а черезъ мостъ перевозятъ орудія. Сейчасъ по сю сторону не меньше двѣнадцати тысячъ пѣхоты при двухъ кавалерійскихъ полкахъ, есть конныя и пѣшія батареи, а тамъ, за мостомъ, по четыремъ направленіямъ подходятъ большія пѣхотныя массы; кавалеріи нѣтъ; подвозятъ тяжелыя орудія на огромныхъ платформахъ; видны автомобили; въ центрѣ тыла разбиты артиллерійскіе парки, много зарядныхъ ящиковъ, а дальше безъ конца тянутся обозы. Безусловно отрядъ питается артиллеріей изъ крѣпости Торнъ, такъ какъ тяжелыя орудія идутъ по шоссе съ юго-запада. Поражаетъ растянутость массъ и небрежность въ смыслѣ дозоровъ. Передовые не дальше трехъ верстъ отъ линіи пѣшихъ частей. Въ тылу аэро-

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Германскій автомобильный транспортъ, попавшій подъ огонь французской артиллеріи.

Франція. Битва на рѣкѣ Энъ. Обозъ колоніальныхъ африканскихъ войскъ въ Компьенскомъ лѣсу.

На парижскомъ кладбищѣ. У братскихъ могилъ павшихъ въ бою солдатъ.

паркъ, откуда навстрѣчу мнѣ вышелъ Фарманъ. Не имѣя возможности вступить съ нимъ въ состязаніе ранѣе выполненія возложенной на меня вами задачи, я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ въ нашъ районъ. Въ полуверстѣ отъ моста меня обстрѣляли съ ихъ батарей, сгруппированныхъ у опушки лѣса на плоскихъ высотахъ аналогично нашимъ...



Англійскія войска, отправляющіяся на помощь Франціи.

Принцъ Уэльскій Эдуардъ-Альбертъ, наслѣдникъ англійскаго престола.

Его Высочество числится лейтенантомъ флота, но, въ виду того, что принцъ еще не закончилъ своего военнаго образованія, военный министръ лордъ Китченеръ не разрѣшилъ ему отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Лишенный возможности стать грудью противъ общаго врага, принцъ организовалъ сборъ въ пользу раненыхъ англійскихъ солдатъ и собралъ уже сумму въ 75 милліоновъ.

Англія. Знаменщикъ королевской конной гвардіи.

Англійскій блиндированный автомобиль, находящійся при экспедиціонномъ корпусѣ во Франціи и участвовавшій въ бояхъ противъ германской кавалеріи.

Олехновичъ продолжалъ излагать свои наблюденія, а генералъ сосредоточенно глядѣлъ въ карту и дѣлалъ помѣтки карандашомъ на страницахъ блокнота.

Потомъ пересталъ слушать поручика и нервно заходилъ изъ угла въ уголъ.

Германскій аэропланъ, подбитый и взятый въ плѣнъ казаками. Рисунокъ И. Владимірова.

— Хорошо-съ! Хорошо-съ! Вы свободны, поручикъ! — сказалъ онъ рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ, глядя куда-то застывшими, сосредоточенными глазами.

Потомъ неожиданно брови его распрямились, и лицо засвѣтилось обычной, хорошей улыбкой:

— Спасибо, голубчикъ! Спасибо, родной! Я этого вамъ не забуду!

Генералъ подошелъ къ Олехновичу и, обнявъ его накрестъ руками, ткнулся усами въ горячую щеку поручика.

— Пошлите, родной, адъютанта, а сами идите уснуть! — крикнулъ старикъ на ходу Олехновичу.

VI.

Въ 8 часовъ вечера состоялся военный совѣтъ.

Рѣшено было принять противника на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли теперь.

Пѣхотѣ приказано было въ ночь окопаться на полѣ; артиллеристы должны были сдѣлать полууглубленные ложементы; полкъ драгунъ брошенъ былъ въ лѣсъ, гдѣ тянулось шоссе, съ приказаніемъ устроить засѣки и опутать деревья колючей проволокой, а командиру казачьяго полка предложено было итти въ засаду въ тотъ самый болотистый лѣсъ, который былъ показанъ непроходимымъ для конницы.

Теперь для начальника все было ясно, какъ на ладони. Сочетавъ данныя мѣстности съ матеріаломъ воздушной развѣдки, генералъ отослалъ донесеніе въ главную квартиру съ тѣмъ самымъ донцомъ, который привезъ поутру пакетъ, и принялся дѣятельно размѣщать подчиненныя части согласно сложившемуся уже крѣпкому, вѣрному плану.

Отпустивъ на позиціи командировъ отдѣльныхъ частей, генералъ собственноручно зажегъ лампадку передъ стариннымъ, давно почернѣвшимъ, образомъ и, заложивъ руки къ карманы тужурки, принялся тихо ходить изъ угла въ уголъ, напѣвая псалмы слабымъ, пріятнымъ голосомъ.

За окномъ уже быстро сѣрѣло, и тихія осеннія сумерки глядѣли сквозь стекла, какъ сквозь мутную, тонкую льдинку, — спокойно и грустно.

Одна за другой пробивались на небѣ звѣздочки. И ночь опускалась на землю широкими, темными крыльями, укрывая молчаніе лѣса и повитую дымкой тумана лужайку.

VII.

Съ наступленіемъ сумерекъ, пять сотенъ донского казачьяго полка вошли въ лѣсъ и начали осторожно продвигаться впередъ, охватывая справа открытое поле.

Въ головной сотнѣ первому взводу, подъ командой хорунжаго Наскокова, было приказано пройти сколько можно впередъ и пощупать передовые разъѣзды пруссаковъ.

Хорунжій отдѣлился отъ сотни и повелъ за собой казаковъ своего взвода.

Рѣшили держаться, пока будетъ можно, опушки, а тамъ — что Богъ дастъ.

Впереди шелъ Бадьма.

У калмыка было чутье собаки. На конѣ онъ сидѣлъ, какъ пришитый, и во время похода только широкая, немного сутулая, спина его мягко покачивалась изъ стороны въ сторону, изгибаясь у пояса привычнымъ, наметаннымъ движеніемъ. Казачій чекмень былъ немного широкъ для Бадьмы и лежалъ на немъ плоскими, мятыми складками; но каждый ремень, каждая пряжка заправлены были всегда любовной, умѣлой рукой, и тяжелая шашка ни разу не стукнула о чуткое стремя, а винтовка ни разу не тронула серебрянаго набора калмыцкаго кушака.

И конь подъ Бадьмой былъ подъ стать. Шелъ плавно, спокойно подъ высокимъ казачьимъ сѣдломъ, неслышно ступая стаканами породистыхъ, легкихъ копытъ; и если когда-нибудь уши его начинали вилять, а нервную кожу тревожила дрожь, ужъ навѣрно вблизи не все было ладно.

Бадьма зналъ до тонкости натуру коня, и не было случая, чтобы признаки самой пустячной тревоги, проявленной породистымъ мериномъ, были оставлены безъ вниманія.

Стрѣлялъ калмыкъ мѣтко на рѣдкость, рубилъ съ упоеніемъ, а пикой работалъ съ такой чистотой, что даже лихіе развѣдчики только покачивали чубатыми головами.

— Глянь-ка-сь! — гуторили они, улыбаясь: — кубыть и нехристъ, а рубя и коля въ пропорцію!

Хорунжій Наскоковъ давно уже крѣпко приглядывался къ молодому калмыку и, какъ только выпалъ чередъ итти на ночную развѣдку, сейчасъ же забралъ и Бадьму изъ четвертаго взвода.

— Собирайся, кунакъ! — сказалъ Бадьмѣ старшій развѣдчикъ изъ взвода Наскокова: — ихъ благородія требуя!

Калмыкъ засопѣлъ широкими, раздутыми ноздрями и сталъ приторачивать крѣпкій арканъ у луки.

— Моя, бачка, чичая! Малъ-малъ аркана брала! — отвѣтилъ онъ хрипло развѣдчику. — Скажи твоя благородія — моя собиралась айда!

Развѣдчикъ похлопалъ его по плечу и тихо отъѣхалъ...

Ночь была тихая, теплая, гдѣ-то въ тылу бродили неясные, далекіе звуки, а впереди, вдоль опушки, неподвижно и глухо висѣла густая и влажная тьма, напоенная чуткимъ молчаніемъ.

Высоко надъ землею роились холодныя звѣзды, такія спокойныя, ясныя, и ихъ золотые дозоры глядѣли на землю красиво и грустно.

Уже больше часа проѣхали молча.

Впереди шелъ калмыкъ, то пропадая во тьмѣ, то появляясь опять — неслышный и призрачный; и если закрыть на минуту глаза, то казалось, что ѣдешь одинъ, безъ людей: до того осторожно ступали казацкія лошади, до того растворились въ молчаніи ночи привычные, опытные развѣдчики.

Хорунжій любовно оглядывалъ нѣмыя фигуры своихъ полупризрачныхъ спутниковъ и упивался тревожной таинственностью красивой ночной обстановки.

Незамѣтно прошли до болота и поплыли по густому и влажному мху между рѣдкихъ березокъ, отдавъ лошадямъ полный поводъ.

Подъ Бадьмой вздрогнулъ конь и сразу остановился.

Стали и всѣ остальные.

На опушкѣ послышалось сочное фырканье чьихъ-то коней, и холодно звякнули чьи-то ножны.

Казаки простояли, не трогаясь, пока не затихли совсѣмъ отдаленные звуки, и снова пошли вдоль болота.

— Бачка! Нѣмца пошла! — прошипѣлъ Бадьма на ухо своему офицеру и клацнулъ зубами.

Хорунжій почувствовалъ, что позади замкнулось уже чужое кольцо, и ему стало жутко и радостно.

Скоро лошади стали вязнуть въ грязи, и пришлось забрать круто налѣво.

Калмыкъ повернулъ своего маштака головою къ опушкѣ, но тотъ не пошелъ.

Тогда Бадьма слѣзъ и пошелъ въ обратную сторону, въ самую чащу, ведя маштака въ поводу; хорунжій и взводъ казаковъ тоже спѣшились и пошли за калмыкомъ, утопая почти по колѣно въ грязи и водѣ.

Пройдя по болоту версты полторы, Бадьма остановился и сталъ ждать хорунжаго:

— Дальше, бачка, шабашъ! Нѣмца кругомъ! Оставляй казакамъ мурунъ, малъ-малъ ногами пошла.

Хорунжій отдалъ свою лошадь развѣдчику и, приказавъ дожидаться здѣсь, пошелъ за калмыкомъ опять по болоту.

Теперь воды стало значительно больше: временами она доходила до пояса, и пришлось переложить все, что было въ карманахъ, въ фуражку.

Вода обжигала сначала отяжелѣвшія ноги, но потомъ онѣ свыклись и сладко зудѣли, утопая по щиколодку въ опутанной травами тинѣ.

Скоро лѣсъ порѣдѣлъ, перешелъ въ невысокіе густые кустарники, и теперь приходилось уже продираться сквозь мокрую, скользкую чащу почти на животѣ.

Потянулъ вѣтерокъ, и пахнуло тепломъ.

Потомъ порѣдѣли кустарники, и передъ глазами развѣдчиковъ спокойной, темной лентой открылась рѣка.

Калмыкъ повертѣлъ головой, понюхалъ ночной воздухъ и тихо полѣзъ вдоль рѣки, забирая налѣво.

Скоро изъ тьмы возлѣ берега проступили какія-то тѣни, и оба застыли на мѣстѣ, стараясь вглядѣться.

— Парахода, бачка! Раньше ходила, чичая на дно ныряла, одинъ палка стыргалъ! — услышалъ хорунжій тихій шопотъ калмыка.

Миновали затопленный пароходъ.

И вдругъ услыхали тревожный, громыхающій гулъ, идущій откуда-то сбоку и сверху.

Калмыкъ поднялъ голову, поймалъ за рукавъ офицера и клацнулъ зубами.

Передъ ними саженяхъ въ тридцати легкимъ темнѣющимъ силуэтомъ высился мостъ.

Что-то свезли, громыхая и охая, гдѣ-то растаяли въ воздухѣ простые, спокойные голоса, и опять стало тихо.

Офицеръ подобрался вплотную къ калмыку и тихо шепнулъ:

— Впередъ!

— Айда! — отвѣтилъ калмыкъ, и они поползли вдоль по берегу, осторожно ощупывая руками мохнатыя, зыбкія кочки.

Скоро мостъ сталъ отчетливо виденъ.

Онъ темнѣлъ надъ водою холоднымъ, нависнувшимъ профилемъ, и въ его неподвижности было что-то нѣмое, значительное.

Наверху у ажурной рѣшетки, проступавшей рельефнымъ плетеніемъ на Млечномъ пути, шевелилась худая фигура, качаясь изъ стороны въ сторону.

Калмыкъ приподнялся до пояса и сталъ осторожно отматывать тяжелый арканъ.

Офицеръ поглядѣлъ на него, чувствуя, какъ больно задергалось сердце, и вынулъ револьверъ.

— Прощай, бачка! — тихо сказалъ калмыкъ. — Если моя пропадала, мала-мала свѣчка давай на твой Богъ.

Калмыкъ набросалъ весь арканъ широкими, ровными петлями на обѣ руки, зажалъ свободный конецъ въ зубы и беззвучно исчезъ въ темнотѣ.

Офицеръ онѣмѣлъ въ напряженіи и глядѣлъ, не мигая, на черную тѣнь у перилъ.

Теперь время остановилось совсѣмъ.

Молчала вода, молчали кусты, молчали нѣмыя сплетенія желѣзной рѣшетки, и холодомъ смерти повѣяло изъ лѣса, оттуда, гдѣ звонко застыло невидимое, глухое болото.

Неожиданный всплескъ подъ мостомъ разбудилъ тишину.

Офицеръ чутко вздрогнулъ и нащупалъ рукою собачку Нагана.

Шевельнулась фигура вверху надъ перилами и тревожно склонилась надъ черной водой.

И въ ту же минуту что-то свистнуло въ воздухѣ, и нѣмая фигура, раскинувъ безпомощно руки, метнулась по воздуху внизъ.

Мягко и сочно хряснуло что-то тяжелое внизу подъ мостомъ, и снова молчаніе повисло надъ черной водой.

Офицеръ, задыхаясь, поползъ въ темноту и скоро столкнулся съ калмыкомъ.

Онъ сидѣлъ на безжизненномъ сѣромъ комкѣ и хрипло дышалъ, выплевывая кровь изъ разбитаго рта.

— Нѣмца брала! Живая была! Рукамъ болталъ, зубамъ давалъ! Чичая смирно ставалъ!

Офицеръ оглядѣлся кругомъ и вздохнулъ полной грудью.

Словно кошка, вскочилъ онъ на ноги и бросился прямо къ мосту. Оглядѣвъ быстро быкъ, на которомъ лежалъ всею тяжестью холодный, покрытый росой, черный остовъ, офицеръ подложилъ подъ устои пять вѣскихъ пироксилиновыхъ шашекъ и вынулъ изъ фуражки кольцо бикфордова шнура съ набитымъ уже капсюлемъ гремучей ртути. Зажавъ между шашками головку шнура, офицеръ чиркнулъ около вспыхнувшей сразу машинкой и, убѣдившись, что пламя забило фонтаномъ изъ тающаго шнура, бросился снова къ болоту.

Калмыкъ уже былъ впереди. Онъ быстро бѣжалъ, хлопая въ грязи сапогами и указывая путь, куда нужно итти.

Мелькнули холодные, хлесткіе кустарники, плеснулась вода подъ ногами, и вдругъ что-то ахнуло громомъ въ расколотомъ воздухѣ и бѣшено взвизгнуло желѣзными голосами.

Метнулось по берегу гулкое эхо и далекими, круглыми перекатами раскатилось по лѣсу.

Потомъ на минуту повисла зловѣщая тишина, и что-то огромное рухнуло въ воду, захлестнувъ цѣлый берегъ тяжелымъ, сметающимъ вздохомъ.

Загудѣли на томъ берегу голоса, и тревожная, жесткая трескотня прокатилась по всей ширинѣ золотыми огнями.

— Ну, теперь айда, бачка! — крикнулъ калмыкъ и пошелъ мять болото кривыми ногами.

Офицеръ загорѣлся огнемъ и врѣзался яростно въ холодную, мокрую гущу.

Стрѣльба сзади крѣпла, росла, охватывая все новые и новые участки. Гдѣ-то забили тревогу. Ночь загудѣла на всѣ голоса. И вдругъ далеко впереди одиноко и гулко ахнула пушка.

VIII.

Передъ самымъ разсвѣтомъ въ деревню, гдѣ находилась квартира начальника праваго фланга, ворвался казакъ на взмыленной лошади и на карьерѣ сорвался съ сѣдла.

— Доложи! — крикнулъ онъ заспанному денщику, отворившему дверь.

Черезъ минуту пришелъ адъютантъ и провелъ казака къ генералу.

Генералъ уже былъ на ногахъ, какъ всегда, — въ своей сѣрой тужуркѣ, и нервно потрогивалъ Владимірскій крестикъ на шеѣ пальцами правой руки.

— Такъ я ничего не понимаю! — встрѣтилъ онъ жарко дышавшаго казака. — Что тамъ вышло?

— Такъ што, ваше превосходительство, ихъ благородіе хорунжій Наскоковъ съ казакомъ Бадьмою Улановымъ взорвали у нѣмца въ тылу димяпитомъ мостъ!

— Такъ! — стиснулъ ладони начальникъ, и глаза у него загорѣлись.

— А еще, позвольте вамъ доложить, что нѣмецъ съ перепугу зачалъ палить почемъ зря. Что за рѣчкой — стрѣлили своихъ, а енти, что тутъ, — спужались и зачали итить удоль лѣсу. Мы забѣгли глыбоко, ажнакъ верстовъ на двѣнадцать, и намъ наскрозь видно! Какъ агламшенные прутъ, сами сабѣ въ смятенію пріизводють!

— Хорошо! Можешь ѣхать! Передай командиру вотъ это!

Генералъ набросалъ нѣсколько словъ на клочкѣ и вышелъ.

— Лошадь!

Вѣстовой подалъ лошадь.

Генералъ свободно вскочилъ въ сѣдло и рысью пошелъ черезъ поле.

Проѣзжая рядами окоповъ, онъ видѣлъ, какъ тускло блестѣли штыки въ туманѣ разсвѣта.

Поздоровался зычно и молодо.

— Здр-р-равія желаемъ!.. — отвѣтили дружно невидимые стрѣлки.

Потомъ передалъ приказаніе толстому пѣхотному полковнику, подавшему рапортъ, и поѣхалъ къ опушкѣ, туда, гдѣ стояли на плоскихъ высотахъ незримыя пушки.

Тамъ генералъ слѣзъ съ коня и собралъ офицеровъ.

— Господа! — сказалъ онъ: — будьте крайне внимательны. Ваша задача сегодня — продольный огонь. Боже васъ сохрани тронуть лѣсъ: — тамъ наши донцы въ засадѣ. Господа офицеры, къ орудіямъ! Слушать каманду!

Сѣрые люди закопошились по ложементамъ, и тяжелыя думы зашевелились надъ свѣжею насыпью.

Настало глубокое, чуткое ожиданіе.

Откуда-то издали наплывала волна безпокойнаго гула; гдѣ-то трещали безпорядочные ружейные выстрѣлы; временами незримыя дали гудѣли глухими раскатами, а затѣмъ высоко въ небесахъ, порывисто хлопая, проносился снарядъ и лопался гдѣ-то за лѣсомъ.

Начинало свѣтать.

Загорѣлись края сѣрыхъ тучъ, поблѣднѣли туманы у лѣса, и вотъ впереди на открытомъ пространствѣ показались неясныя тѣни.

— Шрапнель! — пронеслось нараспѣвъ по высотамъ.

Заработали четко замки, и наводчики застыли верхомъ на лафетахъ.

— Прицѣлъ!.. Трубка!.. Влѣво два!.. — все такъ же протяжно пѣлъ голосъ спокойнаго батарейнаго командира.

И гдѣ-то работали мозолистыя, крѣпкія руки, вырывая ненужныя чеки, устанавливая дистанціонныя трубки, поднимая кремальерные прицѣлы.

— Первое-е-п! — захлебнулся камандою командиръ и привычно открылъ ротъ.

Стегнуло желѣзнымъ ударомъ по воздуху, и первый снарядъ запѣлъ надъ равниной.

Взметнулось далеко бѣлое облако и застлало собою неясныя чужія фигуры.

— Недолетъ! — сказалъ командиръ. Прицѣлъ. — поднялся опять его голосъ: — второе-п!

Ахнуло громомъ опять, и на бѣломъ туманѣ, застлавшемъ собою лужайку, проступили отчетливо силуэты людей.

— Перелетъ! — спокойно сказалъ командиръ: — вилка есть! Прицѣлъ!.. Батарейнымъ залпомъ! Батарея-а-а!

Застыли номера у орудій, а всѣ взоры глядѣли теперь на одного человѣка, снявшаго шапку и державшаго ее высоко надъ головой.

Вотъ рука дрогнула и плавно упала внизъ.

Проѣхавъ вдоль ряда окоповъ, генералъ повернулъ на опушку, гдѣ стояли резервы, и, сказавъ нѣсколько словъ командирамъ отдѣльныхъ частей, проѣхалъ на конную батарею, стоявшую выше шоссе, за открытымъ холмомъ.

Принявъ рапортъ отъ молодого, щеголеватаго подполковника, генералъ закурилъ папиросу и долго смотрѣлъ вдоль шоссе, уходящаго въ лѣсъ.

— Вотъ это, полковникъ, — сказалъ онъ франтоватому коннику: — это — дорога! Направо и налѣво вы видите лѣсъ: вправо за лѣсомъ идетъ бой; а влѣво, за этой дорогой, передвигаются лѣсомъ большіе отряды противника. Если вы разовьете самый отчаянный огонь вдоль шоссе, не считаясь съ присутствіемъ или отсутствіемъ непріятеля, ваша задача будетъ исполнена. Забросайте осколками все! Поняли?

— Слушаю! — отвѣтилъ артиллеристъ, улыбаясь красивыми умными глазами.

— Теперь ступайте къ орудіямъ, а мнѣ пришлите поручика... м-м... — Генералъ на минуту замялся и потрогалъ рукой шейный крестъ. Потомъ отвернулся отъ подполковника и рѣзко назвалъ свою собственную фамилію.

IX.

— Вы извините, мы малость того... по-семейному, — смущенно сказалъ генералъ адъютанту.

Адъютантъ отошелъ за сосну, ведя въ поводу свою лошадь, и знакомъ позвалъ казака, державшаго лошадь начальника.

Изъ-за зарослей желтаго папоротника вышелъ молоденькій офицеръ въ формѣ поручика конной артиллеріи и торопливо пошелъ къ генералу.

Безусое дѣтское лицо его было сильно взволновано, а большіе открытые глаза глядѣли подъ ноги изъ-подъ прыгающихъ темныхъ ресницъ.

Въ рукѣ у поручика былъ коротенькій стэкъ, и онъ имъ похлопывалъ себя по колѣну на каждомъ шагу.

— Изволили звать, ваше превосходительство? — остановился онъ рядомъ съ начальникомъ, но, поглядѣвъ на отца, сразу понялъ, зачѣмъ его звали, и поникъ головой на груди генерала.

Генералъ потрепалъ его ласково широкой ладонью по голому, выбритому затылку и посадилъ возлѣ себя на поваленное грозой корявое дерево.

— Хочешь курить, Николай? — открылъ генералъ портсигаръ.

Молодой офицеръ зажегъ папиросу, и оба сидѣли теперь и молчали, потупившись въ землю, не слыша тяжелаго гула за лѣсомъ и горячей, разсыпчатой трескотни. Папиросы уже догорѣли.

Генералъ свою бросилъ и придавилъ каблукомъ, а поручикъ порвалъ на куски и осыпалъ себѣ колѣни обрывками желтой бумаги.

Время шло. Трудно было подняться.

Неожиданно ухнуло около и пахнуло кисловатымъ, горячимъ дымкомъ.

Это открыла огонь сосѣдняя конная батарея.

Генералъ быстро всталъ.

Торопливо и нервно разстегнулъ сѣрую тужурку и снялъ золотой медальонъ, висѣвшій на общей цѣпочкѣ съ натѣльнымъ серебрянымъ крестомъ.

— Это — моя мать надѣла... когда отправляла въ корпусъ!.. — крикнулъ онъ въ ухо поручику, стараясь быть слышнымъ: — это останется мнѣ. А вотъ здѣсь, въ медальонѣ, портретъ... Это... твоя мать... когда...

Генералъ не окончилъ и, наклонивъ низко голову, снялъ медальонъ съ цѣпочки.

Поручикъ прижался губами къ холодному, чистому овалу и, быстро стянувъ съ шеи крестъ, закрѣпилъ рядомъ съ нимъ медальонъ.

Потомъ офицеры взглянули одинъ на другого и крѣпко прижались другъ къ другу.

— Да сохранитъ тебя Богъ, Николай! — кричалъ старикъ въ ухо приникшему сыну.—Помни мать... она у насъ... бѣдная...

Старикъ не окончилъ опять и, выпустивъ изъ рукъ молодого поручика, пошелъ на опушку.

Молодой офицеръ поднялъ шапку съ земли, тряхнулъ ею въ воздухѣ и быстро пошелъ къ батареѣ.

Когда генералу давали коня, адъютанта не было у стараго мѣста. Онъ стоялъ въ сторонѣ, отвернувшись, и изъ-за приподнятыхъ, вздрагивающихъ плечъ предательски трепался шелковый желтый платокъ, развѣваемый утреннимъ вѣтромъ.

X.

Съ главныхъ высотъ все, что осталось внизу, казалось красивой, веселенькой панорамой.

Совсѣмъ, какъ игрушечная, обозначалась конная батарейка, обстрѣливающая сѣрую ленту шоссе; правѣе—кудревато бѣлѣли дымки, одѣвая темнѣющіе окопы; еще въ сторонѣ голубымъ, безмятежнымъ дыханіемъ курился болотный лѣсокъ, а по склонамъ горѣла роса, обозначивъ слѣпящими, мокрыми бликами крутые слѣды, по которымъ недавно прошли зарядные ящики.

На равнинѣ шелъ бой.

А на главныхъ высотахъ съ тяжелыхъ полевыхъ орудій только что сняли чехлы, и прислуга спокойно лежала на мокрой травѣ, безпечно покуривая.

На переметной сумѣ, брошенной кѣмъ-то поперекъ запаснаго лафета, сидѣлъ генералъ, опершись руками о согнутыя колѣни, и штабные, не смѣя тревожить его, отошли къ сторонѣ, озирая въ бинокли равнину.

Генералъ былъ спокоенъ и строгъ. Лохматыя сивыя брови сползли на глаза, и рѣзкая жесткая складка разрѣзала лобъ.

Одинъ за другимъ подъѣзжали на измыленныхъ лошадяхъ офицеры изъ сферы огня и, выслушавъ короткія приказанія, отъѣзжали опять, торопливо обмѣниваясь словами съ офицерами штаба.

Непріятель шелъ густо, упорно, занимая одинъ за другимъ лѣсные участки.

Части войскъ тамъ и здѣсь измѣняли свои положенія, то продвигались впередъ, то отступали назадъ...

Все это нужно было учитывать въ каждый отдѣльный моментъ и быть одновременно мыслью въ различныхъ мѣстахъ, оцѣнивая серьезность нарастающихъ, ширящихся операцій.

Все, что лежало внизу, было сѣтью невидимыхъ нитей спаяно въ единое цѣлое, и концы этихъ нитей лежали въ рукѣ генерала: всѣ онѣ были одинаковы цѣнны, одинаково значущи, и стоило только ослабнуть, порваться одной—и вся сѣть будетъ спутана: связь разорвется, и стройная, живая система утеряетъ верховное руководительство, и части ея будутъ брошены на собственный, слѣпой произволъ.

Генералъ это чувствовалъ и крѣпко вязалъ донесенія на одну основную, суровою нить.

Онъ сидѣлъ неподвижно, не глядя на поле. Передъ нимъ была брошена карта, но глаза его были закрыты и открывались только тогда, когда передъ нимъ выростала фигура чужого всадника, носящаго на себѣ слѣды буйной тревоги, царящей внизу.

Отсюда со стороны, съ большой высоты, напряженно застывшей надъ лѣсомъ и полемъ, все, что вершилось внизу, было сложнымъ, живымъ процессомъ, управляемымъ единою волей.

И подъ грохотъ далекихъ орудій, подъ громыханье зарядныхъ ящиковъ, уходящихъ на линію дѣйствія, начальникъ сидѣлъ, опустивъ низко голову съ закрытыми, все видящими глазами, и только жилы на лбу проступили сильнѣй, да густыя, лохматыя брови все ниже и ниже ползли на глаза.

Въ восемь часовъ нѣмцы нащупали трепавшую ихъ батарею и открыли по ней безпощадный огонь.

Съ главныхъ высотъ было видно, какъ рвались по ней тяжелые фугасные снаряды осадныхъ орудій, вздымая столбы, уходящіе въ небо.

Батарея стрѣляла все рѣже и рѣже, и скоро оттуда сказали по телефону, что въ одномъ изъ орудій свернуло станину, у двухъ сбиты прицѣлы, а остальныя утратили почти цѣликомъ прислугу.

Одновременно съ этимъ драгунскій корнетъ прискакалъ сообщить, что въ лѣсу показались гусары, но послѣ залпа у загражденій ушли, пропустивъ впередъ пѣхоту. Пѣхота пробилась сквозь линію загражденій, и драгуны должны были уйти къ лошадямъ, откуда прошли подъ прикрытіе своей батареи.

Генералъ приказалъ драгунамъ выйти изъ лѣса совсѣмъ, прикрывъ отступленіе батареи совмѣстно съ двумя пулеметными ротами, брошенными въ лѣсъ впереди замолчавшихъ высотъ.

Потомъ подозвалъ штабного полковника и коротко приказалъ:

— Приготовить тяжелыя полевыя! Сейчасъ лѣсъ будетъ нами очищенъ! Пусть батареи откроютъ огонь во всю глубину.

Вслѣдъ за этимъ начальнику доложили, что гусары выходятъ изъ лѣса и строятся подъ огнемъ у опушки.

Генералъ взялъ бинокль и сталъ на лафетъ.

Картина была изумительная.

Гусары, роняя людей, широкой дугой стремились вдоль лѣса и шли на безпомощную уже, молчавшую батарею.

Съ безлюдныхъ высотъ имъ отвѣтили одинокимъ, послѣднимъ выстрѣломъ, и настала томительно-жуткая минута.

Гусары шли крѣпкой стѣной: упорнымъ, тяжелымъ наметомъ покрывали они остатокъ пространства, отдѣлявшаго ихъ отъ высотъ.

Вотъ уже близко откосъ.

„Успѣютъ ли наши?“ — мучительно думаетъ генералъ, оглядывая лѣсную опушку, и вдругъ морщина на лбу распрямилась, а мѣшки подъ глазами запрыгали.

Вздыбились переднія лошади...

— Пулеметы!—сказалъ кто-то рядомъ съ начальникомъ.

„Успѣли!“ — подумалъ начальникъ и снова позвалъ одного изъ штабныхъ: — Введите еще полкъ пѣхоты!

Генералъ поглядѣлъ еще разъ на опушку, гдѣ за спиной пулеметовъ драгуны свозили съ высотъ подбитыя пушки, и снова уперся глазами въ открытую карту.

Теперь съ двухъ сторонъ загромыхали тяжелыя орудія, бросая на лѣсъ, набитый нѣмецкой пѣхотой, потоки снарядовъ, и генералъ ощутилъ, какъ холодное, ясное спокойствіе начинаетъ его оставлять.

Голосъ орудій увлекъ его старую душу, и она загорѣлась огнемъ, подчиняясь всеобщему бурному возбужденію. Вся атмосфера теперь дышала огнемъ и стонала.

Генералъ попытался-было подавить въ себѣ наплывъ буйныхъ силъ, туманящихъ голову, сознавая, что въ эти минуты, близкія къ страшной развязкѣ, онъ долженъ быть холоднымъ и твердымъ.

Наступила высокая, отвѣтственная минута.

Въ такіе моменты у исключительныхъ, богатыхъ натуръ подъ вліяніемъ высшаго напряженія всѣ воспріятія обостряются до крайняго, сверхчеловѣческаго предѣла и даютъ носителю ихъ великія прозрѣнія генія, пробившаго себѣ выходъ сквозь утерявшую способность сопротивленія оболочку.

И этотъ моментъ наступилъ, расплавивъ въ себѣ тревогу обычныхъ сомнѣній.

Генералъ рѣзко всталъ и нѣсколькими короткими словами бросилъ все, что имѣлъ подъ рукою, на открытое поле.

XI.

Когда затрещалъ барабанъ, и рожки простонали атаку, толстый пѣхотный подполковникъ вытащилъ изъ ноженъ тонкую стальную шашку и сталъ во весь ростъ передъ первымъ окопомъ.

На минуту припомнилась ему висѣвшая гдѣ-то, кажется, въ залахъ училища, старая яркая олеографія: солдаты склонили щетину штыковъ, угрожая бѣгущему съ фронта противнику, а впереди офицеръ, вытянувъ руку впередъ, указываетъ шашкой солдатамъ ихъ путь.

Вертѣлись въ горячемъ мозгу какія-то красивыя, звонкія слова, но вспомнить ихъ въ данный моментъ подполковникъ не могъ.

Онъ вытянулъ шашку, оглянулся на выросшіе окопы и бросился быстро впередъ, роняя пенсне съ широкаго, мокраго носа.

Солдаты рванулись за нимъ и съ протяжными дикими криками пошли на огонь, то вставая, то падая.

Молоденькій подпоручикъ, тотъ самый, которому такъ жадно хотѣлось, чтобы наши артиллеристы обстрѣляли нѣмецкаго летчика, вырвался впередъ передъ цѣпью и рухнулъ на землю.

Усатый сверхсрочный фельдфебель качнулся надъ нимъ, повернулъ его кверху лицомъ и бросился дальше, стиснувъ широкія челюсти.

Снаряды ложились одинъ за другимъ. Люди валились въ дыму одинъ на другого...

Откуда-то сзади прорвалась лохматая полковая собака и металась вдоль цѣпи, болтая запѣненнымъ языкомъ.

Фельдфебель взглянулъ на нее, замѣтилъ, что въ шерсть налипли комками колючіе репухи, и невольно осклабился.

Потомъ взмахнулъ кверху шашкой и клюнулъ въ канаву съ прострѣленной головой.

Земля подъ ногами взметалась и прыгала, словно живая. Въ ушахъ стоялъ вой, и воздухъ казался густымъ и горячимъ...

Отъ первыхъ рядовъ уже никого не осталось. Солдаты вприпрыжку бѣжали, махая винтовками: и далеко впереди, не опуская застывшей руки, бѣжалъ, не видя, куда, подполковникъ.

Неожиданно сбоку мелькнули драгуны и, поднявъ палаши, просвистѣли впередъ, обдавая солдатъ комьями рыхлой земли.

Стало сразу свѣжѣй и спокойнѣй.

Солдаты сплотились, врываясь въ широкій просвѣтъ, пробитый драгунами въ нѣмецкой пѣхотѣ, и тонкія жала штыковъ потянулись впередъ.

— Ура-а-а! — прокатилось въ тылу, разрастаясь и ширясь.

— Ура-а-а! — застонало по линіи отъ лѣса до лѣса.

— А-а-а...—зазвенѣло въ лѣсу и повисло надъ полемъ.

И живая волна, сметая тѣла, кровавымъ налетомъ легла на равнину.

Качнулось вдали раздутое вѣтромъ, широкое знамя и рухнуло внизъ.

А солдаты бѣжали, бѣжали, не чувствуя больше снарядовъ, свистѣвшихъ уже высоко, и грудились плотно и крѣпко, нажимая на спины переднихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, [illegible] просп., № 29. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

В. Васнецовъ. Богоматерь. Запрестольный образъ Кіевскаго Владимірскаго Собора.

В. М. Васнецовъ и его творчество.

Очеркъ **Іер. І. Ясинскаго.**

Я былъ еще маленькимъ гимназистомъ, когда былъ построенъ соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ архитекторомъ Беретти. Прошло четверть вѣка, и опять, уже зрѣлымъ человѣкомъ, увидѣлъ я сводъ и стѣны заброшеннаго собора, который суждено было призвать къ жизни проф. Прахову при содѣйствіи такого великаго художника, какъ Васнецовъ.

Благодаря геніальнымъ усиліямъ Васнецова, стиль его иконописи возобладалъ въ храмѣ, и его религіозныя композиціи вызываютъ такія настроенія, что картины Свѣдомскаго и Котарбинскаго въ томъ же соборѣ, при всѣхъ ихъ живописныхъ достоинствахъ, тускнѣютъ и теряются въ лучахъ Васнецовскихъ художественныхъ озареній и откровеній.

Васнецовъ былъ уже зрѣлымъ художникомъ, когда сталъ участвовать въ росписи Владимірскаго собора. Рано проявилъ онъ любовь ко всему національному въ искусствѣ. Еще ребенкомъ онъ рисовалъ крестьянъ. Чтобы поступить въ Петербургскую Академію Художествъ изъ богословскаго класса Вятской духовной семинаріи (отецъ его былъ священникомъ, хотя въ жилахъ художника течетъ англійская кровь, и Васнецовы ведутъ свой родъ отъ какого-то давняго англійскаго выходца), В. М. Васнецовъ разыгралъ въ лотерею двѣ свои масляныя картины „Молочницу“ и „Жницу“. Въ 1868 году 20-лѣтній Васнецовъ былъ уже награжденъ бронзовой медалью на Лондонской Всемірной выставкѣ за его рисунки перомъ, а черезъ годъ—тремя медалями изъ Академіи Художествъ. Съ этого же года начинаетъ онъ участвовать на Академическихъ выставкахъ и вскорѣ на Передвижныхъ. Всѣ темы у него спеціально русскія: „Царь-дѣвица“, „Княжеская иконописная мастерская“, „Конекъ Горбунокъ“, „Жаръ-птица“, „Витязь“, „Богоматерь“ (акварель).

Молодой художникъ стоитъ еще на распутьѣ: его влекутъ къ себѣ историческіе сюжеты, и ему хочется писать жанровыя картины и сцены.

Подобно тому, какъ В. В. Верещагинъ долго рисовалъ и избѣгалъ масляныхъ красокъ, такъ и Васнецовъ не сразу принялся за масляныя картины.

Викторъ Михайловичъ Васнецовъ.

Первыя масляныя картины его появились на постоянной выставкѣ Общества Поощренія Художниковъ въ 1872—1874 гг., и въ журналѣ „Пчела“ была воспроизведена лучшая изъ нихъ—„Нищіе“. У церковной ограды въ селѣ Рябовскомъ—родина художника—усѣлись въ кружокъ нищіе и собираютъ слушателей. На этой картинѣ Васнецовъ проявилъ недюжинное дарованіе сатирика и юмориста. Другая картина его—„Чаепитіе“—обратила на себя вниманіе красотой колорита: она была и въ Парижѣ на выставкѣ.

Вѣрный своимъ первоначальнымъ симпатіямъ, Васнецовъ продолжалъ создавать жанровыя картины, и въ 1876 году, въ бытность свою во Франціи и живя у крестьянина въ Медонѣ, онъ написалъ картину „Представленіе уличныхъ акробатовъ“. Картина эта была куплена Императоромъ Александромъ III (тогда еще Великимъ Княземъ) и теперь находится въ Русскомъ Музеѣ. Русская критика встрѣтила „Акробатовъ“ похвалами. Картина была привѣтствована, какъ огромный шагъ Васнецова впередъ въ техническомъ отношеніи.

На родинѣ, послѣ Парижа, особенно ярко потянули Васнецова не только бѣдность и уродство, нищенскія и смѣшныя сцены, но и богатыри, и святые идеалы, и величавыя легенды. Еще раньше на Васнецова большое впечатлѣніе производили литературныя чтенія, которыя устраивались на товарищескихъ собраніяхъ. Одинъ чтецъ, студентъ Савенковъ, заразилъ Васнецова на этихъ собраніяхъ своею любовью къ былинамъ. Васнецовъ часто перечитывалъ ихъ потомъ. А какъ Васнецовъ могъ увлекаться чтеніемъ, я самъ былъ очевидцемъ. Какъ-то я принесъ къ нему на лѣса, когда онъ работалъ во Владимірскомъ соборѣ, „Очарованнаго странника“ Лѣскова. Васнецовъ сталъ читать и уже не могъ оторваться. Полтора дня ничего не дѣлалъ и все читалъ на лѣсахъ „Очарованнаго странника“.

Большое впечатлѣніе произвела появившаяся на Передвижной выставкѣ картина „Побоище“. Лежатъ русскіе витязи, спокойные, величавые, повитые мертвымъ сномъ; полегли за землю русскую храбрые русичи; ночь освѣщаетъ ихъ блѣдныя лица; поднимаются изъ земли полевые цвѣты; а надъ побоищемъ паритъ въ тихомъ воздухѣ теплой лѣтней ночи крылатый хищникъ.

Сильнымъ историческимъ національнымъ настроеніемъ проникнуты и картина „Витязь на распутьѣ“ (воспроизводится въ настоящемъ нумерѣ въ краскахъ), и „Коверъ самолетъ“, и религіозныя картины въ Абрамцевской церкви, и декораціи, и костюмы къ „Снѣгурочкѣ“, о которой А. Бенуа отозвался, что „она дышитъ непосредственной простотой и свѣжестью народнаго эпоса и прекрасна по своей народной русской фантастикѣ“.

Любитъ жанръ Васнецовъ, но отстаетъ отъ него, покидаетъ его. Его увлекаетъ тотъ родъ живописи, который французы называютъ большой живописью (La grande peinture). Ему не только хочется подмѣчать мелкія движенія души русскаго человѣка, онъ чувствуетъ себя въ силахъ передать въ своихъ картинахъ душу русскаго народа, а не только русскаго человѣка. Его акварель „Царь Берендей“ до такой степени новое, оригинальное, самобытное и вмѣстѣ русское произведеніе, что знаменитый въ свое время Стасовъ писалъ: „я не могъ долго отвести отъ этой картинки глазъ. Это—изумительная по творчеству и мастерски исполненная акварель“.

Въ 1881 году написана была Васнецовымъ „Аленушка“, тоже относящаяся уже къ „большой живописи“. Аленушка—героиня сказки „Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка“.

Спустя три года, русское искусство обогатилось новымъ произведеніемъ Васнецова. То были фрески въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, изображающія каменный вѣкъ. Художникъ обнаружилъ тутъ большую силу воображенія и знакомство съ русскими древностями и проникновеніе въ духовный міръ первобытнаго человѣка, современника мамонта и пещернаго медвѣдя. Охота на мамонта, который попался въ западню и яростно защищается отъ толпы озвѣрѣлыхъ людей, производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Большая живопись особенно выдвинула Васнецова; сталъ онъ самъ большимъ художникомъ. Послѣ новыхъ картинъ его „Пименъ“ и „Три дѣвицы подъ окномъ пряли поздно вечеркомъ“, въ особенности послѣдняя проникнута чарующимъ свѣтомъ чисто русской, сказочной, нѣжной и вмѣстѣ величавой красоты, Васнецовъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ, гдѣ развернулся во всемъ блескѣ его огромный живописный талантъ.

Даже бѣглое перечисленіе религіозныхъ картинъ В. М. Васнецова, украшающихъ Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, заняло бы вдвое больше мѣста, находящагося въ нашемъ распоряженіи. Намъ придется ограничиться только общей характеристикой религіознаго творчества Васнецова.

В. Васнецовъ. Изъ Оссіана. Пѣснь о Сальгарѣ.

В. Васнецовъ. Баянъ. Русскій Музей Императора Александра III.

Разумѣется, мало сказать, что иконопись В. М. Васнецова носитъ глубоко національный характеръ. Она всѣмъ своимъ существомъ, своими глубочайшими настроеніями, исторической преемственностью примыкаетъ къ древне-русской народной, кіево-печерской легендѣ. Строгіе, съ византійскими чертами, лики святыхъ, написанные вдохновенной кистью Васнецова, прониклись какими-то едва уловимыми и однакоже уже неизгладимо русскими этническими особенностями. Греко-византійское стало славяно-русскимъ, ни въ чемъ не измѣнивъ въ то же время своей духовной природѣ. Все наносное, западное, что̀ привито было русскому иконописному искусству до Владимірскаго собора, потускнѣло и исчезло подъ обновляющимъ дыханіемъ генія Васнецова. Его трудъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что въ наше время не легкая задача вызвать къ жизни то древнее религіозное чувство благоговѣнія, смѣшаннаго съ ужасомъ, со „страхомъ Божіимъ", которое внушали нашимъ предкамъ картины Страшнаго Суда, грѣхопаденія, страстей Господнихъ вплоть до Распятія, Бога-Отца, возсѣдающаго на херувимахъ...

Какъ въ только-что названныхъ религіозныхъ картинахъ, такъ и въ другихъ, неизсякающимъ источникомъ бьетъ чисто-русская національная стихія, поскольку она стремится выразить себя въ религіозныхъ подъемахъ и взлетахъ. Тайна обаянія васнецовской живописи заключается не только, впрочемъ, въ этой подлинности русской стихіи, но и въ необычайной искренности и наивности, съ какою художникъ, созерцая русскую старину, претворяетъ ее въ своей душѣ; и подобно тому, какъ обветшалый металлъ древнихъ злато-кузнецовъ расплавляется въ огнѣ горна и снова становится чистымъ, яркимъ и безукоризненнымъ, до-никоновская иконопись чудесно обновилась на палитрѣ Васнецова. Его археологическая эрудиція такъ велика, какъ велико его творчество.

Исключительное мѣсто среди религіозныхъ картинъ Владимірскаго собора занимаетъ его „Богоматерь" (воспроизводится въ настоящемъ нумерѣ въ краскахъ) съ Младенцемъ на рукахъ, небесно-величавая. Она идетъ по облакамъ среди ангеловъ, величающихъ ее. Это—воплощеніе святости, цѣломудрія и дѣвственности, которое обѣщаетъ помощь и утѣшеніе всѣмъ, прибѣгающимъ къ ней. И не на одинхъ вѣрующихъ дѣйствуетъ такъ этотъ несравненный образъ русской Мадонны. Особыя высокія чувства пробуждаетъ онъ и у людей научно-образованныхъ и относящихся къ религіи съ большимъ или меньшимъ скептицизмомъ...

Владимірскій соборъ былъ расписанъ. И еще въ Кіевѣ В. М. Васнецовъ написалъ картину „Иванъ-царевичъ" съ прекрасной Еленой на сѣромъ волкѣ. „Царь Иванъ Васильевичъ Грозный"—страшный, величественный, увѣренный въ своей непогрѣшимости тиранъ, предъ которымъ все дрожитъ и преклоняется, и „Великая застава богатырская", изображающая типы героевъ древней Руси, уступившихъ свое богатырство и мощь московскому царю,—вотъ новые шедевры, подаренные Васнецовымъ русскому искусству въ промежутокъ между росписью Владимірскаго собора и его новыми иконописными работами.

Силы художника въ этотъ періодъ творческой дѣятельности его все развивались. Въ особенности выявило себя ярко, во всей непринужденности мистическаго размаха, большое дарованіе Васнецова въ церкви м. Гусь (Владимірской губ. при Мальцовской мануфактурѣ). Тутъ онъ повторилъ, сильно разработавъ, „Страшный Судъ", написалъ „Распятіе Іисуса Христа" съ разбойниками, необычайной драматичности „Сошествіе во адъ" и наконецъ икону „О тебѣ радуется"—великолѣпной древне-русской композиціи. Гусинская церковь могла бы быть мѣстомъ паломничества для знатоковъ и цѣнителей нашего художника.

Послѣ долгаго перерыва В. М. выставилъ въ Москвѣ большую картину „Баянъ". На Олеговомъ курганѣ князь съ княжичемъ и дружиною слушаетъ баяна, который поетъ о подвигахъ давнихъ временъ. Что̀ ни голова на этой картинѣ, то типъ. Витязи внимательны, задумчивы, но еще внимательнѣе слушаетъ княжичъ—„отроча̀". Раньше еще написана была Васнецовымъ картина на Лермонтовское „Желаніе": „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной", принадлежащая къ тому же циклу легендарно-богатырскихъ картинъ художника. Кромѣ „Баяна", В. М. Васнецовымъ были выставлены еще двѣ новыя картины: „Бой Ивана-Царевича съ трехглавымъ змѣемъ" и „Пѣснь о Сальгари изъ Оссіана". Двѣ послѣднія картины петербургская публика могла видѣть на выставкѣ Союза. Братъ Колмы и Сальгарь, ея возлюбленный, убиваютъ другъ друга въ поединкѣ. И дѣвушка поетъ надъ трупами погибшихъ милыхъ и упрекаетъ ихъ, зачѣмъ они убили другъ друга.

Нечего и говорить, что В. М. Васнецовымъ оказано сильное вліяніе на русскую иконопись, и въ его стилѣ расписаны уже многія церкви. Вѣроятно, онъ способствовалъ также и возрожденію интереса къ русской старинѣ. Но непосредственнымъ обученіемъ и приготовленіемъ художниковъ къ иконописной дѣятельности В. М. не занимался. Правда, Академія Художествъ предложила ему руководство иконописной мастерской въ Петербургѣ. Но Васнецовъ поставилъ условіе, чтобы мастерская была основана въ Москвѣ, какъ въ древне-русскомъ городѣ и древней столицѣ, полной древне-русскихъ памятниковъ. Академія не приняла условія Васнецова. Затѣмъ возникло еще одно недоразумѣніе съ выставкою картинъ художника — и Васнецовъ попросилъ его исключить изъ числа членовъ Академіи.

Три слова истины.

Поэма **Елены Ѳедотовой.**

I.

Это было давно.

Это было въ то время, когда строился городъ Арль, и даже ранѣе того.

Въ одномъ изъ такихъ вновь основанныхъ городовъ жилъ молодой ученый Фридрихъ Гарсіа.

Надъ дверью его дома красовался родовой гербъ: левъ, борющійся съ крылатымъ змѣемъ. И каждый проходящій съ уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ гербъ, ибо Фридрихъ Гарсіа былъ мудръ, какъ змѣй, и храбръ, какъ царь пустыни.

Фридрихъ былъ послѣднимъ въ роду. И не было у него ни родныхъ ни друзей; но каждый день кто-нибудь изъ горожанъ стучалъ деревяннымъ молоткомъ въ его незапертую дверь и просилъ разумнаго совѣта.

Приходили къ нему философы и каменщики, купцы и архитекторы, и всѣхъ ихъ не отпускалъ Фридрихъ безъ отвѣта.

Далеко за предѣлы города разносилась слава о мудромъ Фридрихѣ Гарсіа, до самыхъ каменоломенъ, до болотъ, гдѣ хижины бѣдняковъ обсажены можжевельникомъ и верескомъ.

Разносили слухъ о немъ всадники, закутанные въ дорожные плащи, и богатые горожане, путешествующіе въ громадныхъ почтовыхъ каретахъ, небрежно бросающіе червонцы въ гостиницахъ и харчевняхъ.

Изъ года въ годъ росло населеніе города.

Люди родились, женились и умирали.

Стройныя, молодыя дѣвушки танцовали подъ тѣнью каштановъ и, приходя домой, находили на подоконникѣ розу, брошенную влюбленнымъ юношей. А когда наступала ночь, и надъ рѣкою

В. Васнецовъ. „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной"... („Желаніе," стих. Лермонтова).

подымали мостъ, по темнымъ, узкимъ улицамъ робко скользили чьи-то тѣни, и изъ открытыхъ оконъ слышался тихій, заглушенный поцѣлуемъ, смѣхъ свѣтловолосыхъ Гретхенъ,—тѣхъ самыхъ Гретхенъ, что, разодѣтыя въ атласъ, сверкающія золотыми крестиками на жемчужныхъ нитяхъ, шли по праздникамъ съ матерями въ церковь, скромно опустивъ глаза на молитвенникъ.

Но миновала юность Арля, миновала юность прочихъ новосозданныхъ городовъ.

Нравы стали портиться.

Уже не скакали по дорогамъ безстрашные всадники, не запасшись оружіемъ. Кареты мчались по ухабистымъ дорогамъ въ сопровожденіи конной охраны изъ слугъ. Въ харчевняхъ и гостиницахъ стало небезопасно останавливаться на ночлегъ.

Свѣтловолосыя Гретхенъ не гуляли больше по вечерамъ съ жемчужными нитями на бѣлыхъ шейкахъ, хотя ювелиры уже и научились поддѣлывать простыя стекла подъ драгоцѣнные камни.

Разбои на дорогахъ стали такъ часты, что торговое населеніе города выѣзжало за товаромъ не иначе, какъ съ попутчиками и многочисленными вооруженными слугами.

В. Васнецовъ. Бой Ивана-Царевича съ Трехглавымъ Морскимъ Змѣемъ.

Двери домовъ стали запираться на желѣзные засовы, и прежде чѣмъ впустить вечеромъ гостя, хозяинъ внимательно всматривался въ его лицо черезъ дверное окошко.

И много темныхъ дѣлъ стало твориться по окраинамъ города, въ узкихъ улицахъ и по пустыннымъ берегамъ рѣки.

Наконецъ пришелъ день, когда горожане сошлись у дверей дома Фридриха Гарсіа и стали просить совѣта и защиты.

Фридрихъ выслушалъ жалобы горожанъ и молча ушелъ къ себѣ въ домъ.

Цѣлый мѣсяцъ просидѣлъ онъ въ комнатѣ, и когда вышелъ, то созвалъ горожанъ, архитекторовъ, судей и рабочихъ, и, какъ улей, зашумѣлъ городокъ.

Одинъ за другимъ исчезали скромные домики горожанъ съ красными фонарями у входовъ. Узкія, кривыя улочки выпрямились и расширились. Высокіе каменные дома со стрѣльчатыми окнами, надежными башнями поднялись по бокамъ новыхъ улицъ.

Обширныя площади съ фонтанами и статуями святыхъ украсили городъ. Въ сводчатыхъ залахъ собирались судьи, строго карая по новымъ законамъ Гарсіа воровъ и разбойниковъ. Запирали ихъ въ только что выстроенные темные, крѣпкіе казематы, у дверей которыхъ теперь посмѣнно сторожила надежная стража.

Прочные мосты соединили оба берега рѣки, и у концовъ ихъ зажигались фонари, съ заправленными масломъ свѣтильниками.

Права горожанъ расширились.

Не только почтенные старцы, но и безусые юноши имѣли теперь право голоса въ общественныхъ дѣлахъ. Дѣвушки уже не танцовали подъ тѣнью каштановъ и чинно вышивали тонкіе кружевные воротники и нарукавники, посматривая черезъ цвѣтныя стекла на пустынныя, широкія улицы.

По большимъ праздникамъ къ ярко-освѣщенному дому, смежному съ тѣмъ, гдѣ днемъ засѣдали судьи, сходились горожане.

И почти до разсвѣта оттуда неслись звуки музыки и веселый, безпечный смѣхъ. Послѣ каждаго такого собранія толпа веселыхъ горожанъ подходила къ дому ученаго и привѣтствовала его восторженными кликами.

А молодой ученый, погруженный въ пыльные фоліанты книгъ, чуждый отдыху и веселью, улыбался и опускалъ голову на длинные исписанные свитки.

Но прошла молодость Арля. Прошла молодость новосозданныхъ городовъ.

Горожане, сперва нѣсколько стѣсненные новымъ укладомъ жизни, приспособились къ нему, но нравы стали, увы, еще хуже.

Не только драгоцѣнные камни, но и атласъ и тонкія кружева стали поддѣлывать ловкіе торгаши. Дѣвушки уже давно не танцовали подъ тѣнью деревьевъ, но злая клевета и сплетня, словно паутина опутали весь городъ.

Стоило женѣ бургомистра разбить о голову супруга тарелку съ супомъ, какъ къ вечеру объ этомъ зналъ уже весь городъ.

Вмѣсто грубой силы проникла за крѣпкіе желѣзные засовы дверей тайная отрава, и уколъ драгоцѣннаго перстня былъ вѣрнѣе удара шпаги. По большимъ дорогамъ рыскали разбойники и грабители, держа въ осадѣ весь городъ. Ихъ уже не пугали тюрьмы и висѣлицы. Разбойники стали теперь хитрѣе, изобрѣтательнѣе и даже наглѣе, ибо ставили на карту свободу и жизнь. Наемные люди въ черныхъ плащахъ и широкополыхъ, закрывающихъ лица, шляпахъ увозили среди бѣла дня дѣвушекъ знатныхъ родителей наравнѣ съ простыми горожанками.

Чернь обвиняла знатныхъ горожанъ въ подкупахъ и хищеніяхъ, такъ какъ все это было дѣломъ звонкихъ червонцевъ, знатные же горожане презирали заплатанные плащи и помятыя шляпы, видя въ каждомъ наемнаго убійцу или вора.

Вражда положила непримиримую борьбу сословій и охватила цѣлые города.

Казалось, давно, давно, когда люди положили первый камень первой городской стѣны и ударили по немъ тяжелымъ молотомъ, брызнула огненная искра. И съ тѣхъ поръ, никѣмъ невидимая, она поползла вверхъ по камнямъ, на стѣны и крыши домовъ, вползла въ монастыри и вертепы, бѣжала по улицамъ, проникала въ умы и сердца людей, отравляла росу, подымающуюся съ луговъ и долинъ, отравляла самый воздухъ и, невидимая, разжигала страшное, гибельное пламя, и имя ему было: вражда.

И опять бросились горожане къ дому Фридриха Гарсіа.

На площади противъ статуи Елисаветы возвышался домъ его.

Прошла уже большая половина жизни ученаго, но все же былъ онъ еще достаточно силенъ. Взоръ его блисталъ юношеской вѣрой, и только чуть-чуть посѣдѣла пышная грива волосъ.

Безмолвно стоялъ онъ передъ взывающей толпой, и ни единое слово не слетѣло съ устъ его.

Наконецъ онъ поднялъ руку и заговорилъ тихо:

— Граждане. Второй разъ вы приходите ко мнѣ, второй разъ просите помощи и совѣта! Но я уже отвѣтилъ вамъ, я далъ вамъ новые законы. И что же?

„Законы порядка, законы справедливой кары породили большее зло, нежели было. Я удвоилъ ваше благосостояніе, но городъ сталъ бѣднѣе, нежели былъ.

„Городъ сталъ чище и наряднѣе. Музеи ваши наполнились прекрасными произведеніями искусства, философы развили до небывалыхъ предѣловъ идею о прекрасномъ, идею о долгѣ и назначеніи человѣка, монахи въ своихъ проповѣдяхъ напоминали фанатиковъ древнихъ вѣковъ.

„Крѣпкія тюрьмы и висѣлицы, казалось, изъяли отбросы общества и обезпечили безопасность населенія. Увы... прекрасное не помѣшало уживаться отвратительнымъ, уродливымъ явленіямъ жизни. Проповѣди добра не искоренили зла, и я, Фридрихъ Гарсіа, я признаю себя безсильнымъ!

„Но слушайте, граждане! Я не оставлю васъ безъ отвѣта. Я пойду въ другія страны, къ другимъ людямъ и найду одну великую, всеобъемлющую идею правды и принесу ее вамъ. Когда пройдетъ двѣнадцать лѣтъ со дня моего ухода — ждите меня обратно. Въ первый день Новаго года я возвращусь къ вамъ.

„Я возьму съ собой великое множество свитковъ и испещрю ихъ лучами великой правды.

„Черезъ двѣнадцать лѣтъ я принесу вамъ нужное великое слово.

„Я не знаю его. Не знаю, воздвигну ли тогда тюрьмы, похожія на Вавилонскія башни, или онѣ будутъ легче гнѣзда синицы, мечъ ли охранитъ гордость сословій, или заржавѣетъ клинокъ его, когда рука объ руку пойдутъ въ церковь знатный юноша и дѣвушка-простолюдинка... Я не знаю. Но черезъ двѣнадцать лѣтъ приду и открою. Только черезъ двѣнадцать, ибо долгъ путь мой и обширны земли міра... Прощайте!

Молча разступилась толпа передъ Фридрихомъ Гарсіа, и онъ ушелъ.

II.

Медленно стала развертываться передъ глазами ученаго панорама земли.

Бурно стремились водопады, лежали безмолвныя долины, горы преграждали путь. Словно причудливые гобелены, лѣпились на нихъ города и селенія.

Безстрашно шелъ впередъ Фридрихъ Гарсіа. У него нечего было взять корыстнымъ людямъ. Какъ-то въ началѣ пути ночью напали на него люди въ черныхъ широкополыхъ шляпахъ, но, найдя въ тяжелой ношѣ ученаго только безчисленное множество чистыхъ свитковъ, повернули коней и скрылись въ лѣсной чащѣ. Въ другой разъ трое незнакомцевъ преградили путь ему острыми шпагами и вызывающе бросили:

— Кто ты?

— Я—Фридрихъ Гарсіа. Я иду искать свѣтъ жизни, миръ и благополучіе народовъ, — отвѣтилъ ученый.

Трое незнакомцевъ бросили къ его ногамъ кошелекъ съ мелкой серебряной монетой и молча разступились.

Такъ шелъ Фридрихъ Гарсіа. И гдѣ бы ни появлялся онъ, никто не отказывалъ ему въ пріютѣ, кускѣ мяса дикой козы или вѣткѣ винограда.

Ходилъ Фридрихъ Гарсіа по площадямъ большихъ городовъ, слушалъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, посѣщалъ алхимиковъ, внималъ рѣчамъ воиновъ, и столь многообразны были новыя слова и мысли, что скоро не хватило свитковъ ученому. Въ каждомъ городѣ онъ пополнялъ свое сокровище новыми и новыми перлами человѣческаго разума, съ трудомъ подвигаясь впередъ подъ тяжелой ношей.

Однажды какой-то добродѣтельный купецъ встрѣтилъ ученаго въ предмѣстьѣ города и подарилъ ему одноглазаго мула.

Фридрихъ взвалилъ на него свою тяжелую ношу и бодро зашагалъ впередъ.

— Привѣтствую тебя, земля благочестія, земля вѣрныхъ служителей истиннаго Бога,— сказалъ однажды ученый, спустившись съ послѣдняго уступа послѣдней горы, и поцѣловалъ землю, ибо въ землѣ той во имя Единаго тысячами сжигали еретиковъ, переносили на землю загробныя муки ада. „Желѣзныя бабы“ пронизывали насквозь тѣла, кипящая смола чернымъ саваномъ покрывала живыхъ людей, на пышныя ауто-да-фе собиралась вся благочестивая знать во главѣ съ великимъ инквизиторомъ, котораго боялся даже самъ король, и тронъ котораго былъ на одну ступень выше королевскаго.

На церемонію сожженія двѣнадцати еретиковъ удостоился быть приглашеннымъ и Фридрихъ Гарсіа.

Но едва закорчился въ раскаленной печи первый осужденный, какъ неизвѣданныя дотолѣ чувства, похожія на ревъ океана, на вопль смертельно раненаго звѣря, родились въ душѣ ученаго.

Когда поздней ночью, блѣдный и дрожащій, онъ вышелъ, спотыкаясь, за предѣлы благочестиваго города, почти вдвое меньше свитковъ покоилось на спинѣ его одноглазаго мула. Избѣгая большихъ городовъ, пугливо озираясь, шелъ незнакомыми тропами ученый, пока не достигъ страны пирамидъ и лотосовъ. Въ глубокомъ молчаніи онъ созерцалъ каменныхъ сфинксовъ, очами которыхъ глядѣли безстрастныя тысячелѣтія, проходилъ по могиламъ Ниневіи и Вавилона, проходилъ пустынями раскаленныхъ песковъ, пожравшихъ вѣковую культуру великихъ народовъ, и словно бѣлыя птицы падали одинъ за другимъ исписанные свитки и уносили съ дыханіемъ самума многоокую мудрость людей. Теперь прислушивался ученый къ щебетанью птицъ, къ звонкимъ крикамъ и смѣху дѣтей и нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи въ безхитростной бесѣдѣ съ какимъ-нибудь пастухомъ-феллахомъ. Наконецъ онъ вступилъ въ землю пророковъ.

Развернулась передъ очами великая пустыня Синъ. Пришли въ ветхость сандаліи изъ верблюжьей кожи на ногахъ ученаго, когда достигъ онъ Синая. Но что значитъ усталость и раны, когда, уходя острыми иглами въ безпредѣльное небо, высится передъ очами Джебель Муса (Гора Моисея)! Словно крылья вознесли Гарсіа на вершину Рафъ Сафсата, вершину священнаго десятисловія Моисея. Мудрое молчаніе хранила высота. Трепетно билось сердце ученаго, созерцая далекія земли, ничтожныя селенія гордыхъ, ослѣпленныхъ людей.

Когда сошелъ онъ въ долину земли, легкой сѣдиной посеребрились его волосы, согнулся станъ, а рука сжимала послѣдніе два-три свитка.

Уходили одинъ за другимъ дни и недѣли.

И вотъ онъ у вратъ страны величайшей жертвы, величайшей любви и всепрощенія.

Омывъ израненныя ноги въ струѣ холодной воды, трепетно идетъ Фридрихъ Гарсіа по узкимъ улицамъ Назарета, идетъ къ стѣнамъ библейскаго Іерусалима, идетъ къ Голгоѳѣ.

Три седьмицы разъ восходило надъ Іудеей солнце, три седьмицы разъ вспыхивали въ тверди небесной звѣзды, и всѣ три седьмицы видали ученаго то на пути въ Эммаусъ, то на Голгоѳу, то подъ тѣнистыми вѣтвями Геѳсиманскаго сада; а на четвертую седьмицу солнце Палестины озарило путь ученаго, уходящаго изъ Святой Земли, озарило его совсѣмъ посѣдѣвшую голову, сгорбленный станъ и единственный свитокъ, который онъ бережно несъ въ пожелтѣвшей рукѣ.

III.

Прошло двѣнадцать лѣтъ.

Печально глядитъ пустыми окнами домъ Фридриха Гарсіа.

Давно расхитили его богатую утварь, сорвали тяжелыя драпировки и драгоцѣнные гобелены, исковеркали дубовыя плиты пола, сбили со стѣнъ гербы. Пощадили только столъ и кресло, въ которомъ когда-то сидѣлъ ученый.

Весело встрѣчали горожане часъ Новаго года.

Звенѣли бокалы вина, слышались пѣсни, на улицахъ зажгли бумажные фонари, пускали фейерверки.

Казалось, прежніе дни вернулись къ городу. Такъ ясны были взоры юношей и дѣвушекъ, такъ заботливы и благодарны были взгляды отцовъ и матерей. Увы, внѣшности уже никто не вѣрилъ.

Мать не довѣряла дочери, сынъ, глядя на улыбающееся лицо отца, тайно сжималъ кинжалъ, боясь предательства.

Всѣ были пестро и богато одѣты.

Но такъ какъ поддѣлка парчи и драгоцѣнныхъ камней достигла совершенства, а дѣвушки улицы научились потуплять глаза не хуже знатныхъ горожанокъ, то трудно было различить классы общества.

Ни лѣта ни санъ, повидимому, уже не играли никакой роли: все покупалось и продавалось.

Монаха, не во-время появившагося съ проповѣдью, забросали гнилыми яблоками, а вдовый бургомистръ что-то сладко лепеталъ беззубымъ ртомъ юной бѣлокурой дѣвушкѣ.

Веселящаяся толпа знала, что сегодняшняя ночь насчитываетъ много жертвъ, погибшихъ отъ кинжала убійцы или укола перстня дружеской руки, что наутро многія матери будутъ оплакивать похищенныхъ дочерей, но сегодня — послѣдній день ужаса и злобы: сегодня долженъ возвратиться Фридрихъ Гарсіа.

Уже сталъ клониться къ вечеру первый день Новаго года, но тщетно глядѣла толпа на городскія ворота... Нѣтъ ученаго Гарсіа.

— Онъ обманулъ!— бросило чье-то недовѣріе злое слово.

— Обманулъ! — подхватила толпа. Въ воздухѣ сверкнули кинжалы.

— О, мы отомстимъ! Мы сумѣемъ...

— Но какъ найти его?

— А можетъ-быть, онъ уже возвратился?

— Идемте къ дому.

Бросилась на площадь толпа.

Ворвались люди въ незапертыя двери, и болѣе нетерпѣливые полѣзли по колоннамъ прямо на балконъ.

И вдругъ крикнулъ кто-то съ балкона:

— Онъ здѣсь!

Замерла толпа. А тотъ, кто крикнулъ, подошелъ къ ученому и положилъ на плечо его руку.

Весь сѣдой, высохшій, какъ скелетъ, сидѣлъ у стола ученый. Плащъ его былъ покрытъ дорожной пылью, къ сапогамъ пристали солома и комки глины.

— Отвѣчай, Гарсіа! — молвилъ пришедшій и невольно отшатнулся: черезъ плащъ коснулся руки холодъ коченѣющаго трупа.

— Онъ умеръ! — крикнулъ вошедшій. И вдругъ рванулся къ столу. Желтая, какъ восковая, рука лежала на развернутомъ свиткѣ.

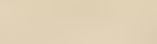
Вошедшій выдернулъ бумагу и бросился на балконъ, къ свѣту.

Тамъ ждала безмолвная толпа.

— Слушайте, слушайте!—взмахнулъ онъ свиткомъ:—Гарсіа не обманулъ! Вотъ оно, благо нашего города, благо всѣхъ городовъ міра! — и, высоко приподнявъ свитокъ прочиталъ единственныя три слова:

„Любите другъ друга“.

В. Васнецовъ. Витязь на распутьѣ. Русскій музей Императора Александра III.



Воскресшіе богатыри.

Стихотвореніе **Аполлона Коринфскаго.**

Я видѣлъ сонъ...
Подъ гулъ громовъ
Распались древніе курганы,
И встали—жизнью осіяны—
Богатыри былыхъ вѣковъ.
Сыны сѣдой Руси былинъ,
Могилъ овѣянные снами,
Поднялись тяжкими стонами
На вольный свѣтъ родныхъ долинъ.
Грозой имъ очи ослѣпило
На мигъ одинъ, но въ тотъ же мигъ
Въ глубь ихъ сердецъ огонь проникъ,
И въ нихъ зажглась живая сила.
Старикъ Илья, Алёша-младъ,
Потокъ Михайло, свѣтъ-Добрыня,
Съ тысячелѣтней выйдя скрыни,
На Русь родимую глядятъ.
Имъ не итти по раздорожью,
Предъ ними—древнихъ былей степь,
Въ нихъ та же удаль, та же крѣпь,
Въ нихъ цѣло все во славу Божью...
Стоятъ конь-ò-конь кони ихъ,
Бокъ-ò-бокъ съ ними, бьютъ копытомъ
Да удила грызутъ сердито,—
Ждутъ новыхъ схватокъ боевыхъ.
На коней сѣли побратимы,
Колчаны стрѣлами полны,
Мечи по ножнамъ вложены,
И копья ихъ непреломимы.
Изъ-подъ нахмуренныхъ бровей
Матёръ-казакъ снопъ молній мечетъ,
Княжой охоты старый кречетъ
Грозòвыхъ черныхъ тучъ темнѣй.
— Неладно чтой-то, мнѣ сдается,—
Ведетъ онъ самъ съ собою рѣчь:—
Не видно вòрога, а мечъ
Изъ ноженъ прочь вотъ такъ и рвется!..
— Откуда громъ—тамъ и враги!—
Къ Ильѣ Поповичъ держитъ слово.
— Съ закату онъ,—Потокъ сурово
Молвь молвитъ:—Богъ обереги!..
Добрыня—слѣдомъ:—Что жъ, съ закату,
Съ восхода ль врагъ—не все ль равно...
Поднялись мы—такъ суждено
Острастку дать намъ супостату!..
— Гей!—кликнулъ Муромецъ сѣдой:—
Кто въ полѣ живъ изъ братьи нашей?!.
За нами—пить кровавой чаши
Въ честнòмъ бою за край родной!..
И, слившись въ откликъ перекатный,
Отозвалась на кличъ Ильи
Вся ширь, вся даль, вся глубь земли:
— Всѣ за тобой на подвигъ ратный!..
Глядитъ старикъ: полнымъ-полна
Вся воля-степь богатырями,—
Пройдутъ однѣ, звеня мечами,
Вослѣдъ—еще дружинъ волна;
Отъ ржанья конскаго и гула
Не слышно рокота громовъ,—
Ведетъ на западныхъ враговъ
Самъ Селяниновичъ Микула
Всѣхъ, сохи бросившихъ, сыновъ.

———

Сонъ—въ руку: лютый врагъ съ заката
Родные рушитъ алтари;
Русь бьётся съ нимъ... Богатыри,
Богъ пòмочь! Наше мѣсто—свято!..

Вѣстникъ войны.

Очеркъ **Н. С. Павловскаго.** (Рис. на стр. 824).

Гонецъ міроного пространства — таинственная комета, тщательно скрывавшая въ теченіе болѣе шести мѣсяцевъ вѣсть о грозящей Европѣ войнѣ, появилась на нашемъ сѣверномъ небѣ.

Комета эта была открыта еще осенью минувшаго года американскимъ астрономомъ Делаваномъ. Тогда комета была слабой телескопической и наблюдалась главнымъ образомъ фотографическимъ способомъ, такъ какъ для самыхъ большихъ телескоповъ міра комета была едва уловимымъ туманнымъ пятнышкомъ.

Вычисленія пути кометы и ея яркости по законамъ оптики не обѣщали ничего интереснаго, комета все время должна была оставаться слабымъ телескопическимъ свѣтиломъ, и въ настоящее время ея яркость вмѣсто 3-й величины должна была быть всего лишь приблизительно 6-й величины, т.-е. въ два раза меньше.

Если сравнить отдѣльные моменты развитія кометы съ моментами развитія настоящей Европейской войны, то приходится отмѣтить любопытное совпаденіе. Увеличеніе яркости кометы произошло въ первой половинѣ іюля такъ же нежданно-негаданно для астрономовъ, какъ и положеніе настоящей войны для дипломатовъ тройственнаго согласія (не союза). И блестящій хвостъ кометы, которымъ мы теперь можемъ любоваться на небѣ въ темную, безлунную ночь простымъ глазомъ, появился подъ грохотъ первыхъ выстрѣловъ войны.

Любопытно то, что настоящая комета въ концѣ іюля и въ началѣ августа находилась въ созвѣздіи Рыси, приблизительно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ около этого времени года находилась комета, наблюдавшаяся на небѣ нашими предками во время Отечественной войны въ 1812 году. Кромѣ того, можно указать, что названная комета 1812 года наблюдалась на небѣ также въ началѣ осени до конца сентября, т.-е. въ тѣ же самые мѣсяцы, что и настоящая комета, которая въ началѣ октября скроется отъ насъ въ лучахъ солнца. Поэтому у многихъ лицъ изъ публики

возникъ вопросъ, не является ли наблюдаемая нами комета вторично возвратившейся къ намъ кометой 1812 года. Астрономическія вычисленія показали однако съ несомнѣнной точностью, что обѣ названныя кометы ничего общаго не имѣютъ между собой, и лишь по случайному совпаденію ихъ видимые пути по небу сблизились въ созвѣздіи Рыси.

Въ настоящее время комета находится въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы подъ знаменитой фигурой ковша. Въ Пулковской обсерваторіи комета все время наблюдалась какъ визуально при помощи 15-дюймоваго рефрактора, такъ и фотографическимъ способомъ С. К. Костинскимъ при помощи большого нормальнаго астрографа. Комета имѣетъ яркое, рѣзко очерченное, ядро и хвостъ съ яркими струями истеченія туманнаго вещества изъ головы кометы.

Комета движется съ запада на востокъ и пройдетъ черезъ созвѣздія Гончихъ Собакъ, Волопаса (нѣсколько выше яркой звѣзды Арктура) въ созвѣздіе Змѣи, направляясь въ южное полушаріе. Поэтому, скрывшись въ лучахъ солнца, комета послѣ прохожденія черезъ перигелій (ближайшая точка кометной орбиты къ солнцу) снова появится на нашемъ небѣ въ началѣ ноября въ созвѣздіи Волопаса, при чемъ въ это время комета и ея хвостъ достигнутъ наибольшей яркости и величины. Къ концу декабря комета скроется съ нашего сѣвернаго неба, перейдя въ южное полушаріе.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько характерныхъ данныхъ относительно наиболѣе яркихъ кометъ и войнъ, которыя произошли въ эпоху ихъ появленія, начиная съ XVI столѣтія.

„Вѣстникъ войны“.
Комета Делавана, по фотографіи С. К. Костинскаго, полученной при помощи нормальнаго астрографа Пулковской обсерваторіи 7 сентября при экспозиціи въ 3 часа. На снимкѣ кометы видны свѣтлыя черточки,—это звѣзды, которыя приняли такую форму вслѣдствіе того, что комета въ теченіе трехъ часовъ передвинулась среди звѣздъ. За кометой продвинулась и труба съ фотографической пластинкой, почему неподвижныя звѣзды и вышли черточками.

Въ 1556 году, во время Астраханскаго похода, на небѣ находилась яркая комета, оказавшаяся впослѣдствіи періодической кометой, наблюдавшейся въ 1264 году. Во время Ливонской войны, продолжавшейся, какъ извѣстно, въ теченіе 24 лѣтъ (1558 — 1582), наблюдалось пять яркихъ кометъ, изъ которыхъ наиболѣе красивой была комета 1569 года, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на церковной стѣнѣ города Кронштадта въ Трансильваніи. Всѣ эти кометы наблюдались лишь невооруженнымъ глазомъ, такъ какъ первая подзорная труба была построена лишь въ 1610 году.

Въ 1607 году во время смуты на Руси блестѣла на небѣ грозная комета Галлея. — это было четвертое ея появленіе. Во время Великой сѣверной войны (1700 — 1721) наблюдалась въ концѣ апрѣля и въ маѣ 1702 года большая комета съ красивымъ яркимъ хвостомъ. Во время Семилѣтней войны (1756—1763) при взятіи русскими войсками Берлина (1760) наблюдалось шестое появленіе кометы Галлея, которую въ этотъ разъ астрономы ждали съ нетерпѣніемъ. Особенно много шуму надѣлала комета 1769 года, появившаяся во время первой турецкой войны. Комета имѣла большой блестящій хвостъ, видъ котораго быстро измѣнялся, принимая самыя причудливыя формы, что̀ порождало паническій страхъ среди населенія, принимавшаго кометный хвостъ то за огненный мечъ, то за копье и т. д. Во второй половинѣ 1807 года, во время войны Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ, на небѣ находилась яркая комета, строеніе которой тщательно изучалъ Вильямъ Гершель при помощи своего могущественнаго телескопа. Отечественной войнѣ 1812 г. предшествовала яркая комета, открытая въ 1811 году и наблюдавшаяся до средины августа 1812 года. Это была одна̀ изъ самыхъ любопытныхъ кометъ первой четверти минувшаго столѣтія. Ея хвостъ занималъ чуть ли не половину небосклона. Но собственно комета Отечественной войны была открыта 20 іюля 1812 года Понсомъ въ созвѣздіи Рыси. Точно такъ же наблюдалась комета во время Крымской войны въ 1853 году. Во время послѣдней русско-японской войны на нашемъ небѣ не было яркой кометы. Только въ началѣ 1904 года на небѣ находилась слабая періодическая комета Темпеля.

Нынѣшняя яркой силы комета Делавана знаменуетъ собою и наиболѣе яркую, міровую войну, которой суждено измѣнить положеніе свѣтилъ политическаго небосклона.

Коллекціи профессора Мортона.

Разсказъ **Бор. Мирскаго.**

I.

— Нѣтъ, Чарли, вы не правы! Вы заходите слишкомъ далеко въ своей осторожности. У васъ какая-то странная навязчивая боязнь шпіоновъ: они мерещатся вамъ всюду и вездѣ... Право, Мортонъ очень славный малый. Онъ чудакъ, но, знаете, похоронить полжизни на амебахъ и луковицахъ — это не то, что цѣлый день торчать около бильярда... Отъ борта... есть!.. Въ уголъ... попалъ!.. Итакъ, партія за мной... Ну, на сегодня хватитъ. Чарли, бросайте кій и идемте обѣдать.

Лейтенантъ Стрэдъ и Чарли Рэмби — „маленькій Чарли“, какъ звали его въ колледжѣ—вотъ ужъ почти три года, какъ застряли въ этомъ захолустномъ экзотическомъ городкѣ, состоящемъ изъ крѣпости, пушекъ, скалъ и мавританскихъ развалинъ. Первые мѣсяцы молодые офицеры упивались суровой жизнью гибралтарскихъ отшельниковъ. Потомъ это наскучило, а черезъ годъ оба только и мечтали—скорѣе бы вырваться назадъ въ Англію.

Началась война. Теперь о переводѣ въ Лондонъ нечего и думать. Режимъ Гибралтара сталъ еще суровѣе, еще напряженнѣе. Представьте себѣ такое тягостное состояніе, нервирующее даже опытныхъ служакъ,—война безъ войны! Гарнизонъ Гибралтара переживалъ все напряженіе міровой трагедіи, на немъ лежала громадная отвѣтственная задача сторожить этотъ скалистый ключъ Средиземнаго моря, и не угодно ли—почти за два мѣсяца войны, развернувшейся совсѣмъ въ другомъ концѣ Европы, ни одного выстрѣла! Вотъ только въ первую же недѣлю захватили какой-то неуклюжій нѣмецкій грузовикъ, отмахавшій тысячу миль изъ Аргентины и задержанный въ Гибралтарской бухтѣ.

Тревожное бездѣлье и постоянная напряженность дергали нервы, раздражали и безпокоили. Даже невозмутимый комендантъ забросилъ ежедневный боксъ, а гарнизонный врачъ пересталъ рисовать аляповатые пейзажи и футуристическія каракули. Всѣ ждали, готовились...

Стрэдъ и Рэмби, младшіе лейтенанты форта „E5“, полдня дежурили на высокой скалѣ, отвѣсно падавшей въ голубую воду, а потомъ уходили въ офицерское собраніе, и тогда начиналась бильярдная баталія. Стрэдъ игралъ лучше своего товарища, и „маленькій Чарли“, остря надъ своими всегдашними пораженіями, говорилъ, что у него „австрійская игра“...

Продолжая спорить, офицеры вошли въ столовую, обставленную съ тѣмъ особеннымъ экзотическимъ комфортомъ, который такъ любятъ англійскіе военные. Спорили о профессорѣ Мортонѣ. Американскій ученый, натуралистъ, профессоръ какого-то заокеанскаго университета, мѣсяцъ тому назадъ поселился въ окрестностяхъ Гибралтара. Онъ выискивалъ здѣсь какую-то диковинную луковицу и прожужжалъ уши всѣмъ офицерамъ этой „Regia fixa“, заставляя выслушивать о ней длиннѣйшія научныя тирады. Если бъ не его странности и какая-то наивная таинственность, которой профессоръ окружалъ поиски своихъ луковицъ, онъ въ общемъ былъ интереснымъ собесѣдникомъ, много видѣвшимъ, много знающимъ человѣкомъ, съ которыми такъ пріятно встрѣчаться въ вагонѣ, клубѣ или ресторанѣ. Такіе люди—обыкновенно знатоки и цѣнители винъ, сыплютъ анекдотами и угощаютъ хорошими сигарами. Офицеры принимали профессора очень охотно. Только двое людей составляли ему оппозицію — футуристъ-докторъ и „маленькій Чарли“, который вотъ ужъ третій день ссорится изъ-за него со своимъ другомъ.

За обѣдомъ Чарли снова обрушился на „гнуснаго проходимца“, такъ титуловалъ онъ профессора. Но Стрэду уже надоѣло спорить, и онъ, мечтательно изучая „гаванну“, не возражалъ ему ни слова.

II.

Вечеромъ Стрэдъ зашелъ къ коменданту. Генералъ держалъ его цѣлый часъ, разсказывая послѣднія новости изъ Лондона.

— Все обстоитъ благополучно. Еще мѣсяцъ, два, три наконецъ — и Германія будетъ, конечно, разбита... Да, да... Это неминуемо... Кстати, будьте очень осторожны въ разговорахъ въ

Воздушный врагъ. Рисунокъ В. Сварога.

Сторожевой нѣмецкій постъ у деревенской часовни во Франціи. На солдатахъ въ видѣ плащей надѣты одѣяла.

городѣ. Вѣдь вы часто ѣздите въ Линею. Испанія — нейтральная страна, и тамъ, по всей вѣроятности, не мало нѣмецкихъ агентовъ. Имѣйте это въ виду... До свиданья.

Стрэдъ вышелъ отъ коменданта, сѣлъ на лошадь и поскакалъ по узенькой горной дорогѣ на сѣверъ — туда, гдѣ въ ночной чернотѣ карнавальными звѣздами горѣли испанскіе огоньки. Совсѣмъ не хотѣлось спать въ эту чудную ночь южной осени. Лейтенантъ отдыхалъ отъ томительной напряженности крѣпостного дня, отъ дежурствъ и карауловъ. Мысли были далекія и спокойныя. Отдыхъ, отдыхъ...

Стрэдъ, оставивъ позади послѣднюю англійскую заставу, миновалъ покосившійся навѣсъ испанскаго поста. Альгвазилъ узналъ его и съ добродушной экспрессивностью южанина пожелалъ ему „доброй ночи и сладкой любви". До Линеи оставалось не больше пяти километровъ.

III.

...Подъ утро лейтенантъ возвращался въ Гибралтаръ. Томительно хотѣлось спать, все тѣло ныло отъ долгой тряски, и въ головѣ шумѣло отъ скверного испанскаго вина... Въ „Альказарѣ" было, какъ всегда, шумно, безтолково и душно отъ нависшаго сигарнаго дыма. Эти захолустныя кафе, отъ которыхъ пахло дешевымъ одеколономъ и лукомъ, теперь, при свѣтѣ розовой полоски начинающагося утра, казались ему отвратительными.

— Сколько разъ давалъ себѣ слово не ѣздить туда!.. Чортъ знаетъ что!.. — и, досадливо щурясь, лейтенантъ пришпорилъ коня.

Онъ подъѣзжалъ къ границѣ. Въ ста шагахъ отъ англійской „караколь", почти у самой дороги, Стрэдъ замѣтилъ свѣтъ въ полузавѣшенныхъ окнахъ низкаго, типично по-испански выбѣленнаго, домика.

„Вѣдь здѣсь живетъ профессоръ", — вспомнилъ онъ и, свернувъ съ дороги, подъѣхалъ къ дому.

— Вотъ неутомимый ученый, — бормоталъ Стрэдъ: — даже по ночамъ корпитъ надъ своими ерундовыми растеніями..

Какая-то почти мальчишеская шаловливость, особый опохмеливающійся задоръ дразнилъ его: „а ну-ка, загляни!" И Стрэдъ осторожно, стараясь не звенѣть шпорами, подошелъ къ окну. Заглянулъ въ узкую щель между ставнями..

Когда лейтенантъ оторвался отъ окна, востокъ совершенно посвѣтлѣлъ, и предразсвѣтныя сумерки розовѣли въ утреннихъ отблескахъ южнаго солнца.

IV.

Стрэдъ вернулся въ казарму и, не раздѣваясь, легъ на постель совершенно растерянный, смятый страшнымъ, неожиданнымъ открытіемъ.

„Значитъ, Чарли правъ... Профессоръ — шпіонъ... Нѣтъ, не можетъ быть! Но тогда для чего эти карты, планы? Вѣдь я ясно видѣлъ двухверстную крѣпостную: откуда она у него?.. Странно. А эти химическіе препараты... Вѣдь Мортонъ — ботаникъ... Боже мой! Вѣдь я ясно видѣлъ на столѣ пироксилиновыя шашки. Какъ не узнать ихъ мнѣ, артиллерійскому офицеру!.. Здѣсь какая-то тайна!.."

Лейтенантъ мучился въ противорѣчивыхъ догадкахъ, сомнѣвался, минутами вѣрилъ въ самыя невѣроятныя предположенія, бросался къ телефону, чтобы звонить коменданту, предупредить его. Но о чемъ?.. Стрэдъ рѣшилъ сегодня же во что бы то ни стало узнать тайну профессора. И это рѣшеніе сразу успокоило его: стало легко, взвинченные, встревоженные нервы пришли въ спокойствіе. И день потянулся обычнымъ монотонно-заученнымъ порядкомъ. Провѣрялъ караулы, осматривалъ новыя орудія, писалъ рапорты, сыгралъ съ Чарли неизмѣнную партію „карамболя", обѣдалъ въ собраніи и въ шесть часовъ, сдавъ дежурство, поѣхалъ къ профессору.

V.

Вечерѣло. На дорогѣ было безлюдно, и съ крѣпостныхъ вышекъ уже бѣгали ищущія полоски прожекторовъ, бороздя посинѣвшій горизонтъ. У развалинъ стараго колодца Стрэдъ остановился. Мавританская арка, помнившая кордовскихъ калифовъ, вызывала тихія меланхолическія думы.

— Это вы, господинъ лейтенантъ? — раздалось вдругъ изъ кустовъ.

— Профессоръ!.. Какими судьбами?

— Я ищу здѣсь удивительный экземпляръ одного рѣдкаго растенія, которое встрѣчается только на югѣ Испаніи. Это рѣдкость, дорогой другъ, величайшая рѣдкость. Но уже становится темно, и я съ трудомъ различаю траву. Пора домой...

— Идемте вмѣстѣ. Я провожу васъ.

Лейтенантъ взялъ подъ уздцы лошадь и зашагалъ рядомъ съ профессоромъ. Они шли довольно долго. Говорили объ испанской природѣ, о захолустной жизни здѣшнихъ мѣстъ, о театрѣ, о чемъ угодно кромѣ войны. Войны профессоръ не признавалъ. Онъ — убѣжденный пацифистъ и, несмотря на всемірный пожаръ, совершенно не интересуется происходящими событіями.

У дверей своего дома Мортонъ остановился:

— Дорогой лейтенантъ, я очень извиняюсь. Я не прошу васъ къ себѣ — у меня настоящее столпотвореніе. Я разбиралъ сегодня свои коллекціи, и теперь мое скромное жилище завалено чуть ли не до потолка. Простите... До завтра.

Стрэдъ пожалъ ему руку и медленно повернулъ обратно. Пройдя шаговъ тридцать, онъ остановился, привязалъ коня къ дереву и осторожно подкрался къ окну.

VI.

Профессоръ сидѣлъ за большимъ столомъ, углубившись въ карту. Онъ дѣлалъ на ней помѣтки карандашомъ и заносилъ что-то въ записную книжку. На полу въ безпорядкѣ лежали какіе-то ящики, соединенные между собой тонкими электрическими проволоками.

Лейтенантъ постучалъ въ дверь — никто не отвѣтилъ. Стрэдъ навалился всѣмъ тѣломъ — замокъ поддался, треснула пружина, и лейтенантъ очутился въ темной передней. Слѣва отворилась низкая дверь, и въ ярко освѣщенномъ квадратѣ просвѣта показался профессоръ.

— Съ вами что-нибудь случилось?.. Я очень занятъ. Что?.. Вы хотите со мной поговорить? Пожалуйста... Сюда, сюда... направо... Нѣтъ, нѣтъ... не сюда, не сюда... направо...

Поздно. Лейтенантъ уже былъ въ той комнатѣ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ сидѣлъ профессоръ. Мортонъ вбѣжалъ вслѣдъ за офицеромъ и сѣлъ у стола.

— Послушайте, профессоръ... Объясните мнѣ, что это значитъ?.. Почему у васъ карты нашей крѣпости?

— Я отмѣчаю по картѣ мѣста моихъ изслѣдованій..

— Что?.. Вы еще смѣете отпираться?.. Вы еще скажете, что эти снаряды — ваши ботаническія коллекціи? Это — динамитъ и пироксилинъ! Я арестую васъ. Идемте къ коменданту!..

— Не волнуйтесь, господинъ лейтенантъ. Вы забываете, что мы находимся съ вами на нейтральной территоріи. Англійскій офицеръ не можетъ никого арестовать въ Испаніи.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется прибѣгнуть къ силѣ, — спокойно сказалъ Стрэдъ, вынимая изъ кармана браунингъ. — Ну!.. Вставайте!..

— Господинъ лейтенантъ, прошу васъ не двигаться съ мѣста. Стоитъ мнѣ нажать эту кнопку, — видите ее? — и Гибралтарская крѣпость взлетитъ на воздухъ... Положите вашъ револьверъ вотъ сюда, ко мнѣ... на столъ... я жду...

Въ головѣ Стрэда пробѣгали смутные обрывки встревоженныхъ, отчаянныхъ мыслей: „Профессоръ... шпіонъ... взрывъ крѣпости... всѣ погибнутъ... комендантъ... Чарли... докторъ... всѣ..."

— Вотъ такъ. Сюда. А теперь позвольте представиться — майоръ германской службы фонъ-Дикъ. Не ожидали?.. Не волнуйтесь, господинъ лейтенантъ! Васъ навѣрное интригуетъ техническая сторона дѣла? Пожалуйста. Эта кнопка соединяется съ электрической батареей, отъ которой идутъ провода почти къ самому центру крѣпости, къ офицерскому собранію. Какъ видите, работа не плохая. Я тоже артиллеристъ, какъ и вы, дорогой лейтенантъ. И собралъ свои „коллекціи" по всѣмъ правиламъ нашего искусства.

Майоръ, не выпуская изъ рукъ браунингъ, насмѣшливо разсказывалъ свой планъ. Онъ смаковалъ подробности кропотливой работы, описывалъ, какъ, рискуя жизнью, проносилъ динамитъ въ своемъ гербаріи подъ видомъ ботаническихъ препаратовъ. Онъ упивался адскимъ планомъ, какъ снобъ, кокетничающій какимъ-нибудь диковиннымъ раритетомъ. А Стрэдъ, опустивъ голову, слушалъ его, понимая, что онъ долженъ, непремѣнно, неминуемо

долженъ, не сознавая еще, какъ и какимъ образомъ, спасти англійскую твердыню. Майоръ разстегнулъ жилетъ, развалился въ креслѣ и, доставъ сигары, развязно протянулъ Стрэду ароматный ящикъ:

— Пожалуйста, курите... Настоящая „гаванна"...

— Благодарю васъ.

Лейтенантъ всталъ, наклонился и быстро, въ одинъ мигъ, бросился на шпіона. Профессоръ судорожно рванулся къ кнопкѣ, но, мускулистый и сильный, прекрасный спортсменъ, Стрэдъ сжалъ его, какъ въ тискахъ. Нѣмецъ былъ тоже силенъ. Стрэдъ обхватилъ его поперекъ тѣла, и они, сцѣпившись, барахтались на полу, задѣвая ногами препараты и склянки, разрывая проволоки, опрокидывая мебель. Лейтенантъ изловчился, сильнымъ ударомъ швырнулъ нѣмца въ сторону и, схвативъ со стола револьверъ, выстрѣлилъ.

Майоръ былъ мертвъ...

VII.

— ...Благодарю васъ, лейтенантъ. Вы оказали услугу націи. Распорядитесь послать саперовъ уничтожить всѣ провода. Еще разъ благодарю васъ... Мы увидимся вечеромъ въ собраніи...

Стрэдъ вышелъ отъ коменданта и остановился у амбразуры. Утомленный событіями прошлой ночи, онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій воздухъ моря. Внизу суетились едва замѣтныя фигуры матросовъ, мѣрно ударяли волны о каменный берегъ, и на горизонтѣ бѣлыми пятнышками свѣтились проходящія суда...

— Богъ хранитъ Англію... — прошепталъ лейтенантъ.

Генералъ.

Разсказъ **Владиміра Воинова.**

(Окончаніе.)

XII.

— Усѣ чисто пробѣгли! — донесъ командиру казачьяго полка вихрастый приказный изъ бокового дозора.

— Выводи! — скомандовалъ сѣдоусый полковникъ, и первая сотня начала выбираться изъ мутныхъ болотъ.

Лошади шли осторожно, ощупывая ногами вязки набухшаго хвороста, проложеннаго всюду расторопными казаками.

Вода подъ ногами беззвучно плескалась и хлюпала, но теперь не было надобности соблюдать осторожность, такъ какъ въ ревѣ тяжелыхъ нѣмецкихъ орудій безслѣдно тонули даже напряженные людскіе голоса.

— Я больше ждать не намѣренъ! — сказалъ офицерамъ полковникъ. — Одно изъ двухъ: либо о нашемъ существованіи забыли фазаны, либо мы пробились настолько глубоко, что сиповскимъ ординарцамъ невмоготу насъ найти. Исходя изъ этого соображенія, я принимаю дальнѣйшіе шаги на собственную свою отвѣтственность. Не ночевать же намъ еще разъ въ этой бурдѣ, когда въ двухъ шагахъ нѣмцы кромсаютъ несчастную крупу!

— Точно такъ! — поддержалъ есаулъ. — Казаки уже пудятся и просятся въ дѣло.

— Казаки всегда просятся! — сердито отвѣтилъ полковникъ, неизвѣстно чѣмъ больше обиженный — невниманіемъ ли штабныхъ офицеровъ, или тѣмъ, что пришлось цѣлую ночь и все утро провести въ тѣхъ мѣстахъ, которыя опредѣленно считаются для кавалеріи непроходимыми. — Драгунъ бы сюда! — промычалъ онъ подъ носъ. — Поглядѣлъ бы я, какъ бы они здѣсь выглядѣли!

Полковникъ остановилъ головной взводъ и принялся ждать, пока подтянутся всѣ остальные.

— Хорунжій Наскоковъ! Это мы вамъ, по совѣсти говоря, обязаны всей этой кашей... Допрыгаетесь вы у меня! — полушутя, полусердито кивнулъ онъ на молодого смѣющагося офицера и принялся раскуривать короткую носогрѣйку.

Казаки подтянулись немного и начали быстро итти къ окраинамъ болота.

Скоро вода подъ ногами пропала, и между рѣдкихъ березокъ раскинулся мшистый, зеленый коверъ.

Всѣ были мокры до нитки и голодны. И у всѣхъ на душѣ кипѣла горячая злоба на нѣмца, по милости котораго пришлось увязнуть на цѣлую ночь на болотѣ, гдѣ комары донимали коней до бѣшенства.

У опушки застали свои дозоры, безпечно жевавшіе какія-то ягоды.

Бадьма весь былъ вымазанъ до ушей чернымъ сокомъ и смахивалъ сильно на чорта.

Полковникъ сошелъ съ коня и прошелъ до самой лужайки.

„Пусто! — подумалъ онъ, прислушиваясь къ далекому гулу въ промежуткахъ между стальными раскатами нѣмецкихъ тяжелыхъ орудій. — Ну и ладно!"

Германскіе плѣнные, захваченные въ одномъ изъ боевъ подъ Реймсомъ.

Потомъ онъ окинулъ глазами противоположную сторону лѣса и крѣпко задумался.

— А ну. была не была!— тряхнулъ онъ рѣшительно головою.— Посмотримъ, какая сегодня казацкая удача!

И онъ отошелъ назадъ, подзывая къ себѣ командировъ сотенъ.

Казаки смирно ждали, пока шелъ летучій совѣтъ.

Потомъ командиры сотенъ ушли по частямъ, и полкъ началъ строиться у самой опушки.

Полковникъ проѣхалъ изъ края въ край, оглядывая внимательно людей, и вынулъ изъ раззолоченныхъ ноженъ кривую турецкую шашку.

Потомъ повернулъ горбоногаго дончака головой въ поле и взялъ почти съ мѣста въ карьеръ.

Когда весь полкъ вышелъ на чистое мѣсто, командиры сотенъ взяли направленіе на своего полковника, и цѣлый лѣсъ пикъ склонился впередъ.

— Ги-ги-и-и-и!—застонало все поле отъ страшнаго воя, и тысяча буйныхъ коней понесла на высоты склонившихся къ сѣдламъ наѣздниковъ.

Наверху проревѣли одинъ за другимъ два чудовищныхъ выстрѣла, и вдругъ напряженная, жуткая тишина повисла надъ степью.

Только ахало гдѣ-то, совсѣмъ далеко, глухо и коротко, да пули визжали, ложась на излетѣ хлесткими рикошетами.

колки съ носилками, и подъ солнцемъ горячо зарябили въ глазахъ кровавые кресты на бѣлыхъ повязкахъ.

— Не могутъ найти! — прокричалъ возлѣ уха забрызганный грязью, лоснящійся адъютантъ.

— Кого?—спросилъ генералъ.

— Казаковъ!.. Словно сквозь землю пропали.

— Найдутся!—отвѣтилъ начальникъ и снова прижался къ биноклю.—Пусть конная снимется и преслѣдуетъ непріятеля! Драгуны въ прикрытіе!—продолжалъ генералъ отдавать приказанія.

Онъ чувствовалъ, что моментъ былъ вѣрно уловленъ, что теперь уже нѣтъ такой силы, которая могла бы выбить изъ русла потокъ разворачивающихся событій, и прежнее нервное напряженіе внезапно упало, и вмѣсто него ощущалась тупая разбитость во всѣхъ частяхъ тѣла.

Теперь уже все неуклоннымъ порядкомъ стремилось къ уготованному судьбою удѣлу, и генералъ только разъ за все время на минуту зажегся и принялся дергать рукою Владимірскій крестикъ.

Это было тогда, когда неожиданно смолкла нѣмецкая канонада,— точно кто-то огромный однимъ мановеніемъ десницы заклепалъ всѣ эти рявкающія чудовища.

— Такъ я ничего не понимаю! — крикнулъ-было начальникъ стоявшему рядомъ штабному полковнику и тутъ же добавилъ:— Разыскались казаки! Я такъ и зналъ, что они это сдѣлаютъ, ибо

Военный министръ В. А. Сухомлиновъ. Супруга воен. мин. Е. В. Сухомлинова. Л. А. Манташевъ. Проф. С. П. Федоровъ. Д-ръ В. П. Федоровъ. Ген.-отъ-кав. Н. А. Винтуловъ.

Открытіе эвакуаціоннаго лазарета Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Лазаретъ оборудованъ на средства Л. А. Манташева, пожертвовавшаго 200.000 рублей. По фот. А. Оцупа.

Командиръ приподнялся на стременахъ и глянулъ впередъ.

Два крайнихъ широкихъ жерла ворочались медленно въ воздухѣ и постепенно склоняли открытыя пасти навстрѣчу несущейся лавѣ.

Командиръ измѣнилъ направленіе фронта, взмахнулъ въ воздухѣ сверкающей шашкой, и весь полкъ пошелъ двумя гибкими лентами, перемѣщаясь по линіи, параллельной оси наводимыхъ орудій.

Грохнуло гулко и больно, захлестнувъ упругой волной нагнетеннаго воздуха, и тяжелая фугасная бомба взорвалась горячимъ фонтаномъ за спинами скачущихъ казаковъ.

Командиръ замахалъ снова шашкой, и всѣ пять сотенъ, завернувъ на полномъ ходу правыя плечи впередъ, одна за другой пошли на откосъ съ потрясающимъ, рѣжущимъ воемъ.

Кто-то вскинулъ тяжелый прибойникъ у крайняго осаднаго орудія и рухнулъ съ разрубленнымъ черепомъ, обдавая мозгами горячее тѣло мортиры.

Затрещали сухіе револьверы, разрывая густую волну горячаго, душнаго воздуха, и цѣлый лѣсъ пикъ ураганомъ прошелъ по линіи нѣмецкихъ орудій.

Все, что было живого, лежало на взрытой землѣ между еще не использованныхъ тяжелыхъ снарядовъ, стоявшихъ рядами за каждымъ орудіемъ. И только на самомъ концѣ, возлѣ лѣса, извивался еще высокій, сухой офицеръ подъ плетью калмыка Уланова.

— Ступай! Донеси!—приказалъ командиръ молодому урядинку и спокойно вложилъ въ ножны кривую турецкую шашку.

XIII.

— Бѣгутъ! — донесли генералу, стоявшему съ биноклемъ въ рукахъ возлѣ мельницы.

— Послать санитаровъ! — отвѣтилъ начальникъ, не отрываясь отъ поля.

Замелькали по мокрымъ откосамъ автомобили, потянулись двуколки съ носилками...

передъ уходомъ въ засаду приказалъ крѣпко-накрѣпко ихъ полковнику не лазить на пушки.

Генералъ замолчалъ и больше ни слова не сказалъ никому изъ приближенныхъ до самаго окончанія боя.

— Батарея взята!—доносилъ генералу сіяющій казачій урядникъ.

Генералъ только кивнулъ головою.

— Непріятель выбитъ изъ лѣса!

Генералъ ничего не отвѣтилъ.

— Бѣгутъ прямо въ воду...

— Казаки съ драгунами топятъ остатки!..

— Конная взяла продольнымъ по берегу.

Генералъ не кивнулъ головой.

Онъ сидѣлъ на переметной сумѣ, опустивъ низко голову, и грудь его медленно то поднималась, то опускалась.

Адъютантъ наклонился къ начальнику и, улыбаясь, сказалъ:

— Ихъ превосходительство спятъ!

Канонада тяжелыхъ орудій гремѣла.

XIV.

Солнце стояло высоко.

Отъ нагрѣтой земли клочками срывался сизоватый дымокъ и таялъ, не успѣвъ приподняться.

Великая тишина висѣла надъ полемъ и лѣсомъ, и человѣческіе голоса звучали въ ней вѣско, значительно.

Генералъ на конѣ объѣзжалъ части войскъ, стараясь не видѣть того, что было внизу, подъ ногами, и сердце его давила большая, саднящая боль.

Проѣхалъ вдоль фронта драгунъ, который былъ втрое короче, чѣмъ наканунѣ, выслушалъ рапортъ, поданный командиромъ, и тронулся дальше.

Вотъ впереди двѣ линіи чубатыхъ казаковъ.

Эти стоятъ почти въ полномъ составѣ, а вѣдь лѣзли на самыя дула. Неоцѣнимый народъ! Ловкій, выносливый, смѣтливый и храбрый до сумасшествія.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ ВѢЧНАЯ СЛАВА

Полковникъ В. А. Шалевичъ. Капитанъ В. В. Гродековъ. Корнетъ М. П. фонъ-Кауфманъ. Корнетъ Н. И. Хоружинскій.

Подполковникъ Н. А. Дорошенко. Штабъ-ротмистръ Д. В. Суровцовъ. Подпоручикъ Б. Н. Нечаевъ. Поручикъ А. А. Ивановъ.

Подпоручикъ А. В. фонъ-деръ-Лауницъ. Прапорщикъ С. А. Адамовичъ. Подпоручикъ Б. Н. Байбородинъ. Подпоручикъ Б. Д. Моллеріусъ.

Полковникъ П. Д. Комаровъ.

Штабъ-ротмистръ Ф. Л. Ягелло.

Поручикъ А. С. Курчениновъ.

Вольноопредѣляющійся Ф. В. Комаровъ.

Генералъ выслушалъ рапортъ сѣдоусаго, хмураго полковника и громко сказалъ:

— Представляю васъ въ георгіевскіе кавалеры.

Полковникъ шевельнулъ усами и что-то пробормоталъ мало внятное, потомъ моментально оправился и напомнилъ о подвигѣ хорунжаго Наскокова.

— Это не я, — виновато потупился молодой офицеръ: — это казакъ Бадьма Улановъ!

— Знаю все! — покачалъ головою начальникъ.— Оба будете мною представлены.

Офицеръ закраснѣлся отъ счастья, а генералъ, миновавъ длинный рядъ, поѣхалъ въ пѣхотныя части.

На флангѣ стояла конная батарея.

Начальникъ подъѣхалъ къ щеголеватому подполковнику и низко опустилъ голову.

— Убитыхъ нижнихъ чиновъ столько-то, — рапортовалъ быстро конникъ.— Изъ раненыхъ остались въ строю одиннадцать. Убитыхъ офицеровъ два, раненыхъ два, оба остались въ строю.

— Кто убитъ?—тихо спросилъ генералъ.

— Штабсъ-капитанъ Змѣйкинъ и... — подполковникъ запнулся.

— Гдѣ убитый поручикъ? — еще тише спросилъ генералъ.

Подполковникъ поникъ головой и пошелъ къ лѣсу.

Генералъ нашелъ сына у того самаго дерева, на которомъ они сидѣли вдвоемъ передъ боемъ.

Николай лежалъ съ вытянутыми по швамъ руками, прислонясь головой къ стволу дерева. Рядомъ лежалъ коротенькій стэкъ.

Генералъ сошелъ съ лошади и сталъ на колѣни.

Съ минуту онъ глядѣлъ въ открытые широкіе глаза Николая, потомъ наклонился къ нему, взялъ въ обѣ руки холодную голову и поцѣловалъ ее въ губы.

Потомъ такъ же тихо поднялся, взялъ стэкъ и поѣхалъ обратно.

XVI.

Вечеромъ начальникъ сидѣлъ въ новой избѣ и писалъ донесеніе въ главную квартиру:

„Честь имѣю донести Вашему Императорскому Высочеству, что дѣйствіемъ частей ввѣреннаго мнѣ отряда непріятель въ составѣ 1 Кенигсбергскаго корпуса съ частью XX-го и частями ландвера, при тяжелыхъ орудіяхъ изъ крѣпости Торнъ, отброшенъ съ большими потерями обратно за рѣку“...

Генералъ написалъ и задумался.

„Вотъ оно все!“

Прошелъ передъ глазами весь день: батарея, окопы, минуты, проведенныя вдвоемъ съ Николаемъ въ лѣсу, потомъ рядъ тревогъ и глубокихъ волненій на главныхъ высотахъ: тяжелыя, мучительныя сомнѣнія; высокій подъемъ; побѣдная радость; безбрежное поле, усѣянное трупами; кровавыя руки санитаровъ и страшная работа на перевязочномъ пунктѣ; кресты на повязкахъ; казакъ, подстрѣлившій нѣмецкій аэропланъ, и опять Николай... но уже возлѣ дерева, съ холодной головой и открытыми ясными глазами.

Вотъ эта бумага придетъ теперь съ казакомъ въ главную квартиру; потомъ нѣсколько фразъ изъ нея черезъ штабъ попадутъ въ печать.

Милліоны людей будутъ читать „отброшенъ съ большими потерями“.

Генералъ попытался представить себѣ эти читающіе милліоны, во имя благополучія которыхъ здѣсь, на далекихъ поляхъ, льется кровь, во имя спокойствія которыхъ пать Николай и другіе, и вдругъ все лицо его засіяло примиренной печальной улыбкой.

— Да! Поймутъ!.. Вѣрую, Господи! — сказалъ онъ покорно и опустился на землю передъ стариннымъ, прадѣдовскимъ образомъ.

Пособія и льготы чинамъ дѣйствующихъ арміи и флота и ихъ семействамъ.

Очеркъ **Г. С. Вольтке.**

До послѣдняго времени помощь государства гражданамъ, призваннымъ въ ряды арміи во время войны, выражалась лишь въ выдачѣ членамъ семьи, находившихся на ихъ иждивеніи, небольшихъ пособій, въ размѣрѣ, необходимомъ для ихъ прокормленія, изъ средствъ Государственнаго Казначейства. Пособіе это или мѣсячный паекъ опредѣлено закономъ 25 іюня 1912 г. въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1 п. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 1 ф. постнаго масла и 4 ф. соли на каждаго члена семьи нижняго чина (жена, дѣти, отецъ, мать, братья, сестры, дѣдъ и бабка), при чемъ дѣти моложе пяти лѣтъ получаютъ половину этого пайка. Пособіе выдается деньгами по оцѣнкѣ мѣстнаго Губернскаго Присутствія: въ городахъ за мѣсяцъ впередъ, а въ сельскихъ мѣстностяхъ — за три мѣсяца впередъ. Для Петрограда стоимость пайка опредѣлена въ 3 р. 75 к. Такое небольшое пособіе, конечно, не можетъ удовлетворить всѣхъ нуждъ семьи ушедшаго на войну нижняго чина, оно едва можетъ покрыть самые скромные расходы на пищу.

Но какъ оплатить квартиру? Вопросъ этотъ особенно остро чувствуется въ городахъ, гдѣ даже уголъ въ комнатѣ обходится не дешево.

Въ первое время послѣ объявленія войны домовладѣльцы и квартиронаниматели, сдававшіе отъ себя комнаты и углы, пытались выселять семьи запасныхъ нижнихъ чиновъ за неплатежъ наемныхъ денегъ безъ суда. Вслѣдствіе этого мѣстныя власти издали обязательное постановленіе, коимъ, подъ страхомъ наказанія или штрафа въ административномъ порядкѣ, запрещено выселять семьи запасныхъ безъ суда.

Это распоряженіе не могло однако оказать существенную помощь семьямъ запасныхъ, такъ какъ иски о выселеніи разрѣшаются мировыми или городскими судьями или земскими начальниками очень быстро. Бѣдные люди не могутъ взять для веденія дѣла повѣреннаго, который во многихъ случаяхъ сумѣлъ бы путемъ отводовъ и возраженій не допустить до скораго постановленія рѣшенія или предварительнаго исполненія. Напримѣръ, по закону повѣстка о вызовѣ въ судъ должна быть вручена самому отвѣтчику и можетъ быть оставлена у домашнихъ, дворника или сосѣдей лишь въ случаѣ отлучки изъ квартиры, но не выбытія изъ мѣста жительства. По незнанію закона, домашніе ушедшаго на войну запаснаго ополченца или добровольца часто принимаютъ повѣстку, вслѣдствіе чего она считается врученною, и рѣшеніе о выселеніи постановляется заочно.

Еще въ худшемъ положеніи находится семья запаснаго, если предъявленъ къ нему искъ по протестованному векселю или нотаріальному обязательству. Такой искъ присуждается въ порядкѣ понудительнаго исполненія резолюціей судьи на самомъ актѣ безъ вызова отвѣтчика, при самомъ предъявленіи иска. Правда, въ 31 губерніи Европейской Россіи, прилегающихъ къ западной и южной границамъ, Указомъ 25 іюня 1914 г. пріостановлено на два мѣсяца до 25 сентября 1914 г. совершеніе протестовъ и принятіе мѣръ взысканія по всѣмъ вообще векселямъ, выданнымъ до 17 іюля 1914 г. сроками послѣ этого числа, если мѣсто выдачи векселя или платежа въ этихъ губерніяхъ (это—такъ называемый вексельный мораторій). Указомъ 12 сентября 1914 г. срокъ этотъ для векселей, платежъ по которымъ долженъ быть произведенъ между 26 августа и 25 сентября 1914 г., продолженъ на одинъ мѣсяцъ со дня истеченія срока платежа, т.-е. по 26 сентября — 25 октября 1914 г. Наконецъ Указомъ 19 сентября 1914 г. вексельный мораторій продленъ для 16 губерній: десяти Царства Польскаго, Холмской, трехъ Сѣверо-западныхъ и двухъ Прибалтійскихъ для векселей, выданныхъ до 17 іюля срокомъ до 17 ноября 1914 г. включительно, на 4 мѣсяца со дня срока каждаго векселя. Мѣра эта однако не распространяется на другія долговыя обязательства и на векселя, сроки коихъ наступили до 17 іюля 1914 г. По этимъ векселямъ и обязательствамъ допускаются иски и взысканія. Къ тому же мораторій не распространяется на внутреннія губерніи Россіи, гдѣ также взяты запасные и ополченцы. Мѣстопребываніе чиновъ дѣйствующей арміи неизвѣстно постороннимъ лицамъ. Поэтому по общему закону такія лица могутъ вызываться къ суду посредствомъ публикацій въ вѣдомостяхъ. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ со дня публикаціи дѣло можетъ быть назначено къ слушанію и рѣшено заочно.

Правда, заочное рѣшеніе можетъ быть исполнено лишь по врученіи повѣстки отвѣтчику судебнымъ приставомъ. Прежде это было бы невозможно въ виду неизвѣстности пребыванія отвѣтчика. Но 12 марта 1914 г. изданъ былъ законъ, направленный противъ недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ, уклонявшихся отъ принятія повѣстки судебнаго пристава. По этому закону судъ обязанъ, по просьбѣ взыскателя, назначить отвѣтчику, мѣстопребываніе коего неизвѣстно, защитника изъ числа присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ или старшихъ кандидатовъ на судебныя должности. Этотъ защитникъ долженъ принимать за отвѣтчика повѣстки объ исполненіи и вообще замѣнять отвѣтчика во всѣхъ исполнительныхъ дѣйствіяхъ, пока не обнаружится мѣстопребываніе отвѣтчика.

Въ отношеніи лицъ, находящихся на государственной службѣ, судъ собираетъ свѣдѣнія объ адресѣ отвѣтчика чрезъ его начальство.

Этимъ закономъ, изданнымъ для иныхъ цѣлей, могли воспользоваться истцы и взыскатели для исполненія заочныхъ рѣшеній противъ призванныхъ на войну чиновъ арміи и флота, продать въ уплату долга все оставшееся у семьи имущество, наложить арестъ на жалованье, которое многія учрежденія и лица сохранили за ушедшими на войну запасными для поддержки ихъ семей, и такимъ образомъ лишить послѣднія всякихъ средствъ къ существованію. Этимъ путемъ можно было бы осуществить и выселеніе семьи запаснаго изъ квартиры за неплатежъ денегъ. Надо наконецъ имѣть въ виду, что въ судахъ производится много дѣлъ, начатыхъ призванными на войну запасными или противъ нихъ. Дѣла эти бѣдными людьми велись часто безъ участія повѣренныхъ. Со времени призыва въ ряды арміи дѣла этихъ лицъ остались безъ всякаго наблюденія.

Если первая повѣстка отвѣтчику была вручена, дѣло можетъ слушаться далѣе и можетъ быть рѣшено, хотя бы дальнѣйшія повѣстки не были вручены отвѣтчику. Въ случаѣ неявки истца, дѣло можетъ быть прекращено судомъ, если истецъ не просилъ о рѣшеніи дѣла въ его отсутствіи. Не имѣя свѣдѣній о состоявшемся противъ него рѣшеніи, тяжущійся можетъ пропустить срокъ на обжалованіе, и рѣшеніе вступить въ законную силу.

Перевезеніе тѣла Князя Олега Константиновича со ст. Волоколамскъ въ Осташево. За гробомъ слѣдуютъ Августѣйшіе родители почившаго.

Передъ опущеніемъ тѣла почившаго Князя въ могилу.

Вѣнки, слѣдующіе въ простыхъ повозкахъ за траурной процессіей.

Могила Князя Олега Константиновича.

Дворецъ Великаго Князя Константина Константиновича въ Осташевѣ. ✕—мѣсто погребенія Князя Олега Константиновича.

Погребеніе Его Высочества Князя Олега Константиновича, въ Бозѣ почившаго отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ непріятелемъ. Траурный кортежъ изъ г. Волоколамска въ село Осташево, гдѣ въ имѣніи Августѣйшаго Родителя почившаго преданъ землѣ прахъ юнаго героя. По фот. А. Савельева.

Всѣ эти неудобства, возникшія для лицъ, призванныхъ въ ряды вооруженныхъ силъ, заставили правительство издать для нихъ особыя льготныя правила въ порядкѣ 87 ст. Основныхъ Законовъ. (Именной Высочайшій Указъ отъ 13 сентября 1914 г.).

Въ силу этого Указа, всѣ суды, въ томъ числѣ и судебно-административныя установленія (земскіе начальники, уѣздные съѣзды), обязаны по просьбѣ тяжущагося, находящагося въ дѣйствующей арміи или въ флотской командѣ и не поручившаго веденіе дѣла повѣренному, пріостановить производство исковаго дѣла, понудительное взысканіе по актамъ и исполненіе рѣшеній противъ просителя впредь до истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня приведенія арміи и флота на мирное положеніе и возвращенія изъ плаванія судовъ, задержанныхъ военными обстоятельствами. Прошенія эти не оплачиваются ни гербовымъ ни листовымъ сборомъ. Къ прошенію надо приложить удостовѣреніе военнаго или морского начальства, что проситель состоитъ въ дѣйствующихъ арміи или флотѣ.

Но и безъ просьбы тяжущагося судъ обязанъ пріостановить производство дѣла или взысканіе, если у суда имѣются свѣдѣнія о принадлежности кого-либо изъ тяжущихся или отвѣтчика по исполненію рѣшенія къ составу дѣйствующихъ арміи или флота. Въ законѣ не сказано, кѣмъ могутъ быть доставляемы суду такія свѣдѣнія. Поэтому надо думать, что они могутъ быть доставляемы учрежденіями или лицами, заслуживающими довѣрія: полиціей, начальствомъ тяжущагося или отвѣтчика, хозяевами, членами семьи, родными, сослуживцами, городскими попечительствами, благотворительными учрежденіями и т. п.

Въ случаѣ пріостановленія судомъ производства дѣла, понудительнаго исполненія по актамъ или исполненія рѣшенія, пріостанавливается также и теченіе установленныхъ въ законѣ сроковъ для подачи всякаго рода состязательныхъ бумагъ, отзывовъ, жалобъ, просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній и пр. до истеченія указаннаго выше срока.

Въ случаѣ предъявленія иска къ лицу, находящемуся въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, вызовъ его къ суду повѣсткой отлагается до истеченія того же срока. Не допускается и вызовъ чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ. Такимъ образомъ до окончанія войны никакое дѣло, въ которомъ участвуетъ чинъ арміи или флота, не можетъ получить никакого движенія, если онъ самъ не пожелаетъ дать ему ходъ.

Законъ однако не могъ не считаться и съ справедливыми интересами истцовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ—чинъ арміи или флота—обладаетъ достаточнымъ имуществомъ для уплаты долга. Во избѣжаніе переукрѣпленія этого имущества во время войны, Указъ 13 сентября 1914 г. допускаетъ обезпеченіе исковъ, предъявленныхъ къ чинамъ дѣйствующихъ арміи или флота, въ случаѣ ихъ пріостановленія.

Однако мѣры обезпеченія не могутъ касаться ни жалованья и другихъ окладовъ этихъ лицъ, ни находящагося въ ихъ квартирѣ движимаго имущества. Наложеніе ареста на это имущество или жалованье не допускается. Благодаря этому гуманному и справедливому закону, семьи рабочихъ, служащихъ и вообще лицъ, живущихъ личнымъ трудомъ, ограждены отъ выселенія изъ квартиръ до окончанія войны, отъ описи и продажи квартирной обстановки, отъ вычетовъ изъ получаемаго ими за ушедшихъ на войну жалованья. Что̀ касается прочаго имущества, которое можетъ быть предметомъ обезпеченія иска, то для огражденія интересовъ отвѣтчиковъ, не имѣющихъ повѣреннаго, судъ назначаетъ имъ защитника въ указанномъ выше порядкѣ.

Въ случаѣ смерти лица, находящагося въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, до истеченія срока, на который пріостановлено производства дѣла, понудительное исполненіе или взысканіе, вступаютъ въ силу общія правила, установленныя на этотъ случай, т.-е. сторона, заинтересованная въ возобновленіи дѣла, должна просить о назначеніи опеки надъ имуществомъ умершаго для отвѣта по иску или взысканію.

Указъ 13 сентября 1914 г. предусматриваетъ и тѣ случаи, когда во время войны истечетъ срокъ давности для предъявленія иска лицомъ, находящимся въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, для выкупа родового имущества отъ чужеродца или для совершенія какого-либо иного дѣйствія или заявленія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ теченіе давности пріостанавливается на тотъ же срокъ, который установленъ для производства судебныхъ дѣлъ.

Не забыты Указомъ интересы лицъ, находящихся въ рядахъ дѣйствующихъ арміи или флота, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они участвуютъ въ уголовномъ дѣлѣ въ качествѣ обвиняемыхъ, обвинителей или гражданскихъ истцовъ.

Повѣстки о вызовѣ въ судъ имъ не посылаются въ теченіе того же времени, на которое пріостановлено производство гражданскихъ дѣлъ. Неявка такого лица въ засѣданіе по уголовному дѣлу служитъ препятствіемъ къ открытію засѣданія въ теченіе того же времени. Теченіе сроковъ для жалобъ по уголовнымъ дѣламъ пріостанавливается на тотъ же срокъ, какъ и по дѣламъ гражданскимъ. Благодаря этому закону, обвиняемый чинъ дѣйствующихъ арміи или флота можетъ быть спокоенъ, что до его возвращенія изъ арміи по окончаніи войны онъ не можетъ быть заочно осужденъ, а постановленный о немъ приговоръ не вступитъ въ законную силу за пропускомъ срока на обжалованіе. Что̀ касается дѣлъ, находящихся въ производствѣ уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ, то Сенатъ разъяснилъ, что Указъ 13 сентября 1914 г. на эти дѣла не распространяется, и примѣненіе этого закона въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія присутствія Сената.

О содержаніи этого благодѣтельнаго закона, независимо отъ обычной публикаціи въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства, оповѣщены и всѣ чины дѣйствующихъ арміи и флота черезъ военное и морское министерства.

Указъ 13 сентября 1914 г. спасетъ отъ разоренія и гибели многія тысячи семействъ воиновъ, сражающихся въ настоящее время за отечество, и дастъ послѣднимъ столь необходимое имъ спокойствіе за судьбу женъ и дѣтей, оставшихся безъ кормильца, и за судьбу дѣлъ, начатыхъ до призыва на военную службу или возникшихъ послѣ ихъ вступленія въ ряды арміи.

Надъ Вислой.

Глухая ночь легла надъ старою Варшавой...
Ночные призраки полны тревожныхъ чаръ.
По улицамъ войска идутъ тяжелой лавой.
Далекимъ заревомъ встаетъ ночной пожаръ.

Гудятъ орудія. Спѣшатъ во тьмѣ отряды.
Ползетъ по городу темнѣющій обозъ.
Растетъ неясный гулъ далекой канонады.
Кругомъ идутъ войска... Грохочетъ сталь колесъ...

Нестройный шумъ плыветъ отъ тысячнаго шага.
Молчитъ загадочно Варшавы цитадель...
Надъ Вислой зарево... Въ туманѣ тонетъ Прага...
Внизу шумитъ волна, блеститъ рѣчная мель...

Нѣмое зарево становится все больше...
Яснѣе выстрѣлы. Гудитъ сильнѣй пальба.
Война пылаетъ тамъ, въ поляхъ старинной Польши,
Растетъ и ширится великая борьба.

Геройство тамъ вѣнчаютъ вѣчной славой.
Позоръ тому, кто духомъ слабъ и старъ!..
Глухая ночь лежитъ надъ темною Варшавой...
Ночные призраки полны тревожныхъ чаръ...

Вл. Краковецкій.

Метерлинкъ и война.

(Съ портр. на стр. 833).

Развернувшіяся въ Европѣ грозныя событія и героическая роль Бельгіи, принявшей въ ней трагическое участіе, выдвинули на одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровомъ вниманіи знаменитаго бельгійца—Мориса Метерлинка.

Казалось бы, грохотъ орудій и стоны и побѣдные клики войны должны бы заглушить голоса мирныхъ художниковъ и поэтовъ... Казалось бы, все невоенное, все мирное должно отойти теперь далеко въ сторону. Но волею судебъ это не коснулось Метерлинка. Этотъ глубоко мирный человѣкъ, этотъ пѣвецъ тайниковъ души человѣческой, неутомимый искатель разрѣшенія міровыхъ загадокъ любви и смерти, возстаетъ теперь трагическимъ силуэтомъ на фонѣ окровавленной и озаренной пожарами Бельгіи.

Правда, Метерлинкъ выступилъ сейчасъ не какъ поэтъ, но какъ гражданинъ истерзанной героической страны и какъ страстный агитаторъ „войны противъ войны“, борьбы съ нѣмецкимъ варварствомъ, призывающій къ защитѣ и охранѣ всего святого, чѣмъ донынѣ жило человѣчество. Мало того, Метерлинкъ сталъ въ ряды борцовъ-защитниковъ родины. Но этотъ новый Метерлинкъ неразрывно связанъ съ Метерлинкомъ прежнимъ—авторомъ тончайшихъ поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ вѣяніемъ неземныхъ ожиданій и острыми нотками тоски предъ вѣчной загадкой смерти и цѣли человѣческаго бытія. Метерлинкъ-воинъ, Метерлинкъ - защитникъ родины и пламенный трибунъ,—этотъ Метерлинкъ всталъ сейчасъ предъ нашими изумленными глазами, какъ прежній поэтъ и человѣкъ, но только на новомъ фонѣ и въ рамкахъ неожиданно новаго бытія.

Главный смыслъ произведеній Метерлинка — „трагическое въ повседневности“. Трагическое вступаетъ въ человѣческую жизнь то среди мелочной обыденной суеты, то на фонѣ очаровательной сказки, но все равно оно входитъ въ жизнь и приноситъ съ собой

тайну и тысячи томительныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ темному и молчаливому лику этой тайны...

Кромѣ внѣшней дѣйствительности, по его убѣжденію, есть другая дѣйствительность, не реальная, но возможная. И Метерлинкъ изучаетъ законы Рока, чтобы по мѣрѣ своей земной возможности бросить отблескъ свѣта на тайны нашей жизни и найти гармонію между трагическимъ и радостнымъ.

И вотъ Рокъ вторгся съ сказочной силой въ его до той поры спокойную жизнь. Вспыхиваетъ война, и жизнь Метерлинка превращается какъ бы въ одну изъ его поэмъ, исполненныхъ трагизма и смерти... Его личная жизнь и жизнь его окружающихъ охвачена со всѣхъ сторонъ тѣми вѣяніями ужаса смерти и предчувствій, которыми полны его прелестныя поэмы. Но теперь это уже не поэма, а реальная жизнь. Художественное творчество стало дѣйствительностью. И какъ странно и жутко видѣть Метерлинка въ этой дѣйствительности. Какое роковое шествіе событій въ его жизни и кругомъ него!

Все свершается по слову поэта-провидца. Но что̀ же самъ поэтъ? Какъ встрѣтилъ онъ это страшное воплощеніе своихъ поэтическихъ созданій въ реальную жизнь?

Метерлинкъ недаромъ бельгіецъ. Онъ — сынъ героической страны; вся исторія Бельгіи родилась изъ героической фламандской легенды, гдѣ поэтическая фантастика переплелась съ дѣяніями мощной борьбы за существованіе. Изъ тумана вѣковъ выплылъ стойкій и смѣлый народъ, склонный къ глубокимъ вѣрованіямъ и къ поэтическому міровоззрѣнію, и въ то же время народъ — дѣлецъ. Таковъ и Метерлинкъ: поэтъ, дитя и отецъ легендъ, вдумчивый фантастъ, онъ въ то же время спокойный и трезвый дѣятель, онъ умѣетъ въ нужныя минуты смотрѣть на жизнь и дѣйствовать вполнѣ реально. И когда надъ его родиной разразилось страшное несчастіе, когда въ нее вторглись варвары, не щадящіе и не признающіе ничего святого, тогда Метерлинкъ положилъ въ сторону перо поэта и мыслителя и сталъ на защиту родной страны, какъ рядовой солдатъ. Это его не удовлетворило, и онъ, кромѣ того, выступилъ съ горячими публичными протестами противъ германскаго насилія.

Сильное впечатлѣніе производитъ недавно появившаяся въ англійской газетѣ („Daily-Mail“) статья Метерлинка о войнѣ. Въ этой статьѣ Метерлинкъ-боецъ встаетъ во весь свой ростъ.

Знаменитый бельгійскій поэтъ и драматургъ Морисъ Метерлинкъ.

„Въ эти трагическіе моменты нашей жизни никому не должно быть позволено говорить, кто не умѣетъ или не хочетъ носить ружье—ибо такъ чудовищно безполезно, такъ безнадежно легкомысленно кажется писаное слово предъ могучей драмой, которая, быть-можетъ, навсегда освободитъ человѣчество отъ бича войны—того единственнаго бича среди всѣхъ бичей человѣчества, котораго нельзя извинить, нельзя объяснить, такъ какъ онъ одинъ среди всѣхъ исходитъ и зависитъ отъ рукъ человѣка.

„Но пока этотъ бичъ виситъ надъ нами, пока мы окружены имъ со всѣхъ сторонъ, надо попытаться взвѣсить грѣхъ тѣхъ, кто совершилъ это неимѣющее прощенія преступленіе. Теперь, когда мы живемъ въ самой гущѣ этого ужаса, мы имѣемъ — и только теперь можемъ имѣть достаточную энергію и зоркость, чтобы судить его. Только изъ глубинъ самой ужасной и жестокой несправедливости можно узрѣть справедливость. Когда пробьетъ часъ для оплаты счетовъ — а часъ этотъ не такъ ужъ далекъ— мы уже позабудемъ многое изъ того, что̀ мы вынесли и претерпѣли, и позорное милосердіе застелетъ намъ глаза. Поэтому теперешній моментъ—моментъ, когда мы должны принять наше непоколебимое рѣшеніе“.

Метерлинкъ далѣе говоритъ, что несомнѣнно послѣ побѣды надъ врагомъ будутъ сдѣланы попытки пробудить нашу жалость къ нему. Будутъ говорить, что воевала не та Германія, которую мы знали и видѣли въ дымкѣ поэтическихъ грезъ и добродушія, и что во всемъ виновата грубая Пруссія, а не Баварія, не Саксонія и т. д. „Всѣ они сразу станутъ бѣлѣе снѣга, болѣе безобидными, чѣмъ овцы на англійскомъ пастбищѣ. И окажется, что они только слушались, были принуждены слушаться приказаній, которыя были для нихъ ненавистны, но не послушаться которыхъ они не смѣли“.

„Но теперь, — говоритъ Метерлинкъ, — когда мы стоимъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, посмотримъ ей прямо въ лицо и произнесемъ нашъ приговоръ. Ибо въ этотъ настоящій моментъ, когда въ нашихъ рукахъ всѣ улики и вещественныя доказательства, когда еще не стерты слѣды преступленія, мы должны крикнуть правду, которая скоро поблѣднѣетъ въ нашей памяти. Поэтому скажемъ себѣ теперь, что все то, что̀ намъ потомъ скажутъ, будемъ ложью, и будемъ въ дальнѣйшемъ неуклонно придерживаться рѣшенія, принятаго въ этотъ моментъ, когда насъ еще окружаетъ зарево ужаса“.

По словамъ Метерлинка, въ исполинскомъ преступленіи нынѣшней войны нѣтъ невинныхъ и нѣтъ различныхъ степеней вины, но всѣ стоятъ на одномъ уровнѣ: и нѣмцы съ сѣвера и нѣмцы съ юга. Это просто нѣмцы, „нѣмцы вообще“, открывшіе передъ нами свое истинное лицо хищнаго звѣря. И это не рабы, которыхъ затянулъ въ войну якобы единственно отвѣтственный императоръ-тиранъ. Метерлинкъ утверждаетъ, что къ данному случаю вполнѣ примѣнима извѣстная формула: „Народы имѣютъ ту форму правленія, которую они заслуживаютъ“. „Если 80 милліоновъ невинныхъ людей выбираютъ себѣ и поддерживаютъ чудовище-императора, то эти 80 милліоновъ просто раскрываютъ намъ всю внутреннюю фальшь и поверхностность ихъ невинности. И то чудовище, которое стоитъ во главѣ ихъ, является показателемъ истиннаго характера ихъ натуры, такъ какъ оно является представителемъ вѣчныхъ стремленій ихъ расы,—тѣхъ стремленій, которыя лежатъ гораздо глубже, чѣмъ ихъ мнимыя и показныя добродѣтели“.

„Черезъ тысячу лѣтъ нѣмцы останутся такими же: ни искусство ни образованіе не помогутъ“.

„Сумѣемъ быть безжалостными, чтобы больше никогда не нуждаться въ жалости! — восклицаетъ въ заключеніе Метерлинкъ. — Это — мѣра естественной защиты. Необходимо, чтобы современное человѣчество уничтожило навсегда прусскій милитаризмъ!“

Вотъ какія страстныя слова нашелъ въ своей опаленной гнѣвомъ и скорбью душѣ поэтъ-провидецъ, въ чью жизнь и творчество ворвался такъ неожиданно трагическій Рокъ!

Эта яркая рѣчь бельгійскаго поэта вызвала къ себѣ величайшій интересъ во всемъ мірѣ, и слава Метерлинка удесятерилась. Милліоны людей восхищаются его героизмомъ и сочувствуютъ ему, какъ великому представителю великой въ своей скорби и доблести бельгійской страны.

Французская Академія избрала Метерлинка въ свои „безсмертные“—въ академики и ради этого даже нарушила свой статутъ, по которому не французскіе подданные не могутъ быть избираемы въ Академію.

Въ Англіи Метерлинкъ встрѣтилъ необычайно сердечный пріемъ. На митингѣ въ Ньюкэстлѣ онъ произнесъ рѣчь, начинавшуюся словами: „Грустную исторію я хочу вамъ повѣдать: это—исторія о маленькомъ королевствѣ, которое свято исполнило святое дѣло и должно умереть“... Вся зала отвѣтила на эти слова единодушнымъ крикомъ: „Никогда!“ Публика восторженно привѣтствовала Метерлинка и выслушала его рѣчь, стоя.

Этотъ единодушный возгласъ былъ лучшимъ отвѣтомъ на все, что̀ повѣдалъ міру о судьбѣ Бельгіи ея великій патріотъ, поэтъ и проповѣдникъ духа и жизни надъ насиліемъ и смертью.

Поляки!

Поляки! Я не вижу смысла
Въ безумномъ подвигѣ стрѣлковъ!
Иль воронъ заклюетъ орловъ?
Иль потечетъ обратно Висла?

Или снѣга не будутъ больше
Зимою покрывать ковыль?
Или о Габсбурговъ костыль
Пристало опираться Польшѣ?

И ты, славянская комета,
Въ своемъ блужданьѣ вѣковомъ
Разсыпалась чужимъ огнемъ,
Сообщница чужого свѣта!

О. Мандельштамъ.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

16 октября Турція, потерявшая всякое сознаніе своихъ государственныхъ интересовъ и поставивъ на карту свое существованіе въ качествѣ европейской державы, начала военныя дѣйствія противъ Россіи. Всецѣло отдавшись въ политическое рабство германскимъ инструкторамъ и дипломатамъ, утратившая тѣнь державной самостоятельности, превратившаяся въ жалкаго тевтонскаго вассала, Турція рискнула, подкравшись ночью къ Ѳеодосіи и Новороссійску, бомбардировать эти порты, въ то время какъ ея дипломатическіе представители на берегахъ Невы неустанно заявляли о своемъ строгомъ нейтралитетѣ. Россія съ полнѣйшимъ спокойствіемъ встрѣтитъ вѣроломное и гнусное нападеніе этого новаго въ нынѣшней Великой европейской войнѣ врага и достойно отвѣтитъ на его наглый вызовъ. Этому новому и вмѣстѣ съ тѣмъ исконному врагу Россіи придется вспомнить старое время, когда доблестная и побѣдоносная русская рать стояла подъ стѣнами Царьграда. Вступая въ дерзкую борьбу съ Россіей, Турція обрушиваетъ на себя и грозныя силы ея союзниковъ. Только заразившись безуміемъ своихъ растерявшихся вдохновителей, Турція могла рѣшиться на такой самоубійственный шагъ. И конечно грозенъ и неумолимъ будетъ для нея часъ недалекаго возмездія, послѣдній часъ вѣкового спора между Россіей и Турціей.

Въ теченіе нынѣшней войны нѣмцы, къ великому счастью Европы и человѣчества, на обоихъ фронтахъ неоднократно несли тяжелыя пораженія: ихъ вынужденныя отступленія отъ Парижа, отъ Нѣмана и отъ Вислы вполнѣ заслуживаютъ именно этого имени. Но справедливость обязываетъ признать, что, не въ примѣръ австрійцамъ, нѣмцы отходили всегда болѣе или менѣе заблаговременно и въ относительномъ порядкѣ. Можно сказать, что въ теченіе нынѣшней кампаніи нѣмцы демонстрировали свое военное искусство почти спеціально по части аккуратно выполненныхъ отступленій. Для одержанія громкихъ побѣдъ нуженъ большой подъемъ, высокое воодушевленіе, но у нѣмцевъ его нѣтъ—и побѣдъ они не одерживаютъ; германскіе стратеги, лишенные вдохновенія, разсчетливые и аккуратные, умѣютъ отступать и отступать. Графъ Мольтке и генералъ Гинденбургъ — почти геніи „ретирадной" стратегіи. Эту ихъ отрицательную въ военномъ дѣлѣ способность необходимо отмѣтить, потому что она въ наибольшей мѣрѣ предопредѣляетъ весь характеръ и даже степень продолжительности кровавой войны. Намъ необходимо считаться съ этой особенностью непріятеля, вытекающей изъ національныхъ качествъ германцевъ: ихъ массовой дисциплинированности и механической систематичности. Когда энергія нѣмецкаго нашествія на Варшаву разбилась о гранитное мужество нашей арміи, нѣмцы подъ страхомъ начавшихся фланговыхъ обходовъ начали отступать еще съ вечера, маскируя свое отступленіе усиленной артиллерійской канонадой русскихъ позицій.

Сообщенія главнаго штаба Верховнаго Главнокомандующаго кратко рисуютъ эпическую картину нашего преслѣдованія торопливо уходившаго непріятеля. Настигая отступающія колонны, наши войска вынуждали ихъ развертываться для новыхъ боевъ, одерживали новыя побѣды, захватывали плѣнныхъ, пулеметы и пушки. Разбитыя арміи, поддержанныя подошедшими подкрѣпленіями, рисковали давать побѣдителю встрѣчные бои, которые кончались новыми нашими побѣдами подъ Радомомъ, подъ Равой, Новымъ Мѣстомъ, Мочидлой, Блоной, Сухочевымъ, на р. Пилицѣ, Ильжанкѣ и пр. Преслѣдованіе разбитыхъ полчищъ ведется съ надлежащею энергіею и при неотступности непремѣнно внесетъ въ германскіе ряды общую дезорганизацію. На югѣ противъ австрійской арміи, привыкшей терять орудія и плѣнныхъ безъ счета, преслѣдованіе сопровождается еще болѣе обильными трофеями. И на югѣ и на сѣверѣ отъ Перемышля австрійцы шагъ за шагомъ снова теряютъ всѣ мѣстности, которыя были временно уступлены имъ при сосредоточеніи силъ нашей арміи къ средней Вислѣ, гдѣ должно было разыграться рѣшительное сраженіе съ центральными германскими арміями. Неудача австро-германскихъ попытокъ задержаться на путяхъ отступленія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что идущія на подмогу нѣмцамъ подкрѣпленія слишкомъ ничтожны для того, чтобы дать другой оборотъ исходу борьбы. Постоянно обновляемая и освѣжаемая, благодаря неисчерпаемости нашего человѣческаго запаса, русская армія не позволитъ многократно разбитому непріятелю слишкомъ засиживаться на попутныхъ оборонительныхъ позиціяхъ и, очистивъ отъ нѣмцевъ столь пострадавшія польскія губерніи, Богъ дастъ, скоро и въ центральной части фронта перенесетъ войну на германскую территорію.

Такія же качества дисциплинированности въ оборонѣ и полнѣйшей бездарности въ наступленіи выказали нѣмцы и на своемъ западномъ фронтѣ. Взятіе Антверпена и выходъ къ морскому берегу мало поправили ихъ положеніе, созданное неудачей движенія на Парижъ. Удачное отступленіе есть все-таки отступленіе, а не побѣда, т.-е. въ лучшемъ случаѣ безплодная потеря сотенъ тысячъ воиновъ и милліардовъ марокъ. Преслѣдуя антверпенскій гарнизонъ, ген. Клукъ дошелъ до Остендэ, мечталъ утвердиться въ Па-де-Калэ и превратить Дувръ въ базу для нападеній на Англію съ помощью воздушной флотиліи цеппелиновъ, подводныхъ лодокъ и дессантныхъ судовъ. Но результаты не оправдали этихъ надеждъ. До сихъ поръ нѣмцамъ никакъ не удается опрокинуть желѣзную стѣну англо-французскихъ и бельгійскихъ войскъ, протянувшуюся черезъ сѣверъ Франціи и Бельгіи отъ Швейцаріи до Сѣвернаго моря. Многіе усматриваютъ въ наступательныхъ попыткахъ нѣмцевъ нѣчто похожее на судороги агоніи: напрягая послѣднія усилія, чтобы достигнуть рѣшительнаго успѣха, который упрямо не дается въ руки, германскіе военачальники втихомолку подготовляютъ свою армію къ отступленію на заранѣе подготовленныя позиціи по р. Маасу. Использовавъ сразу почти весь свой контингентъ, нѣмцы лишены возможности пополнять рѣдѣющіе ряды своей арміи, между тѣмъ какъ армія союзниковъ продолжаетъ расти, безпрерывно пополняемая притокомъ колоніальныхъ войскъ изъ Индіи, Австраліи, Канады, Алжира, Южной Африки и пр. и новосформированными полками лорда Робертса. Неумолимое время является самымъ надежнымъ союзникомъ генералиссимуса Жоффра и самымъ опаснымъ врагомъ императора Вильгельма.

Призывъ учащейся молодежи въ армію.

(Вопросы внутренней жизни).

Рѣдко актъ государственной власти вызывалъ такой высокій моральный подъемъ въ обществѣ, какъ Высочайшій призывъ учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи къ непосредственному участію въ защитѣ родины. Обыкновенно въ мирное время великое національно-государственное значеніе военной подготовки у насъ какъ-то непосредственно мало чувствуется и плохо воспринимается. Но нынѣшняя война, пробудившая въ русскомъ обществѣ живое патріотическое чувство и сознаніе нравственнаго долга передъ родиной, сразу переродила отношеніе къ военной службѣ. Многимъ изъ самыхъ передовыхъ юношей показалось неловкимъ, пользуясь отсрочками и привилегіями, предаваться въ теплѣ и холѣ научнымъ занятіямъ въ то время, когда милліоны русскихъ гражданъ, милліоны отцовъ, покинувшихъ своихъ дѣтей, среди невзгодъ и лишеній тяжкой войны защищаютъ ихъ покой и безопасность отъ нашествія непріятеля своею кровью. Въ юныхъ сердцахъ властно заговорила гражданская совѣсть. При видѣ возвращающихся съ войны раненыхъ священная повинность крови стала казаться такой высокой, а уклоненіе отъ нея — обидно-унизительнымъ. Царскій призывъ къ непосредственному участію учащейся молодежи въ защитѣ родины придалъ благородному порыву отдѣльныхъ, наиболѣе впечатлительныхъ, юношей характеръ и значеніе уже не единичнаго, а массоваго рѣшенія. Тѣ, у кого не хватило рѣшимости и личной иниціативы, получили послѣднюю отъ Верховной власти. И въ Петроградѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ на Указъ о зачисленіи студентовъ въ юнкерскія училища для ускореннаго выпуска черезъ четыре мѣсяца офицерами въ армію учащаяся молодежь отвѣтила горячими патріотическими манифестаціями.

За послѣднее время столица видѣла много всевозможныхъ манифестацій, но ни одна изъ нихъ не носила такого возвышеннаго характера, какъ огромная студенческая манифестація по поводу привлеченія студентовъ къ военной службѣ. Это была минута великаго значенія. Она никогда не забудется тѣми, кто ее пережилъ, и оставитъ свой слѣдъ на всю остальную жизнь каждаго изъ безчисленныхъ участниковъ демонстраціи. Поколѣніе, вступившее въ жизнь подъ этимъ примиряющимъ и воодушевляющимъ впечатлѣніемъ, не пройдетъ безслѣдно въ исторіи своего народа. Въ торжественномъ и трогательномъ объединеніи съ родиной оно найдетъ могучій стимулъ къ творческой и созидательной работѣ на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 21".

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 44 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 1 ноября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія" за Ноябрь 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ за Ноябрь 1914 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 48 выкр. дамскихъ рукодѣлій.

Бѣлая одежда.

Стихотвореніе Н. Тэффи.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для своихъ, для павшихъ въ ратномъ полѣ
Шили дѣвы бѣлыя одежды.
Первая со злобой ликовала:
«Та одежда плѣннымъ пригодится,
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы ихъ страданьемъ насладиться!»
А вторая дѣва говорила:
«Для тебя я шью, о мой любимый!
Пусть весь міръ погибнетъ лютой смертью,
Только бъ ты былъ Господомъ хранимый!»
И шептала тихо третья дѣва:
«Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
Если кто, страдая, умираетъ,
Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ!..»
Умилилась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третьей дѣвы бѣлую одежду
На Христовы раны положила.
«Радуйся, воистину Воскресшій!
Скорбь Твоихъ страданій утолится,—
Нынѣ сшита кроткими руками
Чистая Христова плащаница».

„Душа Моя скорбитъ смертельно". Картина П. И. Геллера.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія" за Ноябрь 1914 г. 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ" за Ноябрь 1914 г. съ 34 рис., отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 48 выкр. дамскихъ рукодѣлій.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи Оттоманскаго правительства и вовлекли въ войну съ нами ослѣпленную ими Турцію.

Предводимый Германцами Турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на Наше Черноморское побережье.

Немедленно послѣ сего повелѣли Мы Россійскому Послу въ Царьградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божію приметъ Россія это новое противъ нея выступленіе стараго утѣснителя христіанской вѣры и всѣхъ славянскихъ народовъ.

Не впервые доблестному русскому оружію одолѣвать Турецкія полчища,—покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага Нашей Родины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ Мы непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ двадцатый день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Обмѣнъ телеграммами между Государемъ Императоромъ и президентомъ Пуанкарэ.

21 октября, въ день двадцатой годовщины восшествія Государя Императора на Престолъ, Его Величеству президентомъ Пуанкарэ послана слѣдующая телеграмма:

„Никогда еще годовщина восшествія Вашего Величества на Престолъ не давала президенту Французской республики болѣе знаменательнаго случая выразить чувства Франціи къ русскому Императору и доблестному союзному народу. Я прошу Ваше Величество принять мои самыя сердечныя пожеланія и передать такія же пожеланія Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и всей Императорской Фамиліи. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Россія будетъ праздновать будущую годовщину Вашего восшествія на престолъ въ радости и въ мирѣ, твердо закрѣпленномъ побѣдами".

Государь Императоръ благоволилъ отвѣтить:

„Ея Величество Государыня Императрица и Я просимъ Васъ, господинъ президентъ, принять самую искреннюю Нашу благодарность за выраженныя Вами пожеланія Намъ и Нашей Семьѣ. Какъ и Вы, господинъ президентъ, мы твердо убѣждены въ конечномъ успѣхѣ, который долженъ увѣнчать побѣдами усилія нашихъ братскихъ армій. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что соединеннымъ силамъ Франціи и Россіи и нашихъ доблестныхъ союзниковъ удастся добиться прочнаго мира на благо и процвѣтаніе обѣихъ нашихъ странъ и всей Европы".

Государь Императоръ въ дѣйствующей арміи.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ отбыть 21 октября изъ Царскаго Села къ дѣйствующей арміи, куда изволилъ прибыть 22 октября. Въ путешествіи Его Императорское Величество сопровождаютъ: военный министръ генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ, флагъ-капитанъ Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Ниловъ, дворцовый комендантъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Воейковъ, начальникъ военно-походной канцеляріи Императорской Главной квартиры Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Орловъ, въ должности гофмаршала Высочайшаго Двора Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ, флигель-адъютанты Нарышкинъ, Дрентельнъ, Саблинъ и лейбъ-хирургъ Федоровъ.

23 октября въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ присутствіи Его Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, свиты, сопровождающей Государя Императора, и штаба Верховнаго Главнокомандующаго было отслужено молебствіе по случаю полученнаго извѣстія объ отступленіи австрійцевъ на всемъ Галиційскомъ фронтѣ.

Телеграмма генералиссимуса Жоффра Верховному Главнокомандующему.

Генералиссимусъ Жоффръ телеграфировалъ Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, поздравляя Его Императорское Высочество по случаю тріумфальнаго шествія русскихъ войскъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль и послѣдняго движенія впередъ, приблизившаго русскія войска къ германской границѣ.

Генералиссимусъ Жоффръ присовокупляетъ: „Мы, съ своей стороны, остановили яростныя атаки германцевъ, силы которыхъ мы стремимся разбить энергичными неустанными дѣйствіями. Наше положеніе представляется хорошимъ, и я надѣюсь, что общія наши усилія приведутъ скоро къ окончательному успѣху".

Отъ штаба Кавказской арміи.

Наши войска вторглись въ Турцію, опрокинули передовыя части турецкихъ войскъ и съ боя заняли Зивинъ, Каракилиссу-Пассинскую, Ахты, Дыдагъ, Корунъ, Мысунъ и Арзапъ.

Турки отступаютъ, неся потери и бросая убитыхъ.

Одна изъ нашихъ колоннъ внезапно атаковала противника въ Ардостѣ; турки бѣжали, бросивъ раненыхъ. Выбивъ противника изъ селенія Идъ, мы захватили много продовольственныхъ запасовъ. Нами съ боя заняты: Аликилисса, Хорасанъ, Карадербентскій проходъ.

Одна изъ нашихъ казачьихъ сотенъ лихо атаковала въ конномъ строю окопы и порубила турецкую пѣхоту.

Наша колонна, пройдя по труднымъ горнымъ дорогамъ въ теченіе тридцати часовъ восемьдесятъ верстъ, обрушилась на турокъ у Мысуна и Діадина, разсѣяла значительныя силы курдскихъ полковъ, заняла Діадинъ, захватила плѣнныхъ, оружіе и боевые припасы.

21 октября занятъ Баязетъ. Турецкія войска, оказавшія сопротивленіе, разсѣяны.

Конецъ Турціи.

(Политическое обозрѣніе).

Бургомистръ Брюсселя Адольфъ Максъ, заточенный нѣмцами въ крѣпость.

Кажется, ни для кого въ Европѣ не было тайной, что Турція давно уже находится въ состояніи государственнаго разложенія. Дипломаты называли ее „больнымъ человѣкомъ", публицисты — „живымъ трупомъ". Она жила уже не своими внутренними силами, а искусственной поддержкой извнѣ, держалась исключительно взаимнымъ соперничествомъ и розныо европейскихъ державъ, каждая изъ которыхъ могла бы безпрепятственно завладѣть ея наслѣдствомъ. Наивные оптимисты питали несбыточную надежду, что младо-турецкая революція, формально установившая въ странѣ парламентскій режимъ, исцѣлитъ „больного человѣка". Однако дальнѣйшія событія не преминули разоблачить всю тщету младо-турецкаго конституціонализма. Подъ флагомъ либерализма власть надъ страной захватила деспотическая партія авантюристовъ, назвавшаяся громкимъ именемъ: „Единеніе и Прогрессъ". Ея владычество, въ которомъ хотѣли видѣть начало возрожденія Турціи, въ дѣйствительности оказалось началомъ ея государственной смерти. Младо-турецкая Турція перестала быть имперіей оттомановъ и незамѣтно превратилась въ прусскую провинцію, служащую уже не турецкимъ, а прусскимъ интересамъ. Продажные авантюристы въ родѣ Энвера-паши въ угоду Германіи ввергли свое отечество въ войну съ Россіей и со всѣмъ тройственнымъ согласіемъ. Устроенное по приказу изъ Берлина разбойничье нападеніе турецко-германскихъ крейсеровъ на мирные города русскаго Черноморскаго побережья—Новороссійскъ, Өеодосію, Одессу и на Севастополь—не принесли значительнаго ущерба Россіи, но дали намъ неоспоримое право послать въ предѣлы Турціи свою армію. Началась новая война, исходъ которой предвидѣть не такъ уже трудно. Урѣзанная послѣ итальянской и балканской войнъ Турція располагаетъ плохо организованной, еще хуже снаряженной и чрезвычайно малочисленной арміей, приблизительно въ 13 корпусовъ, т.-е. около 500—600 тысячъ человѣкъ.

WHENEVER YOU
SEE THE WORDS
MADE IN GERMANY,
REMEMBER WHAT
GERMANY MADE
IN 1914.
BUY BRITISH GOODS!

На англійской торговой корреспонденціи наклеивается теперь эта „памятная" марка со слѣдующимъ текстомъ: Когда на какомъ-нибудь товарѣ вы увидите слова: „сдѣланъ въ Германіи", не забудьте, что было „сдѣлано Германіей" въ 1914 году. Покупайте англійскіе товары!

Большая часть артиллеріи была потеряна ею еще въ балканскую войну и возстановлена только частью. Финансовые рессурсы ея, столь необходимые въ современной войнѣ, крайне скудны. Для защиты малоазійскихъ береговъ отъ англо-французскаго и греческаго флота, для охраны Адріанополя отъ болгаръ, для усмиренія всегда непріязненной Аравіи и Арменіи турки вынуждены оставить по крайней мѣрѣ половину своей арміи; слѣдовательно, противъ Россіи они будутъ въ силахъ выставить не болѣе 300.000 войска. Такія силы не страшны. Между тѣмъ война съ Турціею будетъ имѣть поистинѣ огромныя политическія послѣдствія.

Прежде всего она поставитъ Европу лицомъ къ лицу передъ необходимостью полнаго рѣшенія восточнаго вопроса. Послѣ кроваваго скандала, устроеннаго нѣмецко-турецкими крейсерами на русскомъ побережьѣ, никто уже не можетъ оспаривать законное право Россіи имѣть въ своихъ рукахъ ключи отъ входа въ Черное море. Вопросъ о проливахъ поставленъ младотурками на очередь и долженъ быть рѣшенъ безповоротно. За все это мы можемъ сказать только сердечное спасибо легкомысленному Энверу-пашѣ. Его руками Турція сама себѣ подписала смертный приговоръ. Ея безумное выступленіе освѣжитъ сгущенную атмосферу на Балканахъ. Сербія, располагающая 500—600-тысячною арміею, до сихъ поръ ведетъ войну съ Австріею ничтожными силами, не смѣя пустить въ дѣло всѣ свои полки, такъ какъ опасается нападенія со стороны Болгаріи. Занятіе Македоніи связало сербовъ и обезсилило ихъ въ рѣшеніи главной задачи объединенія западнаго славянства въ области Босніи,

VILLE DE BRUXELLES

Le Gouverneur Allemand de la Ville de Liège, Lieutenant-Général von Kolewe, a fait afficher hier l'avis suivant :

« *Aux habitants de la Ville de Liège.*

« Le Bourgmestre de Bruxelles a fait savoir au « Commandant allemand que le Gouvernement « français a déclaré au Gouvernement belge « l'impossibilité de l'assister offensivement en « aucune manière, vu qu'il se voit lui-même forcé « à la défensive. »

J'oppose à cette affirmation le démenti le plus formel.

Bruxelles, le 30 août 1914.

Le Bourgmestre,
ADOLPHE MAX.

Bruxelles — Typ. et lith. E. GUYOT, rue Pachéco 12.

Объявленіе бургомистра Брюсселя Адольфа Макса, которое было расклеено на улицахъ Брюсселя и за которое нѣмцы заточили А. Макса въ крѣпость. Городъ Брюссель.

Нѣмецкій губернаторъ города Льежа генералъ-лейтенантъ фонъ-Колеве, вчера приказалъ расклеить слѣдующее объявленіе:

«Жителямъ города Льежа. Бургомистръ Брюсселя извѣстилъ нѣмецкаго коменданта, что французское правительство объявило бельгійскому правительству о невозможности оказать ему военную помощь въ виду того, что оно само вынуждено защищаться».

Протестую противъ этого совершенно ложнаго утвержденія.

Бургомистръ **Адольфъ Максъ.**

Герцеговины, Далмаціи, Хорватіи и т. д. Выступленіе Турціи вызоветъ, надѣемся, улучшеніе сербско-болгарскихъ отношеній и вернетъ враждующія славянскія государства къ сознанію славянской солидарности. Болгарія, рожденная изъ потоковъ русской крови, не должна остаться нейтральной послѣ открытаго нападенія турокъ на Россію, и ея мѣсто—въ одномъ военномъ лагерѣ съ Сербіей. Предварительное соглашеніе съ Сербіей относительно Македоніи облегчитъ возрожденіе Балканскаго союза. Голосъ крови прозвучитъ въ болгарскихъ сердцахъ такъ громко и такъ властно, что софійское правительство не сможетъ противиться повелительно выраженному требованію народа. Ускоренный ходъ событій положитъ предѣлъ и безконечнымъ колебаніямъ Румыніи, которая и раньше обусловливала свой нейтралитетъ нейтралитетомъ Турціи, а вслѣдъ за Румыніей, вѣроятно, двинется Италія—и вся Европа объединится въ защитѣ основъ культуры и права. Такимъ образомъ наглое германско-турецкое нападеніе на русскіе берега скуетъ общеевропейскую коалицію и придастъ силу жизни и плоть бытія безплотному до сихъ поръ сознанію солидарности международныхъ интересовъ.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Отступленіе австро-германской арміи отъ Вислы было поворотнымъ пунктомъ войны. Въ рѣшительномъ столкновеніи подъ Варшавой взаимныя силы воюющихъ народовъ опредѣлились, и конечный исходъ многовѣковаго единоборства между германцами и славянами сталъ совершенно яснымъ. Сломивъ въ напряженныхъ восемнадцатидневныхъ бояхъ наступленіе противниковъ, мы одержали надъ ними рѣшительную побѣду, дальнѣйшіе же бои на этомъ фронтѣ ставили передъ нами сложную и требующую особаго искусства задачу по возможности полнаго и всесторонняго использованія одержанной побѣды. Задача эта рѣшена нами превосходно. Несмотря на очень относительную стойкость германской арміи, проявленную только въ отступленіи, наше преслѣдованіе разбитыхъ австро-венгерскихъ полчищъ велось со все возрастающими результатами. Задерживаемые переправами черезъ рѣки, на которыхъ были взорваны всѣ мосты, усталые отъ непрерывныхъ боевъ, русскіе солдаты шли по пятамъ бѣгущаго непріятеля, добивая уже разбитую армію. Въ цѣломъ рядѣ упорныхъ арьергардныхъ боевъ подъ Радомомъ, Скерневицами, Ловичемъ, Блоне, Ракитинымъ, Ильжанкой, Опатовкой и пр. они довершили то, что было начато подъ Осовцомъ и Варшавой. Нѣкоторыя изъ этихъ боевъ носили, въ сущности, характеръ генеральныхъ сраженій. Ихъ фронтъ простирался на сто, сто тридцать верстъ, длились они по 3—4—5 и 6 дней, сопровождались упорнымъ сопротивленіемъ нѣмцевъ, но, несмотря на самыя отчаянныя усилія задержать преслѣдованіе съ помощью свѣжихъ подкрѣпленій, неизмѣнно оканчивались рѣшительной побѣдой русскихъ. Въ каждомъ изъ новыхъ сраженій нѣмцы несутъ новое пораженіе, при чемъ быстро возрастаютъ и размѣры потерь и размѣры отбитыхъ у бѣгущаго врага орудій, пулеметовъ, обозовъ, запасовъ, аэроплановъ, автомобилей и т. д. Среди захваченныхъ нами артиллерійскихъ орудій имѣются и мортиры. Къ серединѣ октября общее количество потерянныхъ нѣмцами при отступленіи пушекъ приблизилось уже къ 200. Цифры нѣмецкихъ утратъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о возрастающей дезорганизаціи разбитой арміи, и въ этомъ именно и заключается ихъ главная цѣнность.

Раненая сестра милосердія, дочь генералъ-лейтенанта В. В. Гаврилова.

Юный герой. Конный развѣдчикъ-доброволецъ, уроженецъ Петрограда, 14-лѣтній Александръ Марковъ, раненый при развѣдкѣ подъ Сувалками.

Вездѣ по пути отступленія непріятель заранѣе понастроилъ рядъ временныхъ земляныхъ укрѣпленій. Нерѣдко однѣ траншеи тянулись вслѣдъ за другими въ нѣсколько ярусовъ. Выбитые штыками изъ первыхъ укрѣпленій, нѣмцы перебѣгали въ слѣдующія, которыя нашимъ войскамъ приходилось брать съ новыми усиліями, съ новыми жертвами. Если бы люди были машинами, работа которыхъ можетъ быть вычислена математически, то взятіе такихъ многоярусныхъ укрѣпленій непремѣнно закончилось бы полнымъ уничтоженіемъ атакующей арміи — до такой степени губителенъ огонь обороняющихся, охраняемыхъ отъ нашего огня земляными закрытіями. Но въ томъ-то и несчастіе нѣмецкихъ стратеговъ, что солдаты — не автоматы, а живые люди, подверженные душевнымъ волненіямъ страха и растерянности. Въ дрожащихъ рукахъ магазинное, многозарядное ружье уже не стрѣляетъ такъ мѣтко, огонь его перестаетъ быть губительнымъ, обреченный на истребленіе атакующій противникъ остается цѣлымъ и невредимымъ, а выбѣгающій въ страхѣ и смятеніи изъ неприступныхъ укрѣпленій атакуемый несетъ удвоенныя и утроенныя потери. Корреспонденты, осматривавшіе грандіозныя земляныя сооруженія нѣмецкой защиты, проходившіе пути побѣдъ по слѣдамъ умчавшихся въ даль армій, невольно поражаются величіемъ совершенныхъ русскими полками подвиговъ. Живой героическій духъ здѣсь торжествовалъ надъ всѣми расчетами мертвой механики, и линіи опустѣвшихъ окоповъ славили тѣхъ, кто совершилъ невозможное. Грозныя, защищенныя молніеноснымъ огнемъ, позиціи падали подъ воодушевляющимъ возгласомъ: „ура!“ Отбивъ одинъ рядъ укрѣпленій, русскіе минуту отдыхали въ нихъ и вслѣдъ затѣмъ выбивали непріятеля изъ слѣдующей линіи. Остріе первобытнаго штыка сокрушило силу современнаго огня и низводило къ нулю всѣ хитрости полевой фортификаціи. Центральныя позиціи подъ Ракитинымъ съ 8-ярусными траншеями были почти сплошь пройдены штыковымъ ударомъ. Цѣпи атакующихъ рѣдѣли подъ огнемъ, но не останавливались на полупути и всегда доходили до окоповъ, а защищавшіеся или бѣжали, или сдавались въ плѣнъ, или безпомощно гибли на остріяхъ штыковъ.

Еще болѣе неприступныя укрѣпленія были возведены между Прусами и Ежовымъ. Нѣмцы все здѣсь предусмотрительно приготовили заранѣе. Вымѣрявъ разстоянія, ихъ артиллерія обстрѣливала насъ перекиднымъ огнемъ и перекрестнымъ дождемъ пулеметовъ. Ихъ полки успѣли оправиться и отдохнуть, наши вступили въ бой

Св. Георгій.

Трепещетъ сердце въ святомъ восторгѣ,
Услыша вѣсти въ родномъ краю:
«Святой Георгій
Опять въ бою!..»
Въ рядахъ славянства Онъ местью дышитъ,
И змѣй слабѣетъ и ищетъ нор,
Онъ ясно слышитъ
Свой приговоръ...

Земля устала, и сердцу мнится,
Что скоро, бою отдавъ экстазъ,
Копье вонзится
Въ послѣдній разъ...
Замолкнутъ клики кровавыхъ оргій,
И только будутъ среди полей —
Святой Георгій
И мертвый змѣй...

Сергѣй Михѣевъ.

Св. Георгій. Рисунокъ И. Ижакевича.

усталые. И все-таки мы погнали ихъ, какъ стадо, и всесокрушающимъ ударомъ рѣшили участь всего нѣмецкаго похода на Варшаву. Для сокращенія потерь мы большею частью атакуемъ ночью, а нѣмцы, чтобъ облегчить работу своей артиллеріи, освѣщаютъ свои позиціи пожарищами польскихъ усадебъ и деревень. Австрійскія войска, воодушевленныя жаждою реванша послѣ неудачи перваго наступленія на Люблинъ, которое закончилось утратою Галиціи и Буковины, держались еще устойчивѣе германскихъ, но, разъ вынужденные къ отступленію, стали отступать въ большемъ безпорядкѣ, снова сдаваться цѣлыми массами въ плѣнъ, терять остатки своей артиллеріи и пр. Ихъ дивизія, наступавшая на Стрый, была совершенно уничтожена и разсѣяна русскими. Вблизи Тарлова отступавшій отъ Вислы австрійскій отрядъ былъ перехваченъ русскимъ отрядомъ, переправившимся у Юзефова, попалъ подъ перекрестный огонь и частью сдался въ плѣнъ, частью же разсѣялся въ стремительномъ бѣгствѣ. Понесенныя неудачи ошеломляютъ противника, и духъ его падаетъ съ каждымъ днемъ. Одинъ за другимъ освобождаются отъ иноплеменнаго захвата русскіе города — Скерневицы, Радомъ, Петроковъ, Сандоміръ, очищаются отъ нѣмцевъ разгромленныя ими окраины польскихъ губерній, и временно очищенныя нами части Галиціи и Буковины для сосредоточія всѣхъ силъ на полѣ генеральнаго сраженія вновь занимаются побѣдоносной русской арміей. Въ надеждѣ сколько-нибудь задержать побѣдное шествіе русской арміи, германцы въ Восточной Пруссіи въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ упорно производили фронтальныя атаки на русскія позиціи. Корпуса, только что прогнанные нами отъ Осовца и Нѣмана, наполовину уничтоженные въ Августовскихъ лѣсахъ, получивъ подкрѣпленія изъ Торна и Кёнигсберга, попытались опрокинуть своихъ побѣдителей рѣшительнымъ ударомъ въ лобъ. Со стороны нѣмцевъ это былъ безнадежный натискъ отчаянія. Они не могли побѣдить, потому что для этого имъ нужно было бы сломить волю, еще болѣе сильную, сокрушить воодушевленіе, не знающее преградъ, но они могли умереть съ доблестью воина.

О. Наркисъ, отецъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

По свидѣтельству штаба Верховнаго Главнокомандующаго, послѣ повторныхъ нѣмецкихъ атакъ около русскихъ траншей нагромоздились груды непріятельскихъ труповъ, такія высокія, что даже затрудняли намъ дальнѣйшій обстрѣлъ. Изъ того, что они образовались вблизи траншей, можно заключить, что мы подпускали атакующія колонны почти безъ выстрѣла на самое близкое разстояніе и сразу уничтожали ихъ огнемъ орудій, пулеметовъ и ружейныхъ залповъ. Своими безумными атаками главнокомандующій восточно-прусскимъ фронтомъ достигъ обратныхъ результатовъ: ему не удалось ни прорвать русскій центръ ни оттѣснить русскихъ назадъ, напротивъ того, обезсиливъ свою армію, онъ далъ возможность намъ снова перейти въ наступленіе и продвинуться впередъ. Неразсчетливая настойчивость главнокомандующаго, смотрящаго на своихъ солдатъ, какъ на пушечное мясо, подготовила почву для новыхъ нашихъ побѣдъ въ Восточной Пруссіи.

Почти столь же безнадежный оборотъ пріобрѣтаютъ дѣла германцевъ и на западномъ фронтѣ. Самые напряженные и кровопролитные бои въ теченіе послѣдняго періода сосредоточились здѣсь на сравнительно небольшомъ пространствѣ отъ Лилля до Остендэ и по р. Изеру.

Методическій генералиссимусъ Жоффръ ведетъ безпроигрышную игру и беретъ нѣмцевъ измoромъ. Въ то время, какъ азартный Вильгельмъ все ставитъ на карту и всѣмъ рискуетъ, его выдержанный противникъ идетъ къ цѣли медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Выпирая нѣмцевъ изъ Франціи и Бельгіи, онъ стратегически ведетъ наступленіе, тактически же большею частью является обороняющейся стороной, предоставляя всѣ невыгоды и потери фронтальныхъ атакъ безразсудному противнику. Для того, чтобы защитить себя отъ настойчивыхъ обходовъ съ лѣваго франга, нѣмцы вынуждены были упереться въ море, но тутъ ихъ встрѣтилъ губительный огонь дальнобойной морской артиллеріи англійской эскадры. Единственнымъ дѣйствительнымъ орудіемъ защиты отъ послѣдней являются для нѣмцевъ ихъ подводныя лодки, которыя были бы неотразимы въ узкомъ пространствѣ пролива Па-де-Калэ. Отсюда у императора Вильгельма возникъ естественный планъ — захватить Дюнкеркъ и Дувръ, организовать на французскомъ берегу пролива прочную базу для подводныхъ и воздушныхъ судовъ, вызвать нѣсколькими нападеніями дирижаблей общую панику въ Англіи и защитить себя отъ обходовъ Жоффра. Послѣ молніеноснаго взятія Антверпена, Лилля и Остендэ оставалось только опрокинуть бельгійцевъ на р. Изерѣ и быстрымъ маршемъ двигаться вдоль морского берега къ проливу. Однакоже при практическомъ выполненіи этого плана все вышло совсѣмъ иначе. Защищая послѣднюю свободную полосу родной земли, захваченной непріятелемъ, бельгійская армія обнаружила чисто спартанскую стойкость и отбила самыя отчаянныя атаки нѣмцевъ.

Висимо-Шайтанскій заводъ близъ г. Нижняго-Тагиля на Уралѣ—мѣсто родины Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Поддержанные съ моря англійской судовой артиллеріей, разгромившей фланговымъ огнемъ крупнокалиберныя батареи германцевъ, въ прибрежной полосѣ бельгійцы опрокинули германскую пѣхоту, зато ниже по р. Изеру германскимъ полчищамъ удалось прорваться на противоположный берегъ. Но здѣсь бельгійцы открыли шлюзы каналовъ, затопили занятую нѣмцами долину и заставили ихъ переправляться обратно съ огромными потерями подъ непрерывнымъ дождемъ шрапнелей. Сосредоточеніемъ силъ для атаки на Изерѣ нѣмцы ослабили остальныя части своего фронта, чѣмъ дали возможность союзникамъ продвинуться впередъ сразу во многихъ пунктахъ. Послѣ упорныхъ боевъ союзники отобрали Лилль, Руллеръ, потѣснили непріятеля въ Аргонахъ, въ Лотарингіи, въ районѣ Суассона и пр. Приказъ Вильгельма объ овладѣніи Па-де-Калэ остался невыполненнымъ, между тѣмъ напряженность и кровопролитность боевъ по Изеру превосходила все, что было до сихъ поръ. Послѣднія неудачи сломили духъ германской арміи. Она потеряла вѣру въ себя и въ свое превосходство. Вмѣстѣ съ надеждой на побѣду убита и энергія сопротивленія. За одну недѣлю союзникамъ сдалось въ плѣнъ болѣе 7.000 нѣмцевъ. Много нѣмецкихъ солдатъ дезертируетъ въ Голландію. Все это очень тревожныя признаки для Вильгельма. Быть-можетъ, стойкость германскихъ войскъ повысится, когда имъ придется защищать родную землю, но покорять и завоевывать чужія территоріи съ такимъ настроеніемъ арміи немыслимо. Нѣмцамъ не остается иного исхода, какъ отступать къ Маасу, въ предвидѣніи чего ими уже возведены на его берегахъ земляныя укрѣпленія и построено восемь широкихъ и прочныхъ мостовъ, способныхъ выдержать огромный грузъ тяжелой артиллеріи. Четвертый мѣсяцъ войны принесетъ намъ окончательную ликвидацію нѣмецкаго вторженія и на русскомъ и на франко-бельгійскомъ фронтахъ.

Западнымъ славянамъ.

Не снятъ урожай на Червонной Руси,
И въ рабствѣ безправія чехи.
Но крестъ, славянинъ, терпѣливо неси —
Ты ставишь великія вѣхи!

Истоптаны нивы, дома спалены,
Отчизна въ кровавомъ туманѣ...
Спѣшите, спѣшите на поле войны
За общее дѣло, славяне!

И дряхлыя цѣпи тевтонскихъ коварствъ
Не сдержатъ возмездія лаву,
И рухнутъ престолы неправедныхъ царствъ
Славянскому царству во славу!

Георгій Ивановъ.

Ф. Ф. Фидлеръ. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Н. К. Михайловскій.
Группа, снятая во время пребыванія писателя на Кавказѣ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1915 г.

„Нива“ — журналъ литературы, политики и современной жизни.

Этотъ заголовокъ, неизмѣнно повторяемый каждую недѣлю въ теченіе почти полувѣка существованія нашего журнала, всегда опредѣлялъ его внутреннее содержаніе. Политика и общественная жизнь страны находили свое отраженіе въ литературѣ.

Въ годы мирнаго роста народа „Нива“ устами крупнѣйшихъ писателей говорила съ широкими массами, отвѣчала на ихъ духовные запросы.

Дважды на вѣку „Нивы“ пресѣкалась мирная жизнь Россіи. Годы войны—1877-й и 1904-й—Россіи съ Востокомъ измѣняли характеръ журнала: всѣ интересы жизни переходили изъ народной глуби на бранныя поля, и журналъ, дававшій въ художественныхъ и литературныхъ изображеніяхъ картину этой героической жизни, каждый разъ все болѣе скрѣплялъ духовную связь съ читателемъ—обществомъ.

Судьбѣ угодно было избрать всѣхъ нынѣ живущихъ на великое и отвѣтственное служеніе—жить въ такое великое время, участвовать въ міровой борьбѣ народовъ. Небывалая въ исторіи война уравняла и сблизила всю Россію общностью народной жертвы, общностью проливаемой за родину крови.

Нѣтъ почти русской семьи, которая не отдала бы въ защиту родины все, что у нея есть лучшаго:—свои молодыя, рослыя силы.

Нѣтъ отдѣльныхъ семей, есть теперь одна русская семья, и никогда на долю печати, какъ голоса общественной мысли и совѣсти, особенно на долю общественнаго семейнаго журнала, не выпадало такой великой, отвѣтственной задачи, какъ теперь.

Съ первыхъ дней войны журналъ нашъ измѣнилъ не только свое содержаніе, но и свой внѣшній характеръ. Событіямъ войны въ Россіи и на Западѣ отведено первое мѣсто. Всѣ страницы еженедѣльныхъ нумеровъ полны богатымъ иллюстраціоннымъ матеріаломъ.

По мѣрѣ развивающихся военныхъ и политическихъ событій, „Нива“ какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ будущемъ 1915 году до конца войны будетъ ей посвящать страницы своего еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала и значительную часть своего ежемѣсячника—„Литературныхъ Приложеній“.

Перомъ и карандашомъ лучшихъ мастеровъ слова и „батальнаго дѣла“ изобразитъ „Нива“ предъ своими читателями картину героической войны въ ея отдѣльныхъ событіяхъ и эпизодахъ; въ цѣломъ рядѣ снимковъ дастъ запечатлѣнные моменты боевой жизни нашей и союзныхъ армій, портретную галлерею героевъ, увѣнчанныхъ боевыми отличіями, портреты павшихъ на полѣ чести.

Рядъ очерковъ непосредственныхъ наблюдателей войны — спеціалистовъ военнаго дѣла освѣтитъ предъ читателями постепенный ходъ военныхъ дѣйствій. Спеціальныя обозрѣнія будутъ въ сжатой формѣ давать сводку всего совершившагося за недѣлю на театрѣ войны. Все это вмѣстѣ составитъ постепенно исторію войны ея въ хронологическомъ развитіи.

Особо прилагаемая къ „Нивѣ“ будущаго 1915-го года *Генеральная карта европейскаго театра войны*, составленная подъ редакціей Вице-Президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества профессора генералъ-лейтенанта Ю. М. Шокальскаго, отпечатанная красками, въ масштабѣ 50 верстъ въ дюймѣ, дастъ читателю возможность зорко слѣдить за каждымъ шагомъ передвигающихся милліонныхъ армій и представитъ собой тотъ фонъ, на которомъ будетъ освѣщать журналъ ходъ развивающихся военныхъ дѣйствій.

На ряду съ этой широкой картиной военныхъ событій крупнѣйшіе современные писатели, постоянные сотрудники „Нивы“, представятъ читателю въ рядѣ художественныхъ разсказовъ, повѣстей и очерковъ другую героическую картину современныхъ событій—тотъ духовный подъемъ въ странѣ, который вызвала эта народная война, тѣ великіе подвиги единенія Царя съ народомъ, которые должны быть запечатлѣны въ исторіи Россіи, начавшей на нашихъ глазахъ свою новую эру.

Обѣ эти титаническія картины войны и мира, — войны, поднявшей весь русскій народъ, и мира, установившагося въ его душѣ, братски объявшей всѣхъ, осѣненныхъ крыльями побѣдоноснаго русскаго орла отъ Охотскаго моря до русскихъ Карпатъ, сами собою опредѣляютъ на будущій годъ содержаніе „Нивы“.

Въ 1915 году „Нива“ будетъ продолжать свою просвѣтительную задачу — давать широкимъ массамъ читателей собранія сочиненій выдающихся русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ 40 книгъ „Сборника Нивы“ на 1915-й годъ войдутъ:

I. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

(первыя **18** книгъ большого формата въ 8-ю долю листа).

Сорокъ лѣтъ проработалъ Маминъ-Сибирякъ на славномъ посту въ первыхъ рядахъ нашихъ корифеевъ слова. Крупный писатель старыхъ литературныхъ традицій, примыкающій къ великимъ мастерамъ художественнаго слова, Маминъ-Сибирякъ написалъ на своемъ литературномъ вѣку больше ихъ всѣхъ.

Въ виду такого богатства произведеній Мамина-Сибиряка, приходится ихъ раздѣлить и дать въ будущемъ 1915 году *первую серію* его произведеній, включивъ въ нее рядъ крупныхъ, извѣстныхъ его романовъ: „Хлѣбъ“, „Три конца“, „Приваловскіе милліоны“, „Дикое счастье“ и „Черты изъ жизни Пепко“, изъ которыхъ каждый — цѣлая эпопея русской жизни; знаменитые его „Уральскіе разсказы“ и повѣсти „Изъ Уральской старины“ и двѣ другія серіи его разсказовъ: „Преступники“ и „Дѣтскія тѣни“.

Маминъ-Сибирякъ росъ вмѣстѣ съ Россіей, съ русскимъ народомъ. Яркій, цвѣтной, узорчатый языкъ его произведеній, это—коренной образный языкъ самого народа. Его герои — весь русскій народъ. Самъ вышедшій изъ народа, выбившись своимъ великимъ художественнымъ даромъ въ первые ряды борцовъ слова за благо народа, онъ показалъ „верхамъ“ на „низы“ и сумѣлъ въ своемъ писательскомъ „я“ объединить ихъ въ общемъ служеніи родинѣ.

Для Мамина-Сибиряка литература была всегда миссіей, служеніемъ. Въ романѣ „Черты изъ жизни Пепко“—яркой біографіи его, какъ литератора — Маминъ-Сибирякъ изобразилъ жизнь нашей учащейся молодежи и начинающихъ литераторовъ—той интеллигентной русской богемы, у которой сквозь безшабашность и безпутность ярко сказываются благородство, необычайная способность къ самоотреченію и безкорыстная идеалистичность.

Въ этихъ скульптурныхъ „Чертахъ изъ жизни Пепко“ молодежь обрисована съ такимъ нѣжнымъ юморомъ, задушевной теплотой и гуманностью, что понимаешь, почему этотъ интересный романъ сталъ одной изъ излюбленныхъ книгъ русской молодежи.

Главная основа славы Мамина-Сибиряка, наиболѣе обширная область его популярности, это—Сибирь и Уралъ. Тамъ, по свидѣтельству посѣтившаго Сибирь Чехова, „о Маминѣ-Сибирякѣ говорятъ больше, чѣмъ о Толстомъ“.

Въ „Хлѣбѣ“ и „Приваловскихъ милліонахъ“ онъ обрисовалъ бытъ уральскаго купечества и роль капитализма въ его средѣ, представивъ намъ типы мѣстнаго самородка, ведущаго дѣла „по старинкѣ“, деревенскаго кулака-прасола и хлѣбника и пришедшаго имъ на смѣну новаго человѣка, капиталиста европейской складки, опаивающаго и разоряющаго цѣлый округъ устройствомъ винокуреннаго завода. Все это—герои законной наживы, „провозвѣстники новой философіи „купона и процента“, и для просвѣтлѣнія фона изображенъ „кающійся заводчикъ“ („Приваловскіе милліоны“) въ параллель съ „кающимся дворяниномъ“ 60-хъ годовъ.

„Три конца“, „Дикое счастье“ и „Братья Гордѣевы“ вмѣстѣ съ романами „Золото“ и „Горное гнѣздо“ рисуютъ жизнь общественныхъ „низовъ“, переживанія заводской толпы, безпросвѣтную жизнь рабочихъ и старателей, спивающихся и уходящихъ въ „лѣтные“.

Въ странѣ золотыхъ пріисковъ, желѣза и самоцвѣтовъ, таящихся въ глубокихъ нѣдрахъ земли, Маминъ-Сибирякъ отрылъ и показалъ намъ „самоцвѣты“ духа—людей тайной вѣры и явнаго подвижничества, пришедшихъ туда вмѣстѣ съ искателями золота искать Бога. На Уралѣ взошли первые ростки раскола, и тамъ „на камнѣ“ они высоко поднялись къ небу изъ тайниковъ скитовъ.

Маминъ-Сибирякъ вѣренъ себѣ: врагъ возвышающаго обмана, всю жизнь борющійся за возвышающую правду, онъ и тутъ не далъ себя увлечь „художественному вымыслу“: онъ отворяетъ двери скитскихъ тайниковъ („Три конца“) и обнаруживаетъ ихъ неприглядныя стороны: невѣжество, корысть, зависть и жестокосердіе. Золото чистыхъ исканій у него, какъ и въ природѣ, вкраплено въ камень, окружено грязью, забрызгано слезами и кровью. Но тутъ же, рядомъ съ этой мрачной картиной, любовными, ясными красками рисуетъ Маминъ-Сибирякъ паломничество старообрядцевъ всѣхъ согласій на Крестовые острова, собирающее богомольный народъ изъ дальнихъ краевъ, съ Поволожья, изъ-подъ Москвы.

Въ своихъ описаніяхъ Маминъ-Сибирякъ мощенъ и увлекателенъ. Его пейзажъ—красоченъ, но вмѣстѣ цѣломудренно простъ. Онъ сливается въ одно органическое цѣлое съ разсказомъ и проходитъ передъ глазами подвижнымъ фономъ безграничныхъ далей. Нѣсколькими штрихами писатель умѣетъ дать сущность, выразить душу ландшафта („Гроза“).

Маминъ-Сибирякъ—философъ-пантеистъ. Онъ вѣритъ въ душу и умъ природы: природа все понимаетъ, у нея есть свой языкъ. Отъ лица природы говоритъ онъ устами Ѳомича („Лѣсъ“): „ты по лѣсу-то идешь, какъ чума, все отъ тебя прячется. А попробуй, затихни!..“

Предъ широкой любящей душой писателя притихали люди—люди отпѣтые, преступники; въ нихъ Маминъ-Сибирякъ умѣлъ подмѣчать огонекъ души и, понявъ, почему они пали, какое сцѣпленіе роковыхъ случайностей привело ихъ къ преступленію („Преступники“), онъ заставляетъ и читателя понять это и убѣждаетъ его въ возможности возрожденія человѣка къ новой, честной жизни („Родительская кровь“).

Находя въ звѣриномъ образѣ совѣстливую душу, Маминъ-Сибирякъ умѣлъ подмѣчать черты трогательныя и необычныя для дикаго поселенца уральскихъ дебрей. Во всей нашей литературѣ мы не знаемъ такого любовнаго, такого мягкаго изображенія привязанности одинокихъ „пропащихъ“ людей къ животнымъ, съ которыми имъ приходится подвергаться общимъ опасностямъ, дѣлиться рѣдкими удачами и радостями („На шиханѣ“). Поразителенъ по тонкости пониманія сокровенныхъ глубинъ души человѣческой разсказъ „Башка“. Въ немъ Маминъ-Сибирякъ первый въ нашей литературѣ отмѣтилъ бывшихъ людей, какъ „наизаконнѣйшее явленіе“.

Показавъ міръ преступниковъ, измѣрившихъ въ своемъ раскаяніи глубину своего паденія, Маминъ-Сибирякъ раскрылъ предъ нами другой страшный міръ — міръ призраковъ — „Дѣтскія тѣни“. Это—рядъ разсказовъ, раскрывающихъ отвратительныя общественныя язвы, таящіяся подъ полированной внѣшностью нашей „цивилизованной“ жизни, это — призраки милліоновъ младенцевъ, безвинно погибающихъ „на законныхъ основаніяхъ“ жертвами минутныхъ похотей, низменныхъ пороковъ и страстей ихъ отцовъ.

Это звѣрство культурныхъ слоевъ Маминъ-Сибирякъ такъ же обнажалъ предъ своимъ читателемъ, какъ и звѣрство народа, его невѣжество и жестокость.

Обнажая жизнь народа, Маминъ-Сибирякъ не боится упрека въ сгущеніи красокъ, въ клеветѣ на народъ. Народъ ему близокъ, это—родная, исходная среда его жизни и творчества. Для него народъ—ветхозавѣтный Ной, и, какъ любящій сынъ его, Маминъ-Сибирякъ не смѣется наготѣ отцовской, не равнодушенъ къ ней, а вопіетъ всю жизнь, призывая общество помочь народу, просвѣтлить его тьму.

Въ этомъ высокомъ сыновнемъ служеніи народу Маминъ-Сибирякъ встрѣтилъ въ литературѣ брата и сверстника—Бунина.

На одной литературной нивѣ проработали они болѣе четверти вѣка, и мы рады возможности дать читателямъ „Нивы“ на ряду съ сочиненіями Мамина-Сибиряка

II. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
И. А. БУНИНА

(въ **12** книгахъ).

Бунинъ, перешедшій уже за четверть вѣка писательской дѣятельности, увѣнчанный Пушкинской преміей и лаврами почетнаго академика, духовно живетъ деревней, и наибольшая часть его писательскаго существа неотразимо заинтересована деревенскимъ началомъ и безначаліемъ.

Къ народу, въ деревню Бунинъ пришелъ изъ старой дворянской семьи. Дворянское гнѣздо, уходящую радость котораго еще засталъ Тургеневъ и по которомъ красиво тосковалъ Чеховъ, опредѣлило душевный складъ Бунина.

Чистый реалистъ, до ужаса честный изобразитель жизни, Бунинъ въ своихъ знаменитыхъ произведеніяхъ: „Деревня“ и „Суходолъ“ достигаетъ предѣла, гдѣ беллетристика уже выходитъ изъ своихъ рамокъ, отрицаетъ самое себя и въ первоначальную правду обращаетъ свой вымыселъ. „Потомокъ виноватыхъ предковъ“, врагъ „тысячелѣтней, рабской нищеты“, онъ бичуетъ ее, но крестъ на ея груди, ея „смиренныя, родимыя черты“ заставляютъ полюбить ее, Русь многострадальную, и ея изобразителя. Бунинъ самъ живетъ въ деревнѣ, для него деревня не сюжетъ, а единственное поприще жизни. Въ томъ, чѣмъ она виновата, чувствуетъ себя виноватымъ и онъ, и потому такъ жизненна и правдива каждая его строка, такъ трогаетъ и увлекаетъ она душу.

Пусть трагедія его героевъ одѣта въ сермягу, изъ-подъ которой не сразу разглядишь ея красоту, но тотъ, кто разъ ее увидѣлъ и почувствовалъ ея высокое и примиряющее начало,—тотъ пойметъ, почему такъ чутко прислушивается вся широкая читающая Россія къ каждому новому произведенію Бунина, и станетъ всѣмъ яснымъ, почему наша Академія Наукъ увѣнчала писательскую дѣятельность Бунина высшимъ отличіемъ для русскаго писателя, избравъ его въ почетные академики.

Это высокое признаніе таланта Бунина явилось оцѣнкой его не только какъ прозаика, но и какъ поэта.

Поэзія Бунина, какъ и его проза, имѣетъ свои особыя черты: продолжая вѣчную традицію Пушкина, нѣсколькими своими мотивами она напоминаетъ Тютчева, но въ общемъ она своеобразна и единственна. У Бунина свой рисунокъ—сжатый и сосредоточенный, свое совершенно отличное отъ всѣхъ отношеніе къ стиху; онъ во-время останавливается у грани прозы и не приноситъ въ жертву версификаціи жизненной простоты мысли. Въ стихахъ Бунина научаешься, до чего обыкновенное сродни высокому, сколько въ житейской будничности красоты, и какимъ простымъ образомъ можно ее извлечь.

Въ своихъ описаніяхъ природы Бунинъ достигъ совершенно исключительнаго мастерства. Въ его пейзажахъ масса зелени; въ нихъ живетъ и дышитъ русская деревня съ ея полями, сѣнокосами и хлѣбными нивами.

Извѣстный сборникъ стиховъ Бунина „Листопадъ“, за который ему присуждена была Пушкинская премія, завоевалъ ему имя поэта осени, „поры увяданья“. Въ нихъ онъ нашелъ новыя краски, новые звуки для своей осенней мелодіи...

Въ поэзіи Бунина, какъ и въ прозѣ, сказывается тургеневское начало, придавшее его стихамъ всю поэзію печали „дворянскихъ

гнѣздъ", поэзію опустѣлой комнаты, грустящаго балкона, одинокой залы, гдѣ на старыхъ половицахъ играютъ лучи нестарѣющаго солнца.

Бунинъ рисуетъ не только осень, увяданье, но и яркое солнце, солнце нездѣшнихъ красвъ. Душа его ищетъ отблесковъ міровой красоты, и онъ въ своемъ поклоненіи солнцу, уловленный его „золотымъ неводомъ", странствуетъ по берегамъ Малой Азіи, направляется въ Св. Софію, въ Грецію, въ Іерусалимъ, на Нилъ, стремится къ колыбели человѣчества, и изъ древнѣйшихъ въ мірѣ руинъ взираетъ онъ въ туманно-голубую бездну миѳа.

Развернувшіяся міровыя дали сомкнулись въ сердцѣ поэта.

Отъ Храма Солнца возвращается Бунинъ въ родную деревню.

„Бѣдныя селенья—моя отчизна,—говоритъ онъ.—Я вернулся къ ней, усталый отъ скитаній одинокихъ и понялъ красоту въ ея печали и счастіе—въ печальной красотѣ".

III. НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ А. И. КУПРИНА:

„Яма" (Окончаніе)

(въ **2** книгахъ),

Въ противоположность или, вѣрнѣе—въ дополненіе къ Бунину—*Купринъ* свой яркій талантъ посвящаетъ городу, его скрытымъ язвамъ и показному блеску.

Читатели „Нивы" знакомы съ произведеніями А. И. Куприна, собраніе сочиненій котораго было дано при „Нивѣ" въ 1912 году.

Въ числѣ данныхъ нами произведеній особенно сильное впечатлѣніе произвела прогремѣвшая по всей Россіи повѣсть Куприна „Яма".

По своей темѣ и совершенно исключительной трактовкѣ ея „Яма" — одно изъ крупнѣйшихъ произведеній русской литературы.

Это не повѣсть, это — сплошной крикъ возмущеннаго сердца, это—кровавая проповѣдь лицемѣрному человѣчеству о падшемъ человѣкѣ.

Но то, что авторъ сказалъ въ „Ямѣ", напечатанной въ собраніи его сочиненій, оказалось еще далеко не всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ, что онъ долженъ былъ сказать.

Прошло три года, и теперь Купринъ написалъ окончаніе „Ямы"—то, чего такъ ждало отъ него русское общество, захваченное началомъ повѣсти.

„Яма"—русская „Хижина дяди Тома".

Какъ это великое соціальное произведеніе Бичеръ-Стоу привело къ освобожденію негровъ, изнывавшихъ отъ рабства, такъ „Яма" должна привести къ освобожденію женщины отъ рабства, покрывающаго своимъ позоромъ не только Россію, но и весь міръ.

Взявъ на себя мужество, прямо-таки подвигъ: обрисовать страшный міръ паденія человѣческаго достоинства, Купринъ силой своего яркаго изобразительнаго таланта заставилъ общество открыть глаза на тотъ нравственный и соціальный ужасъ, который совершается въ жизни, но отъ котораго всѣ лицемѣрно сторонятся.

Не ищите въ изображеніи этого нравственнаго ада мягкихъ тоновъ, „беллетристики салоновъ",—предъ нами анатомическій театръ со всей его обнаженной правдой тѣла, противъ лицемѣрнаго поруганія котораго вопіетъ благородный писатель. Это—книга горькой правды и великой совѣсти. Авторъ посвящаетъ ее русскимъ матерямъ. Пусть ее внимательно прочтутъ и отцы, въ рукахъ которыхъ власть и сила сломитъ это позорное иго.

Давъ въ свое время читателямъ въ собраніи сочиненій Куприна начало „Ямы", мы не только сочли себя обязанными, но крайне рады дать теперь, *въ 1915 году*, только что написанное *Купринымъ окончаніе „Ямы"*—большое произведеніе, занимающіе двѣ книги. Мы рады за писателя, смѣлой проповѣди котораго мы дадимъ милліонную аудиторію—Россію, читающую „Ниву"; мы рады за Россію, которая въ годы своего болѣзненнаго соціальнаго роста обрѣла въ своихъ нѣдрахъ такой правдивый сильный талантъ, какъ Купринъ, возвысившійся въ своемъ писательскомъ служеніи до высоты народнаго трибуна.

Мы переживаемъ время великаго подвига. Люди безтрепетно отдаютъ жизнь свою, совершаютъ подвиги героизма, но есть страна, въ которой всѣ граждане—герои, жизнь которой сплошная жертва, одинъ подвигъ. Это—безсмертная, великая Бельгія. Пусть варварскою рукою разрушены ея города, сожжены ея книгохранилища, но ея духъ, ея литература ближе всѣхъ современному культурному міру.

Величайшій писатель Бельгіи—Метерлинкъ.

IV. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. МЕТЕРЛИНКА

(въ **8** книгахъ)

подъ редакціей **Н. М. Минскаго.**

Метерлинкъ теперь на устахъ всего міра. Французская Академія только что избрала его въ „безсмертные". Въ Россіи знаютъ его уже давно, зачитываются его психологическими драмами, увлекаются ими въ талантливомъ исполненіи московскаго Художественнаго театра.

Авторъ „Принцессы Маленъ", „Смерти Тентажиля", „Непрошенной", „Слѣпыхъ"—пѣвецъ трагическаго начала въ нашей обыденной жизни. Трагическое играетъ въ произведеніяхъ Метерлинка ту же роль, какую играетъ Рокъ въ произведеніяхъ древне-греческихъ писателей. И вотъ тотъ самый Рокъ, который царитъ и въ „Слѣпыхъ", и въ „Тентажилѣ", и въ „Тамъ внутри" нашелъ величавое и жуткое воплощеніе въ вспыхнувшихъ трагическихъ событіяхъ на родинѣ Метерлинка. Уже это одно окружаетъ теперь бельгійскаго поэта изумительнымъ по красотѣ и величію ореоломъ.

Главный смыслъ произведеній Метерлинка—„трагическое въ повседневности". Въ простой будничной жизни, въ буржуазной обстановкѣ проносится жуткимъ холодомъ присутствіе незримой смерти, бѣды, несчастія. Смерть приходитъ въ семейный кругъ къ только-что родившей ребенка женщинѣ—и не только старый слѣпой дѣдушка чувствуетъ ея приближеніе, но незримое присутствіе Вечерней Гостьи сжимаетъ сердце и у остальныхъ членовъ семьи („Непрошенная"). Утонула молодая дѣвушка. Семья ждетъ ее домой подъ вечеръ, и несчастіе медленно и почти неуловимо подкрадывается къ ожидающимъ („Тамъ внутри"). Слѣпые бредутъ по лѣсу, не вѣдая, куда, говорятъ о своемъ проводникѣ, ждутъ его, боятся невѣдомаго—и жуткое предчувствіе начинаетъ овладѣвать ими: они догадываются, что ихъ вожатый умеръ, и что имъ грозитъ неизбѣжная катастрофа („Слѣпые"). Жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ, исполненная будничныхъ мелочей, но Рокъ не дремлетъ и является непрошеннымъ въ мирную среду и уводитъ своихъ жертвъ куда-то туда, гдѣ, быть-можетъ, нѣтъ ничего, но, быть-можетъ, ждетъ ихъ великая и радостная разгадка всего сущаго... Это и есть трагическое въ повседневности.

Трагическое начало проникаетъ и другія произведенія Метерлинка, въ которыхъ будничное поглощено сказочной обстановкой и ореоломъ легендарности.

Въ чувствѣ—а еще болѣе въ области сверхчувствуемаго, въ неразгаданныхъ, но навѣрное существующихъ законахъ иного, еще невѣдомаго намъ, порядка Метерлинкъ ищетъ новыхъ надеждъ для человѣческой души и нежданныхъ утѣшеній. Метерлинкъ изучаетъ законы Рока, чтобы по мѣрѣ своей земной возможности бросить отблескъ свѣта на тайны нашей жизни и найти гармонію между трагическимъ и радостнымъ. Весь онъ — въ поискахъ золотыхъ ключей къ неизвѣстному, въ ожиданіяхъ, въ предчувствіяхъ. Онъ—пѣвецъ Рока.

И вотъ Рокъ вторгся съ сказочной быстротой и силой въ его до той поры спокойную жизнь. Вспыхиваетъ война — и жизнь Метерлинка превращается какъ бы въ одну изъ его поэмъ, исполненныхъ трагизма и смерти. Его личная жизнь и жизнь его окружающихъ охвачена со всѣхъ сторонъ тѣми вѣяніями ужаса смерти и предчувствій, которыми полны его прелестныя поэмы. Но теперь это уже не поэма, а реальная жизнь. Художественное творчество стало дѣйствительностью. И какъ странно и жутко видѣть Метерлинка въ этой дѣйствительности! Какое роковое шествіе событій въ его жизни и кругомъ него!

Какъ въ „Принцессѣ Маленъ", на страну налетѣла опустошительная война. Родные принцессы (ихъ такъ много этихъ родственниковъ маленькой Маленъ: вѣдь это всѣ тѣ бельгійцы, которыхъ застигъ шквалъ войны) подверглись изгнанію... Это именно они бѣгутъ, лишенные крова, одежды и пищи въ Голландію. Это они стоятъ по колѣно въ водѣ — тысячной толпой въ ожиданіи парохода, который перевезетъ ихъ въ Англію... Принца Гіальмара принуждаютъ къ вѣроломству и измѣнѣ, и если онъ, благородный принцъ, сдержитъ слово, данное милой и несчастной Маленъ, то „злая королева Анна" (мы знаемъ и другое имя этой вѣдьмы—мужское!) убьетъ и отравитъ Маленъ...

Только жизнь могла создать такую трагедію. Частѣйшій христіанинъ нашихъ дней, всегда воспѣвавшій жалость къ человѣческому страданію, создавшій знаменитыя „Сокровища смиренныхъ", великій авторъ „Синей птицы",—изгнанъ вмѣстѣ со своимъ народомъ изъ своей страны... Единственное утѣшеніе ему то, что въ каждой странѣ онъ свой, близкій.

„ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ"

(двѣнадцать книгъ)

Подведемъ теперь итогъ всему, что получатъ наши читатели въ 1915 году:

52 нумера **ежепедѣльнаго** художеств.-литер. журн. „НИВА", содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки; снимки съ картинъ прежнихъ и современныхъ художниковъ, рисунки и иллюстраціи военныхъ событій, портреты и т. д.

12 книгъ **ежемѣсячнаго** журнала **„Литературныя и Популярно-Научныя Приложенія"**, содержащаго повѣсти, разсказы, стихотворенія; военные и комическіе очерки, популярно-научныя и критическія статьи и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

40 книгъ „Сборника Нивы", въ которыя войдутъ:

Полнаго собранія сочиненій **Д. Н. Мамина-Сибиряка** 1-я серія въ 18 книгахъ. Цѣна входящихъ въ эту серію произведеній въ существ. изданіяхъ—15 руб. безъ перес.

Полное собраніе сочиненій **И. А. Бунина** въ 12 книгахъ. Цѣна существующаго изданія—15 руб. безъ перес.

Новое произведеніе **А. И. Куприна**—Окончаніе повѣсти „Яма" въ 2 книгахъ. Будетъ стоить приблизительно 1 р. 50 к. безъ перес.

Полное собраніе сочиненій **М. Метерлинка** въ 8 книгахъ. Цѣна существ. издан. болѣе 8 руб. безъ перес.

1 Генеральная карта средне-европейск. и южнаго театра воен. дѣйствій подъ ред. проф. Ю. М. Шокальскаго. Въ 6 красокъ. Масштабъ 50 верстъ въ дюймѣ. Размѣръ 100×130 сант.

12 нумеровъ **„Новѣйшихъ Модъ"**, со многими (около 300) иллюстраціями и **почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ** на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 листовъ **рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и для выжиганія** съ 300 рис. и чертежами выкроекъ (тоже до 300).

1 отрывной (ежемѣсячный) календарь на 1915 г., отпечатанный красками.

Содержаніе 40 книгъ „Сборника Нивы" на 1915 годъ будетъ приблизительно слѣдующее:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Первыя 18 книгъ, большого формата, въ 8-ю долю листа.

Приваловскіе милліоны, романъ въ 5 частяхъ.—**Хлѣбъ**, романъ въ 5 частяхъ. **Три конца**, уральская лѣтопись въ 6 частяхъ. **Изъ Уральской старины:** Охонины брови, повѣсть.— Братья Гордѣевы, повѣсть. **Черты изъ жизни Пепко**, романъ.—**Преступники.** Разсказы и повѣсти: Разбойники.—Дружки.—Красное яичко.—Неразвязанный грѣхъ.—Варнакъ.—Искушеніе о. Спиридона.—Наслѣдникъ.—На мѣстѣ преступленія.—Съ голоду.—Безъ особенныхъ правъ.—**Дикое счастье**, романъ.—**Дѣтскія тѣни**, разсказы: Аннушка.—Живая совѣсть.—Коробкинъ.—Онъ.—Господинъ Скороходовъ.—Папа.—Тотъ самый, который...—Сусанна Антоновна.—Врагъ.—**Уральскіе разсказы въ четырехъ томахъ:** Въ худыхъ душахъ. Разсказъ.—Башка. (Изъ разсказовъ о погибшихъ людяхъ).—Отрава. Очеркъ—Гроза. (Изъ охотничьихъ разсказовъ).—На Шиханѣ. Изъ записной книжки охотника.—Летные. (Изъ разсказовъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ).—Бойцы. Очерки весенняго сплава по рѣкѣ Чусовой.—Золотуха. (Очерки пріисковой жизни).—Поправка доктора Осокина.—Первые студенты. Разсказъ.—Изъ Уральской старины. Разсказъ.—Родительская кровь. Очеркъ.—Лѣсъ. Психологическій этюдъ.—Озорникъ. Разсказъ.—Переводчица на пріискахъ. Разсказъ.—Доброе старое время. Повѣсть.—Вѣрный рабъ. Повѣсть.—Вольный человѣкъ Яшка.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. А. БУНИНА

(въ 12 книгахъ).

Изъ юношескихъ стихотвореній.—**Листопадъ** (стихотворенія).—**Новыя стихотворенія.**—**Стихотворенія** (1902).—**Лонгфелло.** Пѣснь о Гайаватѣ.—**Разсказы:** Перевалъ.—Танька.—Кастрюкъ.—На хуторѣ.—Вѣсти съ родины.—На чужой сторонѣ.—На край свѣта.—Учитель.—Байбаки.—На Донцѣ.—На дачѣ.—Велга.—Безъ роду-племени.—Поздней ночью.—Антоновскія яблоки.—Руда.—Надъ городомъ.—Новая дорога.—Сосны.—Скитъ.—Туманъ.—Костеръ.—Въ Августѣ.—Осенью.—Новый Годъ.—Тишина.—Надежда.—**Стихотворенія.**—**Годива**, поэма А. Теннисона.—**Изъ „Золотой Легенды"** Лонгфелло.—**Каинъ**, мистерія Байрона.—**Манфредъ**, драм. поэма Байрона.—**Небо и земля**, мистерія Байрона.—**Разсказы:** Золотое дно.—Сны.—У истока дней.—Астма.—Счастье.—Цифры.—Бѣденъ бѣсъ.—Старая пѣсня.—Сонъ Обломова внука.—Чеховъ.—**Храмъ Солнца.**—**Деревня.**—**Суходолъ.** Суходолъ. Разсказы:—Захаръ Воробьевъ.—Сто восемь.—Ночной разговоръ.—Сила.—Хорошая жизнь.—Сверчокъ.—Веселый дворъ.—Игнатъ.—**Іоаннъ Рыдалецъ.** Разсказы: Іоаннъ Рыдалецъ.—Илья Пророкъ.—Худая трава.—Псальма.—Вѣра.—Весна.—Преступленіе.—Князь во князьяхъ.—Послѣдній день.—Сказка.—Будни.—Хорошихъ кровей.—Личарда.—Забота.—Безъ заглавія.—Крикъ.—Въ Красномъ морѣ.—Геннисаретъ.—Смерть.—Я все молчу.—**Стихи.**—**Въ Венеціи.** Поэма.—**Разсказы:** Чаша жизни.—При дорогѣ.—Пыль.—Святые.—Братья.—Весенній вечеръ.—**Новыя воспоминанія о Чеховѣ.**—**Рѣчь о современной русской литературѣ.**—и др.

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ А. И. КУПРИНА

(въ 2 книгахъ).

Повѣсть **„Яма"** (Окончаніе)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Мориса МЕТЕРЛИНКА

Въ пер. Л. Вилькиной и Н. М. Минскаго подъ редак. **Н. М. Минскаго.**

(Въ 8 книгахъ).

Морисъ Метерлинкъ. Біогр. оч. **Н. Минскаго.**—Предисловіе Метерлинка.—**Драмы:** Принцесса Маленъ.—Слѣпые.—Непрошенная гостья.—За стѣнами дома.—Смерть Тентажиля.—**Теплица** (стихотворенія).—**Пѣсни.**—**Сокровище смиренныхъ.**—**Драм. произведенія:** Семь принцессъ.—Сестра Беатриса.—Алладина и Паломидъ.—Пеллеасъ и Мелисанда.—**Погребенный храмъ.**—**Драм. произведенія:** Аглавэна и Селизета.—Аріана и Синяя Борода.—Монна Ванна.—Жуазель.—**Жизнь пчелъ.**—**Разумъ цвѣтовъ:** Разумъ цвѣтовъ.—Мѣра часовъ.—Тревожность нашей морали.—Похвала боксу.—По поводу короля Лира.—Боги войны.—Прощеніе обидъ.—Несчастный случай. Наша соціальная обязанность.—Безсмертіе.—**Марія Магдалина**, пьеса.—**Синяя птица**, пьеса.—**Мудрость и судьба** и др.

Захватъ казаками германскаго автомобиля. Рисунокъ И. Владимірова.

* * *

Шли войска на войну... Колыхались цвѣтныя знамена,
Колебались штыки загорѣлыхъ и пыльныхъ солдатъ,
И звучали шаги подъ аккорды далекаго звона,
И за рядомъ солдатъ проходилъ наступающій рядъ.

А кругомъ, въ тишинѣ, подъ лучами туманнаго утра,
Шелъ толпою народъ, шла съ молитвой родная страна,
И востокъ надъ землей чуть алѣлъ, какъ изломъ перламутра,
И святая земля пробуждалась отъ тихаго сна.

По дорогамъ большимъ, передъ грозной, неслыханной битвой,
Противъ темной страны, гдѣ царитъ и насилье и гнетъ,—
Проходили войска, проходило Славянство съ молитвой,
И до самыхъ границъ провожалъ ихъ съ молитвой народъ.

И въ лучахъ заревыхъ надъ толпой проплывала икона,—
И народъ понималъ этотъ тихій и благостный взглядъ.
Шли войска на войну... Колыхались цвѣтныя знамена,
Удалялись штыки загорѣлыхъ и пыльныхъ солдатъ...

Вл. Краковецкій.

Шли войска на войну... Рисунокъ И. Владимірова.

Эхо войны.

Добровольцы.

Миніатюра **Евгенія Чирикова.**

Тревоги начались со дня объявленія войны. Тихая, лѣнивая, немного скучная своимъ однообразіемъ, жизнь дачниковъ сразу оборвалась, словно именно имъ, дачникамъ, безмятежно бултыхавшимся въ морскомъ заливѣ, по цѣлымъ часамъ дремавшимъ на песчаной отмели подъ зонтиками подъ ласковый прибой и звонкій крикъ дѣтворы разнаго возраста, была объявлена война Германіей.

Сразу въ жизнь ворвалась тревога, взбудоражила душу—и все пошло вверхъ дномъ. Пріѣзжіе издалека стали проворно собирать пожитки, чтобы ѣхать по домамъ, гдѣ оставались мужья и отцы, и это волновало всѣхъ остальныхъ, потому что походило на бѣгство отъ готоваго завоевать дачниковъ непріятеля.

Появились нелѣпые слухи о стотысячномъ десантѣ, который не сегодня-завтра высадится какъ разъ тутъ, гдѣ дачники ежедневно бултыхаются въ морской водѣ, и тревога перешла въ панику...

Большая семья Перепелкиныхъ, пріѣхавшихъ сюда изъ глубины Россіи, нѣсколько дней храбрилась и посмѣивалась надъ трусами, но ночью пришла телеграмма съ нарочнымъ отъ папы: „выѣзжайте немедленно". и Перепелкины поддались общему настроенію. Мадамъ Перепелкина, полная, сырая женщина съ больнымъ сердцемъ, почуяла въ телеграммѣ дѣйствительную и близкую опасность, сильно взволновалась и ночью же, разбудивъ прислугу, начала укладываться. Шумъ, бѣготня и свѣчи въ темнотѣ разбудили дѣвочекъ, а дѣвочки разбудили мальчиковъ, начались разговоры шепотомъ въ двухъ сосѣднихъ дѣтскихъ спальняхъ. Соня, завернувшись въ пикейное одѣяло, перешла къ мальчикамъ, за нею то же сдѣлала младшая, Надя. Всѣ сидѣли на кроватяхъ въ темнотѣ и тревожно совѣщались и обсуждали поведеніе мамы.

— Пришла телеграмма. Я слышала.

— Ага! Я говорилъ, что правда!.. Должно-быть, высадились...

— Могутъ всѣхъ насъ убить.

Ребята вскакивали съ постелей и смотрѣли въ окна, въ темноту ночи, которую изрѣдка прорѣзали синеватые отблески далекихъ передвигающихся прожекторовъ, отъ чего и ночь, и тишина за окнами, и темные силуэты деревьевъ начинали казаться зловѣщими и таинственными, пробуждая въ дѣвочкахъ страхъ, а въ мальчикахъ—необузданную фантазію.

— Ну такъ что же? Если придутъ, скажемъ, сдаемся и...— шептала готовая расплакаться трусиха-Надя, пожимая голенькими плечиками.

— Сдавайся, коли хочешь!—презрительно бросилъ храбрый Коля, перешедшій въ четвертый классъ и считавшій теперь себя уже большимъ.

— А ты? Скажешь, не сдашься?

— А вотъ это видѣла?—спросилъ Коля, вытащивъ изъ-подъ подушки финскій ножъ въ футлярѣ.

— Если мама сдастся, всѣмъ придется... Разстрѣляютъ...

Надя вдругъ потихоньку захныкала, и совѣщаніе оборвалось: мать услыхала наверху топотъ босыхъ ногъ, пришла со свѣчой въ рукѣ и застала военный совѣтъ на мѣстѣ преступленія.

— Что вы! Спать! Завтра надо вставать рано, потому что поѣдемъ домой къ папѣ!

— А что случилось? Почему ты не спишь? Высадились нѣмцы?..

— Ахъ, какія глупости! Идите на мѣста... Во-первыхъ, неприлично, Соня и Надя, бѣгать къ мальчикамъ въ такихъ костюмахъ, а затѣмъ... что же смотритъ фрейлейнъ!

Мать разбудила крѣпко спавшую въ комнатѣ дѣвочекъ краснощекую, здоровенную Альму Ивановну и сдѣлала ей выговоръ:

— Спите, какъ мертвая! Не слышите, что дѣлается у васъ подъ носомъ!

Нѣмка изъ Либавы спросонья не сразу поняла, въ чемъ дѣло; у нея явилась мысль, что близко нѣмцы, и она испугалась ихъ больше, чѣмъ плачущая Надя...

— Варумъ? Варумъ? Варумъ?—испуганнымъ шепотомъ спрашивала она хныкавшую дѣвочку, торопливо напяливая на ногу ботинокъ...

— Н-ѣ-м-ц-ы!—шептала дѣвочка, кутаясь въ одѣяло.

Вмѣсто того, чтобы успокоить ребятъ, Альма Ивановна окончательно растревожила и разгуляла ихъ. Полуодѣлась и начала воевать съ мальчиками, которые продолжали обсуждать вполголоса положеніе дѣла, переговариваясь черезъ досчатую перегородку съ дѣвочками.

— Шляфенъ!—шипѣла Альма Ивановна.

— Я знаю, вы рады, если нѣмцы побѣдятъ насъ!—обвинялъ младшій, Гриша.

Альма Ивановна сердилась, обѣщала сейчасъ же позвать маму. Коля поддерживалъ брата:

— Долой нѣмцевъ! Мы не желаемъ разговаривать по-нѣмецки! Хераусъ! Отваливайте!

Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ. Почти не спали. Мадамъ Перепелкина чуть держалась на ногахъ отъ усталости и волненія. Ребята были въ повышенномъ, нервозномъ состояніи. Прислуга ворчала. Однако оказалось, что все это были пустяки, а главное предстояло впереди. Пришлось приступомъ брать мѣста на поѣздъ, растерять часть узловъ и корзинокъ, всю дорогу ругаться съ сосѣдями и вмѣсто двухъ сутокъ ѣхать четверо. Какъ долгую тяжелую болѣзнь, перенесли дорогу и пріѣхали наконецъ домой. Мадамъ Перепелкина слегла въ постель, но ребята быстро оправились, и у нихъ началась своя жизнь. Война уже пропитала собой всѣ стороны городской жизни. Городъ стоялъ на пути передвиженія войскъ, былъ биткомъ набитъ военными, запасными; кипѣла военная суматоха въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, на площадяхъ и улицахъ. Отодвинулись всѣ другіе интересы. Война, одна война, заполняла все вниманіе людей, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Даже въ семьѣ жили теперь по-новому: каждый отецъ семейства сдѣлался стратегомъ и дипломатомъ, газета съ военными новостями сдѣлалась столь же необходимой, какъ булка къ чаю. Почти каждый домъ и семья связались кровными нитями съ воюющей арміей: гдѣ сынъ, гдѣ братъ, гдѣ дядя или самъ отецъ ушли на войну. Тревога сдѣлалась общей, общей сдѣлались радость побѣдъ, горе неудачъ, страданіе за павшихъ.

Орудіе тяжелой германской артиллеріи. Его окружаютъ солдаты австрійской батареи. Ударяясь въ землю, снарядъ образуетъ столь глубокую яму, что въ ней могутъ помѣститься трупы пяти лошадей.

Домъ, гдѣ жили Перепелкины, былъ исключительнымъ въ этомъ отношеніи. Почти изъ каждой квартиры кто-нибудь ушелъ или уходилъ на войну — гдѣ баринъ, гдѣ сынъ старшій, гдѣ мужъ или кумъ кухарки. Флигель былъ отданъ подъ постой запасныхъ. На большомъ дворѣ стояли комплектующіяся въ армію лошади. Все это придавало двору дома характеръ военнаго лагеря. Многочисленная дѣтвора изъ разныхъ квартиръ, отъ полутемнаго нижняго этажа до мансарды, жила среди этого лагеря въ непрестанномъ общеніи съ солдатами и съ головой уходила въ военные интересы. Даже игры у ребятъ носили теперь военный характеръ: на дворѣ шли безконечныя сраженія, атаки, перемирія. Солдатики, скучающіе отъ неизвѣстности и ждущіе очередныхъ отправокъ, успѣли сдѣлаться ихъ друзьями и участниками. По вечерамъ отыскивался какой-нибудь „бывалый“, участникъ войны съ японцами, и, собравъ многочисленную аудиторію изъ ребятъ, кухарокъ и горничныхъ, разсказывалъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

— Георгія имѣю... Вотъ онъ, Георгій!

Женщины благосклонно и умилительно жались къ герою, а ребята смотрѣли на него съ восхищеннымъ изумленіемъ и почтительностью. Духъ захватывало то отъ страха, то отъ восхищенія. Нашелся даже такой, который отсиживался въ Портъ-Артурѣ, былъ раненъ и своими глазами видѣлъ, какъ погибъ адмиралъ Макаровъ!..

Коля Перепелкинъ и Вася Никоновъ, одноклассники, живущіе въ сосѣднихъ квартирахъ, закадычные пріятели, теперь сдружились еще болѣе. Водой не разольешь! Это были самые воинственные люди на всемъ дворѣ. Они коноводили въ сраженіяхъ, изображая непобѣдимыхъ генераловъ, и частенько увлекались такъ битвой съ врагами, что матери изъ подвальнаго этажа приходили съ жалобами къ родителямъ. Битвы на день-два прекращались. Коля съ Васей начинали ходить на вокзалъ встрѣчать воинскіе поѣзда и начавшихъ уже появляться раненыхъ и плѣнныхъ. Воинственный духъ получалъ обильную пищу всюду: на улицахъ, на вокзалахъ, на дворѣ и за столомъ, около вечерней лампы, гдѣ сходились члены семьи и знакомые и велись нескончаемые разговоры и споры на тѣ же темы о войнѣ, о побѣдахъ, о разныхъ удивительныхъ случаяхъ. Изъ такихъ случаевъ особенно поразилъ Колю казакъ Крючковъ: одинъ зарубилъ одиннадцать нѣмцевъ, получилъ шестнадцать ранъ и находится въ добромъ здравіи! Когда Коля узналъ объ этомъ героѣ, онъ не вытерпѣлъ, сейчасъ же побѣжалъ къ сосѣду, Васѣ Никонову, и, задыхаясь отъ волненія и радости, спросилъ:

— Читалъ про Крючкова?

— А что?

— Одинъ зарубилъ... одиннадцать нѣмцевъ!

— Врешь?

— Читай самъ! Вотъ здѣсь, въ газетѣ! Шестнадцать ранъ получилъ!

— Умеръ?

— Какое! Живъ!

— Врешь?

— Въ добромъ здравіи! Читай самъ!

— Вотъ такъ здрово! Молодчина!

Весь дворъ на другой день говорилъ о казакѣ Крючковѣ. Солдаты кричали „ура“. Мальчишки играли въ Крючкова. Конечно, имъ былъ Коля Перепелкинъ... У него была уже приготовлена изъ ручки половой щетки казацкая пика, а у Васи не было ея. Кромѣ того, Коля, заведя въ укромный уголокъ товарища, показалъ ему настоящій револьверъ.

— Гдѣ взялъ? — съ завистью спросилъ товарищъ.

— Не выдашь?

— Вотъ дуракъ!

— Я рѣшилъ ѣхать на войну... Хочешь?

Такъ явилась первая мысль перейти отъ игръ въ войну къ настоящей войнѣ. Никто не зналъ, что уединявшіеся въ запертой комнатѣ пріятели обсуждали теперь уже серьезный вопросъ о бѣгствѣ изъ родительскаго дома и поступленіи въ дѣйствующую армію добровольцами. Немного жалко было папу съ мамой, но...

— У всякаго есть отецъ съ матерью! Этакъ никому нельзя идти...

— А деньги есть?

— А это видѣлъ?

— Гдѣ досталъ?

— Пять было, а три за книги дали... Восемь!

— Я тоже могу продать...

Все было готово, остановка была за оружіемъ для Васи. Вася бѣгалъ по товари-

Отверстіе разрушеній, производимыхъ бризантными снарядами тяжелой германской артиллеріи. По фигурѣ человѣка, стоящаго у отверстія, можно судить о чудовищныхъ размѣрахъ разрушенія.

Германскія орудія, пробывшія четверть часа подъ огнемъ французской артиллеріи.

щамъ, по рынку со старьемъ, — нигдѣ не удалось. Рѣшили, что достанутъ тамъ...

— У перваго убитаго нѣмца найдемъ все!.. Солдаты дадутъ!..

Сбѣжали вечеромъ вмѣстѣ съ уходившими съ пѣснями со двора солдатами. Всѣ видѣли, какъ они шли по панели, не отставая отъ отбивающихъ шагъ солдатъ, и такъ же въ тактъ пѣснѣ двигались по направленію вокзала. Много ребятъ со двора провожали своихъ пріятелей на войну, поэтому никто не обратилъ особеннаго вниманія на Колю Перепелкина и Васю Никонова. А между тѣмъ у нихъ все было взвѣшено и обдумано. Пробравшись на запасные пути, гдѣ стоялъ воинскій поѣздъ, они забрались на груженую военными повозками платформу и залегли подъ брезентомъ, никѣмъ незамѣченные... Здѣсь было тепло и удобно. Размѣстились подъ одной повозкой рядышкомъ, брезентъ покрывалъ ихъ, какъ крыша палатки, нашлось сѣно для подстилки, ранцы были набиты провизіей. Была даже бутылка молока! Долго не отходилъ поѣздъ, и пріятели сидѣли смирно и терпѣливо, не выглядывая и не разговаривая, объясняясь одними жестами. Только бы двинулся поѣздъ! Мимо ходили солдаты, громко переговаривались; иногда казалось, что кто-то говорилъ именно о нихъ, — тогда они грозили другъ другу кулаками и переставали дышать. О, какъ мучительно было ожиданіе!.. Но вотъ заигралъ призывной рожокъ, жалобно такъ и протяжно, словно прощался навсегда съ кѣмъ-то. На одно мгновеніе у Васи явилась мысль о домѣ, о папѣ съ мамой, и захотѣлось соскочить съ платформы и поскорѣе вернуться домой. Не таковъ былъ Николай Перепелкинъ: при грустномъ звукѣ военнаго рожка онъ улыбнулся, снялъ фуражку, перекрестился и произнесъ:

— Ну, слава Богу! Двинемся!

Еще разъ проигралъ военный рожокъ. Толкнулась платформа — пріятели ткнулись головами, и желѣзный лязгъ пробѣжалъ, какъ судорога, по поѣзду. Донеслось громкое „ура“, потомъ послышался жалобный вой заголосившей бабы, смѣшавшійся съ свисткомъ локомотива, и поѣхали...

— Ну съ, а теперь можно покурить! — произнесъ Перепелкинъ довольно громко и вынулъ изъ кармана отцовскій портсигаръ, биткомъ набитый папиросами... — Не угодно ли?

— Развѣ ты куришь?

— Раньше не курилъ, а теперь нельзя... На войнѣ безъ этого нельзя.

Всю ночь ѣхали спокойно. Просыпаясь на рѣдкихъ остановкахъ, выглядывали въ щель на огоньки, слышали, какъ кричатъ „ура“ и плачутъ, и снова засыпали. Когда утромъ проснулись, поѣздъ стоялъ у какой-то большой станціи. Очень было интересно, куда пріѣхали, и Вася выглянулъ изъ-подъ отвороченнаго брезента. И этимъ погубилъ все дѣло! У платформы стоялъ смазчикъ съ большой масленкой, готовясь нагнуться къ колесамъ. Сверкнувшіе подъ брезентомъ глаза Васи заставили смазчика пугливо вздрогнуть и отскочить отъ платформы.

— Кто забился?!

Коля оттянулъ товарища вглубь, сердито ткнулъ его кулакомъ подъ бокъ, но было уже поздно.

— Ребята! Кто у васъ тамъ сидитъ? Не нѣмецъ ли спрятался?

Все пропало! Два солдата и усатый жандармъ подошли къ платформѣ и отвернули брезентъ.

— Вы чего тутъ? А? Ну-ка, вылазьте, господа честные, да пожалуйте къ коменданту!

Попробовали-было объяснить, врали, что имъ кто-то разрѣшилъ ѣхать на войну.

Не вѣрили и смѣялись. Повели, какъ воровъ, къ станціи. Было и страшно и обидно, такъ обидно, что на рѣсницахъ Коли дрожали слезинки.

— Откуда вы? Кто такіе?

— Добровольцы!

— Ага! Не о васъ ли, голубчики, сейчасъ только телеграмма получена? Фамилія?

— Перепелкинъ Николай!

— А ты?

— Никоновъ Василій!

— Такъ и есть!

Коменданта не было. Пришлось запереть бѣглецовъ въ дежурной комнатѣ. По станціи быстро разнеслась вѣсть о поимкѣ двухъ бѣжавшихъ на войну гимназистовъ, и любопытные стали собираться подъ окномъ дежурной комнаты и показывать пальцами на плѣнниковъ. Они жались въ уголокъ и, поѣдая бутерброды съ огромнымъ аппетитомъ, старались не смотрѣть на окна и другъ

Геройскій подвигъ бельгійскаго рядового 24-го полка, Ж. де-Манта.

18-лѣтній герой де-Мантъ поджигаетъ мостъ у Термонда, чтобы воспрепятствовать наступленію германскихъ войскъ. Съ горящимъ факеломъ взобрался де-Мантъ на мостъ, поджегъ приготовленную заранѣе для этой цѣли бочку съ парафиномъ и затѣмъ, когда мостъ запылалъ, подъ градомъ пуль вернулся невредимымъ къ своему полку, восторженно встрѣтившему юнаго героя.

Рисунокъ Г. Кёккекъ по наброску съ натуры Ж. Линча.

на друга. Что тамъ собрались и разсматриваютъ ихъ чрезъ стекла, какъ звѣрей въ клѣткѣ! Коля не вытерпѣлъ: повернулся и показалъ языкъ. Не обидѣлись, только загоготали и еще больше столпились у окна. Позоръ вмѣсто славы! И все это изъ-за Васьки!

— Оселъ! Зачѣмъ выглядывалъ? - сердито ворчалъ Коля на товарища.

— Не ругайся пожалуйста, а то я...

Поссорились и не глядѣли другъ на друга. Пришелъ комендантъ. Веселый, довольный и ласковый. Думали, будетъ бранить, а онъ вошелъ и сказалъ по-военному:

— Здорово, ребята!

Поговорилъ, погладилъ по головѣ Колю, а Васю потрепалъ по плечу. Повелъ къ себѣ въ комнату, напоилъ чаемъ и далъ телеграму родителямъ.

— Надо подрасти! Вамъ рано на войну! Вы ружья не поднимете...

— У меня револьверъ!—признался Коля.

— Ну-ка, дай сюда!

Комендантъ взялъ револьверъ, осмотрѣлъ, покачалъ головой и сталъ разряжать его. Коля, видя явное намѣреніе коменданта отобрать револьверъ, робко признался:

— Вѣдь онъ не мой, а папинъ!

До вечера арестованные сидѣли въ дежурной комнатѣ и мучились неизвѣстностью, что̀ хотятъ и будутъ съ ними дальше дѣлать. Поѣли всю провизію, помирились и обсуждали планъ новаго побѣга изъ-подъ ареста... Было очень страшно возвращаться домой, и казалось, что лучше погибнуть... Бѣжать однако не удалось: пришелъ поѣздъ, и дежурный жандармъ, войдя въ комнату, строго приказалъ:

— Слѣдуйте за мной, господа добровольцы!

Привелъ въ вагонъ, усадилъ въ служебномъ отдѣленіи и самъ остался. Боже мой, какой позоръ! Пассажиры, заглядывая въ дверку и предполагая, что жандармъ поймалъ какихъ-нибудь воришекъ, злорадно усмѣхались.

— Карманники, что ли?

— Гимназисты! На войну хотѣли!

И всѣ хохотали и опять разсматривали арестованныхъ, трунили надъ ними:

— Герои какіе! Чуть отъ земли видать, а тоже...

На ближайшей остановкѣ появлялся новый жандармъ и садился на мѣсто уходившаго.

И такъ всю дорогу до родного города. Хорошо, что пріѣхали туда ночью, и никто не видалъ, какъ Коля съ Васей шагали, понуря головы, за сердитымъ городовымъ.

Вотъ и домъ... Въ окнахъ второго этажа—огни. Не спятъ у нихъ...

— А вы шагайте! Впередъ идите!

— Мы сами! Теперь ужъ мы сами можемъ!

— Сами. Такъ я васъ и пустилъ! А потомъ отвѣчай за ваши глупости!.. Подъ расписку приказано сдать. Драть васъ надо!

Страшно было звонить. Коля чуть-чуть дотронулся до звонка и прямо обмеръ отъ ужаса, когда щелкнула задвижка двери. Отворила Альма Ивановна и радостно закричала на весь домъ:

— Бѣглый привели! Мадамъ!

Въ переднюю вбѣжали братъ и сестры, задыхаясь, приплыла мать, выглянулъ изъ кабинета отецъ.

— Коля!

— Примите-ка! Расписочку выдайте, что доставлены оба...

— Я не ихъ, я живу рядомъ!—пискнулъ за спиной будочника готовый расплакаться Вася. Ребята визжали отъ радости, наперебой расспрашивая, видѣли ли нѣмцевъ, убили ли хотя одного непріятеля, страшно ли было... Мать расплакалась и рылась дрожащей рукою въ кошелькѣ, чтобы дать на чай будочнику. Только отецъ сурово молчалъ и сверкалъ глазами... Будочникъ повелъ Васю, чтобы и его сдать подъ расписку и получить на чай... Появился снова отецъ и строго началъ:

— Какъ ты смѣлъ безъ спроса, безъ моего разрѣшенія, взять мой револьверъ?

— Странно! Надо же чѣмъ-нибудь сражаться!..—отвѣтилъ Коля, пожавъ плечами.

Отецъ хотѣлъ возразить, но не сразу нашелся, и неожиданно гнѣвъ его растаялъ. А Коля продолжалъ, сдѣлавшись отъ страха храбрымъ:

— Скажешь, что умереть за отечество нехорошо? А что̀ говорилъ тогда? А Крючковъ?—Коля забрасывалъ отца вопросами, и тотъ начиналъ улыбаться...

— Ну, поди ко мнѣ, защитникъ отечества!.. Я хочу тебя поцѣловать...—Теперь Коля расплакался и уперся:

— Не пойду! Вы всѣ насмѣхаетесь! А вотъ если бы меня убили нѣмцы, тогда всѣ вы стали бы меня хвалить... и плакать стали бы. А теперь браните и насмѣхаетесь...

Долго отецъ и мать ластились къ герою, довольные, гордые втайнѣ, но не могли не улыбаться, слушая эти горячія обличенія. Когда герой, утомленный приключеніями и пережитымъ волненіемъ, уснулъ въ своей кровати, отецъ съ матерью тихо вошли въ комнату и умиленно разсматривали своего Колю.

— Тише! Не буди его!

— А я все-таки поцѣлую его!—прошепталъ отецъ и, приблизившись на цыпочкахъ къ постели, наклонился и осторожно коснулся горячей, раскраснѣвшейся щеки мальчика.

— Пойдемъ. Тише!

Они, крадучись, выходили изъ комнаты. Мать отирала слезы...

На Мазурскихъ озерахъ.

I. По водѣ.

Разсказъ **Николая Роминскаго.**

Наконецъ дневка.

Сегодня боя не было, погода хороша, и мы цѣлый день грѣлись на солнышкѣ. Я хотѣлъ итти спать въ девять часовъ вечера, но въ восемь бригаду внезапно подняли и стали собирать палатки. Меня позвали къ бригадному генералу, и я получилъ экстренное порученіе: провѣрить, возможно ли перейти черезъ найденный казаками бродъ, чтобы зайти непріятелю почти въ тылъ и этимъ неожиданнымъ движеніемъ поддержать нашу атаку съ фронта.

Бригада выступала одновременно со мною, такъ какъ донесеніе командира сотни было ясно и опредѣленно: онъ прислалъ казака съ того берега и увѣрялъ, что переходъ возможенъ и артиллеріи. Пользуясь скоростью лошадей, я долженъ былъ убѣдиться въ справедливости его словъ и, если артиллерія дѣйствительно можетъ перейти, оставшись тамъ, подготовить безостановочную переправу. Въ противномъ случаѣ спѣшить навстрѣчу бригадѣ и доложить.

Когда я вышелъ отъ генерала, было уже совершенно темно. Вѣтеръ усиливался и гналъ тучи. Луна выскакивала иногда на темно-синій кусокъ неба и быстро перебѣгала его, прячась опять въ густыхъ облакахъ. Иногда она лишь выглядывала, освѣщала лѣса, поля и дорогу быстрымъ скользящимъ лучемъ, исчезала, и кругомъ дѣлалось еще темнѣе, чѣмъ до ея появленія.

Три казака, которые должны были меня провожать, неподвижно стояли у лошадей. Мой конь, казавшійся огромнымъ среди своихъ товарищей-степняковъ, нетерпѣливо билъ копытомъ.

Когда я садился, луна блеснула изъ-за тучъ и скользнула по лицу высокаго, широкоплечаго урядника съ блестящими глазами, небольшими свѣтлыми усами и длиннымъ орлинымъ носомъ. Онъ почему-то не былъ похожъ на остальныхъ казаковъ, или чего-то ему недоставало, или что-то было лишнее. Въ этотъ разъ я замѣтилъ это лишь мелькомъ и сейчасъ же забылъ, думая о порученіи.

Онъ поѣхалъ впередъ, за нимъ я и сзади оба рядовые казака.

Мы скоро обогнали наши походныя колонны, авангардъ, передовой отрядъ и его щупальцы—отдѣльные дозоры. Одинъ изъ нихъ остановилъ насъ и пропустилъ, только освѣтивъ мое лицо карманнымъ электрическимъ фонарикомъ и пробѣжавъ его лучемъ по лицамъ казаковъ. Когда поѣхали, урядникъ обернулся и сказалъ:

— Молодчага,—свое дѣло знаетъ.

Это было все, что̀ мы говорили. Лишь за полверсты до переправы онъ издалъ какой-то рѣзкій странный звукъ, и черезъ нѣсколько времени другой звукъ, не похожій на прежній, пронесся надъ лѣсомъ. Это намъ отвѣтили казаки, ожидавшіе у брода.

Бродъ? Но я его представлялъ совершенно иначе. Передъ нами было огромное озеро, скорѣе прѣсное море! Всюду, сколько могъ проникнуть глазъ, вода! Въ бинокль колебалась тоже темная, при лунѣ покрытая серебристыми волнами, жидкость. Тяжелая, свинцовая, бившая съ глухимъ шумомъ о берегъ, волна.

Нигдѣ ни строенія ни кустика. На берегу кучка казаковъ, держащихъ въ поводу лошадей.

Отъ кучки отдѣлилась темная фигура и, передавъ лошадь товарищу, направилась къ намъ. Урядникъ съ орлинымъ носомъ поднялся на стременахъ и сказалъ:

— Это, батя, командиръ батальона, чтобы посмотрѣть, можно ли переѣхать. Хочетъ тоже попробовать мостъ, выдержитъ ли орудія.

Темная фигура взяла подъ козырекъ:

— Старшій урядникъ Евстигнѣевъ второй, ваше высокоблагородіе.

Затѣмъ уже другимъ тономъ, болѣе по-товарищески, добавилъ:

— А это мой сынъ, старшій урядникъ Евстигнѣевъ первый, мой начальникъ теперь. Я охотой, потому...

Чуть выглянула луна. Да, то же лицо съ орлинымъ носомъ, сѣдые усы и небольшая рѣдкая сѣдая бородка. На груди блестѣли три Георгія: два серебряныхъ, одинъ золотой.

— Мы и бродъ съ Василіемъ нашли.

Затѣмъ, сѣвъ на коня, уже дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Я поѣду впередъ, вы, ваше высокоблагородіе, за мною и Василій сзади.

Кони неохотно шли въ воду, особенно мой. Василій слегка подстегнулъ его нагайкой, онъ взвился на дыбы и обдалъ меня брызгами.

Когда мы уже въѣхали въ воду, Василій обернулся и крикнулъ:

— Кудряшовъ, оставайся за старшого.

— Ладно,—совсѣмъ не по-военному раздался голосъ Кудряшова.

Странное ощущеніе было ѣхать въ озеро, въ которомъ не было береговъ. Я не желалъ показывать передъ казаками своего удивленія, но не понималъ ничего. Куда мы могли выѣхать? Вѣдь мы прямо ѣхали въ одно изъ безчисленныхъ здѣсь Мазурскихъ озеръ. Какъ въ озерѣ могъ быть бродъ? И куда этотъ бродъ могъ вывести? Какъ, если даже предположить такую ерунду, могли казаки найти бродъ? Или они, какъ таинственныя племена Нильгири въ книгѣ Блаватской „Тодда и Курумба“, обладаютъ тоже какими-то чарами, спеціально казачьими, передаваемыми отъ старшаго урядника Евстигнѣева второго, вмѣстѣ съ орлинымъ носомъ, горящими глазами и маленькими усиками, старшему уряднику Евстигнѣеву первому, нынѣ начальнику Евстигнѣева второго?

Чортъ знаетъ что̀! Но обстановка была такая, что можно было повѣрить въ любое колдовство.

Куда мы дѣйствительно ѣхали? Почему старикъ-казакъ, ѣхавшій впереди, зналъ, что нужно ѣхать не по прямой, а нѣсколько по кривой линіи? Я видѣлъ это, наблюдая за свѣтлымъ мѣстомъ на небѣ, гдѣ за облаками проходила луна: сначала она мнѣ свѣтила прямо въ лицо, теперь слегка слѣва. И онъ продолжалъ забирать по кривой. Я обернулся и увидѣлъ по ѣхавшему сзади Василію, что мы дѣйствительно загибали. Но почему? Куда? Кто имъ сказалъ въ чужой землѣ, не зная ея языка, что въ озерѣ есть бродъ, и этотъ бродъ идетъ по кривой линіи?

Я обернулся. Надъ озеромъ стоялъ легкій туманъ; покинутый нами берегъ уже былъ чуть виденъ. Даже вышедшая луна освѣтила лишь что-то легкое, прозрачное, едва колышающееся. Но фигуры казаковъ, оставшихся на берегу, были замѣтны: они казались огромными колоссами, держащими какихъ-то фантастическихъ животныхъ.

Господи, какъ освѣщеніе мѣняетъ пейзажъ!

Старикъ-казакъ остановился и чего-то искалъ глазами. Потомъ двинулся впередъ, но нерѣшительно. Моя лошадь сдѣлала не-

Разрушеніе австрійскаго понтоннаго моста черезъ рѣку Вислу во время отступленія австрійскаго войска. Рис. И. Владимірова.

Британская подводная лодка, пробравшаяся въ устье рѣки Энь и потопившая тамъ германское военное судно. Эта же лодка потопила недавно германскій крейсеръ „Гела“.

осторожный шагъ, ринулась въ сторону и сразу очутилась по брюхо въ водѣ. Шарахнулась въ другую, выскочила на твердое мелкое мѣсто, рванулась дальше и попала опять на глубину.

Съ трудомъ я ее поставилъ сзади Евстигнѣева, остановившагося, чтобы дать время моей лошади успокоиться. Потомъ онъ тронулся тихо и осторожно дальше, все время зорко вглядываясь въ воду озера, какъ бы разыскивая какой знакъ.

Наконецъ рѣшительно проѣхалъ шаговъ пятнадцать и остановился:

— Мостъ, ваше высокоблагородіе.

Затѣмъ тупымъ концомъ пики постучалъ въ твердое каменистое дно и сказалъ:

— Каменный. Всякую орудію выдержитъ.

Я, кромѣ воды, ничего не видѣлъ и ничего не понималъ. Гдѣ онъ видѣлъ мостъ? Почему онъ зналъ, что этотъ мостъ каменный? Гдѣ это видано посреди озера строить каменные мосты? Что̀ это? Шутка? Сказка? Сонъ?

Но старикъ, — онъ былъ старше меня лѣтъ на десять, — не шутилъ, и мнѣ оставалось слушать его тоже съ серьезнымъ видомъ, разсчитывая потомъ разгадать странную загадку.

— Надо удостовѣриться, каменный ли, — сказалъ я.

— Такъ точно. Василій лазилъ подъ мостъ, смотрѣлъ, не повредили ли его нѣмцы.

Василій, подъѣхавшій къ намъ вплотную, подтвердилъ:

— Такъ точно. Лазилъ съ одного и съ другого боку. Они только перила сняли, чтобы не торчали изъ воды, думали, мы не догадаемся.

Но я не вѣрилъ. „Ладно, думаю, пока самъ не пощупаю перила, не повѣрю, что среди озера бываютъ мосты“. Тогда я вспомнилъ, что и генералъ что-то говорилъ про мостъ: „Посмотрите и удостовѣрьтесь, пройдетъ ли дѣйствительно орудіе?“ Едва ли генералъ думалъ о мостѣ, могущемъ быть среди озера...

Предстояла дилемма: лѣзть въ воду въ сапогахъ и потомъ сидѣть верхомъ до конца боя съ мокрыми, холодными ногами, или снять ихъ? Разумѣется, лучше бы снять, но... Воды я не боялся, плавалъ хорошо на всѣ лады, но гдѣ же было раздѣться при казакахъ, да еще и на конѣ? Или ѣхать назадъ?..

— Сапожки сними, ваше высокоблагородіе, — сказалъ старый Евстигнѣевъ: — чего потомъ съ мокрыми ногами сидѣть, да ревматизмы наживать!.. Годы у насъ уже не тѣ, да и матушкѣ Рассеѣ еще надо послужить. Дай помогу...

Сапоги снялись легко: я вытянулъ ногу, и онъ снялъ сначала одинъ, потомъ другой сапогъ.

Въ это время вышла луна и ярко освѣтила лицо Василія; онъ насмѣшливо улыбался. Комична ли ему была моя фигура безъ сапогъ, или просто было обидно, что не вѣрятъ?

Но дѣло было начато: я снялъ носки, закаталъ, сколько могъ, шаровары и спрыгнулъ въ воду. Подъ босой ногой ясно былъ слышенъ твердый грунтъ, — скорѣе всего щебень. Но это еще больше путало дѣло: откуда взялся этотъ щебень? Посрединѣ-то озера?

— Правѣе, правѣе, ваше высокоблагородіе, — заботливо говорилъ старый Евстигнѣевъ: — правѣе, а то попадешь въ воду!

Какъ будто тамъ, гдѣ мы были, не была вода!

— Правѣе, правѣе... Тутъ Вася подвязалъ лозинку, чтобы видно было.

И дѣйствительно, изъ воды торчала тоненькая вѣтка.

Старикъ въ первый разъ сказалъ слово „Вася“, и это слово у него прозвучало особенно нѣжно. Раньше онъ говорилъ Василій, и говорилъ дѣловито.

— Вотъ тутъ, тутъ. Попробуй ножкой — и будетъ. Вася здѣсь вездѣ излазилъ, — онъ за что возьмется, такъ ужъ на чистоту сдѣлаетъ.

И вдругъ разсмѣялся, — самымъ дребезжащимъ старческимъ смѣхомъ:

— А помнишь, Вася, какъ въ Донцѣ за раками лазилъ, а тебя сомъ ухватилъ? Аршина полтора, ей-Богу, ваше высокоблагородіе! Не понимаю, какъ онъ его тогда отъ страху и вытащилъ. Какъ колода! До сихъ поръ на рукѣ слѣдъ, знать!

Луна поспѣшно выскочила на черную площадку и быстро побѣжала къ другому ея берегу, къ толпившимся тамъ тучамъ. Она освѣтила красиваго старика. При лунѣ глаза его сверкали, какъ двѣ звѣздочки. Я взглянулъ на Василія. Тотъ тоже улыбался, на этотъ разъ мило и добродушно.

Я стоялъ посрединѣ воды, береговъ которой не видѣлъ, и пробовалъ босой ногой разрушенныя перила моста. И въ головѣ мелькала мысль: „Боже, какъ все это странно, красиво, поэтично и невѣроятно!“

Затѣмъ мысль перешла къ дѣйствительности. Кое-что начинало проясняться. Очевидно, черезъ озеро шла дорога. Почему? — на этотъ вопросъ я еще не могъ отвѣтить. Но дорога шла, доходила до какой-то подводной рѣки, береговъ которой не только не было видно, но и ничто, кромѣ прикрѣпленной Василіемъ лозины, не указывало на ихъ присутствіе, переходила черезъ рѣку каменнымъ мостомъ, перила котораго разрушили нѣмцы, — мостомъ, могущимъ легко выдержать орудіе, и шла куда-то дальше. Эту дорогу казаки Евстигнѣевы, отецъ и сынъ, какимъ-то чудомъ или чарами нашли, перевели всю сотню и теперь въ тылъ нѣмцамъ, ничего съ этой стороны не ожидающимъ, переведутъ цѣлую бригаду пѣхоты съ обозомъ перваго разряда, то-есть патронными двуколками, лазаретной линейкой, аптечными и офицерскими двуколками, затѣмъ пушки и пулеметы.

Логически мысль развивалась и дальше: когда-то дорога эта шла надъ водою, что-то затопило мѣстность, и она исчезла. Изъ воды торчали только перила, но нѣмцы, чтобы скрыть отъ насъ присутствіе моста, разрушили ихъ.

Спросить дальше или продолжать догадываться самому?

Очевидно, моимъ спутникамъ казалось, что для меня все такъ же ясно, какъ и для нихъ, и я рѣшилъ лучше помолчать теперь, отыскать потомъ на картѣ то мѣсто, гдѣ мы находимся, и постараться сообразить дальше.

Я взобрался на коня, надѣлъ сухіе носки и сапоги, почувствовалъ въ ногахъ пріятную теплоту, разливающуюся по всему тѣлу, и пришелъ совсѣмъ въ хорошее настроеніе:

— Ну, старина, ты ручаешься, что дальше легко перейдетъ вся бригада съ артиллеріей и обозомъ? Сколько тамъ до другого берега?

— Версты двѣ. Ась, Вася?

— Такъ и будетъ версты двѣ.

Василій говорилъ дѣловымъ тономъ, — онъ опять былъ на службѣ.

— Проѣдемъ еще малость? — не то спросилъ, не то приказалъ я.

— Чего жъ, — проѣдемъ. А тамъ, смотришь, и бригада подойдетъ!

Опять молча гуськомъ поѣхали по колѣни въ водѣ.

По озеру проходили легкіе туманы: луна временами поспѣшно перебѣгала отъ облака къ облаку, освѣщая озеро и на немъ трехъ одинокихъ всадниковъ.

Вдругъ лошадь старика сразу остановилась и рѣзко заржала.

— Тьфу! Опалѣла, что ли?

Мы насторожились.

Я еще ничего не видѣлъ и не слышалъ, но старикъ уже что-то зналъ: онъ остановился, снялъ винтовку и поставилъ на бедро, готовясь ежесекундно выстрѣлить. Я обернулся, то же продѣлалъ и Василій. Теперь я могъ отлично разглядѣть его лицо: высокій лобъ, интеллигентное выраженіе, сверкающіе при лунѣ глаза и орлиный носъ. Удивительное сходство со старикомъ! Но что-то опять поразило меня въ его наружности: казалось бы, просто хорошее типичное лицо казака, и лишь орлиный носъ немного нарушалъ эту типичность: но, кромѣ того, было еще что-то, и это что-то я не смогъ опредѣлить и въ этотъ разъ.

Теперь, впрочемъ, было не до того: моя лошадь тоже волновалась, — впереди угрожала какая-то бѣда. Я не видѣлъ ея и не могъ представить себѣ. Будь я одинъ, безъ лошадей и казаковъ, я бы спокойно продолжалъ свой путь, а теперь я чувствовалъ, что и эти люди и эти лошади чѣмъ-то выше меня, много учившагося на своемъ вѣку жителя большого города.

Порывы вѣтра затихли: луна, стоящая посрединѣ широкаго

темно-синяго куска неба, прекратила свой быстрый бѣгъ, не двигалась и освѣщала всю нашу группу. Сзади опять можно было разобрать, какъ фантастическіе великаны держали фантастическихъ огромныхъ животныхъ на фонѣ театральной декораціи, съ причудливыми узорами расплывающихся зеленыхъ и сѣровато-лиловыхъ тоновъ.

Спереди послышалось какое-то хлюпанье, прежде мною не слышное. Теперь насторожился и я. Лошади стояли тоже неподвижно, какъ и всадники. Онѣ вытянули шеи, подняли головы и навострили уши.

Впереди и въ стороны, насколько хваталъ глазъ, была вода, — темно-свинцовая около нашихъ ногъ, сѣро-стальная по сторонамъ и широкой серебряной полоской тянущаяся къ лунѣ.

Конь старика хотѣлъ опять заржать, но онъ его предупредилъ, слегка хлопнувъ по шеѣ, и тотъ вздрогнулъ и затихъ.

Странное хлюпанье было все ближе. Даже для меня было ясно, что кто-то осторожно, выбирая дорогу, ѣдетъ по водѣ. Ближе и ближе, и наконецъ изъ тумана, легкаго, прозрачнаго тумана, покрывавшаго озеро, показалась темная фигура лошади.

Сначала я думалъ, что лошадь одна, безъ всадника, пробирается по озеру, — я уже могъ различить голову ея, ноги и туловище и только потомъ замѣтилъ всадника, одѣтаго въ одежду, цвѣтъ которой сливался съ цвѣтомъ воды.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подъѣхалъ казакъ.

— Благополучно?

— Благополучно. Брошенный артиллерійскій окопъ нашли въ лѣсу. Есаулъ остался телефона искать. А то все благополучно. Есаулъ приказалъ поторопить пѣхоту, — говоритъ, чтобъ шла да не барылась. Какъ бы, молъ, нѣмцы да не пронюхали.

Мы вернулись назадъ. Я все еще не совсѣмъ ясно понималъ, почему среди озера шла дорога, но моя задача была выполнена: я убѣдился, что мостъ каменный, и что проѣхать на ту сторону не составляетъ труда. Я спѣшилъ поторопить бригаду.

Казаки не стояли попрежнему неподвижно около своихъ лошадей, но толпились и оживленно разговаривали. Они разбились на двѣ кучки, и каждая кучка что-то внимательно разсматривала.

Василій, какъ начальникъ взвода, толкнулъ свою лошадь и выѣхалъ впередъ:

— Чаво?

— Телефонъ, вонъ, нашли.

— Закопанъ былъ?

— Закопанъ. Да, видно, спѣшили. Неглубоко. Кирилка ловилъ крота и выкопалъ.

Я подъѣхалъ. Проволока была уже перерублена, и одна кучка держала одинъ конецъ, другая — другой. Василій повернулся ко мнѣ, взялъ подъ козырекъ и серьезно сказалъ:

— Плохо. Навѣрно уже сообщили. Если наши не поспѣшатъ, то нѣмцы не пустятъ. А то еще хуже: пустятъ и разстрѣляютъ.

Затѣмъ онъ повернулся къ казаку, только-что пріѣхавшему съ того берега, и прежнимъ суровымъ голосомъ спросилъ:

— Все, говоришь, благополучно? Есаулъ самъ тебя послалъ?

Отвѣтъ былъ успокоительный.

Около часу мы еще ждали бригаду. Я послалъ казака доложить генералу о возможности переправы и о томъ, что мы перерѣзали полевой непріятельскій телефонъ. Время тянулось поразительно медленно, и каждыя пять минутъ казались чуть не вѣчностью. Командиръ казачьей сотни тоже сгоралъ отъ нетерпѣнія, потому что каждыя двадцать минутъ присылалъ казака съ просьбой поторопить переходъ.

Но каждый его посланецъ увѣрялъ въ то же время, что по ту сторону все тихо и благополучно.

Я сдѣлался нервенъ и нетерпѣливъ, ходилъ большими шагами по лужайкѣ и жалѣлъ, почему самъ не поѣхалъ навстрѣчу бригадѣ.

Чего они дѣйствительно тамъ возятся? Что̀ ихъ могло задержать?

Мнѣ казалось, прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ я подъѣхалъ къ таинственному озеру съ дорогой и мостомъ посрединѣ его. Оно, кстати, при свѣтѣ электрическаго фонарика, упавшаго на карту, сильно потеряло въ своей таинственности: на картѣ, несмотря на сравнительно малый масштабъ, ясно были видны два озера, находившіяся въ двухъ, двухъ съ половиной верстахъ одно отъ другого, протекавшая между ними рѣчонка и проходящая между озерами дорога, идущая въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно полукругомъ. Очевидно, уровень меньшаго озерка искусственно, плотиной, поддерживался выше окружающихъ луговъ, и нѣмцы, разрушивъ плотину, почти слили оба озера, заливъ неглубокой массой воды пространство, какъ оказалось потомъ, около трехъ квадратныхъ верстъ.

Казаковъ прежде всего поразила дорога, спускающаяся изъ лѣса прямо въ озеро, — такъ какъ въ первый моментъ они приняли залитый лугъ также за озеро, — но взглядъ на карту указалъ дорогу и мостъ. И вотъ оба Евстигнѣева отправились на поиски моста, нашли его, Василій осмотрѣлъ хорошенько его состояніе и доложилъ командиру сотни. Тотъ провѣрилъ донесеніе, переѣхалъ съ сотней на ту сторону и доложилъ генералу.

Исчезла поэтическая сказка, и, стоя на берегу туманнаго озера, со слабо колышащейся свинцовой водой и съ нетерпѣніемъ поглядывая на дорогу, идущую въ лѣсъ, непріятно было думать, какъ-то даже обидно, что передо мною не безконечно глубокій омутъ, а тутъ вотъ дорога, а тутъ канава, дальше же — размокшій лугъ, и только...

Наконецъ изъ лѣсу вышли дозоры.

Я прислушивался къ ихъ разговорамъ, — интересно было, какъ они отнесутся къ предстоящему переходу. Удивленію дѣйствительно не было конца:

— Такъ и помаршируемъ по водѣ-то? Да что̀ мы, о двухъ головахъ, что ли?

— Тише, ты, тише, не видишь, — батальонный!

Рысью изъ лѣсу выѣхала группа начальства. Генералъ былъ пораженъ:

— А гдѣ же бродъ? Вѣдь это же озеро! А гдѣ бродъ?

Я давалъ объясненія.

— Вы ѣздили? Да? Сами пробовали мостъ? Да?

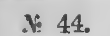
Генералъ спрашивалъ и самъ искоса, съ опаской поглядывалъ на тяжелую свинцовую массу, чуть слышно колышущуюся около нашихъ ногъ.

Луна опять скрылась, и въ темнотѣ, сразу заволокшей насъ, зловѣщая масса воды казалась глухой, холодной, бездной.

Желая отвлечься отъ непріятныхъ мыслей, я заговорилъ о вырытомъ казаками телефонѣ. Рѣшили подождать нашихъ телефо-

Герои морского боя. Тонущіе англійскіе матросы съ потопленнаго германской подводной лодкой миноносца „Hoge“, поднявъ руки, привѣтствуютъ восторженными кликами потопленіе германской подводной лодки. (См. „Отклики войны“).

Казачья переправа. Рисунокъ художника Ганнена.



пистовъ и сейчасъ попробовать соединить насъ съ тѣмъ концомъ, который былъ въ нашемъ тылу. Изъ разговора, возможно, удастся узнать, передали ли уже непріятелю о нашемъ движеніи. Хорошо зная нѣмецкій языкъ, я предложилъ свои услуги.

— Ужъ не нашъ ли герръ лереръ Альтфуксъ сообщаетъ по этому телефону? — засмѣялся полковой адъютантъ и разсказалъ мнѣ, что они сегодня великолѣпно пообѣдали. — Во время отдыха вдругъ пришелъ мѣстный учитель со странной фамиліей Альтфуксъ,— понимаете, это вѣдь по-нѣмецки старая лисица,— и пригласилъ герра оберста и меня къ себѣ обѣдать. И мы пошли, и было очень гемютлихъ. Намъ зажарили поросенка, угостили вареньемъ. Былъ герръ лереръ, фрау лереръ и альте танте... У нихъ свой фруктовый садъ съ великолѣпными яблоками и грушами. Огородъ, пасѣка, въ комнатахъ ковры, піанино... Очень гемютлихъ... Вечеромъ, сейчасъ послѣ вашего отъѣзда, учитель пришелъ звать насъ ужинать и былъ очень огорченъ, что мы уходимъ...

Но слова адъютанта заставили меня задуматься, да не только меня, потому что командиръ полка насупился, отвелъ адъютанта въ сторону и тихо, но выразительно сказалъ:

— А вы не толкуйте, что мы обѣдали у этого учителя!..

Какъ только подошелъ передовой отрядъ, начали переправу. По моему приказанію Василій скомандовалъ, и казаки, поѣхавъ по дорогѣ, скрытой въ водѣ, заняли ее живой цѣпью всадниковъ до моста, по мосту и немного далѣе, чтобы отмѣтить начало дороги. Цѣпь стоящихъ верховыхъ ясно показывала заворотъ дороги въ этомъ мѣстѣ.

Генералъ пришелъ въ восхищеніе и почему-то пожалъ мнѣ руку, точно я былъ тотъ, кто нашелъ бродъ и такъ красиво расположилъ дорогу, потому что дѣйствительно была красива эта линія лошадей, стоящихъ какъ разъ посрединѣ широкой серебряной полосы, брошенной на озеро только что-вышедшей луной.

Впереди всѣхъ поѣхалъ старый Евстигнѣевъ. Онъ долженъ былъ нести живую змѣю до другого берега. За нимъ въѣхалъ въ воду командиръ перваго батальона и пѣшкомъ пошелъ командиръ первой роты, длинный человѣкъ съ голенищами саноговъ выше колѣнъ. Онъ хвалился, что придетъ на другую сторону сухохонекъ. За ними поползла и вся змѣя.

Мы смотрѣли съ довольно высокаго берега вправо отъ дороги, и на меня, уже все знающаго, для котораго тайна озера и дороги уже была обнажена, все-таки производило сильное впечатлѣніе движеніе массы людей по водѣ, берега которой исчезали въ туманѣ, и картина казалась странной, захватывающей и поэтичной.

Хотя каждый десятокъ шаговъ обозначался стоящимъ на конѣ казакомъ, и хотя людямъ было приказано держаться вплотную къ лошадямъ, въ предупрежденіе соскальзыванія въ канаву, но какъ только живая волна людей двинулась въ воду, начались паденія. Первый полетѣлъ высокій мѣшковатый солдатъ, который сразу почему-то отдѣлился отъ своего ряда,—шли по четыре,—и забралъ вправо. Онъ подпрыгнулъ, высоко взмахнулъ ружьемъ и очутился по поясъ въ водѣ.

Всѣ шли въ сапогахъ. Нужно было быть готовымъ каждую минуту къ встрѣчѣ непріятеля, и хотя казачья сотня все время рыскала по тому берегу, но могли и казаки промахнуться. Не исключено было и минированіе дороги, и хотя перерѣзка телефона являлась крупнымъ козыремъ въ нашихъ рукахъ, но требовались крайняя осторожность и мелочное вниманіе.

У кого сапоги были хороши, тотъ долгое время шелъ съ сухими ногами. Особенно тѣ люди, которые шли посрединѣ выпуклости дороги, гдѣ глубина не превышала трехъ-четырехъ вершковъ. Но затѣмъ вода потихоньку, крадучись, заползала маленькими холодными струйками и разливалась по подошвѣ. Иногда невѣрный шагъ или рытвина—и въ сапогъ сразу вливалась холодная вода, владѣлецъ сапога поживался, ругался и шелъ дальше какъ ни въ чемъ не бывало,—онъ уже не боялся воды.

Несмотря на запрещеніе говорить, шутки, произносимыя громкимъ шопотомъ, и сдержанный смѣхъ сопровождали входъ въ воду каждаго ряда. Паденія вызывали громкій и дружный смѣхъ, и всѣ усилія сдержать людей мало вели къ цѣли: — новое паденіе и новый шумъ и смѣхъ.

До моста, гдѣ дорога была обозначена рядомъ верховыхъ, и на мосту, гдѣ казаки стояли особенно густо, было еще ничего, и падали лишь отдѣльные рѣдкіе люди, но послѣ моста, когда всѣ шли только за старымъ Евстигнѣевымъ, лошадь котораго какимъ-то шестымъ чувствомъ находила средину дороги, паденія сильно участились.

За первымъ батальономъ вошли два орудія. Первое прошло вполнѣ благополучно, но второе задѣло колесомъ остатки перилъ, и одна уносная лошадь, испуганно шарахнувшись въ сторону, перебросилась въ рѣку. Все орудіе могло скатиться съ моста, такъ какъ и другія лошади начали биться и прыгать, но удалось перерубить постромки, и лошадь, побарахтавшись въ рѣкѣ, выплыла на другую сторону, гдѣ и была поймана казаками.

Она стояла на лугу, по колѣни въ водѣ, дрожала всѣмъ тѣломъ, отдувалась и фыркала. Казакъ ее гладилъ и успокаивалъ.

Послѣ второго батальона поѣхалъ командиръ полка.

Когда пошелъ четвертый батальонъ, всѣмъ стало легче: явилась надежда, что удастся благополучно перевести всю бригаду.

Какъ только подошли наши телефонисты, проволока, идущая въ нашъ тылъ, была соединена. Сначала хотѣли-было соединить проволоку, ведущую въ непріятельскій лагерь, но потомъ рѣшили воздержаться: какъ ни желательно было усыпить бдительность нѣмцевъ, но полное молчаніе было полезнѣе новой увѣренности, что телефонъ находится въ нашихъ рукахъ. Соединеніе же съ тѣми мѣстами, которыя мы уже прошли, было совершенно безопасно, но могло дать кой-какія указанія, съ помощью которыхъ мы могли бы успокоить нѣмцевъ, выдавъ себя за знакомаго имъ человѣка.

Надежда не велика, но все-таки надежда.

Телефонистъ прикрѣпилъ проволоку и подалъ мнѣ трубку. Я приложилъ ее къ уху и сейчасъ же услышалъ:

— Keiner ist da?—(Никого тамъ нѣтъ?).

Голосъ былъ старый, сильно волнующійся. „Альтерфуксъ“,—подумалъ я.

— Nun? Was gibt's? (Ну? Въ чемъ дѣло?)—спросилъ я.

Въ отвѣтъ продолжительное молчаніе. Я заговорилъ опять:

— Telephon war verdorben. Gibt's was wichtiges? (Телефонъ былъ испорченъ. Есть что-нибудь важное?)

Полное молчаніе. Наконецъ прежній голосъ, но робкій, неувѣренный, дрожащій:

— Wer spricht? (Кто говоритъ?)

— Unter-Offizier Müller (унтеръ-офицеръ Мюллеръ).—не задумываясь, сразу отвѣтилъ я.

Опять длинная пауза:

— Und wo ist Herr Leutenant von-Hülsenitz? (А гдѣ господинъ поручикъ фонъ-Гюльзеницъ?)

— Kommt nach einer Stunde. (Придетъ черезъ часъ),—такъ же бойко отвѣтилъ я.

Опять длинная пауза.

— Ich will einen Offizier haben. (Мнѣ нуженъ офицеръ),—послышалось въ телефонѣ, но робко и неувѣренно.

Я почелъ долгомъ обидѣться:

— Alle abwesend. Aber Sie können dreist sprechen — ich bin doch da! (Всѣ отсутствуютъ. Но вы можете говорить совершенно смѣло — я вѣдь здѣсь!).

И вдругъ я самъ перешелъ въ наступленіе:

— Aber wer spricht da? (Но кто тамъ говоритъ?)

— Ich bin es,—послышался ...рческій голосъ:—Lehrer Altfuchs. (Я, учитель Альтфуксъ).

Я даже трубку опустилъ и чуть громко не выругался, позабывъ, что при тишинѣ ночи каждый звукъ ясно доносится телефономъ.

— Ахъ, ты, старая лиса. А? Каково?

Но приложилъ трубку опять и вѣжливо и почтительно спросилъ:

— Ach, das sind Sie, Herr Lehrer. Also was gibt's? (Ахъ, это вы, господинъ учитель. Въ чемъ же дѣло)?

— Sind Sie Unter-Offizier Müller? (Вы унтеръ-офицеръ Мюллеръ?)

— Ja doch! (Ну да же), — уже дѣйствительно раздраженно отвѣтилъ я.

Но старикъ опять замолчалъ.

— Ишь, хитрая, старая, осторожная лисица. Фамилія какъ разъ по немъ.

Въ сущности, намъ дальше было неважно: мы знали, кто говоритъ, а сказанное имъ нисколько не могло измѣнить дѣла.

Я закрылъ крышку телефона, чтобы мои слова не доносились до герра лерера, и приказалъ соединить другой конецъ: уже переходилъ второй полкъ, и появленіе нѣмцевъ,—раньше получаса они же не могли поспѣть,—мало измѣняло дѣло. Къ тому же я только хотѣлъ послушать, что говорятъ они, съ своей стороны не отвѣчая на вопросы.

Пока прикрѣпляли другую трубку, я поднесъ къ уху свою прежнюю: герръ лереръ наконецъ рѣшился и теперь говорилъ,—передаю его слова по-русски:

— ..... черезъ залитый лугъ... Бригада пѣхоты съ обозомъ и артиллеріей. Сколько пушекъ, я не могъ опредѣлить точно, боясь навлечь подозрѣніе, но четыре видѣлъ самъ. Они очень спѣшили и были сильно озабочены...

— Sie sind Herr?.. (Вы господинъ?)—перебилъ онъ самъ себя.

— Müller. Weiter! (Мюллеръ, дальше!) — повелительно приказалъ я.—Warten Sie,—перебилъ я его:—das ist sehr wichtig, was sie sprechen... (Обождите,—это очень важно, что вы говорите...).

Я закрылъ трубку и взялъ другую, но мнѣ не удалось послушать, что говорили изъ нѣмецкаго стана: послышался хорошо знакомый трескъ пропеллера.

Все ближе и ближе, но за облаками, почти совсѣмъ скрывавшими луну, ничего нельзя было разобрать.

Чѣмъ дальше, тѣмъ звукъ становился слышнѣе и отчетливѣе. Солдаты перестали шутить, и при тишинѣ, нарушаемой только осторожнымъ хлюпаніемъ воды подъ ногами идущихъ людей, ясно былъ слышенъ звукъ приближающагося аэроплана.

У насъ не было ни одного огня, и поэтому оставалась надежда, что сверху насъ нельзя замѣтить. И дѣйствительно, аэропланъ пролетѣлъ мимо; звукъ сталъ затихать.

Однако не надолго: слышнѣе и отчетливѣе и наконецъ, видимо, остановился надъ нами.

Промахнулся ли летчикъ и пропустилъ то мѣсто, которое ему

было приказано осмотрѣть, и теперь искалъ его вторично, или у него было другое порученіе? Или это былъ даже нашъ летчикъ?

Во всякомъ случаѣ мы его не трогали, продолжая змѣиться по залитому водою полю.

Вдругъ въ небѣ загорѣлось нѣсколько десятковъ яркихъ голубыхъ звѣздочекъ. Онѣ полопались, изъ каждой вылетѣло нѣсколько десятковъ такихъ же звѣздочекъ, и вся мѣстность освѣтилась, какъ днемъ. Я увидѣлъ влѣво въ верстѣ мельницу, вдали какія-то деревья, нашъ лѣсъ, блѣдныя отъ голубого свѣта лица телефонистовъ и переходящія змѣей черезъ залитый водою лугъ наши войска.

Зрѣлище было волшебное, и, очарованный имъ, я не замѣтилъ, когда пересталъ работать пропеллеръ и по какому направленію полетѣлъ летчикъ.

Пахарь ушелъ на войку. Рисунокъ Б. Щеглова.

Генералъ не сталъ ждать конца переправы и сейчасъ же поѣхалъ на ту сторону.

Моя задача была выполнена, и я тоже поѣхалъ догонять свой батальонъ.

Теперь весь вопросъ заключался въ томъ, поспѣемъ ли мы,— если непріятель не ждатъ насъ раньше, и мы идемъ на вѣрную смерть въ разставленную заранѣе ловушку,—поспѣемъ ли мы выполнить хоть отчасти возложенную на насъ задачу?

Я обождалъ до конца колонны и поѣхалъ съ командиромъ послѣдняго батальона.

Но мнѣ такъ и не удалось благополучно доѣхать до другого берега: едва перейдя мостъ, мой конь бросился въ сторону и попалъ въ канаву, черезъ моментъ онъ уже несся по полю, а я барахтался въ холодной водѣ. Падая, онъ всей тяжестью придавилъ мнѣ ногу, и теперь въ колѣнѣ была невыносимая боль.

Я окунулся съ головой, поднялся, но отъ боли упалъ вторично и окунулся опять. Нѣсколько сильныхъ рукъ подхватили меня, но лишь отпустили—я упалъ на поврежденное колѣно: правая нога не держала меня.

Я стоялъ, сцѣпя отъ боли зубы, поддерживаемый двумя людьми. Мимо меня проходили рота за ротой. Медленно, но боль уменьшалась, и когда въ концѣ всей колонны тронулись казаки, я могъ сѣсть на одну изъ казачьихъ лошадей.

Благодаря этому случаю, я имѣлъ возможность видѣть точность нѣмецкихъ донесеній и распорядительность и толковость дѣйствій ихъ штабовъ. Нѣсколько поздно, положимъ, такъ какъ наши успѣли уже перейти, но непріятель буквально засыпалъ шрапнельнымъ огнемъ мѣсто переправы, особенно мостъ, и на немъ и вокругъ его вода какъ будто кипѣла, и въ воздухѣ стояли, ежесекундно вздымаясь, новые и новые столбы брызгъ.

Аэропланъ вернулся и опять освѣтилъ всю картину своей волшебной иллюминаціей.

Не хотѣлось уѣзжать, такъ красива была эта канонада съ ея удивительнымъ и страннымъ освѣщеніемъ.

Мы переѣхали уже озеро и не могли оторваться отъ своеобразнаго зрѣлища.

— И все даромъ! И все для насъ!—засмѣялся одинъ изъ казаковъ.

Бой былъ для насъ удачный:—мы поспѣли во-время, и хотя непріятель выслалъ навстрѣчу небольшой отрядъ, вѣроятно, около двухъ батальоновъ съ артиллеріей,—но этотъ отрядъ былъ смятъ, и мы даже захватили одно орудіе. При этомъ захватѣ опять отличились отецъ и сынъ Евстигнѣевы.

На короткое время судьба связала меня съ ними, и я, ходя съ палочкой по биваку,—на нѣсколько дней я былъ выведенъ изъ строя,—узналъ отъ стараго Евстигнѣева про оригинальную поѣздку „для наказанія учителя Альтфукса" и наконецъ про странную судьбу Василія Евстигнѣева.

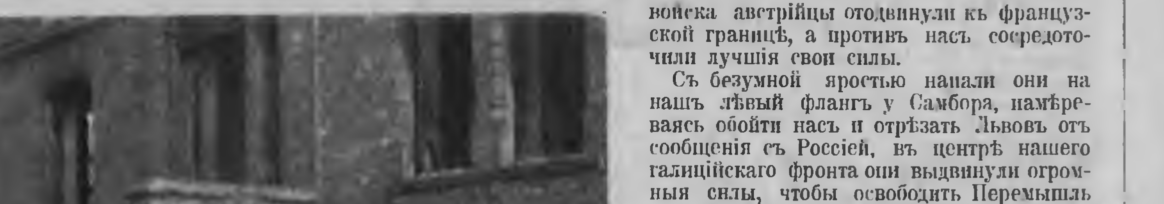
Но объ этомъ слѣдующій разъ.

XLV г. г. XLV

№ 45 Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ. 1914

Выданъ 8 ноября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко" кн. 22.



Въ разоренной Польшѣ. 1. Изваяніе Богоматери, разбитое нечестивой рукой нѣмцевъ въ Пясечно. 2. У Распятія, оскверненнаго сабельными ударами нѣмцевъ въ Пясечно.

Въ Львовѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента „Нивы").

Львовъ, 16—20 октября.

Трехнедѣльный жестокій бой по всему галиційскому фронту, бой грудь съ грудью, „упорный" бой,—какъ его называла телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго,— конченъ, австрійцы всюду отступили, и новая лавровая вѣтвь вплетена въ неувядаемый вѣнецъ славы нашей могучей арміи.

Какіе это были бои! Только русскіе солдаты, воскресшіе суворовскіе чудо-богатыри, могли ежедневно, начиная съ 24 сентября, днемъ и ночью, не зная ни сна ни отдыха, часто голодая, сражаться съ австрійцами, превосходившими ихъ силами въ три раза.

Австрійскія войска за эти дни боевъ состояли сплошь изъ коренныхъ нѣмцевъ и венгерцевъ: славянскихъ народностей въ ихъ рядахъ почти совсѣмъ не было: славянскія войска австрійцы отодвинули къ французской границѣ, а противъ насъ сосредоточили лучшія свои силы.

Съ безумной яростью напали они на нашъ лѣвый флангъ у Самбора, намѣреваясь обойти насъ и отрѣзать Львовъ отъ сообщенія съ Россіей, въ центрѣ нашего галиційскаго фронта они выдвинули огромныя силы, чтобы освободить Перемышль отъ осады нашими войсками, а на нашемъ правомъ флангѣ они также намѣревались насъ обойти вмѣстѣ съ нѣмцами.

Превышая численностью, австрійскіе солдаты въ кровавомъ угарѣ лѣзли на наши окопы—и погибали тысячами. Изъ-за груды непріятельскихъ тѣлъ, горой выроставшихъ у нашихъ окоповъ, наша пѣхота иногда не могла стрѣлять: ничего не было видно, кромѣ труповъ. Приходилось растаскивать эти трупы подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскихъ орудій и пулеметовъ.